

Б В К 63.3(2)
Ч 46

Российская Академия наук
Институт российской истории

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных жанров
можно приобрести по адресу:
129348, Москва, ул. Красной сосны, 24,
издательство «Вече».
Телефоны: (095) 188-88-02, 188-16-50, 182-40-74;
т/факс: 188-89-59, 188-00-73.
E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>
<http://www.100top.ru>

С лучшими книгами издательства «Вече»
можно познакомиться в Интернете на сайте
www.100top.ru

ISBN 5-94538-328-7

© Черевко К.Е., 2003.
© ИРИ РАН
© Вече, 2003.

ВВЕДЕНИЕ

Тема «Политика и война» в отношениях Советского Союза с Японией с 1925 г. до 2 сентября 1945 г. до сих пор не изучалась.

В книге на эту тему на базе первичных, архивных и вторичных источников – книг и статей, а также мемуарной литературы и периодики на русском, японском и западноевропейских языках принята попытка сбалансированного подхода к истории советско-японских отношений, исходя из анализа внешнеполитической стратегии Советского Союза и Японии в их геополитическом соперничестве на Дальнем Востоке в рассматриваемый период.

В целостности и взвешенности подхода с акцентом на тесную взаимосвязь политических и военных средств разрешения Советским Союзом и Японией стоявших перед ними проблем двусторонних отношений в глобальном международном контексте, в соответствии с известной формулой К. Клаузевица (1780–1831) о том, что война – это продолжение политики с иными средствами, и состоит, на наш взгляд, главная особенность предлагаемой работы.

Другая ее немаловажная черта – критическое и в то же время объективное использование советской и иностранной, в особенности японской, литературы для сопоставления оценки тех или иных событий с их трактовкой источниками на русском языке в тех случаях, когда первые оказывались доступными автору.

В подтверждение этого приведем ссылку Б.Н. Славинского на мой перевод с японского и объективную оценку сведений, направленных Р. Зорге в Москву, о решениях Токио в июле и в сентябре 1941 г. начать в этом году нападение не на СССР, а на США и Великобританию¹, хотя главным врагом Японии считался именно СССР.

Новым в отечественной историографии является оценка «Меморандума Танаки» 1927 г. — так называемой программы японской экспансии в Азии, в том числе против СССР, как фальшивки, подготовленной японскими милитаристами с выводом, что на осуществление этой программы правительство под влиянием последних пошло значительно позднее.

Таким же является и использование японских источников по вопросам пограничных инцидентов 30-х гг. в дополнение к англоязычным и рассекреченным отечественным источникам по вооруженным конфликтам между СССР и Японией у озера Хасан и в районе р. Халхин-Гол, впервые вводимых в научный оборот в отечественной историографии.

Новой является и трактовка договора о нейтралитете между СССР и Японией, заключенного на случай, если стороны станут объектом военных действий.

Крайне важным представляется и разграничение (в полемике с В.П. Зимониным) понятий «советско-японская война» и «участие СССР в войне на Тихом океане» в связи с необходимостью разной оценки вклада Советского Союза в эти войны.

Определенное значение имеет и критика официального перевода на русский язык заключительного документа, по которому были прекращены военные действия между союзниками и Японией — «Акта о капитуляции» («Instrument of Surrender»), а не «Акта о капитуляции Японии», ибо по этому документу капитулировали только вооруженные силы Японии, а не правительство, которое по приказу верховного главнокомандующего союзных держав Д. Макартура должно было продолжить свою деятельность по выполнению условий упомянутой капитуляции, подчиняясь его директивам, и принять участие в последующих демократических преобразованиях в стране.

Были также внесены важные коррективы в оценку тройственного пакта, своим главным острием, с юридической точки зрения, направленного не против СССР, а против западных держав, а также уточнены или исправлены некоторые, по нашему мнению, фактические ошибки, имеющиеся в работах других исследователей данной темы.

ГЛАВА 1

ВОССТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКО- ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1925–1931)

1

ПРИЧИНЫ НОРМАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И ЯПОНИЕЙ

Этот период охватывает пять лет — со времени установления межгосударственных отношений до начала мирового экономического кризиса, выход из которого Япония стала искать в резком усилении своей экономической и военной экспансии для захвата источников сырья и рынков сбыта своей продукции прежде всего в Маньчжурии, где ее интересы пришли в новое столкновение с интересами Китая и Советского Союза.

После окончания гражданской войны перед Советским государством встала первоочередная задача ликвидировать разруху, восстановить экономику и обеспечить, насколько это возможно, безопасность, а также нормальные политические и торгово-экономические связи со своими соседями и ведущими капиталистическими государствами мира.

Уже в 1920 г. были заключены мирные договоры с соседними Прибалтийскими государствами — Эстонией, Латвией, Литвой и

Финляндией, а в 1921 г. — мирный договор с Польшей, в том же году договоры о дружественных отношениях с Турцией, Ираном и Афганистаном, а также торговое соглашение с Великобританией.

Особенно важным для решения поставленной задачи стал договор с Германией, заключенный в 1922 г. в Рапало, который прорвал капиталистическую изоляцию Советской страны и положил начало советско-германскому сотрудничеству.

В 1924 г. Советский Союз был де-юре признан одной из ведущих европейских держав — Францией. В том же году были установлены дипломатические отношения с Китаем, и на повестку дня в условиях обострения японо-американских отношений и аннулирования японо-английского союза, главным образом из-за борьбы за сферы влияния в Китае, встал вопрос о нормализации советско-японских отношений.

2

СОДЕРЖАНИЕ КОНВЕНЦИИ ОБ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПАХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И ЯПОНИЕЙ 1925 г. И ПРИЛАГАЕМЫХ К НЕЙ ДОКУМЕНТОВ

После длительных переговоров 20 января 1925 г. в Пекине была подписана Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией, ратифицированная обоими государствами в феврале того же года.

В ст. 1 Конвенции устанавливались дипломатические и консульские отношения между двумя государствами.

В ст. 2 подтверждались условия русско-японского Портсмутского договора 1905 г. и содержалось согласие на возможный пересмотр всех договоров и соглашений (а следовательно и рыболовной конвенции 1907 г.), заключенных между бывшей Российской империей и Японией до 7 ноября 1917 г.

В ст. 3 предусматривалось заключение новой рыболовной конвенции взамен аналогичной 1907 г.

В ст. 4 страны соглашались заключить договор о торговле и мореплавании в соответствии с принципами свободы въезда, передвижения, права частной собственности и свободы торговли, мореплавания и занятия различными промыслами на основе национального законодательства договаривающихся сторон.

В ст. 5 страны торжественно утверждали, что они намерены жить в мире и дружбе между собой и строго уважать национальное законодательство друг друга, не допускать того, чтобы какие бы то ни было лица или организации одной договаривающейся стороны предоставляли какую-либо финансовую помощь каким бы то ни было лицам или организациям другой стороны. Стороны соглашались воздерживаться от любых действий, которые могли представлять угрозу порядку или безопасности любой части территории СССР или Японии. Стороны брали на себя также обязательство не допускать на территории, находящейся под их юрисдикцией, действий каких бы то ни было организаций или групп и связанных с ними лиц и граждан, претендующих стать правительством другой договаривающейся стороны, и осуществляющих соответствующую политическую деятельность.

В ст. 6 советская сторона выражала готовность предоставить японской стороне концессии на разработку минеральных, лесных и других природных ресурсов на территории СССР.

Протокол А обязывал стороны взаимно обеспечить права собственности на движимое и недвижимое имущество, которое в прошлом принадлежало России в Японии и Японии — в России до 7 ноября 1917 г. (ст. 1).

В этом документе предусматривалось также проведение переговоров по долгам России правительству Японии и ее частным лицам, которые возникли в связи с займом и казначейскими билетами бывшего царского и Временного правительств России. Такие же переговоры должны были быть проведены и в случае возникновения любых других односторонних или взаимных требований сторон (ст.2).

По Протоколу А (ст. 3) Япония была обязана к 15 мая 1925 г. завершить вывод своих оккупационных войск с Северного Сахалина. (Начаться их эвакуация должна была раньше, но закончить

ее в более ранние сроки представлялось затруднительным по климатическим условиям.) Детали, касающиеся порядка передачи власти на этой территории от командующего японскими оккупационными войсками соответствующим органам СССР, должны были быть согласованы в г. Александровске.

Протоколом Б устанавливалось предоставление Японии концессий на эксплуатацию 50% площади восьми нефтяных месторождений на Северном Сахалине, выбранных японской стороной. Ей СССР предоставлял также две угольные концессии. Условия, выдвинутые советской стороной, заключались в оплате от 5 до 15% валовой добычи нефти и от 5 до 8% валовой добычи угля в зависимости от того или иного месторождения. (Соответствующие концессионные договоры были заключены в декабре 1925 г. сроком до 1970 г.)¹.

3

ВОПРОС ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НИКОЛАЕВСКИЙ ИНЦИДЕНТ 1920 г. И СТАТУСЕ СЕВЕРНОГО САХАЛИНА

Стремясь зафиксировать тот факт, что юридическое признание неравноправных статей Портсмутского мирного договора 1905 г., заключенного между нашей страной и Японией в результате поражения в Русско-японской войне, в частности уступка ей Россией Южного Сахалина, носит вынужденный характер для молодого Советского государства, правительство СССР опубликовало Декларацию, которая гласила, что признание правительством СССР действительности этого договора никоим образом не означает, что оно «разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение названного договора»².

К Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией была приложена нота советского полномочного представителя Л.М. Карахана правительству Японии с из-

винениями по настоянию японской стороны за так называемый Николаевский инцидент. Этот инцидент выразился в том, что занятый в сентябре 1918 г. в результате интервенции Японии и других государств Антанты г. Николаевск-на-Амуре в начале 1920 г. был окружен отрядом красных партизан под командованием анархиста, тверского мешанина Я.И. Тряпицына³. 28 февраля того же года вслед за соглашением о капитуляции белогвардейцев было заключено соглашение «О мире и дружбе японцев и русских». После этого партизаны вошли в город, уничтожили всех сдавшихся в плен белогвардейцев и потребовали от японцев разоружиться.

Последние отказались, напали на штаб партизан и ранили Тряпицына. И в ответ на это 2 марта 1920 г. партизаны подвергли сильному обстрелу нападавших японцев, японское консульство и бараки, занятые японскими войсками. Более 850 японских военнослужащих и японских гражданских лиц были взяты в плен и уничтожены. Погибли также японский консул Исида и 184 женщины, находившиеся в японском консульстве, сгоревшем в результате артиллерийского обстрела партизан.

При приближении японской военной эскадры Тряпицын приказал не только расстрелять упомянутых выше японских военнопленных и белогвардейцев, но и всех тех жителей города, которые отказались уйти с ним из Николаевска, а затем сжег город. За эти действия местный народный суд 9 июля 1920 г. приговорил в деревне Керби Тряпицына и других руководителей отряда партизан-анархистов к расстрелу. При этом часть его отряда бежала на Северный Сахалин.

Воспользовавшись этим инцидентом, 31 марта 1920 г. правительство Японии отказалось от эвакуации своих войск с российского Дальнего Востока. В качестве акта возмездия под предлогом защиты служащих японской нефтяной компании «Хокусинкай» ее войска оккупировали в июне 1920 г. Северный Сахалин.

Опубликовав 3 июля 1920 г. декларацию об этих событиях, Япония заявила, что ее войска не будут выведены с Северного Сахалина до тех пор, пока Россия не признает своей полной ответственности за гибель японцев в Николаевске⁴.

Сразу же после упомянутого заявления японские войска захватили также Приморье и Приамурье⁵. Оккупированные ими районы были превращены в базу для нападения на Камчатку, где японцы захватили к 1922 году 93% всех рыболовных участков⁶. На Сахалине же они стремились овладеть запасами нефти и угля.

Для того чтобы избежать прямого военного столкновения РСФСР с Японией, по инициативе В.И. Ленина было создано «буферное государство» – Дальневосточная республика. По решению учредительного съезда этой республики в 1919 г. в г. Верхнеудинске (ныне г. Улан-Удэ) в ее территорию вошли Забайкальская, Амурская, Приморская, Камчатская области и Северный Сахалин. Тем не менее 15 июля 1920 г. Япония в ноте ДВР подтвердила свое намерение, вопреки воле населения, оккупировать Северный Сахалин, Приморье и г. Хабаровск в течение неопределенного срока. В связи с этим 20 июля 1920 г. правительство ДВР опубликовало декларацию, в которой отвергались какие-либо территориальные уступки в пользу иностранных государств⁷. Позднее, 28 октября 1920 г., в Чите на объединительной конференции всех областей Дальнего Востока была принята декларация, в которой подтверждалось: «Вся территория бывшей Российской империи к востоку от реки Селенги и озера Байкал до Тихого океана, включая области Западно-Забайкальскую, Восточно-Забайкальскую, Амурскую, Приморскую, Сахалинскую и Камчатскую, декларируется независимой самостоятельной республикой⁸.

Не считаясь с решением конференции, Япония продолжала претендовать на Владивосток и прилегающие к нему районы. Так, в январе 1921 года вновь назначенный главнокомандующим японской экспедиционной армией Татибана, игнорируя факт присоединения Приморья к ДВР как территории, вошедшей в состав России по русско-китайскому договору 1860 г., заявил, что «Владивосток принадлежит Корее, а значит, нам, и если владели им русские, то не по праву»⁹.

Осенью 1921 г. при поддержке японских военных кораблей войска белогвардейцев, сторонников последнего контрреволюционного правительства братьев Меркуловых, которое пришло к власти в результате переворота 6 июня 1921 г., захватили Охотск, Гижигу и

Петропавловск, после чего японские рыболовные компании под охраной своих кораблей стали осуществлять хищнический, «свободный» рыболовный промысел в территориальных водах ДВР не только в Японском, но и Охотском и Беринговом морях. Летом 1922 г. на Камчатку совершила инспекционную поездку группа Тамуры, которая поставила вопрос о разработке ресурсов и колонизации полуострова путем его заселения японцами.

Разгром японских интервентов и их белогвардейских приверженцев осенью 1922 г. нанес сокрушительный удар планам Японии на ревизию японо-русской границы на Дальнем Востоке. 7 ноября 1922 г. Красной Армией был освобожден Владивосток, 13 ноября Народное собрание ДВР объявило о присоединении республики к РСФСР, а двумя днями позже ВЦИК РСФСР провозгласил ДВР, включая зоны, оккупированные японской стороной, составной частью РСФСР¹⁰. Под этими зонами, как видно, например, из заявления делегации РСФСР и ДВР на Чаньчуньской конференции от 25 сентября 1921 г.¹¹, подразумевался еще не освобожденный от японцев Северный Сахалин.

В ходе переговоров о нормализации отношений японская сторона поставила вопрос о компенсации гибели японцев и ущерба, нанесенного Японии в результате Николаевского инцидента. Предлагалось предоставление ей нефтяных и угольных концессий, либо даже продажа этого района.

Сведения о намерении Японии вынудить советскую сторону продать ей Северный Сахалин впервые просочились в китайскую печать из Токио летом 1922 г.¹² Однако позднее в том же году японская сторона неоднократно заявляла о намерении либо аннексировать, либо продолжать оккупацию этой территории России в качестве компенсации за Николаевский инцидент, против чего СССР, естественно, возражал. Мэр Токио С. Гото, бывший министр иностранных дел Японии и председатель Японо-русской ассоциации, в декабре 1922 г. пригласил высокопоставленного советского дипломата А.А. Иоффе в Японию и предложил ему провести переговоры о продаже ей Северного Сахалина за 100 млн. долларов¹³. Тем самым, как писал советский историк Л.Н. Кутаков, «захватив еще в 1905 г. Южный Сахалин, Япония пыталась теперь отторгнуть

и северную часть острова, пока оккупированную японскими войсками»¹⁴.

Любопытно, что отторжению Северного Сахалина от СССР, правда, за значительно более крупную сумму, как это стало известно из документов, рассекреченных в 90-е годы, способствовало само высшее советское руководство. Это объяснялось тем, что, с одной стороны, оно столкнулось с глубоким экономическим кризисом после окончания гражданской войны и нуждалось в деньгах, а с другой – опасалось, что Япония аннексирует этот район безвозмездно.

Так, Протокол заседания Политбюро ЦК РКП (б) от 3 мая 1923 г. гласил: «Присутствовали члены политбюро тт. Зиновьев, Каменев, Сталин, Томский, Троцкий; кандидаты тт. Бухарин, Калинин, Рудзутак; члены ЦК тт. Сольц, Ярославский, Куйбышев, председатель СНК т. Цюрупа, члены ЦК тт. Сокольников, Чубарь, Радек, Смирнов А.П.

...Политбюро не возражает против дальнейшего ведения переговоров в направлении продажи о. Сахалин, причем сумму в миллиард рублей считать минимальной... Сумма должна быть внесена вся или в размере 9/10 наличными»¹⁵.

Из этого документа стало ясно, почему на открывшихся 28 июня 1923 г. переговорах в Пекине о нормализации двусторонних отношений с полномочным представителем Японии Ц. Каваками советский полномочный представитель А.А. Иоффе предложил в июле того же года продать Японии Северный Сахалин за 1 млн. золотых рублей, повысив затем эту сумму по дополнительной инструкции из Москвы до 1,5 млн. золотых рублей. Но Каваками возразил на это, сказав, что 150 млн. иен были бы приемлемой суммой¹⁶. Это было значительно ниже платы, запрошенной советской стороной, и поэтому стороны в конечном счете договорились удовлетворить требование Японии о компенсации за Николаевский инцидент предоставлением ей концессии в этой части острова и письменным извинением советской стороны.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМНОГО НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА

Особенно важным для советско-японских отношений являлось обязательство СССР и Японии не вмешиваться во внутренние дела друг друга, данное сторонами в ст. 5 Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией 1925 г.

Предложение японской стороны о включении в Конвенцию этой статьи было вызвано активизацией революционного движения в Японии под влиянием революционных событий в России и в Западной Европе и установками Коминтерна на мировую коммунистическую революцию.

Советская сторона, стремясь к прорыву капиталистического окружения, а также для получения обязательства Японии не оказывать содействия различным контрреволюционным российским организациям в Японской империи, согласилась на это предложение. Официально решение предложить СССР включить соответствующую статью в Конвенцию с целью «ограничить подрывную пропаганду» было принято Токио 24 июля 1924 г. на заседании кабинета министров под председательством премьер-министра Такэаки Като. Это решение было одобрено в ответ на согласие советского представителя на переговорах в Пекине Л.М. Карахана, направленного японскому представителю Кэнкити Ёсидзава в середине мая 1924 г. в связи с его письмом по этому вопросу от 20 марта того же года¹⁷.

Обязательства по этой статье Конвенции носили взаимный характер и отвечали в определенной степени интересам договаривающихся сторон. Однако ее положения противоречили теоретическим установкам и практике влиятельных правящих группировок в обеих странах.

Так, в Манифесте I Конгресса Коммунистического интернационала к пролетариям всего мира, подготовленном к печати Л.Д. Троцким в газете «Правда» от 7 марта 1919 г. и подписанном В.И. Лениным вместе с другими руководителями Коминтерна, со

ссылкой на Коммунистический манифест 1847 г. К. Маркса и Ф. Энгельса говорилось: «Мы, коммунисты, представители революционного пролетариата Европы, Америки и Азии, собравшиеся в Советской Москве, чувствуем и сознаем себя преемниками и вершителями дела, программа которого была возвещена 72 года тому назад. Наша задача состоит в том, чтобы... ускорить победу коммунистической революции во всем мире».

В одобренном для рассмотрения СНК РСФСР и В.И. Лениным письме в адрес зам. наркома по иностранным делам Л.М. Карахана, руководителя российской делегации на переговорах о нормализации советско-японских отношений от 20 февраля 1919 г., сообщалось об издании при содействии отдела пропаганды ЦК РКП(б) соответствующих брошюр, в том числе на японском и корейском языках¹⁸, и срочно испрашивались крупные средства для создания специального фонда поддержки антиправительственных организаций, который бы содействовал свержению буржуазного строя в странах Востока и установлению пролетарской диктатуры.

Это письмо проливает свет на то, какими средствами предполагалось «сгруппировать вокруг себя все просыпающиеся народы Востока, чтобы вместе с ними вести борьбу против международного империализма»¹⁹, к чему В.И. Ленин призывал их в ноябре того же года в своем докладе на V Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока.

Подтверждением тому, что советские полномочные представители за рубежом, в частности А.А. Иоффе, который позднее в этой должности вел переговоры об установлении отношений РСФСР с Японией, предпринимали действия, направленные на «ниспровержение буржуазно-империалистического режима», является постановление ВЦИК РСФСР от 13 ноября 1918 г.²⁰, содержащее именно такую установку.

Л. Троцкий в «Письме в ЦК РКП(б) о подготовке элементов «азиатской» ориентации» от 5 августа 1919 г. в связи с поражением революций в Германии и Венгрии и победами над Колчаком пишет: «Нет никакого сомнения, что на азиатских полях мировой политики наша Красная Армия является несравненно более зна-

чительной силой, чем на полях европейских. Перед нами здесь открывается несомненная возможность активности по азиатским линиям... разумеется, мы и ранее имели в виду необходимость революции в Азии и никогда не отказывались от наступательных революционных войн²¹.

Один из главных руководителей Коминтерна Н.И. Бухарин даже после того, как советское руководство взяло курс на «мирное сотрудничество» с капиталистическими странами, в ноябре 1922 г. выступил за то, чтобы включить в резолюцию IV Конгресса Коминтерна положение о том, что «каждое пролетарское государство имеет право на красную интервенцию, поскольку распространение Красной Армии является распространением социализма, пролетарской власти, революции»²².

Под руководством Н.И. Бухарина в 1922 г. на IV Конгрессе Коминтерна была выработана «Программа Коммунистической партии Японии как секции Коммунистического интернационала»²³, основанной в том же году в качестве нелегальной организации «под непосредственным руководством и при содействии Коминтерна»²⁴.

Выступая на этом Конгрессе Коминтерна, председатель его исполкома Г.Е. Зиновьев подчеркнул, что Компартия Японии была создана с помощью руководящего органа Коминтерна из лучших профсоюзных элементов и что ей предстоит принять выработанную для нее программу коммунистического движения в Японии²⁵.

Эта программа, направленная на свержение существующего строя в Японии, была одобрена Компартией Японии на ее нелегальном III съезде в 1926 г., уже после вступления в силу Основной конвенции об установлении отношений между СССР и Японией. Став организацией, «ведущей решительную политическую борьбу против буржуазии»²⁶, КПЯ «с новой силой повела борьбу за свержение монархии»²⁷.

Тогда же на средства Коминтерна начался выпуск газеты японских коммунистов «Мусанся симбун» («Пролетарская газета»), в соответствии с решением конференции Шанхайского комитета Коминтерна, с участием представителей СССР, Японии, Китая и Кореи, которая состоялась в 1925 г., после того как в 1924 г. V Конгресс Коминтерна учредил специальный комитет для оказания

содействия Компартии Японии. (Ее председателю Эйдзо Кондо было передано на организационную и пропагандистскую работу 6300 иен.) На конференции в Шанхае Коммунистический интернационал был представлен председателем Дальневосточного бюро Коминтерна Г.Н. Войтинским. При въезде в Японию он был задержан полицией и дал обещание не использовать обнаруженные у него деньги на революционные цели²⁸.

В этот период через торгового представителя СССР в Японии Я.Д. Янсона, бывшего министра иностранных дел Дальневосточной республики, Коминтерн оказывал поддержку Компартии Японии в борьбе против сектантского левого уклона во главе с Кадзуо Фукумото, возникшего как противовес ликвидаторскому правому уклону во главе с Хитоси Ямакавой²⁹.

Опасаясь превращения торгового представительства, руководимого Янсоном, известным властям Токио как «агент Коминтерна», в неконтролируемый оплот коммунистической пропаганды, правительство Японии выступило против предоставления этому советскому учреждению статуса экстерриториальности³⁰.

По предложению Янсона в Москву было направлено семь японских коммунистов для участия в работе Комитета Коминтерна по вопросу о положении в Компартии Японии, который возглавлял председатель исполкома Коминтерна Н.И. Бухарин, лично убеждавший К.Фукумото в ошибочности его взглядов.

В результате на основе преодоления разногласий в КПЯ были выработаны так называемые Бухаринские июльские тезисы Коминтерна 1927 г., одобренные президиумом. В этих тезисах, как и в развивавших их положения тезисах ИККИ 1932 г. по Японии, в качестве непосредственной ставилась задача подготовки буржуазно-демократической революции как первого этапа социалистической революции и создания для этой цели в Японии массовой коммунистической партии. В связи с этим подчеркивалось, что объективно Япония уже созрела для такой революции, но субъективные условия, для создания которых КПЯ должна активизировать свою деятельность, еще не созрели³¹.

В 1928 г. японское правительство выступило с протестом против вмешательства Коминтерна во внутренние дела Японии, обви-

нив Москву в нарушении положения ст. 5 Конвенции между СССР и Японией об отказе от содействия организациям, деятельность которых направлена «против порядка и безопасности» договаривающихся сторон³².

5

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРЕТЕНЗИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ЗОЛОТА ДЛЯ ПОДДЕРЖКИ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ

Вопрос о движимом и недвижимом имуществе, как уже отмечалось, регулировался Протоколом А, подписанным сторонами 20 января 1925 г. одновременно с Конвенцией об основных принципах взаимоотношений СССР и Японии. В соответствии со ст. 1–2 Протокола А спорные вопросы должны были быть обсуждены на конференции сторон.

В связи с этим 8 июня того же года полпред СССР в Японии В.Л. Копп направил в МИД Японии ноту протеста в отношении того, что ряд японских банков хранят на своих депозитах деньги бывших официальных представителей царского правительства и различных групп и организаций, ведущих гражданскую войну на территории СССР против Советского правительства.

Ссылаясь на ст. 1 упомянутого Протокола А, советский полпред заявил, что деньги в качестве государственных средств России должны были быть как имущество СССР в силу его правопреемства, переданы полпредству Советского Союза в Японии. При этом Копп обратил особое внимание на деньги бывшего Омского правительства во главе с адмиралом А.В. Колчаком, размещенные через генерала М.П. Подтягина, военпреда России, атаманом Г.М. Семеновым на золотом депозите банка «Ёкохама сёкин гинко» в г. Иокогама, влившемся позднее в банк Токио (всего 1,4 млн. иен).

22 июня 1925 г. в ответной ноте правительство Японии ответило отказом, истолковав соответствующую статью Протокола как

относящуюся только к помещениям посольства и консульств России, подчеркнув, что даже если считать, что российские депозиты в этом банке являются собственностью того или иного правительства, то и тогда их нельзя было бы рассматривать как собственность какого-либо посольства или консульства³³.

Не были удовлетворены японской стороной и повторные требования НКВД СССР, направленные в декабре того же года по вопросу о возвращении этого золота России Советскому Союзу³⁴, так же как и письмо Госбанка СССР от 27 мая 1960 г. с требованием возврата золота, вывезенного правительством Колчака из Казани для пересылки во Владивосток и захваченного японским полковником Х. Куросавой в 1920 г. (143 ящика слитков)³⁵. Не были приняты во внимание также аналогичные претензии, содержащиеся в переписке, о слитках золота, переданного в 1920 г. генералом П.П. Петровым начальнику японской военной миссии в Маньчжурии полковнику Р. Исомэ (22 ящика)³⁶.

Это золото в дальнейшем использовалось как для нужд японской армии, вторгшейся позднее в Китай и готовившейся, в соответствии со своими оперативными планами, к нападению на СССР, так и для финансирования подрывной деятельности против Советского Союза.

Так, из упомянутых 143 ящиков слитков российского золота 80 ящиков было доставлено в отделение банка «Тёсэн гинко» в Дайрене (Дальний) и переправлено в отделение банка Японии («Нихон гинко») в г. Осака, а 63 ящика в отделение банка «Тёсэн гинко» в г. Харбин и по распоряжению японского военного командования предоставлялось русским эмигрантам для борьбы против советской власти на Дальнем Востоке. (В японской печати были опубликованы секретные телеграммы заместителя начальника штаба Квантунской армии М. Хамамотэ заместителю военного министра Японии Х. Яманаси о приеме российского золота и его ответная телеграмма от 21 января 1921 г. с распоряжением при необходимости использовать полученное российское золото в указанных целях даже без согласия атамана Семенова)³⁷.

Подобные действия японских военных властей и после подписания Конвенции об основных принципах взаимоотношений между

СССР и Японией 1925 г. противоречили принципам, в соответствии с которыми страны не только были обязаны не вмешиваться во внутренние дела друг друга, но и поддерживать мирные и дружеские отношения (ст. 5).

В связи с неблагоприятным поведением военных властей Японии 4 марта 1926 г. депутат партии Кэнсэйкай («Общество конституционного правления») Сэйго Накано заявил, что генеральный секретарь партии Сэйюкай («Общество политических друзей») генерал Гийти Танака, будучи в годы японской интервенции против России военным министром, незаконно воспользовался для залогов слитками российского золота на сумму в 10 млн. рублей, которые затем исчезли и были израсходованы на неблагоприятные цели³⁸. По заявлениям депутатов парламента С. Накано и И. Киёсиро, за счет этого золота был создан «секретный фонд» военного министерства Японии, который, по данным специально образованной для расследования этого дела парламентской комиссии, к началу 1923 г. достигал уже 60 млн. иен³⁹. Средства этого фонда также использовались в антисоветских целях.

6

«МЕМОРАНДУМ ТАНАКИ» И ВОПРОС ОБ ЭКСПАНСИИ ЯПОНИИ

В истории довоенных отношений СССР с Японией немалую роль сыграл пресловутый «Меморандум Танаки» (1927 г.) — генерала, премьер-министра и министра иностранных дел и колоний Японии. Этот документ послужил важной вехой в процессе милитаризации общественно-политической жизни и экономики Японии, нагнетания экспансионистских устремлений в ее внешней политике, которая в конечном счете привела к возникновению очага Второй мировой войны на Дальнем Востоке, а позднее и к войне на Тихом океане.

«Меморандум Танаки» представляет особый интерес с точки зрения использования его для мобилизации советских масс на про-

тивостояние японской угрозе, а также для оправдания постепенно усиливавшихся сталинских репрессий (вспомним, что в докладе Молотова, ближайшего сподвижника Сталина, и в решениях февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. японские «шпионы» упоминались первыми и только за ними следовали немецкие «шпионы» и «троцкистские двурушники»).

Нельзя не сказать и о том, что «Меморандум Танаки» эксплуатировался различными державами в качестве средства вовлечения своих государств – соперников на Дальнем Востоке в вооруженное столкновение с Японией.

В материалах Токийского международного военного трибунала для Дальнего Востока (1946–1948) «меморандум» фигурирует как документ, представленный американскими обвинителями под № 169⁴⁰. Он объявляется программой вооруженного захвата стран Евразии, начиная с сопредельных районов Китая и СССР, в целях достижения мировой гегемонии⁴¹.

Подобная точка зрения сохранялась в статьях и книгах советских и российских историков вплоть до последних лет⁴². Так, В.Я. Пещерский писал: «В историю войны давно вошел документ, некогда носивший высшую степень секретности. Он был составлен премьер-министром Японии Танакой для молодого тогда императора Хирохито и представлял собой развернутую программу действий Японии на долгий период. Он гласит: «Если мы в будущем захотим захватить в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сокрушить США... Но для того чтобы завоевать Китай, мы должны будем сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того, чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные азиатские страны и страны южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами... Имея в своем распоряжении все ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага (южных морей), Малой Азии⁴²⁽²⁾, Центральной Азии⁴³ и даже Европы. Но захват в свои руки контроля над Маньчжурией и Монголией является первым шагом...»

В программу нашего национального роста входит, по-видимо-

му, необходимость вновь скрестить мечи с Россией на полях Монголии⁴⁴ в целях овладения богатствами Северной Маньчжурии».

Автор отмечает, что в 1927 г. этот особо секретный документ лег на стол Сталину⁴⁵.

Мне в первую очередь хочется обратить внимание на ошибки и неточности в переводе «меморандума», существенно искажающие его смысл. В соответствующем месте японского текста, датированного 25 июля 1927 г. и опубликованного уже в сентябре того же года в китайском журнале «Чайна уикли», читаем:

«Японо-русская война в действительности была войной Японии и Китая, и если мы в будущем захотим поставить под свой контроль Китай, то мы должны будем непременно прежде всего (курсив мой. – К.Ч.) сокрушить мощь США, добиваться результатов, которые, совпадая в главном, мало чем будут отличаться от результатов японо-русской войны. Тогда, если мы хотим покорить Китай, мы должны будем покорить Маньчжурию и Монголию. Если же мы захотим покорить мир, то мы должны будем неизбежно прежде всего покорить Китай. Если мы полностью подчиним нашей стране Китай, то создастся положение, при котором нецивилизованные нации Малой Азии, Индии и южных морей также должны будут в страхе капитулировать перед нами, тем самым мы вынудим мир понять, что Восток принадлежит нам и нам никогда нельзя наносить ущерб. Это представляет собой политику, завещанную великим императором Мэйдзи, и она является необходимой для существования Японской империи»⁴⁶.

Далее перевод в целом верен, кроме ошибки в заключительной части, о которой упоминалось выше.

При внимательном чтении «меморандума» обращает на себя внимание и одна явная неувязка. С одной стороны, первым шагом к коренному переделу мира объявляется завоевание господства над Маньчжурией, а с другой – подчеркивается необходимость для достижения этой цели «непременно прежде всего» (по-японски «канарадзу мадзу») расправиться с США. Где и как предполагалось сокрушить «мощь США», которые Япония еще с 1907 г. рассматривала, наряду с Россией, своим потенциальным противником, в «меморандуме» не поясняется. По-моему, именно ввиду абсурдно-

сти подобной «очередности» слова «непременно прежде всего» были опущены при переводе этого места для Сталина. Направлять ему такую несурзаицу никто не решился.

А вот еще одна странность, связанная с «меморандумом». Ни один советский историк не задумался над в общем-то напрашивающимся вопросом: почему этот документ «высшей степени секретности», поступив от спецслужб в Москву как из Кореи, так и из Китая⁴⁷, через месяц с небольшим попал в китайскую печать? Произошло это, скорее всего, потому, что в оперативном ознакомлении с ним руководителей других стран была кровно заинтересована верхушка гоминьдановского Китая, рассчитывавшая использовать его для обеспечения международной поддержки своей борьбы против оккупации японскими войсками части китайской территории.

Относящиеся к рассматриваемой здесь проблеме события разворачивались следующим образом.

Когда Чан Кайши после поражения революции 1925–1927 гг. стал оттеснять войска генерала Чжан Цзолина, бывшего японским ставленником, но начавшего выходить из-под японского контроля, в северо-восточные районы страны, перед правящими кругами Японии встал вопрос о переходе к активному курсу в отношении Китая.

С целью организации этого перехода в июне–июле 1927 г. была проведена конференция по проблемам Востока представителей Японии в Китае, ее правительства и военных кругов. 7 июля 1927 г. конференция приняла «программу политики в отношении Китая», которую 25 июля того же года премьер Г. Танака изложил в своем докладе императору. Программа эта и получила название «Меморандум Танаки».

Она состояла в следующем: 1. Стабилизация политической обстановки в Китае и восстановление порядка руками самого китайского народа. 2. Содействие в этом умеренным элементам в Китае совместно с другими державами. 3. Опора в Китае на центральное правительство в его борьбе с военными кликами за единство страны. 4. Принятие решительных мер в случае, если беспорядки в Китае будут создавать угрозу правам, интересам и имуществу японских подданных в этой стране. 5. Наличие важных японских интере-

сов в Маньчжурии, Монголии и в трех восточных провинциях Китая возлагает на Японию особую ответственность и обязанность проявлять заботу в военном плане.

В случае возникновения беспорядков в Маньчжурии и Монголии, которые создали бы угрозу особому статусу и интересам Японии в этих районах, она должна была принять необходимые меры для обеспечения безопасности проживающих там коренных жителей и иностранцев.

По мнению японских историков, эта программа знаменовала собой отход от политики предыдущего главы японского МИДа К. Сидэхары, выступавшего за невмешательство в дела Китая и признававшего Маньчжурию и Монголию его неотъемлемыми частями, но тем не менее являлась не программой-максимум, а программой-минимум экспансии Японии в Китае⁴⁸. Ну а что касается того «Меморандума Танаки», добытого советскими спецслужбами, который по своим каналам заполучила китайская пресса, он содержал «заявку» на мировое господство, и, по всей видимости, был фальшивкой.

Это мнение в июле 1995 г. в Москве подтвердил в личной беседе со мной директор Центра изучения Японии в Тяньцзиньском университете Нанкай профессор Ю Синьчун, подчеркнувший, что в Японии его теперь придерживаются и левые историки. Он обратил внимание на тот факт, что текст «меморандума Танаки», ставший достоянием гласности, своей пространностью отличается от принятых докладных записок императору, кратких и четких. Но самое главное состоит в том, что содержание этого документа в части, касающейся предначертанного в нем курса Японии на мировое господство, в том числе на войну с США и СССР, не подтверждается опубликованными стенограммами конференции 1927 г., которые были тщательно изучены этим китайским ученым.

В Китае и на Западе ходили упорные слухи, что, помимо официального, Танака подготовил и неофициальный меморандум, в котором и излагались идеи борьбы Японии за мировое господство, онто и стал общеизвестен⁴⁹. Однако авторство Танаки в данном случае более чем сомнительно.

Опубликованные в нашей стране исследования показывают поразительное сходство неофициального меморандума с программой японской экспансии на Евразийском континенте и борьбы за мировое господство с США, Китаем и европейскими державами, в том числе с Россией, разработанной еще в 1914 г. влиятельным японским ультраправым «Амурским обществом» («Кокурюкай»).

Не случайно советский историк А. Гальперин отмечал в свое время, что документ, получивший известность под названием «меморандум Танаки», «в развернутом виде... формулировал положения тех многочисленных деклараций и манифестов, которые публиковались до него различными шовинистическими организациями Японии, пропагандировавшими установление японского господства над Китаем и всей Азией»⁵⁰.

Думается, вполне возможно, что через своих приверженцев в военной верхушке Японии руководители «Амурского общества» решили распространить свою далеко идущую программу по некоторым армейским штабам в Корее, Маньчжурии, Китае и на Тайване для получения дополнений и замечаний, а ради придания ей большей авторитетности окрестили ее меморандумом премьер-министра генерала Танаки. Советский же консул в Сеуле И. Чичаев, резидент ОГПУ, через своего агента, известного под псевдонимом Хироси Отэ, сотрудника Главного жандармского управления Японии, и советский разведчик, сотрудник Генерального консульства СССР в Харбине, через свою агентуру сумели достать копию этого документа.

Как сообщил В.Я. Пещерский, советскому руководству был передан «Меморандум Танаки», копия которого была получена харбинской, а не сеульской резидентурой внешней разведки ОГПУ. И именно харбинская копия была подвергнута проверке на подлинность.

«В подлинности меморандума сомнений не было не только потому, что в сопроводительном письме генерального штаба Японии подчеркивалось серьезное значение, которое японское правительство придавало этому документу, — писал советский историк Е.А. Горбунов. — В группе советских разведчиков был профессор-японист Макин, специалист высшего класса, отлично знакомый с

японской секретной документацией. Исследовав текст меморандума, он убедил разведчиков в его подлинности...»⁵¹

Но этим «подлинником», по всей вероятности, была копия «программы политики в отношении Китая», раздутой милитаристами (скорее всего, сторонниками «Амурского общества» в генштабе) до планетарных масштабов. А психологическая нацеленность профессора Макина и его коллег-разведчиков на поиски антипода программы мировой пролетарской революции побудила их принять фальшивку за чистую монету.

Характерно, что и в Китае был опубликован именно расширенный (т.е. фальсифицированный) вариант этого документа, хотя его истинный текст был там известен. Как сообщил мне профессор Ю Синьчун, специально изучавший этот вопрос, в 1927 г. японский политический деятель Такэтоко, близкий к императорскому двору в Токио, порекомендовал китайского книготорговца из Гонконга Цзи Чжиканя для реставрации старых китайских книг в дворцовой библиотеке. Его допустили туда для этой работы. Однажды он улучил момент, переписал докладную записку Танаки императору (т.е. программу-минимум японской экспансии в Китае) и по частям переслал ее секретарю Чжан Цзолия.

Не преминуло погреть руки на попавшем в его распоряжение документе и советское правительство. Оно инсценировало утечку информации, в результате которой фальшивый «Меморандум Танаки», переведенный на английский язык, передали для публикации в США с целью столкнуть их с Японией.

Было бы ошибкой игнорировать и следующее обстоятельство. Расширенный вариант «Меморандума Танаки» японские ультра-националисты отождествляли с вынашивавшейся ими еще со времен Русско-японской войны программой крупномасштабных территориальных захватов. Программу эту они стремились навязать своему правительству, и отчасти небезуспешно.

Первым объектом экспансии, естественно, был избран Китай. Теоретическую базу под аргументы в пользу отторжения от него Маньчжурии и Монголии подвели работы японских историков, которые подчеркивали, что в сравнительно недавнем прошлом эти территории не были китайскими.

Так, Д. Яно писал: «Маньчжурия как особая территория цинского императора не представляла собой территорию Китая. Поэтому в годы японо-русской войны последний придерживался нейтралитета. Если бы дело обстояло иначе, то это означало бы, что Россия захватила территорию Китая... и, следовательно, он должен был бы действовать совместно с Японией против России, но он сохранил нейтралитет⁵².

В той же работе Д. Яно с гордостью подтверждал важность своих исторических изысканий для оправдания японского проникновения в Маньчжурию и Монголию: «...Мои взгляды (в отношении этих пограничных с СССР стран. — К.Ч.) стали теоретической основой доклада премьер-министра Гитти Танаки императору»⁵³.

Однако «активный курс» Танаки, направленный на захват северо-восточных районов Китая, потерпел крах, так как Япония, испытывавшая тяжелые последствия финансового кризиса, не смогла тогда еще помешать установлению формального административного контроля китайского правительства над этими районами. Да и пришедшее к власти правительство Хамагути высказалось за возврат к более осторожной политике К. Сидэхары (1929–1931).

К «активному курсу» в отношении Китая японская военщина вернулась несколько позднее, вторгнувшись в Южную Маньчжурию.

В заключение одно важное, на мой взгляд, соображение, касающееся политики СССР в отношении Японии непосредственно после сенсационного опубликования «Меморандума Танаки». Советское правительство верило, и не без оснований, в глобальные экспансионистские намерения японской военщины, изложенные в расширенной версии «Меморандума Танаки», но, судя по всему, вооруженный конфликт с китайскими милитаристами в 1929 г., во время которого Япония сохраняла нейтралитет, произвел на советских лидеров такое сильное впечатление, что они довольно долго считали их главным противником. И даже несмотря на захват японской армией Северной Маньчжурии, где на КВЖД находились центры советского влияния, СССР придерживался по просьбе Японии нейтралитета и не предпринимал в течение некоторого времени антияпонских демаршей, ошибочно полагая, что акции

Квантунской армии были направлены только на то, чтобы проучить китайских милитаристов за невыполнение ими договоренностей с Токио.

«Покушение на Чжан Цзолиня (японского ставленника в Маньчжурии — К. Ч.) 4 июня 1928 г. означало новый этап вмешательства Японии в дела Азиатского материка и предопределило перемены в жизни 70—80 тыс. белоэмигрантов из России в Маньчжурии, — пишет американский историк Дж. Стефан. — За несколько месяцев до «Маньчжурского инцидента» (18 сентября 1931 г.)⁵⁴ агенты японской разведки («Токуму кикан») приступили к активным операциям по выявлению и вербовке русских белоэмигрантов-коллаборационистов⁵⁵.

7

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Установление межгосударственных отношений между СССР и Японией в результате подписания Конвенции 1925 г. ознаменовало завершение борьбы Советского Союза за его дипломатическое признание с ведущими капиталистическими государствами и создание политической базы для экономического строительства в Восточной Сибири и на советском Дальнем Востоке.

«Заключение Конвенции об основных принципах отношений между СССР и Японией явилось событием огромного международного значения... — писал известный американский ученый, специалист по советско-японским и русско-японским отношениям Дж. Ленсен. — Соглашение с Китаем 1924 г. уже значительно подняло престиж СССР в Азии; Конвенция с Японией еще более усилила его позиции. Япония же получила в результате этого стратегический выигрыш... Англо-японский союз 1902 г. обезопасил Японию от интервенции третьей державы в условиях назревавшего конфликта с Россией; Конвенция с СССР, которую в перспек-

тиве рассматривали как пролог к советско-японскому союзу (и до некоторой степени и его эквивалент) по-видимому предоставляла Японии такую же защиту в отношении войны с США»⁵⁶.

На основе Конвенции и приложенного к ней Протокола А в декабре 1925 г. было заключено два советско-японских концессионных договора о добыче нефти и угля на Северном Сахалине и учреждено соответственно два акционерных общества с капиталом по 10 млн. иен. Положительно оценивая подписание всех этих документов как проявление заинтересованности СССР в советско-японском экономическом сотрудничестве, министр иностранных дел Японии К. Сидэхара рассматривал их как «свидетельство добрососедских чувств, объединяющих две нации»⁵⁷. Активный сторонник сотрудничества Японии с СССР мэр Токио С. Гото, выступая за развитие двусторонних отношений на базе упомянутых соглашений, заявил, что «если народы обеих стран сделают свои отношения подлинно дружескими, то это увеличит благосостояние обоих народов и обеспечит сосуществование и взаимное процветание народов Азии и Европы». Он заявил также, что в результате установления двусторонних отношений Япония, укрепив свои международные позиции, успешно «сможет проводить свою тихоокеанскую политику, а Россия упрочит мир на Дальнем Востоке и получит возможность поднять свой международный престиж», что вызовет «неизбежность больших изменений в политическом курсе Америки и Англии по отношению к России, Японии и Китаю»⁵⁸.

В целом же оценка нормализации советско-японских отношений официальными кругами Японии носила сдержанный характер. Это объяснялось тем, что им пришлось в конечном счете признать несбыточность своих расчетов на удержание под своим контролем Северного Сахалина и приобретение прав на учреждение японских концессий в Сибири. Это вызвало резкую критику нормализации со стороны военных кругов и новых концернов, начиная с концерна «Кухара», которые наживались на производстве военного снаряжения и оказались в трудном финансовом положении после окончания войны на Дальнем Востоке сначала вследствие экономического кризиса 1920–1921 гг., а затем экономической депрессии 1926 года.

Тем не менее установление нормальных отношений между СССР и Японией привело к оздоровлению обстановки на Дальнем Востоке, оживлению контактов по линии общественных организаций между двумя странами, развитию отношений на базе концессионных соглашений и рыболовной конвенции 1928 г., по которой японским компаниям предоставлялось право промысла и обработки любых видов рыбы и морепродуктов, кроме котиков и каланов, у побережья Советского Союза на Дальнем Востоке, за исключением 37 бухт и залива Петра Великого, и в бассейне р. Амур на участках, приобретенных с публичных торгов, в которых могли участвовать и советские организации⁵⁹.

Конвенция о принципах взаимоотношений между СССР и Японией фиксировала новое соотношение сил, сложившееся к середине 20-х гг. на Дальнем Востоке после поражения Японии в ее интервенции на советском Дальнем Востоке и ее вынужденных уступок другим державам на Вашингтонской конференции 1922 г. в вопросе об ограничении морских вооружений (при соотношении тоннажа линейных кораблей 3 против 5, принадлежащих США и Великобритании)⁶⁰.

В 1926–1928 гг. Советский Союз в развитие принципов упомянутой Конвенции вносил предложение японской стороне заключить пакт о ненападении, одной из задач которого являлось предотвращение вооруженных столкновений с японскими войсками в Китае при оказании содействия китайским коммунистам за «советизацию» страны в их борьбе с войсками Чан Кайши и китайскими милитаристами, которых поддерживала Япония⁶¹.

Выступая на словах за взаимное невмешательство во внутренние дела (ст. 5 Основной конвенции), стороны стремились на основании этой статьи пресечь или, по крайней мере, насколько это возможно, ограничить подрывную деятельность другой стороны. Причем Япония имела гораздо большие возможности поддерживать самые различные антисоветские белоэмигрантские организации в Японии и в Маньчжурии, чем СССР малочисленные марксистские группы в Японии⁶².

И если подробные сведения об этой деятельности Японии, которая активизировалась после убийства японцами в Маньчжурии

в 1928 г. китайского милитариста Чжан Цзолия, стали известны значительно позднее рассматриваемого периода, то данные об аналогичных действиях советской стороны стали известны в Японии вскоре после заключения советско-японской конвенции 1925 г.

Так, в руки японских властей попала заверенная партийным секретарем Анохиным запись стенограммы выступления полпреда СССР в Японии Коппа на бюро Харбинского провинциального комитета коммунистической партии 17 апреля 1925 г. за неделю до прибытия в Токио после назначения его на свой пост в Японии. В этом выступлении советский полпред заявил, что в соответствии с тезисами ЦК РКП (б) он по-прежнему считает Японию в перспективе врагом Советского Союза, но рассматривает ее как союзника для создания угрозы США до дипломатического признания ими СССР с целью выполнения этой задачи. Конвенцию 1925 г. Копп рассматривал как ни к чему не обязывающий мифический договор, главная цель которого заключается в дипломатическом давлении на США для того, чтобы добиться установления со стороны СССР хороших отношений с ними, продемонстрировав Вашингтону возможность присутствия на территории Японии авангарда мировой революции.

Что же касается его политической работы в Японии, то советский полпред подчеркнул, что, исходя из упомянутых тезисов ЦК РКП (б), он полностью полагается на японских социалистов и будет оказывать им поддержку в исправлении ошибок, допущенных в партийном строительстве, в частности в организации социалистических землячеств Коминтерна, которые бы смогли распространять среди рабочих и крестьянских масс соответствующую пропагандистскую литературу. В заключение Копп выразил уверенность, что, когда рабочий класс Японии приступит в результате расширения такой деятельности к прямой борьбе за социализм, его поведет вперед РКП (б), которой принадлежит будущее⁶³.

В мае 1926 г. Копп в беседе с советником Г.З. Беседовским, поверенным в делах СССР с июня того же года до января 1927 г., излагал поставленные перед ним ЦК РКП (б), как секции Коминтерна, задачи, с которыми он не был согласен, следующим образом: «Наша основная линия на Дальнем Востоке сводится сейчас к тому,

чтобы всеми средствами раздуть китайскую революцию, радикализируя ее до возможного максимума и выбивая англичан из Китая. При этом забывалось, что Китай не созрел даже до радикальных форм буржуазной демократии, а говорят уже о поднимающихся требованиях советизации китайской революции. Забывают и о том, что стихийное движение китайских масс на определенной стадии будет угрожать не только английским, но и японским интересам. Японцы будут стараться, конечно, возможно искуснее конспирировать свою интервенцию. В случае, если таковая произойдет, они, конечно, будут тянуть и едва ли пойдут на совместную интервенцию с англичанами, но будут защищать до конца свои интересы в Центральном Китае и ни в коем случае не допустят проникновения революционного движения севернее Великой Китайской стены⁶⁴.

Факт несогласия Коппа с линией Коминтерна в отношениях с Японией и Китаем подтвердил при беседе с Беседовским нарком иностранных дел Г.В. Чичерин. Инструктируя его перед отъездом в Токио, он сказал: «Полпред, товарищ Копп разошелся с линией партии и линией Коминтерна в дальневосточных делах. Он затрудняет работу Карахана, саботируя соглашение с Японией, которое развязало бы нам руки в Китае. Копп будет вскоре отозван и Вам придется довольно долго просидеть поверенным в делах». «Политическая жизнь в Японии, — продолжал нарком, обнаруживая глубокое понимание обстановки в этой стране, проходит в борьбе двух основных кланов — Тёсю и Сацума, сухопутной армии и морского ведомства. Первый клан нам враждебен. Он желает расширить базу японского влияния на Азиатском континенте — в Китае, Маньчжурии и на советском Дальнем Востоке. Второй клан вынужден считаться с неминуемым в будущем японо-американским столкновением, в котором флоту придется играть решающую роль. Отсюда — поиски нефтяной базы, Пекинская конвенция 1925 г. с нами о сахалинских нефтяных концессиях и гарантии с нашей стороны японского тыла в случае столкновения с Америкой. Теперешний премьер-министр Вакацуки и министр иностранных дел барон Сидэхара — сторонники Мицубиси и Сацума, поэтому я не думаю, что вы встретите большие затруднения в своей работе»⁶⁵.

Еще резче тогда же критиковал линию советского полпреда в Японии при инструктаже Беседовского И.В. Сталин. В ходе ее он сказал, что китайская революция начинает переходить на советские рельсы и что единственная опасность, угрожающая ей, заключается в вооруженной интервенции Англии, которая не состоится, по его мнению, если в ней не примет участия Япония, и поэтому ключ к «нормальному безболезненному развитию китайской революции» лежит в позиции Японии. «Маневрируйте как хотите, — добавил он, — но помните, что Вы отвечаете за успех».

А в ответ на вопрос о пределах компенсации за нейтралитет Японии в таком случае И.В. Сталин в заключение неожиданно заявил: «Я не дипломат и не беру на себя давать Вам практические указания. Если в Пекине будет советское правительство, то для его спасения от интервенции мы можем отдать японцам не только Владивосток, но и Иркутск... Брест-Литовск еще будет повторяться в разных комбинациях. В китайской революции он может так же понадобиться, как и в российской»⁶⁶. Такая установка на развитие мировой революции встречала противодействие в высших эшелонах власти среди сторонников линии на укрепление международного положения СССР с целью повышения его экономического потенциала. Эта линия в рассматриваемый период находила выражение, в частности, в позиции по отношению к Японии заместителя наркома иностранных дел М.М. Литвинова, будущего наркома иностранных дел СССР. «Основная язва нашей дальневосточной политики — это Карахан, — безапелляционно заявил Литвинов в беседе с Г.З. Беседовским перед его отъездом в Японию, давая понять о своем отношении к проводимой советским полпредом в Пекине и его военным советником М.М. Бородиным левацкой линии Политбюро ЦК РКП (б) и Коминтерна. — Он ничего не смыслит в той работе, которая ему поручена, и стремится изо всех сил выслужиться перед этой подозрительной шпаной, Бородиным, свалившимся нам на шею прямо из-за кулис чикагской биржи, где он подвизался под фамилией Грузенберга. Бородин ведет себя в Китае как диктатор. Он непосредственно сносится с Политбюро отдельным шифром, присланным ему по распоряжению Сталина... Карахан терпеливо сносит все это ради... похвалы Сталина, напи-

савшего ему на днях, что он доволен его «гармонической работой с товарищем Бородиным»⁶⁷.

Помимо вопроса о расширении базы мировой революции, в первые годы после восстановления отношений между СССР и Японией между ними имелись и другие, экономические и политические вопросы.

Первый из них – конкуренция Владивостока с занятым японцами в результате Русско-японской войны Дайренем, которая обострилась в связи с тем, что правление КВЖД, находившееся под контролем СССР, установило повышенные тарифы на перевозки на ее южном участке Харбин-Чаньчунь (Куанченцзы).

Второй вопрос – это стремление японцев снизить советские доходы от КВЖД за счет конкуренции с нею других железных дорог, строящихся на японские деньги военной кликой Чжан Цзолиня. Особую угрозу представляли собой две линии: Таонаньфу-Цицикар с продолжением к Сахалину и Гирин-Дунхуа с продолжением к Сэйсину в Корею. Первая из них перерезала КВЖД, обходя Хинганскую стратегическую петлю у разъезда Бухэду и проникая в тыл советского Приамурья и Приморья у Благовещенска. Вторая шла вдоль КВЖД, соперничая с нею в экономическом отношении и способствуя японской экспансии на запад.

Советские протесты японская сторона отводила ссылкой на то, что формально это строительство проводится властями Чжан Цзолиня, хотя и на японские деньги и с помощью японских инженеров, и предлагала СССР развивать такое же строительство, хорошо зная, что наша страна не располагала в тот период необходимыми средствами.

В сложившейся обстановке СССР не оставалось ничего другого, как запретить пересечение первой линии КВЖД, и японцы вынуждены были приостановить строительство этой железной дороги у Ананьчи.

Третьим был вопрос о судьбе Чжан Цзолиня, который при поддержке Токио начал «подбираться к нашим позициям на КВЖД».

Карахан способствовал усилению антисоветских настроений этого милитариста, поддержав генерала Го Сунлина, выдвинутого им в самый напряженный период противостояния последнего с Го-

миньданом, возглавлявшимся генералом Фэн Юйсяном, командующим национальными армиями в северных районах Китая. Ставка на Го Сунлина, погибшего в этой борьбе вместе с женой, уроженкой Харбина, служившей посредником в переговорах с советской стороной, не оправдала себя, так как Карахан не смог выполнить взятых на себя обязательств по оказанию помощи.

Стремясь выполнить их, он стал настаивать перед Политбюро ЦК РКП (б) на введении советских войск в Северную Маньчжурию, в районы Баргу и Цицикар, в тыл противника Го Сунлина генерала У Цзюньшэна. Но, опасаясь конфликта, Москва воздержалась от вооруженного вмешательства, и Го Сунлин потерпел поражение.

В результате, воодушевленный позицией СССР, Чжан Цзолин начал вытеснять «красных» с КВЖД, арестовав ее управляющего Иванова. А когда Ворошилов по инициативе Карахана готов был применить силу для защиты интересов СССР на КВЖД против Чжан Цзолина, Г.В. Чичерин убедил Политбюро ЦК РКП (б) воздержаться от наступления РККА на Харбин до тех пор, пока Копп не удостоверится, что японцы не будут решительно противодействовать этой акции.

В ответ на запрос Москвина на этот счет Копп сообщил, что при появлении советских войск в районе Харбина Квантунская армия оккупирует Чаньчунь, и направил одну дивизию к Харбину. После этого Москва решила отозвать свои войска с советско-маньчжурской границы и, изменив тактику, начала ставить перед Токио вопрос о замене Чжан Цзолина либо его сыном Чжан Сюэлянем, либо начальником штаба его войск Ян Ютином, либо его братом Чан Цзосянем, либо в крайнем случае губернатором Мукдена Мо Дэху. Москва подчеркивала при этом, что Чжан Цзолин – это главное препятствие стабилизации советско-японских отношений.

В конечном счете, несмотря на противодействие кругов МИД Японии, японская военщина в связи с усиливавшимся стремлением Чжан Цзолина ограничить японскую экспансию в Маньчжурии, исходя из своих собственных интересов, подготовила его убийство, совершенное 4 июня 1928 г.

Одним из важных для СССР вопросов, по которому Москве уда-

лось добиться успеха в отношениях с Японией, был вопрос о позиции Японии по международному протоколу о признании присоединения Бессарабии к Румынии, подписанному 23 октября 1920 г. Англией, Францией, Японией и Италией. По его условиям этот документ вступал в силу только после ратификации его тремя участниками, среди которых Япония играла роль одной из ведущих держав.

Поэтому еще в 1924 году в ходе переговоров в Пекине о восстановлении дипломатических отношений советская делегация предложила Токио выступить с заявлением об отказе от ратификации этого протокола.

Японская сторона от публичного заявления на этот счет воздержалась, но заключила с Москвой секретное соглашение о том, что Токио не будет ратифицировать Бессарабский протокол, и сдержала свое слово. Хотя он и вступил формально в силу после ратификации его Италией, но в середине 20-х гг., а в известной мере и в последующие десятилетия, отказ Японии от ратификации этого документа существенно подрывал его моральный престиж⁶⁸.

При всей сложности отношений между СССР и Японией по вопросам Маньчжурии и китайской революции Москва располагала в своей дипломатической игре и несколькими «козырями». Первым из них был вопрос о японских рыболовных предприятиях на Камчатке и в Приморье, которые из-за ограниченных материальных возможностей не использовались советской стороной. Регулируя размер уступок японцам, Советский Союз сохранял достаточный простор для дипломатического маневрирования.

Вторым «козырем» являлся такой же подход к японским лесным концессиям в Приморье, а третьим – к угольным и особенно нефтяным концессиям на Сахалине в условиях, при которых военно-морской флот Японии рассчитывал использовать последние в качестве своей нефтяной базы в возможном вооруженном конфликте с США⁶⁹.

Итак, если к Октябрьской революции 1917 г. завоевавшая большинство в Советах Российская социал-демократическая рабочая партия большевиков пришла с утопической теорией мировой социалистической революции и революционной войны против капи-

талистических государств на основе принципа пролетарского интернационализма⁷⁰, то стремление советского правительства получить дипломатическое признание государств Европы и Азии, среди которых важное место занимала Япония, свидетельствует о том, что во внешней политике советского руководства стали отчетливо проявляться элементы реализма, выразившиеся в претворении в жизнь концепции «мирного сожительства» с другими странами. Но пока еще это был временный курс, рассчитанный на период до победы мировой революции, поскольку, в соответствии с марксизмом-ленинизмом, крах капитализма после его высшей стадии империализма рассматривался как фатально неизбежный, а внешняя политика СССР как передового отряда Коммунистического интернационала была призвана способствовать достижению этой цели по мере вызревания классовых противоречий, прежде всего между пролетариатом и буржуазией.

Это вело к дуализму во внешней политике Советского государства, в том числе и в отношении Японии. Стремление же ее правящих кругов и руководства нашей страны, не допустить нарушения принципа невмешательства во внутренние дела своих государств и в то же время нелегально вести подрывную деятельность одного государства против другого отражало противоречивый характер основного курса внешней политики и Советского Союза и Японии.

ГЛАВА 2

ПЕРВЫЙ ОЧАГ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В МАНЬЧЖУРИИ И ПОЗИЦИЯ СССР

1

ВТОРЖЕНИЕ ЯПОНСКИХ ВОЙСК В СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КИТАЙ

После разгрома в 1929 г. в Северной Маньчжурии Особой дальневосточной армией под командованием маршала В.К. Блюхера, героя Гражданской войны в России, войск китайского милитариста Чжан Сюэяна, пытавшегося противодействовать усилению советского влияния в зоне КВЖД, руководство японской Квантунской армии стало опасаться, что СССР попытается, учитывая к тому же антияпонскую политику Чжан Сюэяна, взять реванш за поражение в Русско-японской войне и вытеснить японцев из Южной Маньчжурии.

В связи с этим в военных кругах Японии крепло намерение, поддержанное особенно активно новыми концернами Кухара, Накадзима, Фурукава и др., рвавшимися к захвату рынков сбыта и источников сырья на Дальнем Востоке, разрешить проблему Маньчжурии. С этой целью руководство армии учредило секретную комиссию, которая летом 1931 г. разработала «Основные положения мероприятий по разрешению проблем Маньчжурии и Монголии». Под давлением правительства армейское руководство решило ото-

двинуть на четыре года осуществление программы, изложенной в этом документе, хотя он уже был одобрен и принят к исполнению военным министром Д. Минами.

Однако в штабе Квантунской армии все более усиливавшие свое влияние сторонники немедленных военных действий во главе со старшими офицерами, тайно поддержанные высокопоставленными военными в Токио, не согласились с этой отсрочкой и выступили за продолжение политики, которую Япония последовательно проводила с периода Русско-японской войны.

Учитывая эти настроения, армейское руководство в Токио пошло на фактическую отмену сдвига сроков нападения на Маньчжурию, намеченных на 1935 г., и выступило за ее немедленную оккупацию¹.

И это несмотря на то, что оккупация японскими войсками Маньчжурии представляла собой явное нарушение Портсмутского договора 1905 г. между Россией и Японией, поскольку в нем сохранилось взаимное обязательство о выводе российских и японских войск с территории Маньчжурии (последних, за исключением Ляодунского полуострова на самом юге Маньчжурии).

Выход Квантунской армии из этой области в район КВЖД, принадлежавшей СССР, создавал угрозу его стратегическим интересам, а продвижение японских войск в северные районы Маньчжурии – непосредственную военную угрозу на государственной границе.

Хотя советская Особая дальневосточная армия после победы над китайскими милитаристами в 1929 г. находилась с боевой готовностью на случай нового столкновения с китайцами, она не была подготовлена к войне с Японией.

Нарком по военным и морским делам СССР К.Е. Ворошилов, правда, высказывался за нанесение контрудара и по Квантунской армии при ее продвижении на север. Однако И.В. Сталин и другие члены Политбюро ЦК ВКП (б) высказались против этого, учитывая, что в условиях отсутствия у СССР военно-морского флота на Дальнем Востоке Япония может воспользоваться этим как предлогом для захвата Северного Сахалина и Приморья, а также исполь-

зовать такую ситуацию как средство для усиления международной изоляции СССР².

4 августа 1931 г. военный министр Японии Д. Минами провел инструктивное совещание командиров дивизий, в ходе которого настаивал на военных действиях против Маньчжурии и МНР без санкций правительства Р. Вакацуки³. При этом для нападения на Маньчжурию сначала был использован инцидент в деревне Ваньбаошань в 30 км к северу от Чаньчуня, где японские власти спровоцировали столкновение корейских крестьян-переселенцев с китайскими крестьянами, а затем убийство при попытке к бегству в Маньчжурию в районе Таонань японского «геологоразведчика» капитана Накамура и его спутника. Командование Квантунской армии предъявило Чжан Сюэляну ультиматум с требованием обеспечить безопасность японских подданных, а в японской печати началась ожесточенная антикитайская и антисоветская кампания против «красных» с целью вызвать симпатию на Западе⁴.

В 22 часа 30 минут 18 сентября 1931 г. в местечке Лютяогоу неподалеку от северной части Мукдена произошел взрыв полотна находившейся под управлением японцев Южно-Маньчжурской железной дороги, подготовленный в провокационных целях в штабе Квантунской армии лейтенантом С. Кавамото по приказу полковника С. Итагаки и подполковника К. Исивара, с последующим обвинением в этом китайской стороны⁵.

Взрыв был столь незначительным, что не помешал продолжить движение поездов.

Воспользовавшись этим предлогом, Квантунская армия после ожесточенного обстрела казарм войск Чжан Сюэляна из заблаговременно размещенных в северных окрестностях Мукдена 240-миллиметровых гаубиц сразу начала вторжение.

Утром следующего дня японские войска захватили эти казармы и оккупировали являющийся резиденцией Чжан Сюэляна Мукден, куда затем переместился из зоны ЮМЖД командующий Квантунской армией генерал-лейтенант С. Хондзё. На 19 сентября 1931 г. в его распоряжении имелось 10 тыс. японских солдат и офицеров против 268 тыс. регулярных китайских войск и 180 тыс. ополченцев под командованием Чжан Сюэляна. Несмотря на пре-

дупреждение генерального консула в Мукдене К. Хаясира об угрозе японского вторжения в ближайшее время, МИД Японии ограничился запросом на этот счет военного министра и подготовкой к дипломатической встрече с китайцами⁶.

Учитывая соотношение сил сторон, а также возможное после советско-китайского вооруженного конфликта 1929 г., когда советские войска вошли в Северную Маньчжурию, повторное их продвижение в этот район, правительство Японии приняло решение о локализации конфликта и направило соответствующее распоряжение руководству Квантунской армии.

Однако окрыленное первыми успехами, оно не подчинилось ему, и продолжило наступление, заняв в течение 20–22 сентября ряд важных городов – Куанчэнцзы, Фушунь, Ляоян, Чаньчунь и Гирин. 21 сентября командующий японской Корейской армией генерал-лейтенант Сэндзюро Хаяси по собственной инициативе, нарушив границу Китая, направил находившуюся под его командованием пехотную бригаду в распоряжение Квантунской армии.

После этого, не разделяя опасения военного руководства в Токио о том, что продолжение вторжения войск Квантунской и Корейской армий в Северную Маньчжурию (в сферу интересов СССР) может привести к нежелательному вооруженному столкновению с Советским Союзом (Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. М., 2001. Док. № 63, 74, 75, 79, 82), войска которого могут развернуть совместные с войсками Чжан Сюэляна операции против Японии, руководство Квантунской армии решило продолжить вторжение в Маньчжурию в северном направлении. При этом оно точно рассчитало, что на этот раз Советский Союз, взяв курс на поддержку Коммунистической партии Китая, непримиримого противника Чжан Сюэляна и руководителя Гоминьдана Чан Кайши, как составной части линии на развитие мировой революции, не пойдет на блокирование с противниками китайских коммунистов. Тем более что память о сражениях с ними на полях Северной Маньчжурии была еще свежа. При этом учитывалось также то немало-важное обстоятельство, что СССР был занят коллективизацией и выполнением напряженного плана первой пятилетки, что не позволяло Москве при ее плановой экономике отвлекать финансовые и

материальные средства на непредвиденные военные расходы, которые были бы неизбежны в случае новой военной акции в Северной Маньчжурии.

Осуществив необходимую подготовку, 19 ноября 1931 г. Квантунская армия без приказа из Токио перерезала принадлежавшую СССР Китайско-Восточную железную дорогу и заняла г. Цицикар. И поскольку вооруженного вмешательства со стороны Советского Союза в защиту своих интересов не последовало, авторитет Квантунской армии в силовом разрешении вопроса внешней политики Японии значительно возрос.

Войска Чжан Сюэляна также не предпринимали активных действий против расширения японской агрессии. Сам Чжан Сюэлян находился до 3 января 1932 г. в г. Цзиньчжоу в Южной Маньчжурии в ожидании благоприятного развития международной обстановки в результате дипломатического вмешательства ведущих государств мира, пока этот город не был захвачен японскими войсками. Продолжая наступление, 5 февраля Квантунская армия, пользуясь отсутствием решительного противодействия со стороны СССР, заняла г. Харбин, главный город в полосе КВЖД.

9 марта 1932 г. в г. Чаньчунь было провозглашено образование прояпонского марионеточного государства Маньчжоу-го во главе с низложенным в результате Синьхайской революции 1911 г. последним китайским императором П. Пуи (Сюаньтун) из маньчжурской династии, тайно вывезенным из Центрального Китая японским разведчиком Доихара. 15 сентября того же года новое государство было формально признано Японией, и в тот же день стороны обменялись протоколами о взаимном сотрудничестве и обороне Маньчжурии.

После провозглашения государства Маньчжоу-го его «союзнические» отношения с Японией претерпели серьезные изменения в сторону повышения ее роли во внутренней жизни этого политического образования. Так, уже 16 июня 1932 г. функция командующего Квантунской армией, которая состояла в обеспечении «обороны Квантунской области⁷, а также защиты железных дорог в Маньчжурии», была преобразована в функцию обеспечения «обороны важных опорных пунктов Маньчжурии, а также защиты подданных империи».

В августе 1932 г. новым командующим Квантунской армией был назначен полный генерал Нобуёси Муро. В октябре того же года его штаб из Мукдена переместился в столицу Маньчжоу-го в г. Чаньчунь, и, в соответствии с вышеупомянутым японо-маньчжурским протоколом, было принято решение об организации совместной обороны двух стран и размещении на территории Маньчжоу-го войск Квантунской армии, численность которой достигла четырех дивизий. Объект действий, против которого предполагалась организация совместной обороны, в Протоколе прямо не указывался, но в связи с низкой боеспособностью войск Чжан Сюэяна, по мнению известного японского военного историка С. Хаяси, под этим объектом подразумевался Советский Союз⁸.

2

ПОЗИЦИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИИ ВТОРЖЕНИЯ КВАНТУНСКОЙ АРМИИ В МАНЬЧЖУРИЮ И СОЗДАНИЯ МАНЬЧЖОУ-ГО (1931–1932)

Уже на следующий день после начала японского вторжения зам. наркома иностранных дел СССР Л.М. Карахан запросил у посла Японии в Советском Союзе Коки Хирота подробные сведения об оккупации Мукдена и о произошедших военных столкновениях, заявив, что советское правительство придает этим событиям огромное значение, учитывая также сообщения о том, что японские войска заняли железнодорожную станцию Куанчэнцзы, где расположен конечный пункт КВЖД.

Хирота ответил, что он пока располагает еще меньшей информацией на этот счет, чем советская сторона.

Только после напоминания, сделанного 22 сентября наркомом иностранных дел СССР М.М. Литвиновым, 25 сентября Хирота сообщил ему, что якобы большая часть 15-тысячного контингента японских войск, приписанный к зоне принадлежащей Японии

Южно-Маньчжурской железной дороги, в соответствии с японо-китайским соглашением, уже вернулась в эту зону, за исключением небольшого отряда в Гиринае, отражающего атаки китайцев; он вскоре также возвратился в зону ЮМЖД после нормализации обстановки.

На следующий день Хирота подтвердил, что в результате вооруженного столкновения с китайцами японские войска захватили железнодорожную станцию и часть города Куанчэнцзы, но затем покинули их, оставив лишь небольшой отряд для предотвращения контратак китайцев.

2 октября Литвинов вновь выразил в беседе с Хиротой обеспокоенность захватом японцами не только Мукдена и Гирина, но и других населенных пунктов Маньчжурии, а также поощрением деятельности в этих районах белогвардейских лидеров, прежде всего атамана Семенова, готовящего восстание против властей МНР и угрожающего нормальному функционированию западной части КВЖД около г. Барга.

Хирота признал дальнейшее продвижение японских войск, предпринятое в связи с угрозой японским гражданам в этом районе со стороны китайских солдат, не подчиняющихся своим властям, и заверил собеседника, что японское правительство стремится к скорейшей нормализации обстановки в этих районах. Об активизации деятельности белогвардейцев он не сообщил никаких сведений. И только 13 октября он известил, что Токио не поддерживает их действия.

Лишь 28 октября 1931 г., через 40 дней после начала агрессии Японии в Северо-Восточном Китае, Карахан, пригласив к себе Хироту, заявил ему не о протесте против применения Японией вооруженных сил в Китае, что представляло собой явное нарушение ее обязательств не только по Портсмутскому договору 1905 г., но и по Парижскому пакту 1928 г. (Пакту Бриана-Келлога) о недопущении агрессии, а о том, что СССР придерживается в этом вооруженном конфликте политики строгого нейтралитета (по аналогии с позицией Японии в советско-китайском вооруженном конфликте 1929 г., когда СССР считал, что она, как и любое другое государ-

ство, не имеет права брать на себя функцию «блестителя этого пакта»).

Через несколько дней в своей речи, посвященной 14-й годовщине Октябрьской революции, председатель СНК СССР В.М. Молотов подтвердил, что позиция Советского Союза заключается в невмешательстве в события в Маньчжурии. Правда, при этом Молотов заявил, что действия Японии в Маньчжурии не могут быть оправданы, как об этом писали японские газеты и видные сторонники политики большевизации Северо-Восточного Китая.

Такая позиция СССР определялась мнением Сталина, не без основания считавшего, что в результате осуществления «нового курса» в экономике⁹ Советский Союз не накопил еще достаточно сил для отпора усиливавшейся в военном отношении Японии.

Так, 14 сентября 1931 г. в письме Л.М. Кагановичу, замещавшему Сталина в его отсутствие в Политбюро, Сталин писал: «С Японией нужно поосторожнее. На своих позициях стоять нужно твердо и непоколебимо, но тактика должна быть погибче, поосмотрительнее... Не пришло время для наступления». И далее: «Наше военное вмешательство, конечно, исключено, дипломатическое же вмешательство сейчас нецелесообразно, так как оно может лишь объединить империалистов, тогда как нам выгодно, чтобы они рассорились... В печати надо вести себя так, чтобы не было никаких сомнений в том, что мы всей душой против интервенции. Пусть «Правда» ругает всю японских оккупантов, Лигу Наций как орудие войны, а не мира. Пакт Келлога как орудие оправдания оккупации, Америку как сторонницу деления Китая... «Известия» должны вести ту же линию, но в умеренном, осторожном тоне... Следовало бы особо навести коминтерновскую печать и вообще Коминтерн. Этого будет пока достаточно»¹⁰.

Осторожная линия советских официальных властей в отношениях с Токио, в соответствии с указаниями Сталина, проводилась и в дальнейшем. Когда японские войска 19 ноября 1931 г. завершили оккупацию г. Цицикар, второго после г. Харбин центра Северной Маньчжурии, СССР высказался против использования КВЖД Квантунской армией. Однако после того, как власти Маньчжоу-го, совместно с которыми Советский Союз осуществлял

управление этой дорогой, согласились на перевозку по ней японских военных грузов и японских войск, Советский Союз в течение некоторого времени воздерживался от возражений против этого, сохраняя в целом неизменной свою политику невмешательства в отношении японской агрессии на новом этапе ее эскалации¹¹. Согласившись на такие перевозки на КВЖД, советские власти тем не менее, симпатизируя китайцам, особенно тем, которые были связаны с Компартией Китая, стали постепенно чинить все большие препятствия в тех случаях, когда японцы перевозили по этой железной дороге не гражданские, а военные грузы.

Оказываемая одновременно помощь с советской стороны китайским вооруженным формированиям (например, в конце октября 1931 г. сопротивлявшемуся японцам китайскому генералу Ма Чжаншаню была передана большая партия оружия и боеприпасов¹²), вызвала протест со стороны Токио. Японцы насильственно реквизировали железнодорожные составы для своих военных перевозок. Усиление напряженности в советско-японских отношениях вынудило СССР привести войска на границе с Китаем в конечных пунктах КВЖД в состояние боевой готовности.

Разумеется, эти действия осуществлялись по указаниям высшего советского партийного и военного руководства, прежде всего Сталина. Как писал после начала событий в Маньчжурии редактор газеты «Известия» И.М. Гронский члену Политбюро ЦК ВКП(б) В.В. Куйбышеву, «все, что касается Японии и дальневосточных дел, проходит через него»¹³ и наркома по военным и морским делам Ворошилова. О повышенном внимании к событиям в Маньчжурии свидетельствует и письмо Сталина Ворошилову, находившемуся в командировке в восточных районах СССР, от 27 ноября 1931 г.

В этом письме Сталин писал, что СССР подходит к японскому вторжению в Маньчжурию как к серьезному и важному событию, так как Япония рассчитывает захватить силой также Пекин и прилегающие к нему районы с помощью группы китайских феодалов, с тем чтобы сформировать правительство Китая, конкурирующее с правительством Чан Кайши в Нанкине, и в следующем году воз-

местить им их территориальные потери в Маньчжурии за счет советского Дальнего Востока и, возможно, Монголии.

Сталин писал далее, что, претворяя в жизнь этот план, Япония будет стремиться защитить себя и Северный Китай от «дурного влияния большевиков», сделать невозможным сближение между СССР и Китаем и создать свою мощную экономическую и политическую базу на Азиатском континенте, с тем чтобы подготовиться к войне с США, причем если Япония не реализует этот план в 1932 г., она окажется в ловушке между милитаризирующейся Америкой, революционным Китаем и быстро развивающимся и стремящимся выйти на просторы Тихого океана Советским Союзом. (Позднее это было бы уже поздно, так как СССР успел бы предпринять необходимые оборонительные меры.)

По мнению Сталина, осуществление этого плана зависело от ряда благоприятных для Токио факторов, а именно: 1. попустительство ведущих империалистических держав, прежде всего США; 2. задержка с развертыванием активного антияпонского движения сопротивления в Китае; 3. отсутствие мощного революционного подъема в Японии, признаков которого в это время не наблюдалось и 4. пренебрежение со стороны СССР серьезными военными и невоенными превентивными мерами против такого плана.

В заключение, отмечая, что нейтралитет в отношении Японии, несмотря на ее вторжение в Маньчжурию, способствует успеху на переговорах с Польшей о пакте о ненападении, Сталин подчеркивает, что главное в условиях, сложившихся в результате японской агрессии в Китае, состоит в том, чтобы после возвращения Ворошилова в Москву приступить к разработке плана укрепления обороны СССР на Дальнем Востоке¹⁴.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ СССР ЯПОНИИ ЗАКЛЮЧИТЬ ПАКТ О НЕНАПАДЕНИИ (1931–1932)

Москва продолжала стремиться к мирному урегулированию в Маньчжурии. В конце декабря 1931 г. нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов предложил японскому послу во Франции Ю. Ёсидзаве, возвращавшемуся из Парижа через Москву в Токио, где он должен был предположительно занять пост министра иностранных дел, заключить советско-японский договор о ненападении, который мог бы стать важным инструментом в деле улучшения советско-японских отношений. В январе 1932 г. для выяснения реакции Токио на данное предложение советский полпред в Токио А.А. Трояновский посетил с этой целью премьер-министра Японии Ц. Инукаи. Полпред СССР заявил, что в случае заключения договора о ненападении Советский Союз готов будет даже признать марионеточное государство Маньчжоу-го, то есть фактически согласиться с результатами японской агрессии против Китая.

По мнению японской стороны, такой договор содействовал бы обеспечению безопасности СССР и Японии, но вместе с тем усилил бы напряженность в японо-американских отношениях¹⁵, так как противоречия между Токио и Вашингтоном в их соперничестве за рынки сбыта и источники сырья в бассейне Тихого океана в этот период все более обострялись. Именно в связи с нежеланием вызвать еще большее недовольство США этим договором и тем самым ускорить процесс усиления противоречий министр иностранных дел Японии К. Утида в декабре 1932 г. сообщил советской стороне, что время для заключения такого договора с СССР еще не созрело, и предложил провести переговоры о разрешении стоящих перед Москвой и Токио вопросов на двусторонней основе, не поднимая темы, которые затрагивают интересы третьих государств.

В 1932 г. вопрос о заключении этого пакта затрагивался Советским Союзом неоднократно, но Токио занимал уклончивую позицию, используя советское предложение об этом пакте для давления на позиции ведущих капиталистических государств в Лиге Наций.

В конце концов, готовясь к выходу из этой международной организации, в декабре 1932 г. МИД Японии направил в НКВД СССР недвусмысленно отрицательный ответ.

В период с конца зимы до лета 1932 г. советско-японские отношения переживали период значительного улучшения. Это объяснялось отнюдь не тем, что Токио сделал в этот период какие-либо существенные шаги с целью улучшить двусторонние отношения, а тем, что, когда Япония попыталась в противоборстве с Китаем и ведущими государствами Запада захватить вооруженным путем район Шанхая, СССР заявил о своем строгом нейтралитете. При этом Советский Союз не только воздержался от критики агрессивных действий Японии в этом районе Китая, но и не пропустил через свою территорию комиссию Лиги Наций во главе с В. Литтоном для выяснения причин вторжения японских войск в Маньчжурию.

В докладе Лиги от 4 сентября 1932 г. содержался вывод, что Япония имела план «нападения», т.е. нападения в Маньчжурии. В отличие от китайцев, японцев обвиняли в незаконных действиях в зоне КМЖД как предпосылке вооруженного конфликта и поэтому рекомендовали не признавать Маньчжоу-го, что подтвердила 23 февраля 1933 г. сессия Лиги Наций, а затем и США, создав консультативный комитет по контрмерам, в состав которого СССР войти отказался. В результате этих действий Япония 27 марта 1933 г. вышла из организации.

В феврале 1932 г. СССР не только фактически, но и официально в нарушение советско-китайского соглашения 1924 г. предоставил Японии разрешение на транспортировку ее войск и военных грузов по КВЖД, в марте и сентябре советские представители заключили с Токио соглашение на поставку соответственно в Маньчжоу-го и Японию бензина из СССР, а в августе продлили рыболовную конвенцию.

Несмотря на эти шаги советской стороны, Япония не ослабляла своих усилий по укреплению позиций в Северной Маньчжурии, значение которой как военного плацдарма на Азиатском континенте для развязывания большой войны после поражения японских войск в районе Шанхая значительно возросло¹⁶.

В этих условиях Советский Союз во втором полугодии 1932 г.¹⁷ также ужесточил свою позицию по вопросу о влиянии в этом районе Маньчжурии. Пользуясь недовольством местных китайских милитаристов (генералов Ма Чжанша, Су Бинвэнь, Ли Ду, Тин Чао и др.) по поводу усиления контроля со стороны Японии, советские власти стали нелегально оказывать им поддержку в организации антияпонских восстаний, наиболее крупные из которых были легко подавлены японскими военными.

Квантунская армия провела около 1850 успешных карательных экспедиций против повстанцев¹⁸, часть которых в результате подавления их выступлений оказывались на советской территории (зимой 1932–33 гг. их численность достигла более 20 тыс.) При этом требования японской стороны об их выдаче под разными предлогами советские власти неизменно отклоняли¹⁹, продолжая оказывать помощь в приграничных районах мелким партизанским отрядам китайцев, общая численность которых в Маньчжурии в этот период достигала 100 тыс.²⁰

4

МЕРОПРИЯТИЯ СССР ПО УКРЕПЛЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ (1931–1936)

Не полагаясь на серьезный успех в обеспечении своей безопасности на Дальнем Востоке за счет Японии, Советский Союз сразу же после вторжения ее войск в Маньчжурию сделал главный упор в данном вопросе на военном строительстве в этом регионе.

Сведения об усилении Особой Дальневосточной армии стали известны японской стороне уже в ноябре 1931 г., когда свежие советские воинские контингенты появились на конечных пунктах КВЖД в Забайкалье и Приморье. Одновременно с этим было продлено на один год пребывание в составе Особой Дальневосточной армии солдат красноармейцев и командиров и офицеров сверхсрочной службы. Была создана также Приморская группа советских войск, и в городах Владивосток, Уссурийск и некоторых других

многие жилые дома стали перестраиваться в казармы. Вместе с тем «для обеспечения безопасности» в городах советского Дальнего Востока стали проводиться превентивные аресты нежелательных, с точки зрения советской власти, элементов. Так, по данным японской стороны, только за две недели января 1932 г. во Владивостоке было арестовано около 400 человек²¹.

Как заявил 8 февраля 1932 г. советский представитель на Международной конференции по разоружению в Женеве, в полосе границы СССР с Маньчжурией для отражения «агрессии со стороны белогвардейских войск» были сосредоточены советские воинские части Приморья и Забайкалья.

4 марта 1932 г. газета «Известия» впервые обвинила Японию в «провокации войны», применив в отношении нее слова Сталина о том, что советские люди не хотят чужой земли, но и своей земли они ни пяди никому не отдадут; газета призвала к усилению обороны советского Дальнего Востока. И если упомянутое заявление советского представителя в Женеве являлось, по мнению японской стороны, реакцией на оккупацию Квантунской армией г. Харбин, то названная выше статья в газете «Известия» была расценена как ответ на форсирование подготовки к созданию японскими властями марионеточного государства Маньчжоу-го, независимость которого была объявлена 18 февраля 1932 г., а создание — 9 марта того же года.

По оценке генштаба японской армии — на сентябрь 1932 г., основные вооруженные силы СССР на Дальнем Востоке состояли из 8–9 стрелковых дивизий, одной кавалерийской дивизии и двух кавалерийских бригад, около 250 танков и около 200 самолетов, причем с начала маньчжурских событий количество дислоцированных на Дальнем Востоке советских стрелковых дивизий увеличилось на 3–4 дивизии, не считая инженерно-строительных войск, развернувших фортификационные работы по строительству дотов и 22 дзотов²².

Весной 1932 г. началось строительство на советском Дальнем Востоке военно-морского флота как регионального морского формирования. До этого здесь действовала только Амурская флотилия, малое количество кораблей которой и их класс не позволяли

считать ее флотом. Для этого необходимо было перебазировать сюда корабли и военно-морские кадры из Европейской части СССР. В эти же годы началось восстановление военно-морского порта и крепости во Владивостоке, форсированное выселение гражданского населения и строительство казарм, а также установка артиллерии на о. Русский у входа в этот военно-морской порт.

После захвата Маньчжурии и заключенного в мае 1933 г. японо-китайского соглашения в Тангу о признании этого, в том же году в ежегодно утверждавшемся оперативном «Плане национальной обороны империи» произошло кардинальное изменение – главное направление военных действий на случай войны с СССР переместилось из района Большого Хинганского хребта, пересекающего Маньчжурию, в сторону советского Приморья, которое в 1928 г. впервые после окончания Гражданской войны стало рассматриваться как объект возможного нападения со стороны Японии. Это объяснялось как японо-маньчжурским протоколом о совместной обороне, так и сделанными в сентябре 1932 г. намеками советской стороны о возможности продажи Японии по приемлемой для СССР цене КВЖД. Официальное предложение на этот счет СССР сделал в мае 1933 г., хотя по советско-китайскому соглашению 1924 г. третьему государству эту железную дорогу Советский Союз продавать не имел права.

По новому оперативному плану японская армия должна была сначала перерезать Транссибирскую железнодорожную магистраль, развернуть наступление против контингентов Красной армии, которые будут прибывать из других районов Сибири, а затем нанести удар по советским войскам в Приморье. Уже после принятия этого плана на военно-воздушных базах в Приморье было увеличено количество размещенных там советских тяжелых бомбардировщиков, и во Владивосток прибыло большое количество подводных лодок. Это способствовало тому, что новый оперативный план Квантунской армии в Маньчжурии приобрел долговременный характер и в принципе не менялся в течение 10 лет²³.

В июне 1933 г. руководство японской армии в преддверии прогнозирувавшегося на 1935–36 гг. циклического мирового экономического кризиса дважды созывало совещание ответственных со-

трудников различных министерств и ведомств для определения государств, наиболее опасных для Японии, и выработки соответствующей оборонной стратегии. В результате меньшинство высказалось за то, чтобы временно не считать СССР потенциальным противником, поскольку сокрушить его в прямом военном столкновении было невозможно, а сосредоточиться на военном подавлении Китая, оказывающего упорное сопротивление Японии, и лишь после этого подготовиться к военному противоборству с СССР.

Большинство же участников этих совещаний выступило против такой концепции, ссылаясь на то, что подобная стратегия приведет к тому, что в результате Япония может оказаться перед лицом способных объединиться против общего врага двух сильных противников, а активизация военных усилий на китайском направлении в связи с возможностью вмешательства ведущих государств мира может привести к вовлечению Японии в мировую войну. Поэтому возобладала концепция, при которой единственным главным противником было решено считать Советский Союз, причем с учетом его возрастающей мощи. Упор должен был быть сделан не на активных военных мероприятиях против СССР, а на укреплении собственной обороноспособности при сохранении в силе упомянутого выше оперативного плана на случай, если Советский Союз сам предпримет наступательные действия в Маньчжурии⁴.

Об опасности развязывания новой мировой войны в результате агрессивной политики Японии предупреждали и советские военачальники. Так, 10 февраля 1934 г., выступая на вечере танкистов в Центральном доме Красной Армии, К. Е. Ворошилов заявил: «Период мирной передышки заканчивается. Приближается начало новой империалистической войны... Я должен прямо сказать, что если бы японцы наступали на нас в прошлом году, мы и тогда имели довольно значительное количество танков на Дальнем Востоке, но использовать их так, как это мы сможем сделать теперь, сегодня, мы не смогли бы, потому что кадры у нас тогда еще были слабоваты. Теперь этот пробел мы восполнили...»

Выразив надежду, что в 1934 г. войны удастся избежать, он тем не менее заявил: «Японцы, как вы знаете, ведут себя довольно нахраписто. Тут могут быть всякого рода неожиданности. Японцы нас

могут шантажировать в любой момент». Что касается возможного исхода этой войны, то К.Е. Ворошилов сказал следующее: «...японцы не смогут, не должны с нами справиться. Здесь все будет зависеть от людей, от того, как мы будем использовать нашу технику, от того, насколько умело мы сумеем ее применить тактически, организационно и оперативно, насколько умело распорядимся нашими средствами борьбы²⁵.

В январе 1935 г. зам. наркома обороны СССР М.Н. Тухачевский выступил с докладом на VII съезде Советов СССР. Докладчик заявил, что в 1934 г. личный состав Красной армии увеличился с 600 тыс. до 940 тыс. человек, а военный бюджет на 1935 г. вырос на 6,5 млрд. руб. Тухачевский сообщил, что в связи с большой удаленностью восточных рубежей СССР от его западных границ (а это было чревато тем, что в случае возникновения военного конфликта на Дальнем Востоке подкрепление из Европейской части СССР для ограниченного контингента советских вооруженных сил, даже если его осуществлять по воздуху, может не успеть вовремя) советское руководство оказалось поставленным перед необходимостью разместить в дальневосточных районах страны авиацию, танковые и артиллерийские подразделения.

Обратив особое внимание на последнее обстоятельство, генеральный штаб японской армии пришел к выводу, что поскольку такие части, по-видимому, в соответствии с советской военной доктриной, будут составлять основу вооруженных сил СССР, необходимо будет соответствующим образом усилить Квантунскую армию²⁶.

15 января 1936 г. Тухачевский в своей речи на заседании правительства СССР изложил новый план обороны страны, в котором говорилось, что с Запада Советскому Союзу угрожает вооружающаяся Германия, а с Востока – Япония и что армия нуждается в продовольственных ресурсах Сибири и Монголии. Докладчик добавил, что в Японии быстрыми темпами растет производство военной авиации и танков, в Маньчжурии ведется строительство сети стратегических железных дорог с целью подготовки к агрессии против СССР, а японский военно-морской флот приступил к осуществлению своего второго плана увеличения военно-морских сил.

Все это ставило страну, по словам заместителя наркома, перед необходимостью подготовки к обороне на два фронта и повышения процента регулярных войск по сравнению с народным ополчением (с 26% к 74% в 1934 г. до 77% к 23% в 1935 г.) при доведении общей численности Красной армии до 1,3 млн. человек и форсированном строительстве ВВС и ВМС, в особенности подводного флота.

Японский Генеральный штаб проанализировал планы советского руководства и дал свою оценку: советская стратегия оборонительной войны на два фронта с последующим перенесением главного контрудара с одного фронта на другой трудно осуществляемая и поэтому нереалистическая²⁷.

К концу 1935 г. почти все стрелковые дивизии Красной армии были укомплектованы регулярными частями с повышенной огневой мощью, что, по мнению японской стороны, свидетельствовало о росте ее профессионализма и наступательного потенциала²⁸.

В июне 1936 г. в Японии при утверждении очередного оперативного «Плана национальной обороны империи» впервые после окончания Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке нашей страны наряду с присутствовавшим в этом плане в качестве его первоочередного и в прошлом единственного объекта — США стали указывать также Советский Союз.

Последнее обстоятельство было связано с тем, что представители японского правительства уже вели с фашистской Германией переговоры о заключении Антикоминтерновского пакта.

На Токийском процессе главных японских военных преступников 1946–1948 гг. эти оперативные планы, несомненно направленные против СССР, были включены как в обвинительный акт, так и в приговор Международного военного трибунала в качестве свидетельства агрессии против Советского Союза. Но таковыми эти планы могли бы быть только при их претворении в жизнь в случае явного нарушения Японией норм международного права, как это имело место со стороны Токио в отношении Китая.

Такой же план войны с Германией генеральный штаб японской армии в 30-е годы разработал и на тот случай, если Гитлер, быстро и успешно осуществив молниеносный захват Европы, приступил

бы к экспансии через регион Индийского океана в направлении стран Тихоокеанского бассейна. Но никому не пришел в голову такой абсурд, как обвинять Японию на этом основании в агрессии против фашистской Германии и выносить японским руководителям на том же процессе соответствующий приговор²⁹.

Антикоминтерновский пакт был заключен 25 ноября 1936 г. (через один год к нему присоединилась Италия) для совместного противодействия Японии и Германии, как указывалось в его опубликованном тексте, подрывной деятельности Коминтерна (III Интернационала коммунистических партий). Это было сделано, как утверждали представители этих государств, в ответ на решение состоявшегося в 1935 г. VII Всемирного конгресса этой организации, который исходил из необходимости создания при сотрудничестве со II Интернационалом социалистических партий единого народного фронта борьбы против империализма и фашизма, т.е. против правящих кругов Германии и Японии, оказывая Компартии Китая помощь в борьбе против господствующих классов своей страны.

К пакту был приложен секретный договор, в соответствии с которым стороны учредили постоянный комитет для обмена информацией о деятельности Коминтерна, сотрудничества в проведении мероприятий по защите от этой деятельности и принятия жестких мер против сотрудников Коминтерна и их «пособников» внутри каждой из договаривающихся сторон, а также содействия этому сотрудничеству и взаимно обязались консультироваться в отношении необходимых мер для подавления «подрывных акций» Коминтерна.

На основании анализа поступавшей информации разведывательная агентура СССР заранее почти совершенно точно предсказала содержание Антикоминтерновского пакта, и в связи с этим 9 ноября 1936 г. полпред СССР в Японии К. Юренев посетил министра иностранных дел Х. Аригу и сделал запрос относительно того, будет ли носить документ, о заключении которого велись тогда переговоры Японией с третьей страной, антисоветский характер. А 21 числа того же месяца в «Известиях» была опубликована редакционная статья о «заговоре Японии и Германии против мира»,

в которой с осуждением подчеркивалось, что под флагом борьбы с большевизмом скрывается тайный военный союз двух государств.

Очевидно, что именно вследствие такой оценки Советским Союзом Антикоминтерновского пакта сразу же после его заключения позиция нашей страны в отношении Японии приобрела более твердый характер.

Вдоль границы с Маньчжоу-го по берегам р. Уссури, р. Амур и в Забайкалье были размещены советские войска, состав которых постепенно усиливался. В соответствии с принципами советской внешней политики (остававшимися в основном неизменными до XX съезда КПСС, состоявшегося в 1956 г.) война между капиталистическими государствами и СССР в силу агрессивной природы капитализма представляла собой фатальную неизбежность, а их мирное сосуществование рассматривалось как передышка между такими войнами, будучи формой классовой борьбы, являющейся подготовкой сторон к войне двух антагонистических систем. Этот подход к грядущей войне между ними нашел свое отражение и в полевом уставе Красной армии, который вступил в силу в декабре 1936 г., а также в принципе подготовки вооруженных сил для заранее предопределенного нападения классового противника и немедленного переноса после сокрушительного контрудара военных действий на территорию врага.

Советская доктрина фатальной неизбежности войны с капиталистическими странами и выдвигание для нанесения мощного удара по уязвимым местам в обороне противника в районы, непосредственно прилегающие к границе мобильных воинских соединений Красной армии, вызвало обеспокоенность в генеральном штабе японской армии. Эта обеспокоенность усилилась после проведения в конце марта 1936 г. военных маневров Особой Дальневосточной армии под командованием маршала В.И. Блюхера, осуществленных впервые в столь широких масштабах³⁰. При этом особое внимание японская сторона обратила на начатое в конце 1936 г. строительство аэродрома для тяжелых бомбардировщиков в 200 км от границы с Маньчжоу-го северо-восточнее г. Ворошиловска, куда после его завершения они начали приземляться уже в 1937 г.³¹.

Стремясь обезопасить район Забайкалья в связи с огромным стратегическим значением для снабжения всего советского Дальнего Востока участка проходящей здесь Транссибирской железнодорожной магистрали, СССР решил расширить эту своего рода «горловину» между Сибирью и Дальним Востоком и для этого 27 ноября 1934 г. заключил соглашение с МНР о военной взаимопомощи, а фактически об односторонней советской помощи МНР для обеспечения безопасности перевозок по этой магистрали с юга, так как армия МНР насчитывала всего 15 тыс. человек. Однако, поскольку недалеко от границы СССР, в 200 км юго-западнее от г. Хайлар восточное озеро Буир-Нур в районе р. Халхин-Гол был расположен приграничный участок между МНР и Маньчжоу-го, оспариваемый обеими сторонами, заключение этого соглашения оказалось чреватым опасностью втягивания Советского Союза в вооруженные столкновения не только с маньчжурскими войсками, но и с Квантунской армией, связанной с марионеточным правительством маньчжурского императора Г. Пуи военным союзом о взаимопомощи.

5

УСИЛЕНИЕ НАПРЯЖЕННОСТИ НА ГРАНИЦАХ С МАНЬЧЖОУ-ГО (1935—1936)

Действительно, вскоре после заключения этого соглашения, 8 января 1935 г., отряд монгольских кавалеристов из 10 человек выдвинулся в окрестности могильного кургана Халха к северу от озера Буир-Нур. В ответ на это 28 января того же года отряд японских кавалеристов занял курган Халха. Данный инцидент послужил поводом для того, чтобы 1 июня 1935 г. в пограничном местечке у советско-маньчжурской границы Манчжоули провести переговоры об определении линии границы между МНР и Маньчжоу-го. При этом 23 июня японские геодезисты во время съемки местности в спорном районе р. Хайластын — притока р. Халхин-Гол — были взяты в плен. Но так как каждая сторона настаивала на том,

что оспариваемая территория принадлежит ей, вопрос о границе урегулирован не был и позднее, в 1939 г., явился причиной ожесточенного вооруженного конфликта в районе р. Халхин-Гол (Халха). В спор вокруг вопроса о границе в ходе монголо-маньчжурских переговоров были вовлечены как японская, так и советская сторона. Первая из них поддержала требование делегации Маньчжоу-го о том, чтобы МНР признала ответственность за произошедший инцидент в районе р. Хайластын, согласилась на постоянное размещение на ее территории вблизи спорного участка границы постоянного представителя Маньчжоу-го и заявила, что в случае отказа монгольской стороны от принятия этих требований они будут рассматриваться как последнее предупреждение, после которого войска МНР будут силой оттеснены за линию Тамцак-Булак – Джи-Джи-Сумэ, соединяющую центр и середину южного края района МНР, вдающегося в территорию Маньчжоу-го³².

В свою очередь 6 июня 1935 г. правительство Советского Союза в связи с позицией Японии в этом инциденте сделало ее послу в СССР К. Хирота заявление, в котором утверждало, что не столько власти Маньчжоу-го, сколько Квантунская армия, предъявив 4 июля 1935 г. необоснованное и «последнее предупреждение» МНР, провоцирует ее на вооруженный конфликт и что Квантунская армия пытается воспользоваться этим предупреждением как предлогом для оккупации района между Тамцак-Булак и Джи-Джи-Сумэ. В заключение правительство СССР доводило до сведения правительства Японии, что, исходя из интересов безопасности своей собственной границы, оно заинтересовано, чтобы Токио принял необходимые меры в отношении Квантунской армии с целью обеспечения мирного порядка на монголо-маньчжурской границе. В результате демарша правительства СССР монгольская сторона, получив дипломатическую поддержку Советского Союза, отвергла притязания делегации Маньчжоу-го, поддержанные Токио, и в конечном счете 26 августа того же года переговоры были прерваны.

Срыв монголо-маньчжурских переговоров способствовал сохранению напряженности на границе между МНР и Маньчжоу-го. В результате этого 12 февраля 1936 г. на границе между ними в мес-

течке Опаходка вблизи юго-западного берега озера Буир-Нур произошло вооруженное столкновение между кавалерийским отрядом Квантунской армии и подразделением армии МНР, которому были приданы артиллерия и броневики. При этом стороны понесли потери убитыми и ранеными.

Через месяц после этого, 20 марта 1936 г., был подписан сроком на 10 лет Протокол о взаимопомощи между СССР и МНР, в соответствии с которым в случае нападения на одну из договаривавшихся сторон другая должна была оказать ей всевозможную помощь, включая военную.

Сразу же после подписания этого документа началась реконструкция дорог, связывавших Забайкалье с МНР, а также строительство стратегической железной дороги от Улан-Удэ до Наушки, расположенных на границе Бурят-Монгольской АССР и МНР, что могло иметь важное значение в случае, если бы здесь развернулись боевые действия.

О подготовке к ним не только СССР, но и МНР, по сведениям генштаба японской армии, свидетельствовало и удвоение ее военного бюджета, численности вооруженных сил, введение в строй новых кавалерийских дивизий и модернизация боевой техники всех частей армии на основе военных поставок из СССР³³.

По сведениям того же органа японской армии, к концу 1936 г. численность вооруженных сил Забайкальского военного округа и Особой Дальневосточной армии по сравнению с предыдущим годом увеличилась на 2–6 стрелковых дивизий, одну кавалерийскую дивизию, около 250 самолетов и на 300–400 танков, составив 16–20 стрелковых дивизий, 4 кавалерийских дивизии, около 1200 самолетов, около 1200 танков и около 70 подводных лодок. Такое усиление обороны советского Дальнего Востока было осуществлено в соответствии с постановлением СНК СССР от 27 мая 1933 г.³⁴.

В результате усиления напряженности на границах марионеточного государства Маньчжоу-го с СССР и МНР количество пограничных конфликтов в 1935 г. увеличилось за 2 года 10 месяцев на 150 инцидентов, достигнув 176.

Это объяснялось, с одной стороны, совместными японо-маньчжурскими операциями против хунхузов (китайских бандитских формирований), которые, спасаясь от преследования, пытались укрыться на территории СССР, с другой – усилившимися попытками проникновения советских разведывательных групп на территорию Маньчжоу-го для получения данных о Квантунской армии. После того как 23 марта 1935 г. КВЖД была по советско-японскому соглашению продана Японии, возможности советской стороны получать соответствующую разведывательную информацию через советских служащих этой железной дороги были сведены на нет (к 22 августа 1935 г. было эвакуировано 6238 советских служащих и 14 397 членов их семей)³⁵.

3 июня 1935 г. 11 японских военнослужащих под командованием офицера во время патрулирования окрестностей населенного пункта Янмулиньцзы на восточном участке границы между СССР и Маньчжоу-го неожиданно были обстреляны шестью советскими пограничниками в районе, который, по мнению японской стороны, рассматривался как территория ее союзника.

Ответным огнем японской стороны был убит один советский военнослужащий. Кроме того, было убито несколько лошадей советского пограничного отряда. Это был первый пограничный вооруженный конфликт между советской и японской стороной в связи с разным подходом к демаркации границы между Советским Союзом и Маньчжоу-го.

6 октября 1935 г. в районе к северу от Суйфунка пограничники Маньчжоу-го завязали перестрелку с советскими пограничниками. Несколько дней спустя смешанный японо-маньчжурский отряд, который направился на место вооруженного столкновения для того, чтобы выяснить его причину, вновь подвергся обстрелу с советской стороны и открыл ответный огонь.

В результате перестрелки стороны потеряли по несколько человек убитыми и ранеными.

29 января 1936 г. у населенного пункта Цзиньчангоу в уезде Мишань на восточном участке границы между СССР и Маньчжоу-го 108 военнослужащих последней под командованием офицеров убили трех японских военнослужащих, подожгли казарму и, на-

рушив государственную границу, бежали на советскую территорию в районе Мещеряковской пади у озера Ханко³⁶.

На следующий день смешанный японо-маньчжурский отряд, преследуя их, открыл огонь по советской территории и подвергся ответному обстрелу в районе прохождения линии государственной границы. В результате перестрелки японо-маньчжурская сторона потеряла 9 человек убитыми, 7 – ранеными. На поле боя ею был подобран труп советского пограничника и в качестве трофеев захвачено советское оружие.

25 марта того же года девять японских пограничников во время патрулирования государственной границы в окрестностях Чжанлинцзы к юго-востоку от г. Айгун внезапно были обстреляны отрядом из 7–8 советских пограничников и вступили с ними в бой.

В результате перестрелки три японца были ранены и двое пропали без вести.

24 марта нападению японо-маньчжурского отряда подверглась погранзастава МНР Монгол-Дзагас в районе озера Буир-Нур. После начавшейся перестрелки, несмотря на то что к противнику подоспело подкрепление на четырех грузовиках, монгольские пограничники отбросили отряд за границу МНР.

На следующий день японо-маньчжурский отряд численностью около 200 человек предпринял контратаку и, пользуясь превосходством в живой силе, захватил помещение погранзаставы, а затем вернулся обратно в Маньчжурию после появления монгольской авиации.

29 марта японо-маньчжурские отряды совершили новые нападения на монгольскую погранзаставу Адык-Долон, располагавшуюся в 45 км от линии границы, и Булун-Дерсу, находившуюся в 50 км северо-западнее Адык-Долон. В результате двух ожесточенных боев монгольские пограничники отбили нападение противника.

31 марта Адык-Долон вновь подвергся нападению и был захвачен японо-маньчжурами, но к утру 1 апреля этот населенный пункт был снова освобожден.

В начале апреля СНК СССР заявил протест правительству Японии по поводу этих нападений, сообщив о том, что СССР заключил 12 марта 1936 г. протокол с МНР о взаимопомощи³⁷.

26 августа 1936 г. 20 советских кавалеристов прибыли на берег, находившийся, по утверждениям японского армейского командования, на территории Маньчжоу-го в Синьняогоухэ в районе Дуннин на восточном участке границы СССР и Маньчжоу-го, и начали мыть своих коней. Когда советские пограничники в ответ на требование удалиться отказались сделать это, рота японо-маньчжурских войск обстреляла их и вынудила отступить.

24 ноября 1936 г. в местечке Наньчжур (Гуаньюэтай), к северу от конечной станции КВЖД Суйфунка, у ее пересечения с Транссибирской железнодорожной магистралью в Приморье, во время рекогносцировки местности взвод японских пограничников внезапно подвергся минометному и пулеметному обстрелу со стороны советских пограничников и открыл ответный огонь.

В результате перестрелки японцы потеряли 10 человек убитыми, 7 – ранеными и 8 – пропавшими без вести.

Два дня спустя вооруженный конфликт произошел также на границе СССР и Маньчжоу-го в окрестностях населенного пункта Чжандяньин.

В результате ожесточенной перестрелки было убито с японской стороны 2 человека, ранено 7 и один пропал без вести. С советской стороны, по неполным данным, был убит один человек, ранен один, причем на поле боя советские пограничники при отходе от линии границы оставили один тяжелый и один легкий пулеметы.

В декабре после инцидента в Олаходке с 29 марта по 1 апреля 1936 г. произошло вооруженное столкновение между японскими войсками и войсками МНР на их границе у населенного пункта Таоань юго-западнее Олаходки. В боях с монгольской стороны приняло участие около 300 конников МНР, до 12 бронемашин, три артиллерийских орудия и авиация. Вся техника была поставлена из СССР. С японской стороны – артиллерийская батарея, танковая и пулеметная роты, поддержанные авиацией.

В результате этого конфликта японская сторона потеряла 13 человек убитыми³⁸. В связи с усилением напряженности на границах Маньчжоу-го с СССР и МНР с середины 1935 г. японо-маньчжурская сторона выступила с утверждением, что ее главной причиной является неопределенность линии государственной границы, т.е.

нечеткая демаркация по действующим международным договорам, и высказалась за ее точное определение соответствующей комиссией по урегулированию пограничных конфликтов.

Советская же сторона в ответ на это заявила, что демаркация границы была в свое время проведена в соответствии с русско-китайскими договорами и соглашениями, о чем свидетельствуют подписанные сторонами географические карты, и что поэтому в редемаркации необходимости нет, а дело заключается лишь в том, чтобы добиваться урегулирования возникающих пограничных инцидентов, вызываемых нарушением установленной упомянутыми международными документами линии государственной границы.

Возражая против такого подхода, японо-маньчжурская сторона в качестве примера привела тот факт, что из 25 пограничных столбов, установленных при демаркации границы между озером Ханко и р. Тумьньцзын (Туманган) на стыке границ СССР, Маньчжоу-го и Кореи, к середине 1935 г. сохранилось только десять, причем промежутки между сохранившимися пограничными столбами в низинах и на холмах поросли лесом, что не позволяет японским пограничникам точно ориентироваться в отношении пределов территории Маньчжоу-го, которую они охраняют в соответствии с протоколом о военном сотрудничестве с Маньчжоу-го.

Сложившаяся ситуация приводила к тому, что на ряде этих участков границы периодически возникали конфликты.

Так, вскоре после окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке советской стороне были предъявлены претензии на 1,5 кв. км территории в районе бывшего пограничного знака № 1, похищенного жителями Маньчжурии для того, чтобы советские граждане не могли противодействовать освоению участка № 1008 в районе к северу от озера Хасан. В результате таких действий к 1936 г. было захвачено 70 га земельных угодий, расположенных на советской территории.

В 1935–1936 гг. для того чтобы закрепить за собой «спорные» земли, осваивавшиеся у маньчжурского поселка Янкуанпфын в районе озера Хасан, последние неоднократно обращались к японскому командованию. В результате изучения этого вопроса военные власти Японии пришли к заключению, что фактическая гра-

ница от литеры «Г» проходит здесь по восточному берегу озера Хасан, которое по Хунчуньскому протоколу о границе между Россией и Китаем 1886 г. было признано расположенным на российской территории, до горы Баранова.

В конечном счете 11 октября 1936 г. это явилось причиной столкновения, и, несмотря на отпор, полученный со стороны советских пограничников, японцы продолжали здесь выдвигать свои претензии на участок № 1008 вплоть до событий на озере Хасан в 1938 г.

Воруженные столкновения на границе происходили и позднее. Так, 26 октября 1936 г. японо-маньчжурские атакуют советских пограничников на высоте Безымянная (в 1 км к югу от литеры «Л»), через которую проходила граница по Хунчуньскому протоколу. 26 ноября 1936 г., а также 14 февраля и 4 мая 1939 г. имели место конфликты с применением оружия в районе пограничной Павловской сопки восточнее упомянутого выше района, вблизи северо-западного берега озера Ханко³⁹.

Возражала против позиции СССР японо-маньчжурская сторона и по более важному вопросу – проведению границы вдоль китайского берега пограничных рек Аргунь, Амур и Уссури, как она обозначена на приложенной к русско-китайскому Пекинскому договору 1860 г. географической карте масштаба 25 км в дюйме (1:1 050 000). Это объяснялось тем, что граница по рекам была проведена здесь вопреки нормам обычного международного права, в соответствии с которыми государственная граница на судоходных реках проводится по середине главного фарватера. А если имеются расхождения в описании границы между картой и текстом договора (а такое расхождение между текстом Пекинского договора и приложенной к нему упомянутой картой действительно существовало, причем в пользу нормы обычного международного права), то граница должна устанавливаться также по середине главного фарватера.

Вот почему японо-маньчжурская сторона выступала за пересмотр фактически установленной СССР границы с Маньчжоу-го по рекам в соответствии с упомянутой картой, поскольку в этом случае все острова в русле пограничных рек оказались на террито-

рии Советского Союза. В пользу позиции японо-маньчжурской стороны свидетельствовало то обстоятельство, что, согласно Положению Комитета министров России от 13 октября 1867 г., и при отводе русским на островах р. Амур покосных мест «принималась граничной линией середина главного фарватера».

В 1912 г. министр иностранных дел России С.Д. Сазонов в депеше российскому посланнику в Пекине предписывал считать, что на проходных реках «русская государственная граница следует по тальвегу», т.е. линии наибольших глубин. По Циликарскому же договорному акту от 7 декабря 1911 г. государственной границей между Россией и Китаем на р. Аргунь была признана линия посередине ее главного фарватера, и поскольку она проходит ближе к российскому берегу, то часть крупных островов на этой реке оказались за русской границей. Тем не менее особым реестром к договору как исключение они были отнесены к России, что, однако, не означало, что китайцы были лишены права их хозяйственного освоения наряду с русскими. Позднее, в 30-е гг., это привело здесь к пограничным инцидентам.

В начале 30-х гг. после захвата Маньчжурии Японией в связи с военной угрозой своей безопасности СССР в одностороннем порядке взял под свой контроль практически все острова и на реках Амур и Уссури, что явилось предпосылкой для пограничных инцидентов и усиления напряженности в советско-японских отношениях⁴⁰.

«...Ситуация особенно осложнилась в 30-е годы, когда японские войска оккупировали Маньчжурию, — писала газета «Сегодня». — Советский Союз воспринял это как непосредственную угрозу и в одностороннем порядке взял под свой контроль почти все острова на Амуре и Уссури, пренебрегая принципами разграничения, действующими в международном праве (именно тогда, кстати, СССР заполучил известный остров Даманский, территориальный спор за который чуть было не привел к ширококомасштабному конфликту с Китаем в 1969 году)⁴¹. При строительстве оборонительных сооружений советские военные (вследствие неясности демаркационной линии — К.Ч.) нередко захватывали и территорию сопредельной стороны»⁴².

В марте 1936 г. советская сторона заявила, что она выступает за редемаркацию советско-маньчжурской границы, но против ее демаркации, хотя, как выяснилось позднее при сличении советских и китайских топографических карт, линия государственной границы не совпадает на них более чем на 20 участках⁴³.

Несмотря на это, в апреле того же года взаимная заинтересованность сторон в предотвращении войны привела к тому, что была достигнута принципиальная договоренность об учреждении двух комиссий – комиссии по урегулированию пограничных конфликтов и комиссии по демаркации государственной границы с тем, чтобы они сначала попытались добиться согласия в отношении восточного участка границы между СССР и Маньчжоу-го, а затем перейти к разрешению возникающих вопросов на других участках этой границы.

Однако сразу же после заключения 26 ноября 1936 г. Антикоминтерновского пакта, дополнительного протокола и секретного соглашения с обязательством в случае неспровоцированного нападения на одну из договаривающихся сторон Советского Союза «немедленно обсудить меры, необходимые для защиты их общих интересов» и не заключать с СССР каких-либо политических договоров, которые бы могли облегчить его положение⁴⁴, советская сторона утратила интерес к этим комиссиям. Кроме того, едва возобновив 2 октября 1936 г. прерванную 26 августа 1935 г. работу, советско-монгольская и японо-маньчжурская делегации в Маньчжоули, снова по указанной причине, 25 ноября того же года после четвертого заседания по инициативе советско-монгольской стороны прервали переговоры по урегулированию конфликтов на монголо-маньчжурской границе.

Вскоре после заключения Антикоминтерновского пакта в связи с расхождениями в оценке линии границы возобновились вооруженные столкновения и на ее советско-маньчжурском участке. Так, 26 декабря в районе пограничного знака №17 группа пешеходных японо-маньчжурских солдат, нарушив границу, проникла, по оценке советской стороны, на 1 км в глубь территории СССР. А 30 декабря группа конных японо-маньчжурских солдат дважды нару-

шала границу у села Абагатуй, проникая на 200 м в глубь советской территории.

Осуществлялось вторжение со стороны Японии и в воздушное пространство СССР. Так, 27 декабря 1936 г. близ г. Оупу японский самолет углубился на 5 км к северу от границы с СССР, пролетев 12 км по его территории.

ГЛАВА 3

СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЕ ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 30-Х ГГ.)

1

БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ ИНЦИДЕНТ, ИЛИ ИНЦИДЕНТ У КОНСТАНТИНОВСКИХ ОСТРОВОВ В 1937 Г.

Данный конфликт возник в связи с ужесточением позиций СССР в вопросе об их принадлежности в условиях нарастания агрессивных тенденций в политике держав оси в результате заключения Антикоминтерновского пакта.

Инцидент начался с того, что 19 июня 1937 г. на островах Сен-нуха и Большой, расположенных юго-восточнее г. Благовещенска и юго-восточнее г. Айхунь, к югу от середины главного фарватера р. Амур высадились советские пограничники (на первом из них 20 человек, на втором — 40) и изгнали находившихся там поданных Маньчжоу-го.

В нарушение советско-маньчжурского соглашения о судоходстве по фарватерам пограничных рек 1934 г. четыре дня спустя более десятка советских патрульных судов с артиллерией на борту заблокировали проход иностранных судов по северному рукаву р. Амур — ее главному фарватеру. При этом около 50 советских пограничников продолжали оккупировать оба острова, которые по

приведенным выше юридическим основаниям каждая вступившая в конфликт сторона считала своей территорией.

В соответствии с инструкцией генерального штаба о принятии соответствующих мер в случае незаконной оккупации Советским Союзом части территории Маньчжоу-го командующий Квантунской армией генерал К. Уэда отдал приказ ее первой дивизии о подготовке к вытеснению советских пограничников с указанных островов, и ее пехотные, артиллерийские и инженерные части были развернуты у правого берега р. Амур в районе названных выше островов.

Одновременно одна из трех расположенных севернее левого берега этой реки советских стрелковых дивизий выступила в южном направлении для предотвращения контрудара противника с противоположного берега.

29 июня японцы высадились на упомянутых островах, потопили советский бронекатер, повредили при артобстреле советскую канонерку и другие суда, убив и ранив несколько краснофлотцев¹. Инцидент был, казалось, исчерпан после того, как 29 июня в ответ на предпринятый в тот же день демарш правительства Японии правительство СССР согласилось по просьбе японской стороны во избежание дальнейшей вооруженной эскалации конфликта отвести свои войска с обоих островов на прежние позиции.

Японское правительство отдало также японским войскам новый приказ об отмене подготовки к военным действиям против советских пограничников, вторгшихся на территорию Маньчжоу-го. При этом правительство СССР заявило, что в период заключения в 1860 г. Пекинского договора пограничный главный фарватер проходил в этом районе по южному рукаву Амура и что его естественное перемещение на север не означает автоматического изменения границы. В заявлении по этому поводу заведующий II Восточным отделом НКВД СССР В.И. Козловский заявил посольству Японии в СССР: «В результате этого обстрела мы понесли потери убитыми и ранеными. Наши канонерки на огонь не отвечали. Мне поручено заявить решительный протест против подобных неслыханных провокационных действий японо-маньчжурских войск». В ответ первый секретарь посольства Японии в СССР Ф.

Миякава возразил, сказав, что, как он полагает, инцидент произошел не по вине японо-маньчжурской стороны, и, ссылаясь на мнение посла Японии в СССР М. Сигэмицу, подчеркнул, что «в первую очередь должны быть отведены советские войска, незаконно занявшие эти острова (к югу от главного фарватера — К. Ч.), а маньчжурам нечего занимать и отводить»².

Однако 30 июня 1937 г. три советских патрульных катера, проходя на высокой скорости по южному рукаву р. Амур южнее о. Сеннуха, обстреляли японских и маньчжурских пограничников. Ответным огнем из деревни Ганьчацзы один из советских патрульных катеров был потоплен, а другому были нанесены серьезные повреждения.

В связи с этим посол Японии в СССР М. Сигэмицу потребовал скорейшей эвакуации советских пограничников и советских патрульных катеров из района конфликта, заявив решительный протест против действий советских вооруженных сил.

2 июля 1937 г. НКВД СССР ответил японской стороне, что он согласен в целях ликвидации конфликта отвести советские войска и упомянутые катера из района конфликта, но что это не означает отказа Советского Союза от прав на спорные острова, и вскоре выполнил это обещание. При этом за один день до начала войны Японии против Китая, 6 июля, к югу от пограничного столба № 2 и о. Большой японо-маньчжурский отряд вновь обстрелял советских пограничников. В результате повторного столкновения несколько часов спустя стороны понесли потери убитыми и ранеными³. При этом японское армейское руководство, в особенности командование Квантунской армии, пришло к выводу, что не дипломатические усилия японского правительства как таковые, а эффективный вооруженный отпор «советской военной провокации» сыграл главную роль в разрешении данного конфликта, и поэтому Японией был взят курс на решительное применение вооруженных сил против СССР и МНР в случае возникновения подобных инцидентов в будущем. Это явилось предпосылкой того, что японская сторона заняла исключительно жесткую позицию в 1938–1939 гг., и вооруженные пограничные конфликты у озера Хасан и реки Халхин-Гол приобрели ожесточенный характер.

ДРУГИЕ ПОГРАНИЧНЫЕ ИНЦИДЕНТЫ В 1937 Г.

Помимо Благовещенского (Амурского) инцидента в 1937 г. имело место много других инцидентов на советско-маньчжурской границе. Об этом можно судить по количеству протестов, направленных с советской стороны японским властям, — 23. Из них наиболее крупными были следующие.

4 января в районе пограничного знака № 17 (район Дундачуань) на восточном участке этой границы на территории Маньчжоу-го были обнаружены три советских нарушителя границы. Когда к ним приблизилась пограничная стража, с другой стороны границы по ней был открыт огонь из легких пулеметов, после чего советская сторона также подверглась обстрелу⁴. Перестрелка длилась более одного часа.

Позднее полпредство СССР в Японии направило МИД Японии ноту протеста в связи с тем, что 13 японо-маньчжурских пограничников обстреляли пограничников СССР в упомянутом районе.

16 января 1937 г. с японо-маньчжурской стороны японский самолет в районе, прилегающем с юго-востока к г. Благовещенск, нарушил государственную границу СССР и произвел химическую атаку с применением отравляющих веществ (типа хлора). Отравляющими веществами было поражено семь советских военнослужащих и 49 сельских жителей.

В связи с этим НКВД СССР направил послу Японии в Советском Союзе М. Сигэмицу ноту протеста.

Но, несмотря на протесты советской стороны, в связи с неурегулированностью вопроса о границе между СССР и Маньчжоу-го, пограничные столкновения продолжались и в первой половине 1937 г. (например, 17 марта на участках Янчихэ в Посьетском районе и в районе села Нижне-Михайловского, а 21 марта — на о. Средний на р. Амур у г. Благовещенск)⁵, пока в середине 1937 г. в результате усиления напряженности не привели к упомянутому

серьезному инциденту в районе Константиновских островов Сеннуха (Ганьчацзы) в верховьях р. Амур и Большой (Цзиньанхо) в низовьях р. Аргунь⁶.

Непосредственно накануне инцидента в этом районе вдоль верхнего течения р. Амур пролетело большое количество японских самолетов, один из которых нарушил воздушное пространство СССР.

21 мая того же года два маньчжурских патрульных пограничных катера с артиллерией на борту проследовали по правому рукаву р. Амур в районе населенного пункта Поярково вблизи южного берега о. Сеннуха (Ганьчацзы), поскольку японская и маньчжурская сторона, ссылаясь на нормы международного права, рассматривали этот рукав, лежащий к югу от главного фарватера в стороне Маньчжоу-го, как ее территорию.

Советская же сторона, считая, что по изложенной выше причине в этом случае было осуществлено вторжение на территорию СССР, направила японской стороне в Токио и маньчжурской стороне в Харбине протест в отношении нарушения государственной границы СССР.

30 июля того же года полпредство СССР в Японии вновь выразило протест МИД Японии в связи с проникновением японских самолетов в воздушное пространство Советского Союза в районе, прилегающем к государственной границе с Маньчжоу-го.

На этот раз дело было связано с разбрасыванием антисоветских листовок от имени российских белоэмигрантских организаций, которые действовали в Маньчжурии. Для ликвидации объекта такой пропаганды осенью 1937 г. из двадцатикилометровой пограничной зоны на Дальнем Востоке были выселены местные жители, преимущественно корейцы.

В связи с этим советская сторона подчеркнула, что оказание содействия подобным организациям противоречит ст. 5 Основной конвенции о принципах взаимоотношений между СССР и Японией 1925 г.

На стыке границ СССР, Маньчжоу-го и Кореи, находившейся с 1910 г. под протекторатом Японии, на корейской стороне р. Туманцзян находился на Водораздельной сопке наблюдательный

пункт Маньчжоу-го, с которого маньчжурские пограничники с ведома японских властей в течение многих лет следили за водоснабжением своей территории, прилегающей к границе.

28 октября 1937 г., когда маньчжурский пограничный наряд, пересекая границу между Маньчжоу-го и Кореей, поднимался к этому наблюдательному пункту, он неожиданно подвергся обстрелу отрядом советских пограничников в составе 50 человек. И только открыв ответный огонь и получив подкрепление, маньчжурские пограничники смогли снова занять этот наблюдательный пункт.

В связи с данным инцидентом МИД Японии направил ноту протеста полпредству СССР в Японии⁷.

Как видно из приведенных фактов, напряженность в советско-японских отношениях достигла высокого накала.

Оценивая эту ситуацию, как тревожную, в аналитическом письме И.В. Сталину от 14 декабря 1937 г. советский разведчик Р. Зорге в своей шифротелеграмме из Токио писал: «Военно-политическая обстановка в Японии, по личному мнению и по ряду данных, полученных в иностранных и местных кругах, позволяют прийти к заключению, что выступления Японии против СССР может последовать в непродолжительном будущем, хотя общие затруднения Японии, весьма значительные уже в настоящее время, в этом случае вырастут еще более»⁸.

Высказывая свое вполне обоснованное мнение о причинах авантюристической политики Токио в отношении СССР, Р. Зорге сделал вывод, что хотя руководители военно-морского флота Японии понимали, что нападение на нашу страну ввиду ее возрастающей военно-экономической мощи с каждым годом становилось все более опасным, даже они, несмотря на традиционную оппозицию военщине, прежде всего руководству Квантунской армии, начинают верить в его утверждения «о сравнительной легкости осуществления внезапного нападения на Владивосток и Приморье и возможности ввиду «неблагоприятного положения в СССР» ограничить японо-советскую войну этой территорией и Сахалином»⁹.

В планы генерального штаба японской армии в 1937 г. были внесены существенные коррективы. «Если до сих пор, — писал Р. Зорге, — предусматривались преимущественно наступательные

методы борьбы с Красной армией, то теперь предполагается на всех фронтах, кроме участка около Владивостока (где будет осуществлен наступательный удар), действовать по принципу «сдерживающего боя». Существует убеждение, что Красная армия ответит на японскую провокацию наступательными действиями со стороны Читы и Благовещенска. В этом случае ей дадут возможность постепенно проникнуть в глубь Маньчжурии, чтобы, когда она достаточно утомится и будет удалена от полосы собственных укреплений, решительно по ней ударить»¹⁰.

Этот документ был настолько важен, что Сталин решил сохранить его под рукой в текущем архиве.

3

СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЙ КОНФЛИКТ В РАЙОНЕ ОЗЕРА ХАСАН В 1938 Г.

Со второй половины 30-х гг. количество японских и советских войск и вооружения на Дальнем Востоке неуклонно возрастало, причем на основании показаний перебежчика, начальника дальневосточного управления НКВД Г.С. Люшкова, японская сторона пришла к выводу, что советские войска значительно превосходят по своей численности и вооружению японские. В 1938 г. в сравнении с 1937 г. численность советских войск здесь выросла на 105 тыс. человек — более чем в 10 раз по сравнению с первоначальным планом, и соответственно в 2 раза увеличились ассигнования на военное строительство¹¹.

Еще большим поводом для обеспокоенности японской стороны явились дешифрованные телеграммы руководства советских пограничных войск на Дальнем Востоке с требованием увеличить запасы боеприпасов, не достигавшие и половины необходимого количества, а также занять сопку Заозерную высотой около 150 м на государственной границе к западу в 2,3 км от озера Хасан, поскольку она еще была свободна от японских войск.

И хотя российский историк Ю.В. Георгиев, следуя традицион-

ной точке зрения, считает, что к «агрессивным действиям» в связи с побегом Ляшкова, т.е. первой, прибегла японская сторона¹², другой российский историк, А.А. Кириченко, опираясь на документальное изучение этого вопроса, писал, что этот побег привел Сталина в ярость, и, судя по всему, Кремль одобрил инициативу заместителей наркома внутренних дел Фриновского и наркома обороны Мехлиса «дать самураям по зубам»¹³.

6 июля 1938 г. на Заозерной появилось несколько конных советских пограничников и начались фортификационные работы¹⁴. 11 июля здесь появилось уже 40 красноармейцев¹⁵, а 13 июля – еще 10 человек для продолжения упомянутых работ¹⁶.

Поскольку граница, проходившая, как предполагалось, в этом районе по вершинам холмов (водоразделу) не была демаркирована, то создавалось положение, при котором за каждой из сторон фактически оставались те высоты, которые занимали войска соответствующей стороны. Поэтому первоначально командующий японской армией в Корее генерал К. Койсо не придал особого значения донесению о появлении советских пограничников на высоте Заозерная (по-китайски Чанкуфэн).

Однако в канун готовящегося наступления японских войск на резиденцию китайского правительства в г. Ухань активизации советских войск вблизи стыка границ СССР, Маньчжурии и Кореи генеральный штаб Японии придал важное стратегическое значение и, предприняв ответные действия, решил проверить, не кроются ли за активными действиями советских войск на границе с Маньчжурией и Кореей какие-либо далеко идущие планы военного вмешательства¹⁷ в японо-китайскую войну.

Не исключено, что тем самым, учитывая напряженность в отношениях между СССР и Германией, а также с государствами Запада, определенные круги Токио, связанные с военными, решили попытаться заработать на активных ответных действиях политический капитал.

С этой целью после консультаций с военным министром Итаки министр иностранных дел Японии Утаки дал указание в посольство Японии в Москве о соответствующем дипломатическом демарше.

15 июля поверенный в делах Японии в СССР Х. Ниси потребовал от советского правительства отвода советских войск с высоты Чанкуфэн (Заозерная), являющейся «частью территории Маньчжоу-го» как государства, дружественного Японии и находящегося под его покровительством.

20 июля с аналогичным заявлением к наркому иностранных дел М.М. Литвинову обратился срочно вернувшийся из поездки по странам Западной Европы посол Японии в СССР М. Сигэмицу.

Последний заявил: «Японское правительство, вновь изучив этот вопрос на основании данных, имеющихся у японского правительства, пришло к заключению о принадлежности этого района Маньчжоу-го. К тому же маньчжурское население утверждает, что на высоте, о которой идет речь, оно отправляло религиозные обряды¹⁸.

В обоих случаях, ссылаясь на русско-китайский протокол 1886 г. и приложенную к нему карту, советские дипломаты заявили о неоправданности японских утверждений о том, что высота Заозерная (Чанкуфэн) расположена за пределами территории СССР и что советские войска, заняв ее, нарушили государственную границу Маньчжоу-го¹⁹.

Той же официальной точки зрения придерживаются все советские историки, которые писали об этом конфликте, за исключением В.П. Сафронова. Он считает, что причиной эскалации конфликта послужили действия отряда советских пограничников по охране сопкок Заозерная и Безьянная, предпринятые 9–10 июля 1938 г. по приказу командования в ответ на проведение в прилегающем к ним с запада районе японскими войсками фортификационных и разведывательных мероприятий и эвакуацию местного населения (правда, вопрос об обоснованности претензий сторон в отношении нарушения линии границы им не рассматривается)²⁰.

Но историки не обратили внимания на то, что даже в обычно охотно цитируемых или пересказываемых ими материалах Токийского трибунала говорится, что, «по утверждению СССР граница проходила по гребню сопкок между рекой Тумень-Ула (р. Тумангин-Тумыньцзян) и западным берегом озера Хасан, к западу от которых размещались японские пограничные войска, усиленные

в начале июля 1938 г., и что «с другой стороны, японцы утверждали, что граница проходила восточнее²¹ этой линии, но западнее озера Хасан».

«Когда в 1946 году начался Международный военный трибунал в Токио, где судили главных преступников, — писал А.А. Кириченко, — то советская сторона обвинения пыталась собрать доказательства японской агрессии у озера Хасан. По запросу МИД СССР начальник главного штаба ВМС адмирал Головкин в ноябре того же года сообщил, что в результате проверки в Гидрографическом управлении ВМС была обнаружена карта 1–2 (Хунчунь) масштаба 1:500 000, изданная Управлением военных топографов в 1933 г., на которой государственная граница СССР показана восточнее озера Хасан. В 1938 г. эта карта была по приказанию соответствующих властей изъята, а имевшиеся в Гидрографическом управлении экземпляры были полностью уничтожены. Не осталось карты у нас, но экземпляры выпущенной в СССР карты оказались в руках японцев, оккупировавших Маньчжурию²².

Иначе говоря, по русско-китайскому Хунчуньскому протоколу 1886 г. даже в той интерпретации, какую ему давала советская сторона, нашей стране принадлежала только восточная половина сопки (высот) Заозерная и Безымянная, включая вершины, а советские пограничники заняли их вершины целиком.

Но проблема состояла еще и в том, что в самом протоколе ни Заозерная, ни Безымянная поименованы не были, и японцы использовали это обстоятельство для того, чтобы считать, что красная линия на приложенной к Хунчуньскому протоколу карте пересекает не две упомянутых сопки (высоты), а расположенные гораздо южнее, начиная с отмеченной на той карте немного севернее р. Тумень-Ула (Туманган–Тумыньцзян) пограничной сопки № 52. И в таком случае граница при ее продолжении оказывается восточнее сопки Заозерная и Безымянная и западнее озера Хасан, причем именно так, как она изображена на карте, подготовленной в результате инспекции этого участка границы, проводившейся в период 1915–1920 гг. китайской республиканской армией. На картах генеральных штабов Китайской и Российской империй эта граница была проведена по водоразделу сопки даже восточнее озера Хасан, но к

западу от озера Ханко, в соответствии с русско-китайским соглашением 1861 г., основанным на русско-китайском Пекинском договоре 1860 г. По этому договору во изменение русско-китайского Айгуньского договора 1856 г. данный район вместе со всем Уссурийским краем лишился статуса condominiuma (совладения)²³ России и Китая и переходил во владение России.

Генеральный штаб Японии, утверждая, что основным правовым документом для определения границы на этом участке является Пекинский договор 1860 г., готов был отдать предпочтение границе, описанной в Хунчуньском протоколе, но не подтвержденной, правда, документальными источниками, а именно: в интерпретации, отраженной на китайской военной карте, составленной на основе пограничной инспекции периода между 1915 и 1920 г., т.е. по линии, проходящей между озером Хасан и высотами Заозерная и Безымянная, к востоку от последних против его северной и центральной частей, а южнее – по гребню сопки, тянущихся на юг до сопки, обозначенной на карте, приложенной к упомянутому протоколу под № 52.

Дело осложнялось тем, что маркирующие границу столбы были утрачены, а проволочные или деревянные ограждения границы отсутствовали. Исторически спорная территория вообще составляла часть Кореи. Поэтому сопка Заозерная (Чанкуфэн) именовалась по-корейски Чагго.

И не маньчжурское, а корейское население до возникновения конфликта в этом районе справляло на этой и других сопках свои религиозные праздники²⁴.

Возражая против аргументов, приведенных наркомом иностранных дел СССР М.М. Литвиновым, которые исходили из того, что «красная линия на карте обозначает границу вдоль всего водораздела, и воды, которые текут к западу и впадают в реку Тумень, принадлежат Китаю, а воды, текущие к востоку и впадающие в море, принадлежат России», японский посол М. Сигэмицу, дав другое, упомянутое выше, толкование этой части Хунчуньского протокола, заявил, что «у Японии имеются права и обязанности перед Маньчжоу-го, для выполнения которых она может прибег-

нуть к силе и заставить советские войска эвакуировать незаконно занятую ими территорию Маньчжоу-го²⁵.

Но М.М. Литвинов остался непреклонным, и 20 июля военный министр Итагаки и начальник генерального штаба принц Каньин представили императору Хирохито датированный 15 июля оперативный план вытеснения советских войск с вершины сопки Чанкуфэн (Заозерная) силами двух пехотных полков 19-й дивизии корейской армии Японии без применения авиации. Цель контрудара заключалась в том, чтобы в результате «разведки боем» выяснить, не намерена ли советская сторона открыть второй фронт в Китае.

Император критически отнесся к применению вооруженной силы против СССР, осудив произвольные действия армии, и заявил, что лично он против этого, так как не желает войны с Советским Союзом. В ответ на это Итагаки, не ожидавший такой реакции, решил обмануть Хирохито, сказав ему, что решение применить силу против СССР в районе к западу от озера Хасан уже согласовано с морским министром и министром иностранных дел, хотя оно было одобрено только на следующий день советом пяти министров с их участием.

Это решение гласило: «(Мы) провели подготовку на случай возникновения чрезвычайного положения. Использование подготовленной военной силы должно будет осуществиться по приказу императора после переговоров с соответствующими властями»²⁶.

Отсюда некоторые советские историки делали неверный вывод, что «на совещании пяти ведущих министров японского правительства план нападения на советскую территорию в районе озера Хасан был одобрен императором»²⁷.

В действительности, как это признал Токийский трибунал, что видно даже из приведенной цитаты, вытеснение советских пограничников с высот Заозерная и Безымянная должно было бы начаться после упомянутых дополнительных консультаций, если в результате их император отдаст приказ, санкционирующий начало боевых действий японских войск.

После возражений Хирохито в ту же ночь из Токио руководству японской армии в Корею была направлена телеграмма с приказом № 204 о временном приостановлении начала военных действий,

так как правительством Японии было принято решение попытаться урегулировать конфликт по дипломатическим каналам, не исключая возможности прибегнуть к соответствующим мерам в зависимости от изменения обстановки²⁸.

«29 июля небольшой отряд советских войск нарушил линию границы, продвинувшись на южных (обращенных к Маньчжурии) склонах сопки Сячаофэн (Безымянная), расположенной в 2 км к северу от сопки Чанкуфэн (Заозерная), — пишет японский историк Х. Ёсии, — и начал укреплять свои позиции»²⁹.

Получив об этом донесение, командующий 19-й дивизией генерал-лейтенант К. Одака единолично решил, что наступил момент, свидетельствующий о таком изменении обстановки, которое требует прибегнуть к соответствующим мерам, т.е. к применению силы, для того, чтобы выгнать советских пограничников с высоты Безымянная. После разведки боем силами одной роты японцы сломали сопротивление красноармейцев, но позднее были отброшены подоспевшим к ним подкреплением.

Для достижения успеха своего контрудара командир 19-й дивизии японских войск принял произвольное решение о необходимости занять господствующую над зоной конфликта сопку Заозерную и 31 июля двинул туда основные силы своей дивизии, сообщив вышестоящему руководству, что предпринимаемые им меры вызваны якобы новым нарушением границы с советской стороны.

В ответ на эти действия из ставки японской армии пришел приказ ограничиться оборонительными действиями и, не пересекая государственной границы, вести бой силами одной 19-й дивизии.

Но в ответ на предыдущие нападения японских войск в период со 2 по 6 августа советские войска дважды переходили в наступление силами до двух дивизий с применением танков, авиации и артиллерии.

Вплоть до 10 августа включительно 19-я дивизия японских войск, неся огромные потери, вела ожесточенные оборонительные бои³⁰.

4 июля М. Сигэмицу в беседе в НКВД СССР заявил, что японское правительство планировало урегулировать конфликт в райо-

не к западу от озера Хасан как локальный дипломатическими средствами, и предложил для этого приостановить военные действия.

М.М. Литвинов согласился на предложение японского посла при условии отвода японских войск за пределы рубежей, установленных Хунчуньским протоколом, как они были истолкованы советской стороной, в соответствии с красной линией, обозначающей границу по вершинам сопок, которая проведена на приложенной к этому протоколу карте.

Однако М. Сигэмицу снова подверг сомнению интерпретацию прохождения этой линии по всему водоразделу сопок и высот, тянувшегося с севера на юг в районе к западу от озера Хасан, и сказал, что эту карту японцы видят впервые.

В ответ на это М.М. Литвинов настаивал на своей прежней позиции, заявив, что «о замене Хунчуньского соглашения другим не может быть и речи»³¹, хотя японский посол вопроса об этом не ставил.

7 августа он вновь предложил М.М. Литвинову взаимно прекратить военные действия, оставив войска на занимаемых ими позициях с тем, чтобы создать комиссию из представителей СССР, Маньчжоу-го и Японии для определения линии границы.

Советский нарком отверг это предложение, потребовав отвести войска Квантунской армии также из зоны конфликта в районе железнодорожной станции Гродеково, севернее высоты Заозерная³².

После вытеснения японцев в результате ожесточенных боев 6–9 августа за линию, обозначенную на карте, приложенной к Хунчуньскому протоколу, как ее понимала советская сторона, 10 августа японская сторона, потеряв 600 человек убитыми и 2,5 тыс. человек ранеными³³ (при советских потерях 792 человека убитыми и 3279 ранеными)³⁴, согласилась на прекращение военных действий с 11 августа с взаимным оставлением войск СССР и Японии на позициях, где они находились на предыдущий день.

«Для редемаркации спорного участка границы, – писал Л.Н. Кутаков, – создавалась смешанная комиссия. Советская сторона настаивала, чтобы она работала на основе договоров и карт, снабженных надписями полномочных представителей России и

Китай. Японцы предлагали учесть и эти и другие материалы, которые обещали предъявить позже»³⁵.

11 августа военные действия были прекращены, и, вопреки утверждениям печати о том, что советский флаг развевается на вершине сопки Заозерная, представитель МИД Японии на пресс-конференции «с горечью» заявил, что он установлен «не на самой вершине (расположенной на самой границе между СССР и Маньчжоуго по Хунчуньскому протоколу. — К.Ч.), а чуть-чуть в стороне»³⁶. Занятие войсками СССР не только советской части высоты Заозерная, но и всей высоты Безымянная после интенсивного артиллерийского обстрела этих высот, т.е. и ее несветской части, подтверждают и другие источники³⁷.

Согласие советской стороны на создание смешанной комиссии по редемаркации границы и признание спорным ее участка в районе конфликта, о чем писал Л.Н. Кутаков, являлось, по нашему мнению, принципиальной уступкой японской стороне, которая ставила под сомнение справедливость позиции СССР в течение всего предшествующего периода. Создание такой комиссии представляется противоречащим согласию СССР признать спорность линии границы и провести ее «редемаркацию».

Заключение Токийского трибунала гласило, что «цель нападения и его результаты, если бы оно было успешным, достаточны, по мнению трибунала, для того, чтобы считать эти военные действия войной», и что сами «операции японских войск носили явно агрессивный характер»³⁸.

Кроме того, изъяснительное наклонение вывода о том, что это была война и притом агрессивная, противоречит сослагательному наклонению в отношении оказавшихся в действительности нерезальными, лишь предполагаемыми Токийским трибуналом, результатами военных действий японских войск по отстаиванию своей версии прохождения границы на участке, в конечном счете признанной советской стороной спорной.

К тому же выводу, что правительство Японии, или, по крайней мере, совет пяти ее министров, развязало агрессивную войну в районе озера Хасан, противоречит текст процитированного выше решения части его правительства (пяти министров) о применении

вооруженной силы в этом пограничном конфликте только при следующих трех условиях:

1) возникновении чрезвычайной ситуации, под которой понималось нарушение границы советскими войсками; 2) после дополнительных переговоров с соответствующими властями; 3) после получения приказа императора.

При вынесении оценки этих действий Японии против СССР как агрессивной войны, в отличие от ее несомненно агрессивной войны против Китая 1937–1945 гг., важно было бы учесть возражения императора как высшего руководителя против развязывания такой войны и тот факт, что, как признается Токийским трибуналом, он был введен в заблуждение относительно согласия на применение силы против СССР со стороны министра иностранных дел и морского министра.

Утверждение Токийского трибунала и вслед за этим советских историков о том, что Япония заранее готовилась к войне с СССР и что от нее его избавил решительный отпор, который был дан японским войскам Советским Союзом в канун Второй мировой войны, несостоятельно, так как война Японии с Китаем и СССР одновременно была невозможна, кроме того, не учитывались разведывательные донесения из Токио Рихарда Зорге в 1936–1938 гг.

В 1936 г. Зорге подчеркивал: «Япония не сможет выступить как активный союзник Германии... По этим причинам преждевременно ставить вопрос о войне Японии и Германии против России»³⁹.

В 1937 г. он сообщил: «Японская экспансионистская политика может быть направлена с севера (на юг — К.Ч.). Поскольку Япония продвигалась в Южный Китай, ее экономические, политические и военные интересы в отношении проблем Юга встали на первый план. Этот факт означает, что Сибирь не является главной целью японской экспансии»⁴⁰.

Зимой 1938 г. Р. Зорге информировал: «Война против СССР не начнется ни весной, ни летом 1938 г.»⁴¹. Летом того же года о событиях у озера Хасан он писал: «Вряд ли этот случайно возникший инцидент расширится»⁴².

Член группы Зорге советник премьерера Х. Одзаки в июле 1938 г. сообщал Зорге: «Правительство и армия... опасаются, как бы этот инцидент не перерос в войну между Японией и Советским Союзом»⁴³.

Такая оценка ни в коей мере не означала оправдания наступательных военных действий командования японских войск, дислоцированных в Корее и Маньчжурии, которое было предпринято без приказа из Токио, да к тому же в спорном районе и на территории иностранного государства.

Для оценки вооруженного конфликта у озера Хасан важное значение имеют выводы комиссии, созданной командующим Дальневосточным фронтом маршалом Советского Союза В.К. Блюхером.

28 июля 1938 г. он «подверг сомнению законность действий наших пограничников у озера Хасан». Блюхер послал комиссию на высоту Заозерная и произвел расследование действий советских пограничников. Эта комиссия обнаружила нарушение ими границы на небольшую глубину (в три метра). В телеграмме на имя наркома обороны К.Е. Ворошилова он сделал вывод о том, что вооруженный конфликт был вызван здесь действиями нашей стороны, и потребовал «немедленного ареста начальника погранучастка» и других «виновников в провоцировании конфликта с японцами».

Вместо принятия этого предложения Блюхер был обвинен советским правительством в пораженчестве. Сталин 1 августа 1938 г. в телефонном разговоре по прямому проводу заявил: «Скажите, т. Блюхер, честно, есть ли у Вас желание по-настоящему воевать с японцами. Если нет у Вас такого желания, скажите прямо...»

В.К. Блюхер совершенно необъективным приказом наркома обороны маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова от 4 октября 1938 г.⁴⁴ был обвинен также «в дезорганизации управления войсками», в отказе от введения в бой авиации из «опасения поражения корейского населения», в том, что он не ставил «ясных задач на уничтожение противника», отстранен от руководства Дальневосточным фронтом как «негодный и дискредитировавший себя в военном и политическом отношении военачальник и позднее расстрелян».

Для того чтобы придать этим обвинениям в адрес Блюхера видимость непредвзятого, отнюдь не субъективного подхода в оценке действий командования Красной армии на Дальнем Востоке, 22 апреля 1939 г. нарком обороны К.Е. Ворошилов в своем прика-

зе объявил о приговоре Блюхеру «тройки» Верховной коллегии Верховного суда СССР под председательством В.В. Ульриха. Цель приговора заключалась, как нам представляется, в дезавуировании выводов комиссии маршала В.К. Блюхера о причине конфликта у озера Хасан.

Приговор «тройки» гласил:

«В период боевых операций у озера Хасан командование 1-й (Приморской) армии в лице командующего ее комдива Подласа, члена Военного совета бригадного комиссара Шуликова и начальника штаба армии полковника Помощникова проявило преступное бездействие, которое выразалось как в неприятии необходимых мер к воспрепятствованию вторжению японских интервентов, так и в плохом обеспечении боевых операций отдельных частей и подразделений армии. Признавая Подласа, Шуликова и Помощникова виновными в совершении преступлений, предусмотренных ст. 193–17, п. «а» Уголовного кодекса РСФСР, Военная коллегия Верховного суда СССР, приговорила:

1. Подласа Кузьму Петровича лишить звания «комдив» и подвергнуть лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на пять лет с поражением в политических правах сроком на три года.

2. Шуликова Михаила Васильевича – лишению свободы сроком на два года.

3. Помощникова Александра Ивановича – лишению свободы сроком на три года...»⁴⁵.

Сфабрикованный характер этого приговора был настолько откровенным даже для сталинского руководства, что К.П. Подлас был вскоре досрочно освобожден с присвоением ему в 1941 г. звания генерал-лейтенанта, а М.В. Шуликову и А.И. Помощникову определенную меру наказания в том же приговоре было решено считать условной⁴⁶.

Такова наша интерпретация серьезного вооруженного конфликта на озере Хасан, правильное понимание которого с учетом впервые вводимых в научный оборот архивных документов будет способствовать уяснению истинных причин обострения отношений между СССР и Японией в рассмотренный период.

КОНФЛИКТ В РАЙОНЕ Р. ХАЛХИН-ГОЛ
В 1939 Г.
И СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В
1939–1940 ГГ.

В советской историографии традиционно считалось, что этот конфликт был скрупулезно подготовлен и одобрен высшими руководителями Японии в качестве важного звена стратегического плана по захвату Монгольской Народной Республики (Внешней Монголии) и Забайкалья, изложенного в «Меморандуме Танаки».

Последними из серии такого рода работ являются книги Е.А. Горбунова «20 августа 1939» (Москва, 1986) и «Крах планов «Оцу» (Владивосток, 1988). Исключение представляет статья В.П. Сафронова⁴⁷, в которой автор полагает, что данный конфликт возник как очередной пограничный инцидент ввиду расхождения сторон в определении границы. Он добавляет, что этому способствовали наличие большого количества карт района, которые трактовались каждой из сторон в свою пользу, а также сам характер местности – пустынной и малолюдной, где пограничные указатели были порой весьма неопределенны и отстояли друг от друга на многие километры.

Но, на наш взгляд, это общее положение. Для того, чтобы разобраться в причинах конфликта, требуется более подробное рассмотрение истории вопроса. Что же касается того, что конфликт произошел именно в этом районе, то дело объясняется нагнетанием сторонами напряженности, причем как японскими военными кругами, особенно Квантунской армией, в отличие от приверженцев умеренного курса в правительстве, так и советским руководством.

В марте 1938 г. из оперативного отдела штаба Квантунской армии в район Номонхан (Номон-Хан-Бурд-Обо) на границе между МНР и Маньчжоу-го, на левобережье р. Халхин-Гол (Халха), была направлена исследовательская группа для подготовки варианта Б

(по-японски «Оцу») *оперативного* плана № 8, ставившего своей целью нанести удар по МНР и перерезать в случае войны с СССР Транссибирскую железнодорожную магистраль восточнее озера Байкал, с тем чтобы отрезать Дальний Восток от центральных районов Советского Союза и облегчить позднее захват советского Приморья, так как его оккупация в результате лобовой атаки в связи с укреплением обороноспособности СССР была бы сопряжена с большими трудностями.

Хотя первоначально этот план, разработанный в течение 1938 г. и представленный для его изучения на месте, носил *сутобо оперативный* характер и не был рассчитан на немедленное применение независимо от обстановки, командующий 23-й дивизией генерал-лейтенант М. Комацубара в марте 1939 г. решительно выступил за его претворение в жизнь и был поддержан руководством оперативного отдела Квантунской армии, которое проигнорировало указание генерального штаба японской армии о необходимости в случае опасности возникновения серьезного вооруженного конфликта с СССР заблаговременно провести консультации с Токио.

Принятию подобного решения способствовало то обстоятельство, что внимание Советского Союза было приковано к событиям на Западе, где в марте 1939 г. Германия захватила Чехословакию и выдвигала территориальные претензии к Польше; Италия совершила агрессию против Албании, а Испания и Венгрия присоединились к Антикоминтерновскому пакту, а потому, как полагало руководство Квантунской армии, СССР не сможет дать отпор Японии.

В итоге было принято решение об активном противодействии советским войскам даже в районах Маньчжоу-го с неопределенной линией границы и об установлении ее по собственному усмотрению с возможностью нанесения удара по советским войскам и временного занятия части территории Внешней Монголии (МНР) ⁴⁸.

Это решение, утвержденное командующим К. Уэдой, было продиктовано стремлением в условиях переговоров о заключении Тройственного пакта с Германией и Италией попытаться, компенсируя неспособность Токио одержать быструю победу над Китаем,

захватить пути снабжения его военной техникой из СССР и не допустить использования МНР в качестве базы для «большевизации» всей Монголии, Маньчжурии и центральных районов Китая через советские районы, прилежащие к границе МНР⁴⁹. К тому же считалось, что твердая позиция Японии, занятая ею с момента инцидента у Константиновских островов в 1937 г., позволит и на этот раз рассчитывать на успех.

В качестве предлога для попытки реализовать этот вариант оперативного плана № 8, руководство Квантунской армии решило использовать неопределенность в некоторых местах линии границы между Маньчжурией и Внешней Монголией, которая, строго говоря, с точки зрения международного права являлась только административной границей между различными провинциями Китая, так как в качестве государственной границы подавляющим большинством государств она признана не была (МНР формально считалась хотя и автономной, но неотъемлемой частью Китая, а образование Маньчжоу-го как государства, отдельного от Китая, также не считалось законным государствами – членами Лиги Наций и др.).

В 1734 г. для того чтобы положить конец борьбе монгольских племен халха и баргутов (баргузинов) за этот район, правительство императорского Китая установило границу между ними по северному и восточному берегам р. Халхин-Гол (р. Халха).

Эта административная граница по той же реке (т.е. по ее середине, а не по северному и восточному берегам) была обозначена на физической карте с изображением этого района масштаба 1:84 000, изданной на основе топографических съемок в 1906 г. Забайкальского геодезического отряда России, а также физической карты Внешней Монголии масштаба 1:10 000 геодезического отряда генерального штаба армии Китайской Республики, изданной в 1918 г.⁵⁰. (Позднее на переговорах по урегулированию этого конфликта в Чите после его окончания японская сторона предъявила еще 18 таких карт⁵¹.)

И хотя большинство географических карт более позднего периода (карта Китайского почтового ведомства, изданная в Пекине в 1919 г., китайские карты, изданные в Шанхае в 1935 г., карты

Квантунского генерал-губернаторства 1919, 1926 и 1934 гг., генерального штаба японской армии 1928 г. и Квантунской армии 1937 и 1938 гг.)⁵² свидетельствовали о том, что фактическая граница традиционно проходила в этом районе восточнее р. Халхин-Гол через высоту Номонхан, чем и руководствовались МНР и СССР, штаб Квантунской армии, для того чтобы оправдать свои агрессивные действия, влиянием приобретавшего авторитет среди офицеров экстремиста майора М. Цудзи, стал исходить в своих боевых приказах из карт разграничения этого района по р. Халхин-Гол.

К указанной позиции по вопросу о линии границы в связи с участвовавшими пограничными инцидентами в районе этой реки советская сторона пришла не сразу. На запросы из Москвы полпредство СССР в МНР в 1932–1934 гг. отвечало, что из-за того, что в порубежной полосе шириной в 150 км проживают постоянно кочующие монголы МНР и баргуты (барга) Маньчжоу-го, в указанном районе границы точно определить невозможно.

В 1934 г. один из руководителей ОГПУ сообщил в письме И.В. Сталину о том, что в Улан-Баторе по его инициативе ведется исследование вредительского характера упомянутых выводов геодезической службы РККА, в связи с чем ее сотрудники подвергнуты арестам. Сообщалось также, что обнаружены картографические материалы, свидетельствующие о том, что японцы вторгнутся на территорию МНР⁵³.

Фактическая граница между МНР и Маньчжоу-го в 20-километровой полосе восточнее озера Буир-Нур и р. Халхин-Гол (Халха) патрулировалась небольшими монгольскими погранзаставами, находившимися на расстоянии 40–60 км одна от другой, а регулярные советские войска были в нескольких сотнях километров от этой границы. С января 1939 г. японские войска начали периодически нарушать границу МНР. В середине апреля того же года в этот район был направлен специальный японский военно-топографический отряд, который произвел съемку местности для подготовки к боевым действиям. Начались также рейды через границу отрядов маньчжурской конницы из выдвинутого сюда полка народности барга, проживавшей на северо-востоке Маньчжоу-го.

В связи с этим для охраны линии границы в 20 км восточнее р. Халхин-Гол были направлены пограничники МНР. Против них с начала мая возобновились рейды баргутов, а 11 мая монголы подверглись нападению 23-й пехотной дивизии Квантунской армии – 20 монгольских пограничников были оттеснены 200 японцами, поддержанными минометным и пулеметным огнем, на 15 км к р. Халхин-Гол, но затем прибывшие монгольские подкрепления отбросили японцев с большими потерями за линию границы.

На следующий день в бой вступил целый японский полк 23-й пехотной дивизии при поддержке авиации и отбросил монголов к берегу р. Халхин-Гол, захватив высоту Дунгур-Обо на противоположном, западном, берегу этой реки. На следующий день к японцам присоединились несколько сот баргутских конников. 15 мая японская авиация нанесла бомбовые удары по расположению погранвойск МНР, в результате чего они понесли потери убитыми и ранеными. В ответ на это на подмогу им была направлена советская оперативная группа в составе стрелково-пулеметного батальона, саперной роты и батареи 76-мм орудий, а также монгольская дивизия и дивизион бронемашин армии МНР, которые 22 мая вновь оттеснили японцев к границе.

Потерпев поражение, японцы стали стягивать к границе МНР более значительные силы. В то же время для подготовки вторжения в Приморье, Хабаровскую и Амурскую области в Восточную Маньчжурию стали стягиваться основные силы Квантунской армии⁵⁴. 19 мая нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов, только что назначенный на этот пост вместо М.М. Литвинова, направил протест послу Японии в СССР С. Того, в котором заявил следующее: «Поскольку между СССР и МНР имеется пакт о взаимопомощи, то по поводу... нарушения границы МНР я должен сделать послу заявление. За последнее время 11 и 12 мая и позже имел место ряд нарушений границы МНР японо-маньчжурскими частями, которые напали на монгольские части в районе Номон-Хан-Бурд-Обо, а также Дунгур-Обо. В воинских частях МНР имеются убитые и раненые. В этом вторжении в МНР участвовали также японо-маньчжурские самолеты. Имеются, таким образом, грубые нарушения границы МНР и другие недопустимые действия со стороны япо-

но-маньчжурских частей. Я должен предупредить, что всякому терпению есть предел, и прошу посла передать японскому правительству, чтобы этого больше не было. Так будет лучше в интересах самого же японского народа...»⁵⁵

25 мая Молотов снова заявил протест японскому послу⁵⁶. Тем не менее 28 мая 1939 г. 23-я дивизия Квантунской армии предприняла в том же районе наступательные действия, в результате которых в июне японцы снова вышли к р. Халхин-Гол. В помощь командованию советского 57-го особого корпуса и войск МНР была направлена комиссия во главе с комдивом Г.К. Жуковым, назначенным командиром этого корпуса. Г.К. Жуков разработал план ответного удара, одобренный наркомом обороны⁵⁷.

В течение июня–августа между сторонами конфликта происходили ожесточенные воздушные бои. Вначале в силу численного превосходства успех был на стороне японцев, в частности 27 июня в районе Тамцак–Булак было уничтожено около 100 и подбито около 40 советских самолетов⁵⁸, но с прибытием новой авиационной техники и летчиков, которые имели большой опыт боев в гражданской войне в Испании в 1936–1939 гг., перевес стал клониться на нашу сторону.

Это сражение 3 июля было начато японскими войсками, которые, создав огромное превосходство в живой силе, кавалерии и артиллерии, планировали окружить и ликвидировать группировку советско-монгольских войск севернее р. Хайластын–Гол – притока р. Халхин–Гол и после этого выйти в тыл этой группировке на восточном берегу р. Халхин–Гол и нанести ей сокрушительный удар.

Заблаговременно проведя разведку и выяснив направление активной дислокации японских войск, комкор Г.К. Жуков направил из Тамцак–Булака бригаду танков, бригаду и дивизион бронемашин, а также мотострелковый полк и монгольскую кавалерийскую дивизию для контрудара, что при поддержке тяжелой артиллерии обеспечило успех советских и монгольских войск в этом сражении. Проявив новаторский подход, который учитывал специфику сложившейся конкретной ситуации, Г.К. Жуков, вопреки требованию

уставов, приказал использовать танки без сопровождения пехоты для того, чтобы в ходе активной обороны разбить наступающего противника, устремившегося в прорыв линии фронта и уже захватившего высоту Баин-Цаган на территории МНР.

В результате к 5 июля японские войска были с большими потерями полностью отброшены за р. Халхин-Гол.

Для подготовки контрнаступления, намеченного на 24 августа, японское командование сформировало по приказу императора Хирохито 6-ю армию, включив в нее 23-ю и 7-ю пехотные дивизии, пехотную бригаду, семь артиллерийских полков, два танковых полка, маньчжурскую бригаду, один погранотряд, три конных полка баргутов, два инженерных полка и другие части (общей численностью 55 тыс. человек, более 300 орудий, 135 танков и 310 самолетов)⁹⁹.

Но это контрнаступление 20 августа упредили советско-монгольские войска, тщательно подготовившие мощный удар по всей линии фронта – на севере, в центре и на юге.

Наибольшие успехи были достигнуты на южном направлении, где прорыв линии обороны противника определил в дальнейшем результат всей операции по охвату и затем окружению противника с правого фланга.

Наиболее тяжелые бои против глубоко эшелонированных позиций противника завязались на центральном участке фронта, где, несмотря на то что в первые дни удалось продвинуться всего лишь на несколько километров, наши войска сковали основные силы врага, лишив его возможности маневра.

С трудом продвигалась вперед и северная группа наших войск, которая должна была замкнуть кольцо окружения прорыва после переправы через р. Халхин-Гол у горы Баин-Цаган в направлении горы Номон-Хан, так как эта группа войск вынуждена была к вечеру 20 августа вступить в затяжные бои у сильно укрепленной японцами высоты Фуи.

Для достижения перелома в сражении 21 августа Г.К. Жуков решил ввести в бой все резервы, нанеся главный удар в результате развития успеха южной группы войск, 24 августа замкнувшей кольцо окружения в районе р. Хайластын-Гол.

Бои носили исключительно ожесточенный характер, так как дисциплинированные японские солдаты сражались с фанатичной самоотверженностью, не сдаваясь в плен. Блиндажи и дзоты по нескольку раз переходили из рук в руки.

Особенно упорные бои развернулись 24 августа, когда на помощь своим окруженным войскам к границе МНР с целью прорыва кольца окружения подошли бригады Квантунской армии и ринулись в наступление после ожесточенной артиллерийской подготовки. Но советские воины сумели отбить все атаки противника, и 25 августа он был отброшен назад в результате танковой атаки советских войск.

После ликвидации аналогичных попыток прорыва, предпринятых японцами 26 и 27 августа, началась операция по уничтожению окруженной 6-й армии противника, в которой активную роль сыграла советская авиация.

В период только с 28 по 31 августа были сбиты 9 японских самолетов, а всего с 20 по 31 августа – 220 самолетов при потерях с советской стороны лишь 20 самолетов⁶⁰.

В результате боев с 28 по 31 августа окруженные японские войска были полностью разбиты. За четыре месяца противник потерял, по советским данным, 18 300 человек убитыми и 464 – пленными из 76 тыс. человек, принимавших участие в конфликте⁶¹. По подсчетам же видного японского военного историка С. Хаяси, общие японские потери составили 73% участвовавших в боевых действиях, т.е. около 55 тыс. человек⁶² (а 23-й дивизии, вынесшей на себе основную тяжесть боев, – около 80%⁶³). Примерно так же он оценивает и потери артиллерии 6-й армии – 72%⁶⁴. Было сбито 608 японских самолетов⁶⁵. По предварительным официальным советским сведениям, советско-монгольские войска потеряли 2413 человек убитыми, 10 020 ранеными и 216 пленными. Но позднее, к 1993 г., эти данные были уточнены: безвозвратные потери – 7974, а общие санитарные потери 15 925 человек⁶⁶.

Трофеи советских войск составили – 12 танков, 23 бронемашин, 25 тягачей, 100 автомобилей, 190 орудий, 40 минометов, 189 гранатометов, 9000 винтовок, 370 пулеметов, огромное количество боеприпасов⁶⁷.

Начало заключительного этапа сражения на р. Халхин-Гол – мощный охватывающий удар по японским войскам на рассвете 20 августа 1939 г. (19 августа по московскому времени) – совпал с другим исключительно важным событием. В этот день в Москве на переговорах о возможной германской агрессии от англо-французской делегации наконец было получено заверение, что в случае нападения Гитлера на одну из трех стран – Польшу, Англию и Францию, две последних страны, независимо от позиции Москвы, вступят в войну с Германией. Сталин решил прервать московские переговоры и заключить пакт о ненападении с Германией с тем, чтобы позволить ей, начав агрессию против Польши, ввязаться в войну с другими западными странами, самому же выждать, пока они не истощат друг друга, а затем использовать это для «расширения фронта социализма».

Докладывая в начале мая 1940 г. И.В. Сталину об итогах «необъявленной войны» в районе р. Халхин-Гол, Г.К. Жуков высказал следующее мнение: «Японский солдат... хорошо подготовлен, особенно для ближнего боя. Дисциплинирован, исполнительен и упорен в бою, особенно оборонительном. Младший командный состав подготовлен очень хорошо и дерется с фанатическим упорством. Как правило, младшие командиры в плен не сдаются и не останавливаются перед «харакири». Офицерский состав, особенно старший и высший, подготовлен слабо и склонен действовать по шаблону...»

«Для всех наших войск, командиров соединений, командиров частей и лично для меня сражения на Халхин-Голе явились большой школой боевого опыта, – сделал вывод Жуков. – Думаю, что и японская сторона сделает для себя теперь более правильные выводы о силе и способности Красной Армии».

А на вопрос присутствовавшего на беседе Председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина о характере завершившихся сражений Жуков ответил, что ближайшая цель Японии состояла в том, чтобы захватить территорию МНР, находящуюся за р. Халхин-Гол, построить в этом районе укрепленный рубеж, чтобы прикрыть проектируемую к постройке вторую стратегическую железную дорогу к границе нашего Забайкалья запад-

нее КВЖД⁶⁸. В дальнейшем это могло бы создать угрозу Транссибирской железнодорожной магистрали Москва–Владивосток.

Отдельные попытки японской стороны в начале сентября 1939 г., нарушая границу, вновь вторгнуться на территорию МНР в том же районе, используя прежде всего свою авиацию, успешно отбивались советско-монгольскими частями, в том числе благодаря превосходству над японской стороной в авиации⁶⁹. За этот период японская авиация потеряла 71 самолет, советская – 18⁷⁰.

Командующий Квантунской армией К. Уэда по приказанию начальника штаба Квантунской армии принца Каньина, полученному 4 сентября, полностью прекратил военные операции, но продолжал принимать меры по подготовке армейских резервов для того, чтобы в будущем предпринять попытку реванша.

Однако посетившие район конфликта эмиссары Генерального штаба сняли с должностей К. Уэда, его начальника штаба К. Исогая, командиров 6-й армии О. Риппо и 23-й дивизии М. Комацубара, заместителя начальника Генерального штаба Т. Накадзима, начальника первого оперативного отдела Генерального штаба М. Хасимото и несколько десятков других старших офицеров⁷¹.

Результаты упорных боев в районе р. Халхин-Гол продемонстрировали превосходство нашей армии и военной техники над сильным противником, каким была милитаристская Япония, которая, получив серьезный урок, вынуждена была изменить объект своих главных военных усилий, перенеся их на юг. В отношении же СССР Япония решила отложить сроки возможного решения «северной проблемы» и попытаться добиться своих целей в этом районе при возникновении благоприятной военно-политической обстановки, укрепив свои потрепанные в боях вооруженные силы.

В пользу обоснованности такого изменения военной стратегии Японии свидетельствовало и кардинальное изменение в характере советско-германских отношений, связанных с заключением 23 августа 1939 г. советско-германского пакта о ненападении и в середине сентября того же года – советско-германского договора о дружбе и границах.

Важно в связи с этим отметить, что такое изменение в характере советско-германских отношений привело к тому, что уже 26 мая

1939 г. И. Риббентроп предложил послу Японии в Германии Х. Осима урегулировать отношения Токио с Москвой. В ночь с 21 на 22 августа, в канун подписания советско-германского пакта о ненападении, статс-секретарь МИД Германии Вайцзекер сообщил тому же послу Японии о решении германского руководства заключить этот договор, подчеркнув, что советско-германский пакт «позволит нам предпринять шаги для установления периода спокойных японо-советских отношений и сохранить их на значительный срок»⁷².

А 25 августа посол Германии в Токио Э. Отт заявил министру иностранных дел Японии Х. Арита о возможности «немецкого влияния на стабилизацию русско-японских отношений». С другой стороны, эти изменения побудили Х. Аригу направить инструкцию послу Х. Осиме заявить протест германскому правительству против германо-советского сближения, как нарушающего Антикоминтерновский пакт. Этот протест ярый германофил Осима вручил И. Риббентропу только 18 сентября, после заключения советско-германского договора о дружбе и границах.

Первое из этих заявлений объяснялось тем, что при заключении советско-германского пакта о ненападении на предложение Риббентропа оказать содействие в урегулировании советско-японского вооруженного конфликта И.В. Сталин ответил: «Советский Союз действительно желал бы улучшения отношений с Японией, но... есть пределы его терпения в отношении японских провокаций. Если Япония желает войны, она может получить ее. Советский Союз не боится этого и готов к этому. Если же Япония желает мира — тем лучше». Советский руководитель добавил, что «Советский Союз не желает, чтобы у японцев создалось впечатление, что инициатива в этом направлении исходит от Советского Союза»⁷³.

В результате этих событий 28 августа 1939 г. кабинет К. Хиранумы, в полном составе подал в отставку, а 9 сентября того же года посол Японии в Москве С. Того от имени нового правительства Японии во главе с отставным генералом Н. Абэ предложил НКВД СССР подписать перемирие и создать комиссии по демаркации границ: первую — между СССР и Маньчжоу-го, вторую — между МНР и Маньчжоу-го и третью по урегулированию будущих конфликтов между СССР и Маньчжоу-го.

10 сентября В.М. Молотов принял это предложение, высказавшись, однако, против создания в районе р. Халхин-Гол демилитаризованной зоны. Вместо этого японскую сторону призвали восстановить там границу, на которой СССР и МНР настаивали до начала конфликта.

На шестнадцати заседаниях смешанной комиссии по уточнению границы между МНР и Маньчжоу-го в районе упомянутого конфликта, проходивших с 7 по 25 декабря 1939 г. в г. Чите и с 7 по 30 января 1940 г. в г. Харбине, выяснилось, что точки зрения советско-монгольской и японо-маньчжурской делегации по вопросу уточнения границы полностью противоположны. Поэтому комиссия на последнем заседании 30 января 1940 г., проходившем под председательством уполномоченного правительства Японии Куботы, решила свою работу прекратить ввиду того, что представленные японо-маньчжурской стороной документы, имеющие целью обосновать пересмотр давно существующей и ранее никем не оспаривавшейся линии границы, не были утверждены официальными органами. Советско-монгольская делегация отказалась признать их в качестве основы для уточнения границы.

Решено было возобновить переговоры в дальнейшем. Стороны согласились параллельно провести переговоры о торговом договоре⁷⁴.

В своих мемуарах, излагая ход советско-японских переговоров по различным вопросам после прекращения конфликта в районе р. Халхин-Гол, С. Того, ставший позднее министром иностранных дел Японии, писал, что в ответ на его предложение об общем прекращении огня при том, что войска обеих сторон останутся на занимаемых позициях, и о начале переговоров о демаркации границы В.М. Молотов стал настаивать на отводе японской армии из района конфликта, утверждая, что она проникла на территорию МНР. Но С. Того не согласился с такой постановкой вопроса, подчеркивая, что японская армия исходила из того, что оспариваемая ею территория является частью Маньчжоу-го и поэтому до установления границы ее отвод невозможен.

15 сентября 1939 г. В.М. Молотов согласился с доводами С. Того о прекращении военных действий на японских условиях.

9 июня 1940 г. было подписано соглашение Молотов–Того об уточнении границы в районе конфликта, создании комиссии по урегулированию и предупреждению конфликтов, по демаркации границы и по нарушению Японией Портсмутского договора 1905 г. При этом В.М. Молотов согласился также признать пограничный район Алушань, который имел наиболее важное значение для Японии и Маньчжоу–го, частью последнего, а Япония решила уступить МНР остальную часть спорной территории⁷⁵.

Таким образом, крупный вооруженный конфликт был исчерпан. В августе 1942 г. демаркация границы на спорных участках была завершена, и Квантунская армия стала проявлять большую осмотрительность, чтобы не провоцировать Советский Союз.

В ходе переговоров Германия выражала готовность оказать сторонам посреднические услуги, но японская сторона отклонила их на том основании, что последняя уже сама стала участником войны.

Увенчались успехом и сложно проходившие советско-японские переговоры о рыболовстве – после достижения 31 декабря 1939 г. соглашения об уплате Японией последнего взноса за продажу ей КВЖД, в начале января 1940 г. была продлена на 1940 г. конвенция 1928 г., не допускавшая свободного рыболовства Японии в советских водах, и подписан соответствующий протокол⁷⁶. Однако позднее, на 1942 г. эта конвенция из-за незавершенности еще к этому времени переговоров о демаркации монгольско-маньчжурской границы, в соответствии с условиями протокола 1940 г.⁷⁷, продлена не была.

К апрелю 1940 г. был выработан согласованный проект советско-японского торгового договора, заключение которого стало важной целью японской дипломатии в ходе урегулирования вооруженного конфликта в районе р. Халхин-Гол.

Но к началу 1941 г. ряд связанных с этим договором вопросов все еще оставался неразрешенным. Так, Токио отказывался предоставить дипломатический статус советскому торговому представительству в Японии и разрешить транзит товаров в СССР через Японию из третьих стран в обмен на транзит через СССР японских и немецких товаров.

В январе 1941 г. Молотов и посол Японии в СССР Татэкава

высказались за возобновление этих переговоров, причем последний заявил о готовности принять большинство советских предложений по этому вопросу на основе взаимности.

18 февраля Татэкава предоставил новые предложения Токио, но они не были приняты, так как в японском проекте не предусматривалось для СССР права наибольшего благоприятствования.

В ответ на это Татэкава передал наркому внешней торговли А.И. Микояну новое предложение Токио с согласием почти на все советские требования в отношении морского транзита через Японию всех товаров в СССР и открытия в Токио советского торгового представительства с дипломатическим статусом торгового представителя и двух его заместителей.

Татэкава предложил беспрошленный транзит товаров через каждую из договаривающихся сторон без каких-либо условий, независимо от страны назначения, свободу транзитного прохода судов и перегрузки товаров, взаимное предоставление права наиболее благоприятствуемой нации в отношении всех грузов, а также правительственное подтверждение соглашения о перевозе грузов и почтовых отправок из Японии и европейских, заключенных между железнодорожными властями обеих сторон 29 июня и 7 июля 1931 г.

Микоян согласился со свободным транзитом товаров через Сибирь, предложенным Татэкава, при условии перевоза такого же количества товаров СССР в страны северной части Тихого океана и Южной Америки с покрытием Японией стоимостной разницы такими товарами, необходимыми СССР, как каучук, медь, титан и олово, но отказался от правительственного подтверждения упомянутых соглашений 1931 г., предложив сохранить прежний уровень договоренностей между железнодорожными ведомствами сторон.

Более того, немного спустя Микоян дополнил свое предложение, заявив, что Москва готова пойти на свободный транзит через Японию советских товаров в районы к востоку от Индийского океана в бассейн Тихого океана и страны Америки в обмен на свободный транзит через СССР японских товаров в Германию, Румынию, Швейцарию и Швецию со специальным разрешением на такой транзит в каждом отдельном случае для товаров других стран.

В ответ на это японская сторона возразила против ограничения количества европейских государств упомянутыми четырьмя странами.

Заключение в апреле 1941 г. пакта о нейтралитете способствовало смягчению советской позиции по вопросам транзита через Сибирь, и это было чрезвычайно важно с точки зрения снабжения Японией Германии стратегическими товарами в условиях, когда перевозки их морем были затруднены из-за войны между Германией и Великобританией.

Соответствующие уступки были сделаны и Японией в отношении грузов из СССР и в СССР в отношении всех стран, с которыми Япония имела соглашения о транзите. Япония признала дипломатический статус советского торгпреда и двух его заместителей и согласилась на исключение имущества советского торгпредства, необходимого для выполнения официальных отношений, из-под юрисдикции Японии.

Соответствующие соглашения о транзите товаров и учреждения торговых представительств обеих стран и торговый договор были парафированы Молотовым и Татэкавой 12 июня 1941 г.

Придерживаясь нейтралитета в европейской войне, 18 марта 1941 г. на основании таможенного закона 1929 г. Народный комиссариат внешней торговли издал приказ о запрещении импорта в воюющие страны оружия, оборудования и медикаментов и других материалов, используемых в военных целях. В апреле того же года в СССР был также запрещен транзит упомянутых товаров. Но в июне в ходе переговоров с Японией о торговле и транзите товаров Микоян заключил с Татэкавой совершенно секретное «джентльменское соглашение», допускающее неофициальное исключение не только для продукции машиностроительной промышленности, но и некоторых видов оружия и даже самолетов.

И если сразу же после нападения Германии на СССР все такие японские грузы из районов Дальнего Востока, предназначенные для Германии, были возвращены в пункты их отправки в Японию, то германские товары, предназначенные для нее, все же были доставлены в Японию⁷⁸.

Парафированный же советско-японский торговый договор позднее так и не был подписан.

ГЛАВА 4

ПОДХОД СССР, ГЕРМАНИИ И ЯПОНИИ К ПРОБЛЕМЕ СОВЕТСКО- ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КАНУН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1940 Г. — ИЮНЬ 1941 Г.)

1

ПОЗИЦИЯ ЯПОНИИ И ГЕРМАНИИ

Позиция руководства СССР по вопросу о нормализации и дальнейшему улучшению отношений с Японией после событий на р. Халхин-Гол так же, как и с Германией, состояла в том, чтобы на основе взаимовыгодных двусторонних договоров и соглашений не допустить или отдалить войну с державами оси и, канализировав их агрессию против держав Запада, добиться, как и во время Первой мировой войны, пользуясь противоречиями между ними, нового ослабления капиталистической системы.

Задача Японии и Германии заключалась в том, чтобы в первую очередь путем улучшения отношений с СССР обеспечить себе тыл в борьбе за мировое господство с ведущими колониальными державами Запада — сначала с Великобританией, Францией и Нидерландами, а потом при благоприятном стечении обстоятельств раз-

делаться с Советским Союзом как с менее опасным конкурентом на международной арене, которому на первом этапе осуществления этого стратегического плана была предложена часть «британского наследства» на Среднем Востоке.

При декларированной общности целей Японии и Германии в способе реализации этого плана между ними имелись существенные различия. Если Германия предлагала Японии улучшить отношения в рамках будущего многостороннего «пакта четырех», т.е. с участниками тройственного пакта (Германии, Японии и Италии) и Советским Союзом, то Япония решила урегулировать свои отношения с СССР на двусторонней основе, хотя в перспективе это не исключало совместного участия Японии и СССР в «пакте четырех».

Кроме того, исключительно важным представляется еще одно обстоятельство – в то время как у Японии декларированные и реальные цели на обозреваемый период в общем совпадали, у Германии подобное наблюдалось лишь до августа 1940 г. Поскольку блицкриг в отношении Великобритании не удался, Гитлер пришел к выводу, что опора Англии и США на Россию объясняется их надеждой на возможность затянуть войну с Германией и в конечном счете с помощью русских одержать над ней победу. Поэтому 31 июля того же года на секретном совещании высших руководителей Германии он заявил о своем решении нанести молниеносный сокрушительный удар по России, с тем чтобы развеять надежды своих главных противников и развязать руки Японии для войны с СССР¹. Это решение сохранялось в строгой тайне от других держав оси. Следовательно, и тройственный пакт, и согласие на переговоры о «пакте четырех» выполняли для Германии в отличие от Японии роль камуфляжа с целью обеспечить внезапность нападения на нашу страну.

Впервые идея такого пакта была самостоятельно высказана в июле 1939 г. послом Японии в Италии Т. Сиратори в письме японскому правительству без какого бы то ни было вмешательства со стороны представителей Германии. Она была задумана с целью прекратить советскую помощь Китаю и таким образом поставить Китай на колени². Но министр иностранных дел Японии Ё. Мацу-

ока во втором правительстве Ф. Коноэ, лично не знакомый с Сиратори, придал этой идее более широкий характер, впервые увязав ее на совещании четырех министров Японии 9 сентября 1940 г. с планом раздела мира между державами оси и Советским Союзом. Лишь позднее, 19 и 26 сентября, ее повторили Риббентроп и Гитлер³.

Инициатива заключения пакта о нейтралитете между СССР и Японией после вооруженного конфликта в районе р. Халхин-Гол принадлежала Токио, рассчитывавшего на то, что общий политический договор будет способствовать разрешению частных вопросов двусторонних отношений — подписанию нового торгового договора, новой рыболовной конвенции, переговоры о которой на японских условиях зашли в тупик, прекращению советской помощи Китаю, успешному завершению работы пограничных комиссий на основе двустороннего соглашения от 6 июня 1940 г. и урегулированию вопроса о японских концессиях на Северном Сахалине. Положительное влияние на улучшение советско-японских отношений оказала позиция Токио по вопросу о возвращении СССР Бессарабии.

В беседе с В.М. Молотовым, состоявшейся 1 июля 1940 г., С. Того, посол Японии в СССР, положительно оценил факт разрешения вопроса о Бессарабии и подчеркнул, что в свое время при подписании Пекинской конвенции в 1925 г.⁴ Япония обещала, согласно желанию СССР, не ратифицировать договор о присоединении Бессарабии к Румынии. Можно сказать, продолжил Того, что уже тогда Япония предвидела наступление такого дня.

Молотов ответил, что Япония поступила умнее, чем многие другие государства. Теперь же вопрос о Бессарабии разрешен, и отношения СССР с Румынией поставлены на правильный путь и в нормальные условия.

По секретному протоколу к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 г. Германия согласилась, что Бессарабия входит в сферу влияния СССР. Но позднее, ссылаясь на Парижский международный протокол, который подписали Германия и Япония, Берлин воспротивился претворению в жизнь достигнутой ранее договоренности по этому вопросу.

В беседе с послом Германии в СССР Шуленбургом 26 июня 1940 г. В.М. Молотов согласился с тем, что по упомянутому протоколу Бессарабия действительно признавалась частью Румынии, но по условиям этого документа он вступал в силу только при ратификации всеми подписавшими его странами, а Япония, чтобы не осложнять отношения с Москвой, решила отказаться от ратификации. Эта аргументация возымела свое действие, и в конце июня того же года Бессарабия была возвращена мирным путем СССР, а заодно, при молчаливом согласии Берлина, к нему была присоединена и Северная Буковина⁵.

2 июля 1940 г. С. Того вместо первоначально рекомендованного заключения с Москвой пакта о ненападении, отвергнутого правительством М. Ёнаи из-за опасения ухудшения отношений с США и Великобританией, внес в вербальной ноте на рассмотрение наркома иностранных дел В.М. Молотова проект соглашения о нейтралитете. Это было сделано по указанию японского правительства, которое хотело бы ограничиться указанным соглашением. Кроме того, Того по собственной инициативе выдвинул предложение о поддержании мирных дружественных отношений при уважении территориальной целостности на взаимной основе, в соответствии с советско-японской конвенцией 1925 г.

При этом Того начал беседу с заявления о том, что в данный момент между Японией и СССР имеется большое число различных спорных вопросов, однако есть много способов для их мирного разрешения.

За последние два-три года, сказал Того, даже в такие периоды, когда отношения между СССР и Японией были наихудшими, им удалось урегулировать многие вопросы, не прибегая к войне. Безусловно, в некоторой части мира имеются элементы, которые желают столкновения между СССР и Японией в своих интересах. Однако, заверил Того, «мы такой глупости не допустим». Нарком, который все вещи видит достаточно глубоко, хорошо понимает это обстоятельство. В то же время, продолжил посол, в связи с возникновением войны в Европе общая ситуация осложнилась. Япония, как и СССР, старается не быть втянутой в орбиту войны, т.е. она придерживается политики строгого невмешательства в войну. Если

же, несмотря на миролюбивые стремления, Япония подвергнется нападению со стороны третьих держав, она вынуждена будет принять меры против этого.

Япония, находящаяся в соседстве с СССР, сказал Того, желает поддерживать с последним мирные, дружественные отношения и стремится к взаимному уважению территориальной целостности. Если же одна из этих стран, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению со стороны третьих держав, то в этом случае другая страна не должна помогать нападающей стороне. Если будут достигнуты такого рода договоренности, то отношения между СССР и Японией будут стабилизированы и их ничем нельзя будет поколебать. Если советское правительство придерживается того же мнения, добавил Того, то он готов сделать конкретное предложение, а именно вполне откровенно изложить содержание проекта японской стороны. Того указал, что дух проекта согласован с японским правительством, которое возглавляет адмирал М. Ёнаи, а текст составлен им самим, и он просит наркома иметь это в виду.

Далее Того изложил суть проекта соглашения о нейтралитете между СССР и Японией:

«Статья I. 1. Обе договаривающиеся стороны подтверждают, что основой взаимоотношений между ними остается Конвенция об основных принципах взаимоотношений между Японией и СССР, подписанная 20 января 1925 г. в Пекине.

I

Статья I. Обе договаривающиеся стороны должны поддерживать мирные и дружественные отношения и уважать взаимную территориальную целостность.

Статья II. Если одна из договаривающихся сторон, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению третьей державы или нескольких других держав, то другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта.

Статья III. Настоящее соглашение заключается на пять лет».

Японская сторона, продолжал Того, считает, что такое соглашение между обеими странами в данный момент целесообразно и

может удовлетворить обе стороны. Упомянутый выше проект был составлен как копия соглашения о нейтралитете, заключенного в 1926 г. между СССР и Германией. Того полагал, что такая форма соглашения в данный момент будет самой подходящей для обеих стран.

Затем Того сделал заявление касающееся рыболовства в северных водах и концессий на Северном Сахалине, а также относительно Китая.

Касаясь рыболовного и концессионного вопросов, Того указал, что они базируются на договорах. В течение долгих лет японская сторона занимается эксплуатацией концессионных предприятий. Если эксплуатация предприятий будет весьма затруднена или права Японии останутся только на бумаге, а фактически будут сведены к нулю, то этого японская сторона терпеть не будет, и имеются опасения, что подобная ситуация создаст препятствия к нормальным добрососедским взаимоотношениям между странами. Далее Того сказал, что поскольку ему неоднократно приходилось выслушивать мнение советской стороны, которая связывала политические вопросы с экономическими, то он думает, что и его заявление в данном случае является в достаточной мере обоснованным.

Если между Японией и СССР будет заключено соглашение о нейтралитете, то японское правительство не только надеется, но и твердо убеждено, что этот шаг окажет благоприятное влияние на рыболовный и концессионный вопросы и концессионные предприятия смогут нормально работать.

Касаясь китайского вопроса, Того сказал: наркому хорошо известно, что в течение трех лет Япония ведет в Китае военные действия большого масштаба. Поэтому японская сторона желает, чтобы советская сторона имела в виду те обстоятельства, которые вытекают из этих военных действий.

На просьбу Молотова более подробно разъяснить последнюю мысль, высказанную Того, посол заявил следующее. Если говорить более откровенно о Китае, то в настоящее время Япония предложила Франции запретить провоз оружия через Индокитай для чунцинского правительства. В целях осуществления контроля японское правительство посылает во французский Индокитай своих на-

блудателей. В то же время Япония предлагает английскому правительству не допускать провоза оружия через Бирму, а также не оказывать никакой другой помощи чунцинскому правительству. Вероятно, Англия пойдет навстречу пожеланиям японской стороны. Именно такие же отношения Япония желает иметь и с СССР. Если Япония и СССР войдут в такие дружественные отношения и между ними будет заключено соглашение о нейтралитете, то Япония хочет, чтобы советская сторона по своей воле отказалась от предоставления помощи чунцинскому правительству. Япония желает достичь такого понимания. И такое пожелание японской стороны исходит из общего положения, существующего в Китае. Поэтому, добавил Того, он думает, что это пожелание не является слишком далеко идущим.

Молотов сказал, что по вопросу заключения соглашения о нейтралитете он пока может выразить только свое личное, предварительное мнение и сможет дать ответ на японские предложения после того, как этот вопрос будет обсужден советским правительством⁶.

14 августа 1940 г. в письменном ответе В.М. Молотова было заявлено, что такое соглашение о нейтралитете было бы выгодно только Токио, так как усилило бы его позиции в отношении Китая, способствовало бы продвижению Японии в Юго-Восточную Азию и ухудшило бы отношения СССР с Китаем и США. Советский руководитель не отверг предложение, сделанное С. Того, но дал понять, что если Япония не готова заключить договор о ненападении, гарантирующий СССР безопасность его дальневосточных границ, то любое соглашение с ней, для того чтобы не противоречить интересам СССР, должно содержать соответствующие компенсации для оправдания целесообразности заключения лишь соглашения о нейтралитете⁷. На самом деле советское руководство изменило свою тактику в отличие от начала 30-х годов, когда СССР не выдвигал в обмен на заключение с Японией пакта о ненападении условия о получении какой-либо компенсации.

Теперь же, после разгрома японских войск в районе р. Халхин-Гол и намечившегося улучшения советско-германских отношений, СССР решил воспользоваться инициативой Токио для получения ряда преимуществ, но изъять при этом из предложенного Японией

соглашения те положения, которые выходили бы за пределы пакта о нейтралитете.

Вот почему В.М. Молотов письменно сообщил японскому послу о готовности СССР подписать с Японией такой пакт при условии, что он будет содержать положения, в равной мере выгодные как Токио, так и Москве, и что в нем не будет подтверждения сохранения в силе рыболовной конвенции, в которой признается Портсмутский договор 1905 г., серьезно нарушенный Японией при оккупации Маньчжурии и Кореи и поэтому подлежащий пересмотру⁸. Кроме того, В.М. Молотов потребовал в качестве условия для заключения такого пакта ликвидации нефтяной и угольной концессий на Северном Сахалине, предоставленных Токио в 1925 г. Он предложил японским концессионерам за это справедливую компенсацию и поставки Японии 100 тыс. т нефти с Северного Сахалина в течение пяти лет, сославшись на то, что концессии фактически не эксплуатируются и лишь служат Японии для постоянных трений в двусторонних отношениях.

С. Того согласился рекомендовать Токио учесть советские аргументы, но попросил взамен приостановить советскую помощь Чан Кайши.

Но к этому времени правительство М. Ёнаи ушло в отставку, а новый министр иностранных дел Японии Ё. Мацуока во втором правительстве Ф. Коноэ, несмотря на то что текст пакта о нейтралитете был уже почти полностью согласован, отказался его подписать, занявшись разработкой новой концепции внешней политики Токио в рамках «пакта четырех». 13 августа 1940 г. император Хирохито в беседе с министром – хранителем печати К. Кидо выказал недовольство тем, что Мацуока не торопится с урегулированием отношений с СССР в соответствии с решением координационного совещания нового кабинета министров от 27 июля того же года⁹.

24 августа Мацуока встретился с послом СССР в Токио К.А. Сметаниным, напомнив ему о том, что в 1932 г. он прилагал усилия к заключению советско-японского пакта о ненападении, с инициативой которого выступил тогда Советский Союз.

Накануне этой беседы Мацуока отозвал Того из СССР и направил послом в нашу страну генерал-лейтенанта Ё. Татэкаву.

30 октября новый посол внес на рассмотрение советского правительства проект пакта о ненападении между СССР и Японией, который был аналогичен пакту Советского Союза с Германией. По советским источникам известно, что в проекте были следующие пункты: 1) стороны обязуются не предпринимать агрессивных действий одна против другой; 2) не помогать третьей державе, если она окажется в состоянии войны с одной из договаривающихся сторон; 3) взаимно поддерживать тесные контакты и консультироваться по всем вопросам, представляющим взаимный интерес; 4) не участвовать в группировках держав, которые прямо или косвенно направлены против другой договаривающейся стороны; 5) стороны берут на себя обязательство разрешать все споры и конфликты между ними исключительно мирными средствами; 6) пакт заключается сроком на 10 лет¹⁰.

Татэкава заявил также, что переговоры, которые вел Того, аннулируются и Токио предлагает новый подход, в соответствии с которым сначала заключается общий договор (пакт о ненападении), а затем стороны разрешают на этой основе все конкретные нерешенные вопросы двусторонних отношений¹¹.

Несколько иначе излагается содержание письменных предложений Ё. Татэкавы японской стороной:

1. Стороны обязуются уважать территориальную целостность каждой из договаривающихся сторон и не вторгаться на территорию друг друга собственными силами или совместно с одной или несколькими другими державами.

2. В случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению, другая сторона обязуется воздерживаться от оказания какой-либо помощи агрессору.

3. Обе договаривающиеся стороны обязуются не присоединяться к какой-либо коалиции держав, которая была бы прямо или косвенно направлена против другой договаривающейся стороны.

(Пункт 4 пропущен).

5. Пакт заключается сроком на 10 лет¹².

Ознакомившись с проектом, В.М. Молотов заявил, что советское правительство не сможет заключить пакт о ненападении до тех пор, пока не будут урегулированы важные нерешенные вопросы советско-японских отношений. Он напомнил Татэкава, что об этом его предшественник был поставлен в известность¹³.

Стремясь к тому, чтобы СССР согласился с заключением пакта о ненападении, японское правительство напомнило о том, что этот договор оно рассматривает как одно из звеньев «пакта четырех», для переговоров о котором В.М. Молотов должен был до середины ноября прибыть в Берлин, и обратилось к Риббентропу с просьбой об организации с этой целью встреч посла Японии в Германии С. Курусу с советским наркомом иностранных дел, а также оказать совместное давление на СССР с тем, чтобы он отказался от помощи Чан Кайши. По мнению Токио, это позволило бы ему быстрее урегулировать китайский инцидент и, в соответствии с пожеланием Берлина, быстрее выступить против Великобритании на Дальнем Востоке.

2

ПЕРЕГОВОРЫ О «ПАКТЕ ЧЕТЫРЕХ» В БЕРЛИНЕ И СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1940 Г.

Идея «пакта четырех» была одобрена Германией еще ранее, в процессе переговоров о тройственном пакте. Риббентроп сообщил, что В.М. Молотов в принципе одобрил идею пакта, хотя к предложению Риббентропа о посредничестве в улучшении отношений с Токио отнесся без энтузиазма.

13 октября в письме Сталину Риббентроп дал обзор состояния советско-германских отношений, высказал пожелание Гитлера, чтобы отношения СССР с Германией и Японией укреплялись, и выразил мнение, что «историческая задача четырех держав заключается в том, чтобы согласовать свои долгосрочные политические цели и, разграничив между собой сферы интересов в мировом масштабе, на-

править по правильному пути будущее своих народов». Для переговоров по данному вопросу В.М. Молотов был приглашен в Берлин.

Перед поездкой в Берлин В.М. Молотов получил соответствующие инструкции от И.В. Сталина. В секретной записке от 9 ноября 1940 г., которую Молотову продиктовал Сталин, в частности указывалось: «1. Цель поездки: а) разузнать действительные намерения всех участников Пакта 3-х в осуществлении плана создания «Новой Европы», а также «Велик. Вост-Азиатского Пространства»: границы «Нов. Евр.» и «Вост. Аз. Пр.»; характер государственной структуры отд. европ. государств в «Н.Е.» и в «В.-А.», этапы и сроки осуществления этих планов и, по кр. мере, ближайшие из них, перспективы присоединения других стран к Пакту 3-х, место СССР в этих планах в данный момент и в дальнейшем».

Указав, что главным вопросом переговоров должен быть переход Болгарии в сферу интересов СССР, и отметив, что в Турции и Иране у СССР «есть серьезные интересы», с чем должна согласиться Германия и Италия, Сталин продиктовал далее: «3. Транзит Германия-Япония — наша могучая позиция, что надо иметь в виду (во время переговоров. — К.Ч.)... 8. Спросить, где границы «Восточно-Азиатского Пространства» по Пакту 3-х. 9. Относительно Китая в секретном протоколе, в качестве одного из пунктов этого протокола, сказать о необходимости добиваться почетного мира для Китая (с Чан Кайши), в чем СССР, м.б. с участием Германии и Италии, готов взять на себя посредничество, причем мы не возражаем, чтобы Индонезия была признана сферой влияния Японии (Маньчжоу-го остается за Я[понией]). 10. Предложить сделать мирную акцию в виде открытой декларации 4-х держав, если выяснится благоприятный ход основных переговоров (Болг., Турц. и др.) на условиях сохранения Великобританской империи (без подмандатных территорий)¹⁴ со всеми теми владениями, которыми Англия теперь владеет, и при условии невмешательства в дела Европы и немедленного ухода из Гибралтара и Египта, а также немедленного возврата Германии ее прежних колоний... 11. О Советско-японских отношениях — держаться в начале в рамках моего (Молотова. — К.Ч.) ответа Татэкава (т.е. соглашаться на заключение договора не о ненападении, а о нейтралитете. — К.Ч.)»¹⁵.

В.М. Молотов прибыл в Берлин 12 ноября 1940 г. На следующий день он встретился с Риббентропом и в ходе беседы последний высказался за достижение договоренности между СССР и Японией о разграничении между ними сфер влияния в Азии¹⁶.

Это положение было конкретизировано в тот же день в беседе В.М. Молотова с Гитлером, который предложил, чтобы СССР обратил свои взоры к Индийскому океану, где советская сфера влияния должна была бы граничить на востоке с японской.

В связи с этим В.М. Молотов затронул вопрос о значении тройственного пакта, в частности для великого восточноазиатского пространства, и об отводимой СССР положительной роли, которую он мог бы сыграть в Европе и Азии¹⁷.

На второй встрече в тот же день Гитлер предложил В.М. Молотову проекты соглашения трех держав оси с Советским Союзом и приложенных к нему секретных протоколов о разделе мира на сферы влияния. Так, в первом из них эти сферы распределялись следующим образом: Германии – большинство районов Европы и Центральной Африки, Италии – некоторые районы в Европе и в Северной и Северо-Восточной Африке, Японии – Японские острова, Маньчжурия и районы к югу от метрополии, СССР – районы к северу от Индийского океана.

Вопреки традиционному утверждению советской историографии о том, что «советская делегация сразу в категорической форме отвергла идею «пакта четырех» и связанное с ней «продвижение на юг»¹⁸, на самом деле «Молотов одобрил выдвинутые Риббентропом предложения, в реализации которых Советский Союз был действительно заинтересован, – такие как достижение взаимопонимания с Японией, решение вопроса о черноморских проливах, уважение нейтралитета Швеции, решение судьбы Дунайской комиссии и некоторые другие. Не отверг советский нарком в принципе и идею получения выхода к Индийскому океану, где сфера влияния СССР должна была на востоке граничить с японской «сферой процветания Великой Восточной Азии», концепция которой была провозглашена 26 июля 1940 г. кабинетом Ф. Коноэ. Учитывая пожелание Сталина «не обнаруживать нашего большого интереса к Персии и сказать, что, пожалуй, мы не будем возражать против пред-

ложения немцев», Молотов сказал, что «разграничение сфер влияния также должно быть продумано» и что на этот счет он намерен посоветоваться со Сталиным и другими советскими руководителями и дать ответ по дипломатическим каналам.

25 ноября Молотов сделал заявление послу Германии в Москве Ф. Шуленбургу, что правительство СССР «готово принять проект Пакта четырех держав о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи» при следующих условиях: отказа Японии от своих прав на угольные и нефтяные концессии на Северном Сахалине и вывода германских войск из Финляндии как сферы влияния СССР при соблюдении экономических интересов Германии, что должно было быть оформлено в отдельных секретных протоколах, приложенных к «пакту четырех», соответственно между СССР и Японией и СССР и Германией.

Молотов предложил также внести дополнения в два других, предложенных Риббентропом секретных протокола, а именно: признать район к югу от Батуми и Баку в направлении Персидского залива сферой интересов СССР, добиться, в случае необходимости, путем не только дипломатических, но и военных санкций присоединения Турции к «пакту четырех», предоставления СССР на условиях долгосрочной аренды территорий для строительства двух военных баз в проливах Босфор и Дарданеллы с целью обеспечения безопасности СССР в этом районе, а также согласиться на заключение договора о взаимопомощи между СССР и Болгарией¹⁹.

Этому заявлению В.М. Молотова предшествовала его беседа с послом Японии в СССР Татэкавой. 18 ноября 1940 г. на встрече с ним советский нарком сообщил, что в прошедших переговорах с Риббентропом в Берлине он высоко оценил стремление Токио урегулировать отношения с СССР, но вместе с тем выступил с утверждением, что «советское общественное мнение не сможет благожелательно воспринять заключение пакта о ненападении, если он не будет сопровождаться восстановлением территориальных потерь, понесенных Россией на Дальнем Востоке, а именно утратой в свое время Южного Сахалина и Курильских островов».

Советский руководитель сказал, что в случае, «если Япония не готова пока к рассмотрению этих вопросов, то советское правитель-

ство предлагает вместо пакта о ненападении заключить пакт о нейтралитете и одновременно подписать специальный протокол о ликвидации концессий на Северном Сахалине». Подталкивая японскую экспансию на юг против Англии и США, Молотов отметил при этом, что такой пакт «дает все необходимое для того, чтобы развязать Японии руки для ее деятельности на юге, и, с другой стороны, является достаточным для того, чтобы сделать серьезный шаг в деле улучшения японо-советских отношений».

Он указал также на то, что при заключении пакта о ненападении «пришлось бы касаться как вопроса о возвращении *некоторых* (курсив наш. — К.Ч.) утерянных ранее Россией территорий, так и вопроса об МНР и Синьцзяне»²⁰.

В действительности дело заключалось в том, что Москва знала о нереальности территориальных уступок со стороны Токио, а также о том, что, как мы упоминали об этом выше, Советский Союз, исходя из своей позиции в отношении Китая, не мог заключить с Японией пакта о ненападении.

В Архиве внешней политики РФ на этот счет имеется провозглашенная советским представителем 21 августа 1937 г. при подписании советско-китайского договора о ненападении «Устная декларация, строго конфиденциальная, не подлежащая оглашению ни официально, ни неофициально», о содержании которой заместитель наркома иностранных дел С.А. Лозовский напомнил В.М. Молотову 21 февраля 1941 г., вскоре после получения из дипломатического представительства СССР в Токио сообщения о визите Мацуока в Москву.

Декларация гласила: «При подписании сегодня договора о ненападении, уполномоченный Союза Советских Социалистических Республик заявляет от имени своего правительства, что Союз Советских Социалистических Республик не заключит какого-либо договора о ненападении с Японией до времени, пока нормальные отношения Китайской Республики и Японии не будут формально восстановлены»²¹.

Такое же обязательство тогда было вручено советской стороне уполномоченным Китая.

Во время упомянутой выше беседы с Татэкавой Молотов вручил ему проект пакта о нейтралитете, идентичный предложенному советскому правительству бывшим японским послом в СССР С. Того. Правда, в нем в отличие от проекта Того предлагалось автоматическое продление договора в случае, если в течение пятилетнего срока его действия ни одна из договаривающихся сторон не заявит о намерении прекратить его действие. Кроме того, в проекте советской стороны отсутствовало упоминание о подтверждении советско-японской конвенции 1925 г. и появилось приложение в виде проекта соглашения о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине. Если раньше советская сторона уже ставила свои условия и вместо компенсации японским концессионерам за их инвестиции предлагала поставить 100 тыс. т нефти в течение пяти лет, то в новом проекте соглашения предлагалось лишь то же количество нефти в течение того же срока, но на коммерческой основе.

После того как Мацуока был уведомлен о реакции Москвы на его новое предложение, он дал указание Татэкаве попытаться разрешить вопрос о японских концессиях на основе продажи Северного Сахалина Японии. Но когда на встрече 21 ноября японский посол возобновил обсуждение вопроса о продаже Северного Сахалина Японии, В.М. Молотов заинтересовался, не шутка ли это, и, сославшись на сообщение Риббентропа, переданное ему во время переговоров в Берлине, о готовности Токио отказаться от своих концессий в СССР, заявил, что он ждет удовлетворительного ответа японской стороны по этому вопросу.

Что же касается поднятого Молотовым вопроса о возвращении утраченных Россией Курильских островов и Южного Сахалина, то по поводу того, какие именно Курильские острова при этом имелись в виду, существуют сегодня разные точки зрения.

Первая из них принадлежит американскому японоведу Дж. Ленсену. Она состоит в том, что В.М. Молотов подразумевал не Северные и Средние Курильские острова, от которых Россия отказалась в пользу Японии в обмен на признание ее прав на весь остров Сахалин, находившийся до того в совладении России и Японии после Симодского тракта 1855 г., а все Курильские острова, кото-

рые советские войска заняли позднее, в 1945 г. и по отношению к которым понятие «возвращение» применимо, если только оно поставлено в кавычки.

Эта точка зрения вполне обоснованная, если исходить из стремления к территориальным приращениям, значительная часть которых была осуществлена Советским Союзом в 1939–1940 гг. в нарушение международного права на основе стовора с гитлеровской Германией.

Но если подходить к словосочетанию «возвращение Курильских островов» в его точном смысле с позиции международного права, то возможна, на наш взгляд, и другая точка зрения. Она заключается в том, что объективно В.М. Молотов поставил вопрос только о тех Курильских островах, которые принадлежали России на основе внутреннего или международного права. К таковым относились острова от полуострова Камчатка до Урупа включительно, признанных территорией России по Симодскому трактату 1855 г. (от всех Курил Япония отказалась лишь по Сан-Францисскому мирному договору 1951 г.). Попытки русского представителя на переговорах – вице-адъютанта Е.В. Пулятина – распространить суверенитет России к югу о-ва Уруп, хотя бы на о-в Итуруп, ссылаясь на право первооткрытия, не получили признания ни в этом договоре, ни в каком-либо другом международном соглашении, так как это право не было закреплено даже во внутреннем законодательстве России. А от элементов этнического суверенитета императрица Екатерина II отказалась в 1779 г., освободив местное туземное население от уплаты податей (ясака) во избежание конфликтов с соседями («неудобностей») в случае, «если они будут удерживаемы в подданстве»²², после чего в 1799 г. южная часть Курил перешла под управление Японии, что было закреплено в первом русско-японском договоре в 1855 г.

К тому же та часть Курильских островов, которая в 1855 г. была признана территорией России, в 1875 г. по Петербургскому договору была обменена на право России единолично, а не в качестве кондоминиума, т.е. несовместно с Японией, владеть всем островом Сахалин. Таким образом, к 1940 г. советское руководство, если оно стремилось к пересмотру Портсмутского мирного договора 1905 г.,

могло настаивать на возвращении Южного Сахалина, хотя его переход к Японии в результате Русско-японской войны был подтвержден Пекинской конвенцией между СССР и Японией при установлении дипломатических отношений. Основанием для подобного требования могло служить нарушение Японией условий этой конвенции как в результате вторжения в 1931 г. японских войск в Маньчжурию, так и аннексии в 1910 г. Кореи в нарушение Портсмутского договора. Принадлежность же Курил по Портсмутскому договору оказалась формально неопределенной, ибо он был заключен во изменение условий упомянутого Петербургского договора, а двусторонний договор 1855 г. был отменен в русско-японском торговом договоре 1895 г. (ст. 18).

Постановка территориального вопроса как условия заключения пакта о ненападении представляла собой, тем не менее, просто предлог. Ведь этих аргументов приведено не было. К тому же за время, прошедшее с 1931 г., когда СССР предлагал Японии заключить аналогичный договор без выдвижения предварительных территориальных претензий, никаких изменений в правовом статусе Сахалина и Курил не произошло. Изменилось благоприятно для СССР лишь международное положение. В связи с тем, что ведущие страны мира, за исключением США, оказались втянутыми в начавшуюся 1 сентября 1939 г. Вторую мировую войну, Советский Союз решил воспользоваться сложившейся обстановкой для того, чтобы «расширить» базу мировой революции, а проще говоря, опираясь на свою возросшую экономическую и военную мощь, приблизить свои границы к границам бывшей Российской империи и, следуя ее традиционной политике, распространить свое влияние даже за пределы бывших сфер влияния царской России.

Подобная позиция нашла свое отражение в телеграмме НКВД СССР советским полпредам в Японии и Китае 14 июня 1940 г. В телеграмме была передана следующая инструкция: исходя из того, что наша страна может надежно обеспечить безопасность своих границ на Дальнем Востоке только в сотрудничестве с США и Китаем, она должна всячески избегать договоров с Японией, которые провоцировали бы США на антисоветские акции, ограничившись соглашениями с Токио по второстепенным вопросам, не

имеющим большого политического значения, каким являлся бы, например, пакт о ненападении, идентичный пакту, заключенному между СССР и Германией.

Однако в то же время, как указывалось в этой же телеграмме, СССР должен был бы заключить такое соглашение, которое бы не вызывало раздражение упомянутых государств и позволило бы Японии почувствовать, что ей ничто не угрожает на севере. По мнению советской стороны, последний фактор будет побуждать Японию к продвижению на юг, где она должна была неизбежно столкнуться с США, и поэтому следовало бы подготовить почву для подписания с Токио пакта не о ненападении, а о нейтралитете как более узкого и менее значимого документа.

Копия этой телеграммы из генерального консульства СССР в Харбине по японским дипломатическим каналам, скорее всего связаным с японской разведкой, была переправлена в Японию, где была обнаружена по окончании Второй мировой войны американцами.

В предложенном подходе в отношении подготовки именно пакта о нейтралитете с Токио советская дипломатия учла опыт заключения с Берлином пакта о ненападении, который вследствие установления на его основе слишком тесных отношений, привел к ухудшению отношений СССР со странами Запада. Пакт же о нейтралитете с Японией был «золотой серединой», — предоставляя юридические гарантии от нападения обеим договаривающимся сторонам, он сохранял партнерам свободу действий и в то же время подталкивал Японию к экспансии в сторону южных морей, чреватую столкновением с США и Великобританией — главными соперниками СССР на мировой арене²³.

Что же касается другого юридического момента, отмечаемого Б.П. Сафроновым, — устного обязательства СССР не заключать с Японией договора о ненападении, данного советской стороной при подписании такого договора с Китаем в 1937 г., то, на наш взгляд, учитывая прагматический характер советской внешней политики, это обстоятельство не имело серьезного значения. Во имя предполагаемой политической целесообразности советское руководство при заключении пакта о ненападении могло пойти на из-

держки, связанные с нарушением принципа пролетарского интернационализма. Да и в отношении Китая имел место такой серьезный прецедент, как продажа Японии КВЖД в нарушение советско-китайской конвенции 1924 г., по которой СССР мог уступить ее только Пекину.

21 ноября 1940 г. Татэкава проинформировал советское правительство о том, что, хотя условия протокола к проекту пакта о нейтралитете японская сторона считает неприемлемыми, сам проект пакта она рассматривает как заслуживающий обсуждения. Посол Японии сообщил при этом, что для преодоления разногласий по упомянутому протоколу Токио вновь предлагает продать Северный Сахалин.

После повторного отказа продать северную часть этого острова и протеста советскому правительству, переданного 19 декабря заместителем министра иностранных дел Японии Т. Охаси полпредству СССР в Токио по поводу ограничений в деятельности японских концессий на Северном Сахалине, переговоры о заключении пакта о нейтралитете прервались более чем на месяц.

В период до их возобновления (20 января 1941 г.) был подписан протокол о продлении срока действия рыболовной конвенции 1928 г. до конца 1941 г. с увеличением арендной платы за рыболовные участки в советских территориальных водах на 20%, а также принято решение об учреждении советско-японской комиссии для выработки новой конвенции по рыболовству.

3 февраля 1941 г. на 8-м межведомственном совещании кабинета министров и начальников штабов армии и военно-морских сил Японии была одобрена программа ее переговоров с Германией, Италией и СССР.

Участники совещания решили направить министра иностранных дел Японии Мацуоку с неофициальным визитом²⁴ в Германию и Италию, а также с официальным визитом в СССР для того, чтобы выяснить состояние отношений партнеров по тройственному пакту, изменений в их политике, в частности касающейся США, Великобритании и СССР, попытаться убедить последний присоединиться к этому пакту и урегулировать отношения с Советским Союзом на договорной основе по типу пакта о ненападении Моло-

тов — Риббентроп при посредничестве Германии. Договор предполагалось заключить на следующих условиях: 1) продажа Северного Сахалина под давлением Берлина или, если это окажется невозможным, добиться поставок из СССР 1,5 млн. т нефти в течение пяти лет в качестве компенсации за ликвидацию японских концессий на этом острове; 2) взаимное признание интересов СССР во Внешней Монголии и Синьцзяне (с последующим урегулированием этого вопроса с Чан Кайши), Японии в Маньчжурии и Северном Китае; 3) отказ СССР от помощи Китаю; 4) учреждение комиссии с участием представителей СССР, Внешней Монголии и Маньчжоу-го для демаркации границы между ними на всем ее протяжении и для разрешения спорных вопросов; 5) заключение рыболовного соглашения на основе предоставления Японии концессий или отказа от данного условия, если этого потребует заключение упомянутого договора; 6) урегулирование вопроса о советском предложении в отношении снижения пошлин на транзитные грузы по Транссибирской железнодорожной магистрали для содействия японо-германской торговле.

Совещание разделило мир на четыре сферы: Великая Восточно-азиатская во главе с Японией; европейская (с Африкой) — во главе с Германией и Италией; американская во главе с США и советская, включая Иран и Индию, во главе с СССР.

Совещание решило, что важнейшая внешнеполитическая задача Японии должна заключаться в том, чтобы удержать США от вступления в мировую войну, и что ту же задачу должны решать Германия и Италия в отношении СССР. В случае, если бы последний напал на Японию, а для полного исключения такой возможности с ним необходимо было установить взаимопонимание, то Германия и Италия, по мнению участников совещания, должны были немедленно нанести удар по Советскому Союзу и дать обязательство не заключать с ним секретного мирного договора.

Для решения этих важных задач Мацуока в марте 1941 г. был направлен в Европу²⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПАКТА О НЕЙТРАЛИТЕТЕ МЕЖДУ СССР И ЯПОНИЕЙ В 1941 Г.

24 марта в беседе с Молотовым японский министр сообщил, что едет в Берлин и Рим для установления личных контактов с руководителями держав оси в связи с заключением тройственного пакта, так как обмен мнениями по этому вопросу осуществлялся только по телеграфу. Однако это не исключает того, что он как ближайший помощник в прошлом графа С. Гото, инициатора восстановления отношений с СССР в 1925 г., стремится к развитию хороших отношений с Москвой.

Во время встречи со Сталиным Мацуока подтвердил свое намерение улучшить отношения с Москвой. На это Сталин ответил: «Какова бы ни была идеология в Японии или даже в СССР, это не может помешать практическому сближению двух государств, если имеется желание обеих сторон... Что же касается англосаксов, то русские никогда не были их друзьями и теперь, пожалуй, не очень хотят с ними дружить». В заключение он поддержал стремление государств оси к контролю над капиталистами²⁶.

Японский министр напомнил, что в 1932 г. он поддержал инициативу Москвы о заключении пакта о ненападении. И хотя японское правительство не откликнулось тогда на это предложение, он продолжал индивидуальную работу в пользу заключения такого пакта. После его назначения в 1940 г. главой японского внешнеполитического ведомства претворение в жизнь этой идеи стало рассматриваться им как насущная необходимость, помимо разрешения таких вопросов, как заключение торгового договора и подписание новой конвенции о рыболовстве, переговоры о которых продвигались довольно успешно.

Затронув вопрос о японских нефтяных и угольных концессиях на Северном Сахалине, Мацуока напомнил, что они в 1925 г. были предоставлены (до 1995 г.) в качестве компенсации за ущерб, нанесенный Японии в связи с инцидентом в Николаеве в годы Гражданской войны, где было убито немало японцев.

В ответ на предложение Молотова о ликвидации концессий японский министр поставил вопрос о продаже Северного Сахалина, сославшись на то, что японцы пришли на этот остров еще в XVI в., а русские «отняли» его у Японии сравнительно недавно, в начале периода Мэйдзи (1875 г.). Вместе с тем Мацуока высказался за ускорение решения вопроса о границе между СССР и Маньчжу-го.

Далее он подчеркнул, что Япония, заключив союз с Германией, не собирается ссориться с СССР и будет стремиться к тому, чтобы такие же отношения сохранялись между Советским Союзом и Германией. Однако если СССР будет сотрудничать с США против Японии как против общего врага, то последняя вынуждена будет, напав на СССР, разделаться со своими противниками по отдельности.

В ответ Молотов сказал, что с 1932 г., когда Япония отвергла советское предложение о пакте о ненападении, положение в мире существенно изменилось — теперь у СССР есть такой договор с Германией, а у Японии есть пакт о союзе с последней. Пакт СССР с Германией оказался возможным, так как она, по мнению Молотова, правильно поняла интересы Советского Союза, который в свою очередь осознал, интересы Германии.

Давая понять, что Японии и СССР целесообразно было воспользоваться этим примером, Молотов заявил: «Что касается пакта о ненападении между СССР и Японией, то советская сторона к этому вопросу также относится серьезно, исходя при этом из тех установок, из которых она исходила при заключении договора с Германией».

Указанное обстоятельство, с нашей точки зрения, имеет принципиальное значение для оценки разных толкований советско-японского пакта о нейтралитете, о которых будет идти речь ниже.

Касаясь вопроса признания Советским Союзом в 1925 г. Портсмутского мирного договора между Россией и Японией, Молотов сказал: «Нельзя оставлять без изменений то, что было установлено во взаимоотношениях между нашими странами после поражения России в 1905 г. Понятно, что в СССР смотрят на Портсмутский договор примерно с таким же чувством, как в Германии относятся

к Версальскому договору. Так что Портсмутский договор — плохая база развития и улучшения отношений. Тем более, что Япония нарушала этот договор в отношении Маньчжурии».

Как неуместное расценил советский руководитель и напоминание о николаевских событиях, сославшись на то, что они произошли на последнем этапе японской интервенции в Приамурье и Приморье, в период очень плохих отношений между двумя странами.

По вопросу об интересах СССР и Японии в районе Сахалина и Курильских островов Молотов заявил, что предложение о продаже Северного Сахалина «он рассматривает как шутку». «У нас никто не понял бы сейчас продажу Северного Сахалина, поскольку помнят, что только в результате поражения в 1905 г. Россия была вынуждена отдать южную половину Сахалина, — продолжал Молотов. — Нашему общественному мнению было бы более понятно, если бы в исправление Портсмутского договора, заключенного после поражения, был поставлен вопрос о покупке южной части Сахалина, причем вопрос о цене мог бы быть разрешен по соглашению. Теперь более правильно было бы поставить вопрос о покупке у Японии не только южной части Сахалина, но и некоторой группы Северных Курильских островов (курсив наш. — К.Ч.)».

Таким образом, очевидно, что нарастание угрозы со стороны Германии вынудило СССР говорить уже не о безвозмездном возвращении Южного Сахалина и Курил, а только о покупке части этих территорий.

Молотов выразил надежду, что японское правительство, стремясь к заключению пакта о ненападении, на базе учета взаимных интересов, как это сделала Германия в 1939 г., благожелательно подойдет к вопросу о покупке СССР Северных Курильских островов и южной части Сахалина.

По поводу отношений с США Молотов заверил, что у советского правительства «нет намерения заключать соглашение для нападения на Японию».

В конце беседы глава советского правительства предложил ограничиться заключением советско-японского пакта о нейтралитете с тем, чтобы «вопросы, требующие длительного обсуждения, не нужно было бы затрагивать». При этом Молотов добавил, что

«во время его встреч в Берлине с Гитлером и Риббентропом, и в частности в последней беседе с Риббентропом, ему вполне конкретно было заявлено, что в вопросе о концессиях на Северном Сахалине Япония пойдет навстречу советской стороне» по рекомендации своего основного союзника по тройственному пакту.

26 марта Мацуока прибыл в Берлин и со следующего дня начал переговоры с Риббентропом и Гитлером.

Не раскрывая способов реализации плана «Барбаросса» — плана войны против СССР, Риббентроп выразил заинтересованность в том, чтобы Япония как союзник Германии не вмешивалась в эту возможную войну (в соответствии со ст. 5 тройственного пакта), поскольку Германия рассчитывала самостоятельно распорядиться судьбой всех территорий СССР после его молниеносного разгрома без участия Японии. В то же время последняя должна была оказать помощь Германии, нанеся удар по Сингапуру — главной военной базе Великобритании на Дальнем Востоке.

Но японский министр, ограничившись личным обещанием, дал понять, что не собирается оставаться статистом в случае раздела территории СССР после его поражения. Мацуока не скрывал своего намерения заключить с СССР пакт о нейтралитете, который бы служил гарантией безопасности тыла Японии во время ее экспансии на Юг, направленной против интересов Англии и особенно США в этом районе.

С этой точки зрения представляет интерес мнение бывшего начальника информационного отдела военного министерства Японии, генерал-лейтенанта Х. Хаты, который, находясь в советском плену, в своих показаниях отметил: «Что касается советско-японского пакта о нейтралитете, то этот шаг был направлен на упрочение японской позиции в отношении США»²⁷.

В беседе с Риббентропом, состоявшейся 29 марта, Мацуока высказал намерение еще раз предложить СССР присоединиться к тройственному пакту. Риббентроп ответил, что «в настоящее время в связи с изменением обстановки вопрос об этом уже не стоит», и посоветовал Мацуока во время бесед с советскими руководителями в Москве не затрагивать и вообще не вступать с ними в обсуждение каких-либо связанных с этим пактом вопросов²⁸.

Существует мнение, что в соответствии с инструкцией своего правительства, допускавшей заключение пакта о нейтралитете вместо пакта о ненападении с СССР, Мацуока провел переговоры о его подписании, будучи в Москве 24 марта проездом по пути в Германию и на обратном пути, начиная с 7 апреля²⁹. На самом деле эта точка зрения не подтверждается изложенной выше записью этих переговоров, из которой следует, что вопрос об этом затрагивала только советская сторона.

Тем не менее Мацуока, имея широкие полномочия, был настроен заключить пакт о ненападении или нейтралитете, вопреки предупреждению Риббентропа, с целью сохранения свободы рук как в отношении Берлина, так и Москвы. В пользу этого свидетельствует следующая телеграмма министра иностранных дел Германии немецкому послу в Токио от 5 июля 1941 г.:

«Касаясь вопроса об отношениях Японии к Советской России, я хотел бы в целях Вашей личной ориентировки правильно осветить сообщение о нашем с ним разговоре на тему о японо-русском договоре о ненападении или нейтралитете.

Согласно Вашей телеграмме № 685 от 6 мая 1941 г., Мацуока сообщил Вам тогда, что после своего отъезда из Берлина он не рассчитывал на возможность заключения японо-русского пакта о нейтралитете. То же выражал он и в разговоре со мной, и только думал воспользоваться случаем, если русские выразят к тому готовность. Сделанным Вам тогда сообщением Мацуока, по-видимому, хотел сказать, что я после берлинских переговоров должен был бы считаться с возможностью заключения пакта. Такое же заявление сделал Мацуока и графу Шуленбургу в Москве после того, как уже было достигнуто соглашение по поводу заключения пакта и как раз до формального его подписания. При этом г-н Мацуока так представил разговор со мной, будто он сказал мне, что не сможет избежать в Москве обсуждения давно назревшего вопроса о японо-советском пакте о нейтралитете или ненападении, что он, конечно, против всякой поспешности, но что ему придется что-то предпринять, если русские пойдут навстречу японским желаниям. Я будто бы согласился с его мыслью.

То, что Мацуока изложил Вам, а также графу Шуленбургу, не отвечает действительности. Тема японо-советского пакта о ненападении и нейтралитете была поднята в разговоре между Мацуока и мною 26 марта 1941 г. и, согласно записи, сделанной послом Шмидтом тотчас же после нашего разговора, тема эта развивалась таким образом.

В связи с замечанием о заключении давно уже обсуждаемого русско-японского торгового договора, Мацуока прямо поставил мне вопрос, не должен ли он на обратном пути задержаться в Москве, чтобы обсудить с русскими пакт о ненападении или о нейтралитете. Он при этом подчеркнул, что японский народ не допустит непосредственного присоединения России к пакту трех держав, что последнее вызвало бы во всей Японии общий крик негодования. Я ответил Мацуока, что о принятии России в члены пакта и думать нечего, и посоветовал ему по возможности не поднимать в Москве вопроса о заключении упомянутого пакта о ненападении или нейтралитете, так как это не уместилось бы в рамки современного положения»³⁰.

Окончательное решение о заключении пакта удалось принять только в результате беседы между Сталиным и Мацуока 12 апреля 1941 г., когда последний готов был уехать из Москвы без подписания пакта. Министр иностранных дел Японии был приглашен в Кремль во время вечернего просмотра в Художественном театре спектакля А.П. Чехова «Три сестры».

В начале беседы Мацуока высказал мнение, что «если что-либо произойдет между СССР и Германией, то он предпочтет посредничать между СССР и Германией». Поскольку «Япония и СССР являются пограничными государствами, он хотел бы улучшения отношений между Японией и СССР».

В ответ на реплику Сталина о том, не мешает ли этому тройственный пакт, собеседник ответил отрицательно, подчеркнув, что в этом смысле он высказался и в беседе с Риббентропом.

Развивая эту мысль, Мацуока пояснил, что коренные вопросы отношений между Японией и СССР нужно разрешить под углом зрения «больших проблем, имея в виду Азию, весь мир, не ограни-

чиваясь и не увлекаясь мелочами», такими, как, например, вопрос о Сахалине, для того чтобы «избавиться от англосаксов» в Азии, в частности в Индии, Иране и в Китае.

На это Сталин ответил: «СССР считает сотрудничество с Японией, Германией и Италией большим вопросом. Об этом тов. Молотов уведомил Гитлера и Риббентропа, когда он был в Берлине и когда стоял вопрос о том, чтобы пакт трех сделать пактом четырех». Но Гитлер, по словам Сталина, заявил, что пока он не нуждается в военной помощи других государств. Исходя из этого, Сталин сообщил своему японскому собеседнику, что «вопрос о пакте четырех и сотрудничестве с СССР может встать, но только в том случае, если дела Германии и Японии (очевидно в борьбе с англосаксами. — К. Ч.) пойдут плохо», и поэтому советское правительство ограничивается теперь в отношениях с Японией пактом о нейтралитете, но рассматривает его «как первый шаг и серьезный шаг к будущему сотрудничеству по большим вопросам».

Далее собеседники договорились о том, чтобы вопрос о территориальной целостности МНР и Маньчжоу-го зафиксировать в отдельной декларации, прилагаемой к пакту, а вопрос о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине изложить в обменных письмах одновременно с подписанием пакта. Сталин предложил указать в письмах, что концессии будут ликвидированы в течение «двух-трех месяцев», но затем согласился на формулировку Мацуоки — «в течение нескольких месяцев».

Подчеркнув важность этого вопроса, Сталин подошел к карте и, указав на Приморье, сказал, что «Япония держит в руках все выходы советского Приморья в океан — пролив Курильский у южного мыса Камчатки, пролив Лаперуза к югу от Сахалина, пролив Цусимский у Кореи». Поэтому продажа Японии Северного Сахалина вообще означала бы удушение Советского Союза. «Какая же это дружба?» — резонно спросил советский руководитель и в конечном счете добился уступки со стороны Мацуоки, пообещав в качестве компенсации рассмотреть позднее вопрос о поставке в Японию 100 тыс. т нефти³¹.

13 апреля в Москве был подписан пакт о нейтралитете с приложенным коммюнике и состоялся обмен упомянутыми письмами.

В ст. 1 пакта содержалось обязательство сторон, исходя из стремления к миру и дружбе между СССР и Японией, поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность территорий другой договаривающейся стороны.

Ст. 2 предусматривала, что в случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих государств, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта.

Ст. 3 устанавливала срок действия пакта в течение пяти лет, причем каждая договаривающаяся сторона могла за один год до истечения этого срока заявить о намерении денонсировать настоящий пакт после прекращения пятилетнего срока его действия. В противном случае срок действия пакта автоматически продлевался на следующие пять лет³².

В декларации, которую подписали Молотов, Мацуока и Татэкава, содержалось заявление, что, исходя из духа пакта о нейтралитете с целью обеспечить мир и дружественные отношения между СССР и Японией, стороны обязуются уважать территориальную целостность и неприкосновенность МНР и Маньчжоу-го.

Мацуока и Молотов обменялись строго конфиденциальными письмами. В письме Мацуоки, получение которого в ответном письме подтверждал Молотов, содержались обязательства в ближайшее время заключить торговое соглашение и рыболовное соглашение, в течение нескольких месяцев ликвидировать японские концессии на Северном Сахалине³³ и как можно скорее учредить смешанную комиссию из представителей СССР, Японии, МНР и Маньчжоу-го для урегулирования пограничных вопросов и рассмотрения пограничных споров и инцидентов.

Пакт о нейтралитете с одобрением был встречен как в советской, так и в японской печати. Однако в Берлине подписание пакта вызвало неудовольствие, так как в Германии были удивлены тем, что Мацуока не внял намекам Гитлера и Риббентропа на возможность войны между Германией и СССР³⁴. В связи с этим Риббентроп даже заявил протест послу Японии в Германии Осиме.

До недавнего времени отечественные исследователи считали, что этот пакт был заключен на случай, если СССР и Япония подвергнутся нападению других государств, а поскольку Япония сама совершила нападение на них и, следовательно, оказалась не «объектом военных действий», а ее субъектом, этот договор не имеет отношения к советско-японской войне 1945 г.³⁵.

Однако публикация документов и материалов по советско-германским отношениям показала, что содержащееся и в советско-германском, и в советско-японском пактах обязательство не нападать на своего партнера в случае, если он станет «объектом военных действий», относится к любой войне, независимо от того, кто ее развяжет³⁶.

Несмотря на то что главной целью заключения пакта о нейтралитете с СССР являлось обеспечение безопасности тыла Японии, которое давало ей возможность проводить агрессивную политику в отношении стран Азии и США, в советской историографии традиционно делался чрезмерный акцент на намерение Токио, заключив этот договор, закамуфлировать форсированную подготовку к нападению на СССР сразу же после начала германской агрессии. Кроме того, утверждалось, что еще до заключения пакта о нейтралитете немецкие руководители на переговорах в Берлине сообщили Мацуоке о возможности нападения Германии на СССР в самое ближайшее время.

В советской историографии излагается также точка зрения военных кругов Японии, в особенности руководства Квантунской армии, о роли пакта о нейтралитете как средства «выиграть время для принятия самостоятельного решения о начале войны против Советов»³⁷. Утверждая, что это мнение отражало единую позицию всех кругов Японии, исследователи в то же время приводят три разные концепции действий японских властей в случае начала войны между СССР и Германией: 1) после нападения Германии на СССР немедленно начать против него военные операции; 2) обрушиться на СССР после предварительной успешной экспансии в южном направлении; 3) принять окончательное решение о начале широкой экспансии против СССР или на юге в зависимости от успехов или неудач Германии в войне с Советским Союзом³⁸.

Так, исследователь советско-японских отношений А.А. Кошкин (Аркадьев) указал на следующую причину, побудившую пражские круги Японии подписать пакт о нейтралитете: «Стремясь обеспечить империи максимально возможную свободу действий и создать предпосылки для внезапного японского нападения на СССР, японское военно-политическое руководство сочло целесообразным в создавшейся обстановке пойти на заключение японо-советского пакта о нейтралитете»³⁹. Кроме того, А.А. Кошкин полагал, что обязательства Японии по тройственному пакту могли бы служить основанием для того, чтобы она совершила нападение на СССР⁴⁰.

«Идя на заключение пакта о нейтралитете с Советским Союзом, — писал он, — японское руководство стремилось использовать его с одной стороны, как прикрытие подготовки к нападению на СССР, а с другой — как средство, обеспечивающее Японии свободу в выборе сроков антисоветской агрессии»⁴¹.

Развивая эту мысль, А.Н. Николаев поддерживает выраженное в приговоре мнение Токийского трибунала, что заключение пакта о нейтралитете с СССР ставило и правительство Японии в «двусмысленное положение, поскольку оно в то время имело обязательства в отношении Германии по Антикоминтерновскому пакту и пакту трех держав»⁴².

На самом же деле текст дополнительного протокола к Антикоминтерновскому пакту (ст. 1), не говоря уже о его основном тексте, а также тройственный пакт (ст. 3 с учетом ст. 5), как уже отмечалось, не содержат никаких обязательств Японии непременно нападать на СССР по требованию Берлина или Рима, тем более что в этих договорах вопрос о мерах в отношении СССР ставится лишь в случае, если он совершит неспровоцированное нападение, а не сам окажется объектом нападения.

Бьет мимо цели и обвинение Японии в проведении одновременно с переговорами о пакте с СССР переговоров о продлении на пять лет Антикоминтерновского пакта. (Он был продлен позднее до 26 ноября 1946 г.).

По нашему мнению, заслуживает внимания точка зрения, в соответствии с которой «Антикоминтерновский пакт Германии, Ита-

лии и Японии был однозначно направлен не только и не столько против СССР как государства, сколько против определенной сферы (точнее направления. — К. Ч.) его внешнеполитической экспансии, которая велась руками Коминтерна... Позднее Сталин провел репрессивную «чистку» интернационалистов в этой организации (по терминологии — «атлантистов») и тем самым расчистил путь для улучшения отношений СССР с Германией и Японией, что соответствовало планам «европейцев» в этих странах, выступавших за союз европейских государств против таких «атлантических» держав, как Великобритания и США»⁴³.

Однако переговоры о продлении Антикоминтерновского пакта велись в 1940–1941 гг. параллельно с переговорами о советско-японском пакте о нейтралитете не потому, что тройственный пакт отменял Антикоминтерновский пакт формально, как считает В. Молодяков⁴⁴, а потому, что это было сделано фактически: во-первых, в результате чистки Сталиным интернационального ядра Коминтерна и превращения этой организации, формально просуществовавшей до 1943 г., в придаток международного отдела ЦК КПСС; во-вторых, в результате кардинальной переориентации его участников. СССР в свою очередь тоже отказался от использования Коминтерна как средства своей внешнеполитической экспансии против держав оси.

И поскольку Коминтерн в период непосредственно после заключения тройственного пакта существовал только формально, переговоры о продлении Антикоминтерновского пакта также носили формальный характер. В пользу этого свидетельствует тот факт, что дополнительные участники оси — сателлиты присоединялись сначала к тройственному пакту и лишь затем к Антикоминтерновскому.

Что же касается доказательства вероломства Мацуока именно в период подготовки к заключению пакта о нейтралитете с СССР (с лета 1940 г.), а также его осведомленности о сроках нападения Германии на СССР, то для прояснения этих вопросов следует обратиться к другим документам.

Наиболее убедительным аргументом в пользу того, что Мацуока еще в период подготовки к заключению пакта о нейтралитете с

СССР готов был пойти на его нарушение, служит заявление министра иностранных дел Японии, сделанное им в ходе беседы с Риббентропом весной 1941 г. в Берлине. Мацуока прямо заявил, что в случае начала войны Германии с СССР советско-японский пакт о нейтралитете «сразу теряет силу»⁴⁵.

Более того, 6 мая⁴⁶, уже после подписания пакта, Мацуока, беседуя с послом Германии Э. Оттом, высказался на эту тему еще определеннее: «Никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел не сумеет заставить Японию остаться нейтральной, если между Германией и СССР возникнет конфликт. В этом случае Япония принуждена будет, естественно, напасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой пакт о нейтралитете»⁴⁷.

Достоверные сведения о сроках нападения Германии на СССР Мацуока стал получать только через несколько дней после возвращения в Токио, когда пакт с СССР был уже подписан⁴⁸. Так, первое сообщение – шифрованная телеграмма посла Японии в Германии, пришедшее в Токио через три дня после заключения пакта, гласило: «В этом году Германия начнет войну против СССР». Такая же информация стала поступать в Токио вскоре от военных атташе Японии в других государствах⁴⁹.

До мая 1941 г. министр иностранных дел Мацуока даже после получения от посла Японии в Германии Осима информации о скором нападении ее на СССР не исключал возможности, что это сообщение Берлина для Японии ставит своей целью замаскировать подготовку нового массированного наступления германских войск на Англию⁵⁰.

Но в конце мая – начале июня Мацуока все-таки стал уговаривать императора Японии аннулировать советско-японский пакт о нейтралитете, чтобы затем, после развязывания войны Германией против Советского Союза, оккупировать Сибирь до Иркутска.

Тем не менее даже в начале июня Мацуока полагал, что вероятность германской агрессии против СССР составляет 40% против 60% возможности урегулирования конфликта⁵¹.

Это мнение разделяли и генеральный штаб Японии и военный министр Тодзио⁵².

«Собственно говоря, я заключил пакт о нейтралитете, — заявил Мацуока на 32-м координационном совещании правительства и ставки 25 июня 1941 г., — так как считал, что Германия и СССР не начнут войну. Если бы я знал, что они вступят в войну, я бы предпочел занять в отношении Германии более дружественную позицию и не заключил бы пакт о нейтралитете»⁵³.

Правда, это заявление, на наш взгляд, нельзя принимать на веру, так как о том, что надвигается война Германии против СССР, японскому министру иностранных дел дали достаточно ясно понять в начале 1941 г. из Вашингтона, чтобы избежать союза Токио и Москвы, и во время его бесед в Берлине весной 1941 г. И хотя он действительно не знал о начале войны в самое ближайшее время, скорее всего боязнь того, что в случае начала этой войны обезопасить Японию пактом с СССР будет уже трудно, и объясняется топорливость Мацуоки в этом вопросе⁵⁴.

В пользу точки зрения, что конкретные сроки нападения ему не сообщили специально, свидетельствует директива канцелярии Гитлера от 5 марта 1941 г.: во время предстоявших переговоров с Японией, т.е. с Мацуокой в Берлине, никоим образом не дать ему понять о существовании принятого 18 декабря 1940 г. плана «Барбаросса», по которому подготовка к войне с Советским Союзом должна была завершиться к 15 мая⁵⁵.

Вот почему весной 1941 г. Токио, несмотря на тревожные сообщения из Берлина, не форсировал мероприятий по подготовке к нападению на СССР. Это видно из того, что с 1939 г. до середины 1941 г. личный состав Квантунской армии увеличился всего на несколько десятков тысяч человек — с 270 тыс. до 300–350 тыс. человек⁵⁶, что составило не более половины численности советских войск на Дальнем Востоке⁵⁷.

Таково было действительное соотношение вооруженных сил двух стран с точки зрения угрозы безопасности СССР и реальной роли в сохранении этой безопасности пакта о нейтралитете вопреки традиционному мнению на этот счет советской историографии.

ГЛАВА 5

СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941—1945 гг.

1

СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (22 ИЮНЯ — 8 ДЕКАБРЯ 1941 Г.)

23 июня (24 июня по токийскому времени) 1941 г. посол СССР в Японии Сметанин в сопровождении будущего генерального консула в Саппоро, секретаря советского посольства Забродина посетил МИД Японии. Беседуя с министром иностранных дел Ё. Мацуокой, он спросил, будет ли считать себя Япония по-прежнему связанной пактом о нейтралитете с Советским Союзом в условиях начала войны Германии против СССР.

Мацуока ответил, что упомянутый пакт никоим образом не оказывает воздействия на тройственный пакт, очевидно, имея в виду ст. 5 о сохранении в период его действия существующего статуса в отношении СССР. И Сталин и Молотов, добавил он, знают, что Япония не подписала бы документа, который нарушал тройственный пакт.

После повторной просьбы советского посла недвусмысленно высказаться о намерениях Японии в сложившейся ситуации, Мацуока ответил, что Сталин не задавал ему подобного вопроса. Тем самым он, с одной стороны, дал понять собеседнику, что у советского вождя не было сомнений на этот счет, так как в противном случае пакт о нейтралитете не был бы заключен, и Сметанину следовало бы полагаться на мнение Сталина, а с другой — уклонился от прямого ответа.

Японский министр пояснил, что лично он, как и Сталин, не видел противоречия между пактом о нейтралитете с СССР и союзным договором Японии с Германией и Италией и что теперь Токио не может в одно и то же время оказаться и на стороне Германии, и на стороне Советского Союза.

С одной стороны, из слов Мацуоки следовало, что только нейтральная позиция Токио является единственно непротиворечивой. С другой — такой ответ позволял министру в выгодном свете представить свою позицию Берлину, пересказав германскому послу в Японии Отту только заключительную часть этой беседы, в конце которой он добавил, опять же в сослагательном наклонении, что Япония приостановила бы действие пакта о нейтралитете, если бы последний вступил в конфликт с ее союзом с Германией и Италией, который являлся основой внешней политики Токио. За такое, пусть даже косвенное подтверждение законности пакта о нейтралитете Мацуока получил выговор на 43-м заседании комитета японского правительства и ставки 1 августа 1941 г.¹

Таков, на наш взгляд, объективный смысл высказывания японского министра в этой беседе. Другое дело, что он при этом думал и какие акценты расставил при изложении беседы послу Германии в Токио Отту, позволившие последнему направить 3 июля 1941 г. следующую телеграмму: «Мацуока сказал, что причиной такой формулировки японского заявления советскому послу являлась необходимость ввести русских в заблуждение или по крайней мере держать их в состоянии неопределенности ввиду того, что военная подготовка еще не закончилась. В настоящее время Сметанин не знал о спешной подготовке, которая проводится против СССР и на которую сделаны намеки в решении правительства, переданном нам»².

Для того чтобы попытаться более убедительно доказать нелояльность Токио пакту о нейтралитете с СССР, советские историки, следуя за материалами Токийского трибунала, приводят лишь часть ответов Мацуока: о том, что пакт трех держав лежит в основе внешней политики Японии, а если данная война и пакт о нейтралитете вступят в противоречие с основами японской политики и пактом трех держав, то пакт о нейтралитете «не будет оставаться в силе»³.

Но это условие с точки зрения текста тройственного пакта, в особенности ст. 5, строго говоря, являлось юридически нереальным, и поэтому истолкование советскими историками⁴ условного предпочтения японским министром тройственного пакта как официального свидетельства о наличии заговора Японии с Германией и Италией с целью агрессии против Советского Союза и физическом «аннулировании советско-японского пакта о нейтралитете»⁵ не выдерживает критики. Высказывание Мацуоки в той же беседе, что он не видит противоречия между двумя пактами, также опровергает подобное мнение⁶.

Не находит документального подтверждения и точка зрения А.А. Кошкина о том, что с самого начала заседаний координационного комитета и ставки (с 15 июня 1941 г.) Мацуока настаивал на принятии политического решения в пользу немедленного выступления против СССР, т.е. о войне Японии с Советским Союзом еще до нападения Германии.

В действительности на упомянутом совещании, которое состоялось по токийскому времени 16 июня и которое не было первым, так как заседания координационного комитета и ставки начались раньше, японский министр, ничего не говоря о намерении Японии напасть на СССР, выступил против предполагавшегося нарушения ею соглашения с правительством Виши (Франция) об оккупации Индокитая из опасения столкновения с западными державами, прежде всего с Великобританией и США. Что касается советско-германской войны, то Мацуока сказал: «Судя по телеграмме Осимы, война Германии с СССР начнется на следующей неделе. В таком случае Советский Союз и Великобритания заключат между собой союз, а США станут в этой войне на сторону Великобритании. О такой ситуации необходимо как следует подумать. В осо-

бенности о том, что предлагаемая оккупация Индокитая будет серьезным актом вероломства»⁷.

Таким образом, японский министр трезво оценивал опасность нападения Германии на СССР для Японии. Поэтому, рассчитывая на полубовное разрешение проблем СВА (Северо-Восточной Азии) с Великобританией и особенно с США и предпочитая опираться на тройственный союз и нейтралитет СССР, Мацуока до самых последних дней перед вторжением Германии на территорию Советского Союза не терял окончательно надежду на то, что этого не произойдет, и Токио удастся избежать прямого столкновения с грозной коалицией морских и континентальных держав.

В пользу высказанного мнения свидетельствует следующее донесение шанхайской резидентуры НКГБ от 17 июня: «На заседании японского правительства не было принято окончательного решения о войне с Советским Союзом, так как в ближайшее время вмешательство Японии в войну считалось нецелесообразным»⁸.

В.Л. Пещерский, написавший на эту тему статью в журнале «Новое время», в беседе с автором сообщил, что донесение было основано на сведениях начальника контрразведки Чан Кайши и бывшего начальника берлинских и восточнопрусских штурмовых отрядов Германии Вальтера Стенанса, который занимал этот пост до убийства Рема в «ночь длинных ножей» 1933 г. и по приказу Гитлера был сослан как оппозиционер на работу в Китай. Там В. Стенанс был завербован советской разведкой и благодаря своим связям в высших эшелонах власти в Токио снабжал СССР ценной информацией. В отличие от Р. Зорге он не подозревался НКГБ в том, что является двойным агентом.

В донесении также высказывалось предположение, что Япония, возможно, воспользуется нападением Германии на СССР только в том случае, если последний проявит признаки слабости»⁹.

Неясный, запутанный характер международной обстановки, связанной с вопросом о точном времени германского нападения на СССР и обусловленной сложными маневрами дипломатии Германии, Великобритании и СССР, серьезно затруднял правильную оценку этой обстановки правительством не только Японии, но и Советского Союза.

«Сегодня нам известно, что тайные консультации Гитлера, Риббентропа и Молотова о возможном соглашении стратегического характера между Германией и Советским Союзом создали у Сталина и Молотова иллюзорное представление, будто с Гитлером можно договориться, — писал генерал-лейтенант П.А. Судоплатов, руководитель внешней разведки в 30–50-е годы. — До самого последнего момента они верили, что их авторитет и военная мощь, не раз демонстрировавшаяся немецким экспертам, отсрочат войну по крайней мере на год, пока Гитлер попытается мирно уладить споры с Великобританией». Для такой точки зрения имелись определенные основания, ибо окончательное решение о точной дате вторжения в СССР Гитлер принял только 14 июня 1941 г.¹⁰

Позиция Мацуоки в отношении СССР резко изменилась, начиная с 24 июня 1941 г. (25 июня по токийскому времени) на 32-м заседании координационного комитета японского правительства и ставки. В своем выступлении он заявил: «Когда Германия победит и завладеет Советским Союзом, мы не сможем воспользоваться плодами победы, ничего не сделав для нее. Мы должны либо пролить кровь, либо прибегнуть к дипломатии. Лучше пролить кровь. Вопрос в том, чего пожелает Япония, когда с Советским Союзом будет покончено. Неужели мы не вступим в войну, когда войска противника в Сибири будут переброшены на Запад?»¹¹.

На следующем заседании Мацуока развил свою мысль: «Если мы быстро нападём на Советы, Соединенные Штаты не выступят. США не смогут помочь Советской России по одной той причине, что они ненавидят Советский Союз. В общем, Соединенные Штаты не вступят в войну. Надо нанести удар сначала на севере, а затем уже идти на юг. Если мы пойдём вначале на юг, нам придется воевать с Британией и Соединенными Штатами.

...Мною движет не безрассудство. Если мы выступим против СССР, я уверен, что смогу удерживать США в течение трех-четырех месяцев дипломатическими средствами. Если мы будем ждать и наблюдать за развитием событий, как это предлагается в проекте Верховного командования, мы будем окружены Британией, Соединенными Штатами и Россией. Мы должны двинуться на Север и дойти до Иркутска. Я думаю, что, если мы пройдем даже половину

этого пути, наши действия смогут повлиять на Чан Кайши, подтолкнув его к заключению мира с Японией»¹².

Таким образом, новая позиция японского министра, как показали результаты Второй мировой войны, с прагматической точки зрения была вполне логичной, хотя и вероломной по отношению к СССР. В то же время эта позиция противоречила утверждению Мацуоки, сделанному на том же заседании, что он является сторонником нравственных начал дипломатии¹³.

Однако большинство участников этих заседаний выступило против предложений Мацуоки о нападении на СССР, опасаясь, что в данном случае на стороне последнего сразу выступят США и Великобритания. Особенно активно против плана Мацуоки возражали руководители военно-морского флота.

Так, на заседании 25 июня военно-морской министр Оикава заявил: «Флот... выражает опасения по поводу войны одновременно с Соединенными Штатами, Британией и Советским Союзом. Представьте, если Советы и американцы будут действовать вместе и Соединенные Штаты развернут военно-морские и авиационные базы, радиолокационные станции и т.д. на советской территории. Представьте, если базирующиеся во Владивостоке подводные лодки будут переведены в Соединенные Штаты. Это серьезно затруднит проведение морских операций. Чтобы избежать подобной ситуации, не следует планировать удар по Советской России, но нужно готовиться к движению на юг. Флот не хотел бы провоцировать Советский Союз»¹⁴.

Против немедленного вступления в войну с СССР высказался начальник генерального штаба армии Г. Сугияма, хотя и поставил вопрос об этом в зависимости от будущего развития ситуации в Китае и успехов Германии в ликвидации Советского государства. Он заявил: «В настоящее время наши крупные силы находятся в Китае... Верховное командование должно обеспечить готовность. А мы не можем сейчас решить, будем наносить удар (на север) или нет. Для приведения в готовность Квантунской армии нам потребуется от 40 до 50 дней. Необходимо дополнительное время и для организации всех наших наличных сил, и для подготовки их к наступательным операциям. К этому времени ситуация на советско-

германском фронте прояснится. Сражаться мы будем, если условия будут благоприятными». И далее в ответ на реплику Мацуоки: «Я хотел бы, чтобы было принято решение напасть на СССР» он решительно заявил: «Нет!». Его поддержал и начальник военно-морского главного штаба О. Нагано¹⁵.

Информация об отношении японского правительства к войне с Советским Союзом 26 июня поступила в Москву из токийской резидентуры. Советская разведка сообщала мнение Токио в следующих словах: «Япония сейчас не имеет... намерений объявить войну и встать на сторону Германии, хотя неизвестно, как в дальнейшем изменится эта политика... Япония не готова воевать с СССР. Не следует спешить с войной, так как если это нужно будет сделать, то чем позднее это будет, тем меньше жертв понесет Япония»¹⁶.

При всей важности этой информации ее значение нельзя переоценивать, так как она была передана до принятия упомянутым комитетом «Программы национальной политики Японии в соответствии с изменением обстановки». Кроме того, вряд ли следует противопоставлять информацию НКВД донесениям сотрудника военной разведки СССР Р. Зорге на том основании, что к началу советско-германской войны он, не без помощи чекистов, подозревался советским правительством в дезинформации¹⁷. Быть может, это было связано с тем, что Зорге сообщал разные сроки нападения Германии на СССР.

Правда, после того как подтвердилось донесение Зорге о менявшихся Гитлером сроках начала войны, подозрения в отношении него, по-видимому, рассеялись¹⁸. (Однако в отличие от донесений Зорге упомянутые выше сведения, полученные от В. Стенанса в Китае и агентов резидентуры в Токио, до сих пор еще не опубликованы.)

Заключительные прения по проекту программы были проведены 2 июля, в день его принятия. Г. Сутияма, в частности, заявил: «Из 30 дивизий Советского Союза четыре уже отправлены на Запад. Однако Советский Союз все еще обладает (на Дальнем Востоке) явно подавляющей силой, готовой к стратегическому развертыванию... Я хочу усилить Квантунскую армию настолько, чтобы она могла... быть готова к наступлению... Я считаю, что результаты войны меж-

ду Германией и Советским Союзом прояснятся через пятьдесят-шестьдесят дней. За это время мы должны определиться в вопросах раз-режения китайского инцидента и переговоров с Великобританией и США. Вот почему в наши предложения внесена фраза «пока мы не будем вмешиваться в конфликт». При этом в стенограмме заседания содержится запись, что после высказывания Сугиямы «импе-ратор выглядел весьма удовлетворенным»¹⁹.

Пожалуй, еще более резко, чем Мацуока, в пользу нападения на СССР выступил на заседании 2 июля председатель тайного со-вета Японии Ё. Хара, правда, он в отличие от первого считал, что оно должно было быть осуществлено немедленно.

Хара заявил: «Я полагаю, все вы согласитесь, что война между Германией и Советским Союзом действительно является истори-ческим шансом Японии. Поскольку Советский Союз поощряет распространение коммунизма во всем мире, мы вынуждены будем рано или поздно напасть на него. Но, так как мы все еще заняты китайским инцидентом, мы не сможем принять решение о нападе-нии на Советский Союз так легко, как этого хотелось бы... Импе-рия хотела бы избежать войны с Великобританией и Соедиенны-ми Штатами. Пока мы будем заняты войной с Советским Союзом... кое- кто сможет сказать, что в связи с пактом о нейтралитете для Японии было бы недостойно нападать на СССР. Но СССР сам снискал себе дурную славу своей привычкой к вероломству. И ес-ли мы нападём на него, никто не расценит это как вероломство»²⁰.

Эта аргументация, при которой намерение нарушить пакт о нейтралитете с СССР оправдывалось ссылками на нарушение посл-едним своих международных обязательств, напоминало доводы Риббентропа при обвинении его на Нюрнбергском процессе в со-вершении агрессии против Польши. Тогда он сослался на такие же действия СССР, который нарушил пакт о ненападении с Польшей и захватил часть ее территории совместно с Германией в соот-ветствии с договоренностью по секретному протоколу к советско-гер-манскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 г. При этом со-ветское руководство исходило из того, что распад Польши, хотя она сохраняла свое правительство в изгнании, освобождает СССР от обязательств соблюдать пакт о ненападении.

«Нарушение национальных законов и международного права со стороны как Германии, так и Советского Союза в один из самых напряженных периодов в новейшей истории было не случайным, — отмечается в сборнике статей Института российской истории РАН. Что касается гитлеровской Германии, то такой подход обусловлен самой сущностью фашизма. В Советском Союзе его платформой являлось полное игнорирование правовых норм, что нашло особенно яркое выражение в области международных отношений. Немало сил на обоснование этой преступной антинаучной концепции потратил Вышинский, вообще не признававший примата международной законности»²¹.

Той же стратегии на заседании правительства с участием ставки и в присутствии императора придерживался и военный министр, позднее премьер-министр Х. Тодзио, который предложил, чтобы Япония напала на СССР, если создастся такая ситуация, когда он уподобится спелой хурме, готовой упасть на землю»²².

В создавшейся международной обстановке эта стратегия в отношении СССР выглядела с точки зрения большинства членов японского правительства наиболее приемлемой.

Существенные акценты в ее формулировании расставил премьер-министр принц Ф. Коноэ. Так, еще 10 июня на заседании координационного комитета на вопрос принца Я. Асака о том, не слишком ли осторожна Япония по сравнению с Германией в решении политических вопросов, он ответил: «Да, это так, но это вопросы огромной важности для судьбы нашей нации. В отличие от гипотетических ситуаций к ним нельзя относиться с легкостью»²³. В данном случае принц Коноэ имел в виду одновременное ведение военных действий против СССР и на юге.

2 июля на императорском совещании при обсуждении «Программы национальной политики Японии в соответствии с изменением обстановки» Коноэ заявил: «Для создания сферы совместного процветания Великой Восточной Азии необходимо ускорить разрешение китайского инцидента... С одной стороны, мы должны продвинуться на юг, а с другой — избавиться от наших трудностей на севере. Для этого мы должны в соответствующий момент разрешить северную проблему, воспользовавшись преимуществами си-

туации в мире, особенно в связи с развитием германо-советской войны. Эта проблема является самой важной не только с точки зрения обороны нашей империи, но также и для обеспечения стабильности во всей Азии»²⁴.

Иного мнения о степени сравнительной важности «проблемы севера» (СССР) и «проблемы юга» (захвата стран ЮВА и южных морей с перспективой войны против Великобритании, США и голландской Индии) высказывало руководство генерального штаба японской армии, роль которого в этот период резко возросла. Так, в ответ на вопрос Мацуоки, смысл которого сводился к тому, «что важнее: юг или север», начальник генерального штаба армии Сутияма 26 июня на заседании упомянутого комитета сказал: «Здесь нет различий по важности. Мы намерены наблюдать, как будет развиваться ситуация»²⁵. А на императорском совещании 2 июля он, как и руководство военно-морского флота Японии, отдал предпочтение тому, чтобы начать с реализации южного варианта японской экспансии, определив его более важную роль, чем северного варианта, в военном отношении, Сутияма заявил: «Двигаясь в южном направлении, мы сможем нарушить связи чунцинского режима с Британией и США, которые, оказывая поддержку с тыла, поощряют этот режим. Продвижение наших войск в южную часть французского Индокитая преследует именно эти цели.

По поводу решения северной проблемы. Нет необходимости говорить, что мы должны действовать в соответствии с духом тройственного пакта. При этом наиболее подходящим для нас будет в течение некоторого времени не участвовать в этой войне, так как мы в настоящее время предпринимаем меры для урегулирования китайского инцидента, а наши отношения с Великобританией и США находятся в деликатном состоянии». Далее Сутияма добавил, что «для обеспечения безопасности северных границ» Япония использует вооруженные силы только в случае, «если события германо-советской войны будут благоприятны» для Токио²⁶.

Начальник генерального штаба флота Нагано на этом заседании призвал к «незамедлительным шагам по неуклонному продвижению в южном направлении», вообще не затронув вопрос о вступлении в войну с СССР как не заслуживающий серьезного внимания»²⁷.

В конечном счете в отношении войны с Советским Союзом на совещании было принято решение, повторяющее заявление Сугиямы. Оно гласило: «Наше отношение к германо-советской войне будет определяться в соответствии с духом тройственного пакта... Пока мы не будем вмешиваться в этот конфликт. Мы будем скрытно усиливать нашу военную подготовку против Советского Союза, придерживаясь независимой позиции. В это время мы будем вести дипломатические переговоры с большими предосторожностями». Далее в резолюции повторялась точка зрения начальника генштаба армии об обеспечении безопасности северных границ с немощью вооруженной силы лишь в случае благоприятного для Токио развития событий на германо-советском фронте, т.е. разгрома СССР и ликвидации его как самостоятельного государства²⁸.

Несмотря на это, в советской историографии именно СССР, а не США и Великобритания рассматривался как основной противник Японии во Второй мировой войне, и даже тот факт, что Япония так и не начала войну против СССР, развязав против стран Запада войну на Тихом океане, не изменил подход советских историков к данному вопросу. Это «объяснялось» тем, что классовые противоречия оказались более сильными, чем межимпериалистические²⁹.

Солитаризируясь с этим принципиальным выводом, А.А. Кошкин дополняет его следующим образом: «...вооруженное выступление на юге тесно увязывалось с планами последующей агрессии против СССР... Выбор «южного варианта» войны был продиктован в первую очередь стремлением японского военно-политического руководства обеспечить экономическую базу для продолжения Второй мировой войны, основной целью которой оставался разгром Советского Союза»³⁰, причем он, вероятно, забыл, что до этого в той же книге писал, что «императорским решением вооруженное нападение на СССР было утверждено в качестве *одной* (курсив наш. — К.Ч.) из основных военных и политических целей империи»³¹, хотя и такой вывод нельзя принять без существенных оговорок.

В прилагаемых к монографии А.А. Кошкина «Справочных материалах, подготовленных кабинетом министров, военным министерством и министерством военно-морского флота» для императорского совещания 6 сентября 1941 г., говорится: «Политика Япо-

нии и США несовместимы. Исторически неизбежный конфликт между двумя государствами... приведет к войне...

Пока мы будем заняты на юге, необходимо предпринять на севере все от нас зависящее, чтобы предотвратить войну на два фронта... Сталинский режим, вероятно, сразу же не развалится... В дальневосточных районах Советского Союза... признаков беспорядков нет»³².

Хотя в этих материалах имеются также положения, которые отличаются от данных оценок, приведенная цитата позволяет, на наш взгляд, утверждать, что с точки зрения своей экономической мощи англосаксонский блок государств представлялся Токио более опасным, чем Советский Союз, и в практическом плане противоречия с первым оказались более сильными, чем с СССР, а необходимость овладения с помощью военной силы топливно-энергетическими и другими стратегическими ресурсами в районе южных морей в борьбе с этим блоком по сравнению с потребностью захвата ресурсов восточных районов СССР представлялась в действительности более насущной.

Возможна ли была в годы Второй мировой войны агрессия Японии против СССР? Исходя из изложенного выше, советская историография традиционно отвечает на этот вопрос положительно, без каких-либо существенных оговорок.

Исключение составляет упомянутый сборник статей Института российской истории, в котором делаются следующие оговорки: «Во-первых, агрессия вполне могла быть развязана, если бы Москва произвела значительные сокращения своих войск на Дальнем Востоке, и, во-вторых, такое нападение при самых благоприятных для японцев условиях могло произойти лишь в очень ограниченный отрезок времени – с 15 августа по 10 сентября 1941 года – на том основании, что «раньше середины августа не мог быть достигнут численный перевес Квантунской армии, а более позднее начало войны считалось невозможным из-за погодных условий»³³.

На наш взгляд, автором приведенной цитаты В.П. Сафроновым сделан серьезный шаг вперед в поисках новых научных подходов к изучению данной проблемы. Однако категория возможности при

этом фактически отождествляется с категориями цели, реальности намерения³⁴, угрозы или даже реальности угрозы³⁵.

При выборе японским высшим руководством 2 июля 1941 г. южного варианта агрессии возможность, по крайней мере в течение 1941 г. — зимы 1942 г., начать и успешно вести войну против СССР с точки зрения наличия необходимых ресурсов, прежде всего нефти, практически отсутствовала.

Так, еще в ходе выработки «Программы национальной политики Японии в соответствии с изменением обстановки» 30 июня министр торговли и промышленности Кобаяси на 36-м заседании координационного комитета японского правительства и императорской ставки категорически заявил: «Я не считаю, что мы полагаем достаточными возможностями для обеспечения войны на суше и на море. Армия и флот в состоянии использовать вооруженную силу, но мы не имеем сырья и военных материалов для обеспечения войны на суше и море... Я считаю, что мы должны предусмотреть такие действия, которые вселяли бы уверенность в отсутствии опасности поражения от Великобритании, США и Советской России... У империи нет сырья и материалов. Сейчас мы должны думать, как обрести уверенность в том, что мы не потерпим поражения, а также, как разрешить китайский инцидент»³⁶. Позднее его поддержал начальник Генерального штаба флота О. Нагану³⁷.

При отсутствии необходимых возможностей намерение успешно вести войну с СССР при выборе Токио южного варианта агрессии являлось просто блефом, и говорить о «реальности угрозы» войны Японии против Советского Союза в этом случае было бы совершенно нелогично.

Версии о «реальности угрозы» Советскому Союзу со стороны Японии противоречит и утверждение, что к этому времени «угроза безопасности СССР на Дальнем Востоке со времени Халхин-Гола едва ли возросла», так как «численность Квантунской армии с 1933 г. по середину 1941 г. изменилась незначительно — с 270 тыс. до 300–350 тыс. человек». В этот период ей противостояла «внутренняя, 70-тысячная группировка Красной армии»³⁸. Правда, последняя к концу июля того же года сравнялась по численности с

Квантунской армией за счет призыва Японией резервистов³⁹. Однако это не означало, что опасности возникновения войны между Японией и СССР в рассматриваемый период не существовало. К тому же «опасность» и «реальность угроз» — отнюдь не одно и то же.

Подчиняясь решению, принятому на заседании координационного комитета 2 июля, Мацуока в тот же день пригласил советского посла Сметанина в МИД Японии и сообщил ему, что в настоящее время его правительство не усматривает причин для изменения своих отношений с СССР, хотя стремление Токио к их улучшению поставило Японию в сложное положение в отношениях с Германией и Италией — ее союзниками по тройственному пакту, находящимися с СССР в состоянии войны. Он добавил, что в дальнейшем вопрос о соблюдении Токио пакта о нейтралитете с Советским Союзом зависит от развития международной обстановки⁴⁰. 13 июля Сметанин вновь обратился к Мацуока с запросом о его отношении к сведениям, поступившим к нему от послов США и Великобритании в Токио, о том, что, по мнению японской стороны, пакт о нейтралитете фактически утратил силу и более не связывает Японию, поскольку у нее имеются обязательства перед Германией и Италией, ведущими войну с СССР.

Японский министр ответил, что пакт о нейтралитете Япония заключала не применительно к войне Германии с СССР, т.е. имея в виду, что между последними тогда были подписаны пакт о ненападении и Договор о дружбе и границе 1939 г. Возникновение принципиально новой ситуации в отношениях между союзниками Японии по тройственному пакту и Советским Союзом, по мнению Мацуока, оставляло за Токио право считать себя свободным в решении вопроса, соблюдать ли по-прежнему пакт о нейтралитете с СССР или сохранять союзные отношения с Германией и Италией.

Мацуока, повторив, что пакт о нейтралитете не подразумевал возможности германо-советской войны, попытался усилить свою аргументацию доводом о том, что заключать какой бы то ни было договор с СССР, который бы противоречил тройственному пакту, было с его стороны нечестно.

Когда советский посол заявил, что данное высказывание Ма-

цуока противоречит его же утверждению о том, что эти два пакта не влияют один на другой, сделанному во время их встречи 23 июня, Мацуока ответил, что такого противоречия в действительности нет, ибо главное — дела, а не слова. Германия не просила и не попросила бы Японию принять участие в войне против СССР, так же как и Советский Союз не позволил бы США разместить свои военные базы на Камчатке и английских офицеров в Сибири (о возможности такого размещения писали японские газеты)⁴¹.

Через три дня Мацуока вынужден был уйти со своего поста в связи с отставкой второго кабинета Коноэ. В состав третьего кабинета он не был включен. Таким образом Коноэ и его сторонники отделались от слишком независимого политика-экстремиста, нередко превышавшего свои полномочия. Непосредственным поводом для того, чтобы вывести Мацуоку из правительства, явилась его резкая реакция на ноту США без согласования с премьер-министром. Действия Мацуоки способствовали дальнейшему обострению японо-американских противоречий, связанных с готовившейся Токио оккупацией Южного Индокитая (соглашение о размещении там японских войск было подписано с французским правительством Виши 23 июля 1941 г.), с войной Японии против Китая и ее планами захвата Таиланда и других районов южных морей.

Обострению японо-американских отношений, быть может, способствовала и деятельность советской внешней разведки, которая пыталась использовать «американский рычаг» для ослабления опасности развязывания войны Японии против Советского Союза.

Еще в мае 1941 г. в Москве была подготовлена строго секретная операция «Снег», разработанная под руководством разведчика-нелегала в США И.А. Ахмерова и одобренная главой НКВД Берией.

Операцию проводил советский разведчик В.Г. Павлов, ныне генерал-лейтенант в отставке. Он передал антифашистски настроенному заместителю министра финансов Г.Д. Уайту содержание требований, которые, по мнению советской стороны, целесообразно было выдвинуть США в отношении Японии для того, чтобы

умерить ее аппетиты в Азии. Япония должна была прекратить свою агрессию в Китае и прилегающих к нему районах, отозвать свои вооруженные силы с материка и освободить Маньчжурию, что позволило бы урегулировать американо-японские разногласия и установить надежный мир в Восточной Азии.

Эти требования были переданы через министра финансов США Моргантау президенту Рузвельту, использованы в памятных записках госсекретаря Хэлла правительству Японии и, по мнению некоторых исследователей, способствовали ужесточению позиции США в отношении Токио, форсированию сроков начала войны между США и Японией и тем самым ликвидации опасности нападения Японии на СССР⁴².

США летом 1941 г., осознавая опасность для них замыслов Токио, начали постепенно отходить от политики умиротворения японского милитаризма. Президент Рузвельт 4 июля 1941 г., сразу же после заседания японского координационного комитета и ставки 2 июля, направил премьеру Коноэ беспрецедентное послание, выразив надежду, что нападение на СССР не произойдет⁴³. 17 августа Рузвельт предупредил японского посла в США К. Номура о серьезных последствиях для Японии осуществления ее военной угрозы странам Тихого океана.

Уже 25 июля 1941 г. Вашингтон установил эмбарго на экспорт нефти в Японию и заморозил японские активы в Соединенных Штатах. Этому примеру последовали Великобритания и Нидерланды. С 1 августа начал действовать полный запрет на экспорт из США важнейших стратегических материалов. Торговые связи с Токио прервались, и 8 августа пресс-секретарь японского правительства Исии заявил: «США, Великобритания, Китай и Голландия создают вокруг Японии военную, экономическую и политическую блокаду»⁴⁴, а 16 августа посол Японии в Вашингтоне Номура направил в Токио информацию о японо-американских переговорах, в которой содержался вывод о том, что Японии не удастся достичь соглашения с Соединенными Штатами⁴⁵.

Американский историк Дж. Ленсен писал в связи с этим, что если бы установленное эмбарго США на экономические связи с Японией не вынудило ее обратить все свои усилия на конфликт с

США, то она не стала бы соблюдать пакт о нейтралитете с СССР и напала бы на него в наиболее благоприятный для нее момент, лишив его способности к сопротивлению в войне с Германией в период их смертельной схватки летом 1941 г.⁴⁶.

Еще более категорично высказался на этот счет немецкий историк М. Либал: «Не будет большим преувеличением сказать, что именно США, обрушив на себя своими санкциями страх, гнев и агрессию японцев, невольно спасли Советский Союз от войны на два фронта, которая, возможно, обернулась бы для него катастрофой»⁴⁷. К сожалению, в советской историографии этой проблеме не уделялось внимания.

25 июля 1941 г. советский посол в Японии Сметанин в ходе беседы с новым министром иностранных дел Т. Тоёда спросил, считает ли он, что пакт о нейтралитете сохраняет силу. Последний, заверив его, что изучит этот вопрос, отметил сложность положения, в которое поставила Японию война Германии и СССР и которое может еще более осложниться, если Советский Союз предоставит военные базы на Дальнем Востоке третьему государству.

Сметанин возразил собеседнику, сказав, что вопрос о базах на советской территории не должен беспокоить Японию, так как даже в случае ее войны с третьим государством Советский Союз готов соблюдать все статьи советско-японского пакта о нейтралитете. В этой связи руководство СССР интересуется тем, собирается ли Япония поступать так же в аналогичной ситуации⁴⁸.

В июле 1941 г. возможность нападения Японии на Советский Союз была наиболее реальной. По директиве верховного командования от 5 июля Квантунская армия увеличивалась на две дивизии. 7 июля император Хирохито дал санкцию на мобилизацию в секретном порядке полумиллиона призывников и фрахт судов торгового флота для транспортировки в Маньчжоу-го военных грузов. Руководство Квантунской армии получило от ставки директиву № 506 от 11 июля о том, что целью проведения «специальных маневров Квантунской армии» («Кантогун токубэцу энсю», сокр. «Кантокуэн») является повышение готовности к военным действиям против СССР в соответствии с оперативным планом штаба армии, разработанным в 1940 г. По этому плану война была рассчита-

на на полгода – срок, который в связи с нехваткой необходимых ресурсов, прежде всего нефти, и по ряду других причин попросту был нереальным.

По этому плану переброску и концентрирование войск намечалось начать с 20 июля, а принять решение о войне – 10 августа. 29 августа предполагалось нанести удар по советским войскам в Приморье, а затем – захватить Владивосток, Хабаровск, Петропавловск-Камчатский, выйдя к оз. Байкал к середине октября.

О несбыточности выполнения в полном объеме этого плана свидетельствовало, в частности, сообщение штаба Квантунской армии верховному командованию в Токио о недостаточной численности войск, предназначенных для операций в Приамурье и Приморье. Дело в том, что первоначально в Маньчжурии планировалось сосредоточить 34 японские дивизии, используя для этого 14 дивизий, находившихся в Китае. Однако сопротивление китайского народа не позволило сделать этого, и в июле 1941 г. было решено ограничиться 20 дивизиями. Только 31 июля Токио принял решение укрепить Квантунскую армию еще четырьмя дивизиями⁴⁹.

В результате второго, «внеочередного призыва» общая численность Квантунской и Корейской армий к 16 июля возросла до 850 тыс. человек. Ей противостояла группировка Красной армии численностью, по оценке японской разведки, в 700 тыс. человек. Для начала успешных военных действий Японии необходимо было, чтобы на Запад для отражения германской агрессии была переброшена к середине августа половина этой группировки. Однако получив соответствующие сведения от имевшего свои источники информации в Токио В. Степанова и по другим каналам, Служба внешней разведки СССР предупредила о расчетах Японии советское руководство. Важная информация по данному вопросу поступала и от группы советских военных советников при Чан Кайши во главе с генералом В.И. Чуйковым, а также от военного разведчика Р. Зорге, который получал ее от Х. Одзаки – советника премьера Коноэ, посла Германии в Японии Э. Отта и из других источников⁵⁰. Исходя из этого, хотя осенью 1941 г. на Запад было переброшено 12 стрелковых, пять танковых и одна моторизованная дивизия^{50а},

сокращение войск на Дальнем Востоке было восполнено за счет нового призыва.

Поэтому ожидаемого японцами массового уменьшения советских войск на Дальнем Востоке в 1941 г. не произошло. Воздержаться от этого шага позволило также упорное сопротивление войскам фашистской Германии и самоотверженный труд советских людей для фронта в тылу. Это привело к провалу плана молниеносной войны Германии против Советского Союза, заставившего японское руководство задуматься над опасностью войны с СССР в условиях надвигающегося вооруженного столкновения на Тихом океане со странами Запада.

Сосредоточение японских войск в Маньчжурии и Корее, по сообщению советской резидентуры из Токио 26 сентября 1941 г., должно было «произвести впечатление на США» и послужить «дымовой завесой» для прикрытия подготовки войны на Тихом океане.

По сообщению советской резидентуры, из Харбина 24 декабря 1941 г., «особые маневры Квантунской армии» ставили перед собой, кроме того, задачу заставить СССР отказаться под угрозой вторжения со стороны Японии от втягивания в войну против последней на стороне США и Англии после нападения японской эскадры на Пёрл-Харбор и предоставления им временных военных баз на своей территории, направленных против Японии. В связи с этим в сообщении подчеркивалось: «В авторитетных японских кругах говорят, что вопрос о войне с Японией полностью зависит от позиции СССР. Вместе с тем японцы с большей нервозностью следят за действиями СССР, особенно в связи с приездом в Москву Идена... Ясно одно, что Япония не хочет начать войну зимой (1941/42 г. — К. Ч.)»⁵¹.

Обеспокоенность развитием событий на советско-германском фронте проявилась при обсуждении документа «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом» на 43-м и 44-м заседаниях координационного комитета правительства и ставки 1 и 4 августа. 1 августа некоторые участники совещания, учитывая замедление наступления немецких войск против СССР, высказали мнение, что война Германии с Советским Союзом будет носить длительный характер, и это отрицательно скажется на реа-

лизации стратегии «спелой хурма». 4 августа было принято решение «заявить Советскому Союзу, что, если он будет строго соблюдать пакт о нейтралитете и не будет создавать угрозу Империи на Дальнем Востоке⁵², мы будем придерживаться пакта о нейтралитете». По данному решению изменение этого основного принципа допускалось лишь в случае, если вразрез с духом этого документа СССР предоставит Приморье или Камчатку третьей державе или займет недружественную позицию в отношении Японии в целом⁵³.

На следующий день после 44-го координационного совещания Тоёда заявил в беседе со Сметаниным, что Япония, как он считает, будет строго соблюдать пакт о нейтралитете с СССР и надеется, что последний в соответствии с духом и буквой этого договора будет поступать так же. Он пояснил, что продажа или аренда части советской территории, или предоставление на советском Дальнем Востоке военных баз другим государствам, расширение действий военных союзов с СССР на этот регион, или заключение СССР союзов или пактов, направленных против Японии, подорвали бы пакт о нейтралитете. Японский министр настаивал также на том, чтобы Советский Союз дал твердые гарантии, что он не поступит таким образом и обещает Токио не оказывать прямой или косвенной помощи Чан Кайши. Кроме того, Тоёда высказал пожелание немедленно разрешить проблемы, связанные с японскими концессиями на Северном Сахалине и объявлением Советского Союза об установлении морских зон, закрытых для японского судоходства.

Советский посол выразил удовлетворение изменением позиции МИД Японии в отношении соблюдения пакта о нейтралитете с СССР, которое означало серьезный поворот в политике Японии в отношении Москвы в период смертельной схватки с немецко-фашистскими захватчиками. Сметанин отметил, что в противоположность последним заявлениям своего предшественника на посту министра иностранных дел Тоёда недвусмысленно подтвердил стремление Токио придерживаться пакта о нейтралитете.

Советский посол добавил, что его правительство также считает, что этот договор сохраняет полную силу, и стремится к разрешению проблем двусторонних отношений.

Касаюсь вопроса о советской помощи Чан Кайши, Сметанин

сказал, что об отношениях советского правительства с китайской стороной его не ставят в известность, но заверил, что по этому и другим вопросам, поднятым собеседником, он сделает соответствующий запрос.

13 августа советский посол вручил Тоёде ответ правительства СССР, в котором выражалось глубокое удовлетворение новой позицией министра иностранных дел Японии и вновь подтверждалось намерение соблюдать пакт о нейтралитете. Москва настаивала на том, чтобы вопрос о японских концессиях на Северном Сахалине был разрешен в соответствии с письмом Мацуоки от 13 апреля 1941 г. и его личным посланием Молотову от 31 мая того же года, т.е. чтобы они были ликвидированы в течение шести месяцев начиная с последней даты.

Москва выступила против рассмотрения вопроса о военной помощи СССР Чан Кайши на том основании, что советско-японский пакт о нейтралитете не регулирует отношения с третьими странами в мирное время и поэтому Япония не может вмешиваться в отношения СССР с Китаем, как и СССР — в ее отношения с Китаем, Германией и Италией. Правда, при этом было отмечено, что данный вопрос не является актуальным, так как в условиях войны с Германией военная техника и материалы необходимы СССР самому для отражения германской агрессии. (С середины 1941 г. снабжение Чан Кайши взяли на себя, к неудовольствию японцев, США.)

Советское правительство, касаясь содержания своих договоров с союзниками и размещения их военных баз на территории СССР, заверило, что соглашение с Великобританией в отношении Германии не распространяется на Японию и что оно не предоставляло и не намерено предоставлять территории для иностранных военных баз на советском Дальнем Востоке третьим государствам.

В свою очередь Москва поинтересовалась, как Токио может объяснить ширококомасштабную переброску японских войск в Маньчжоу-го. Такие действия были несовместимы с заявлением японской стороны о соблюдении пакта о нейтралитете с СССР и объективно служили прикрытием подготовки Японии к нападению на США.

Тоёда пытался оправдать сосредоточение японских войск в Маньчжоу-го ответственностью Токио за ее оборону в условиях, когда СССР находится в состоянии войны с союзником Японии по тройственному пакту, являющемуся фундаментом ее внешней политики, и предупредил, что увеличение числа судов, следующих со стратегическими грузами из США во Владивосток, ставит Токио в сложное положение перед его союзниками.

14 августа была провозглашена Атлантическая хартия США и Великобритании, не только направленная на «уничтожение нацистской тирании», но и содержащая требования к «государствам, которые угрожают или могут угрожать агрессией за пределами своих границ», «отказаться от применения силы»⁵⁴.

И хотя этот документ был подготовлен президентом США Рузвельтом «на случай разгрома России, чтобы дать Америке возможность вмешаться не в качестве воюющей стороны, а в качестве посредника»⁵⁵, что вызвало сильное раздражение Политбюро ЦК ВКП (б)⁵⁶, его антияпонская направленность являлась довольно прозрачной и послужила серьезным предупреждением против нападения Японии на СССР. Это, наряду с антигерманской направленностью Атлантической хартии, стало причиной присоединения СССР к данному соглашению 24 сентября 1941 г., правда, с оговоркой, что применение этих принципов на практике должно учитывать особенности исторического развития каждой страны. Оговорка касалась прежде всего положений хартии об отказе от территориальных приобретений, на которые рассчитывало советское руководство, как это следовало из предварительных условий, выдвинутых Молотовым в ответ на предложение Токио о заключении пакта о ненападении 18 ноября 1940 г.

После совещания у императора Хирохито, состоявшегося 6 сентября, Зорге 14 сентября информировал Москву о том, что японское правительство решило не предпринимать нападения на СССР, хотя и оставит свои войска в Маньчжурии на случай его поражения в войне с Германией. Советский разведчик сообщал также, что после 15 сентября советский Дальний Восток можно считать в 1941 г. гарантированным от угрозы нападения со стороны Японии,

так как на том же совещании было решено сконцентрировать все силы для войны с США в ЮВА и на Тихом океане⁵⁷.

Сложившаяся ситуация позволила перебросить в первой половине октября из восточных районов СССР три стрелковые и две танковые дивизии для сражения под Москвой⁵⁸.

15 ноября координационный комитет утвердил план войны на Тихом океане, в котором, в частности, было решено добиваться «по желанию двух стран – Германии и Советского Союза – привести эти страны к миру и привлечь Советский Союз на сторону стран оси»⁵⁹.

Несмотря на отказ Берлина и Москвы от мирных переговоров, некоторые влиятельные представители военных кругов, в частности военный атташе Японии в СССР М. Ямаока, в мае 1942 г. поддерживали эту широкую альтернативу с целью концентрации всех сил держав оси на войне против англосаксонского блока⁶⁰.

Таким образом, на основании изложенного выше можно сделать следующие выводы:

1. В течение рассматриваемого периода Советский Союз в своих отношениях с Японией был заинтересован в сохранении пакта о нейтралитете для того, чтобы в более благоприятных условиях отразить агрессию со стороны Германии и ее европейских сателлитов.

2. Япония, с одной стороны, также была заинтересована в сохранении в силе этого пакта с целью обеспечения безопасности «на севере» при нанесении ею удара на юге и востоке от японской метрополии, но, с другой стороны, придерживаясь стратегии «спелой хурмы», разработала оперативный план нападения на СССР под названием «Кантокуэн» («Особые маневры Квантунской армии»).

3. После нападения Германии на СССР стратегия «спелой хурмы» заменила стратегию втягивания Советского Союза в состав участников тройственного пакта путем заключения «пакта четырех».

4. Несмотря на наличие в Японии экстремистских группировок, ратовавших за немедленное нападение на СССР, японское правительство, придерживаясь упомянутой стратегии, приняло решение не вводить в действие соответствующий оперативный план в

случае, если СССР сумеет вопреки германскому вторжению сохранить свой суверенитет.

5. План «Кантокуэн» предполагалось реализовать только в том случае, если Советский Союз под ударами вермахта прекратит свое существование как субъект международного права, и, следовательно, советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г. утратит свою силу.

2

СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ОТ НАЧАЛА ВОЙНЫ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ ДО СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ (ДЕКАБРЬ 1941—1942 гг.)

После провала японо-американских переговоров на рассвете 7 декабря 1941 г. японская эскадра при поддержке авиации внезапно нанесла сокрушительный удар по американскому флоту в гавани Перл-Харбор (Гавайские острова), реализовав принципиальное решение координационного совещания правительства и ставки в присутствии императора от 6 октября того же года о начале войны против США, Великобритании и Нидерландов. Почти одновременно с этим японские войска начали высадку десанта на севере Малайи и совершили налеты на аэродромы в этой стране и в Сингапуре.

8 декабря США и Великобритания объявили войну Японии. В тот же день был обнародован рескрипт Хирохито об объявлении войны США. Вслед за этим их примеру последовали гоминьдановский Китай, Нидерланды, Франция, ЮАР, Канада, Австралия, Новая Зеландия и ряд латиноамериканских государств.

11 декабря по инициативе Токио был подписан пакт между Японией, Германией и Италией о вступлении в совместную войну против США и Великобритании с обязательством не заключать перемирия или мира с этими государствами.

Вашингтон в принципе был готов к нападению Японии на американские или английские военно-морские базы в Юго-Вос-

точной Азии, но не предполагал, что первый удар будет нанесен на расстоянии нескольких тысяч километров от берегов Азии.

Более того, как это ни покажется странным, высшее военное руководство США считало, что нападение японцев где-либо в упомянутом районе явится хорошим поводом для начала против Токио военных действий, которые должны были бы послужить продолжением таких акций, как предпринятые в середине 1941 г. экономические санкции (эмбарго на поставки нефти, блокирование прохода японских судов через Панамский канал и др.) и создание командования вооруженных сил на Дальнем Востоке с целью предотвращения японской экспансии в Юго-Восточной Азии и района теплых морей.

Это стало ясно после того, как в 1990 г. в США был рассекречен разработанный Пентагоном и, что весьма важно, подписанный лично президентом Ф. Рузвельтом, министром обороны и военно-морского флота оперативный план «JB-355».

По этому плану, одобренному американской администрацией еще за пять месяцев до японского нападения на Перл-Харбор, было решено, прибегнув к репрессалиям, спровоцировать Токио к началу военного конфликта где-нибудь в районе ЮВА, а затем, используя это как повод, нанести по Японии «превентивные удары» с воздуха. Выполнение поставленной задачи поручалось «летающим тиграм» генерала Чэнлота, которые базировались близ Чунцина.

15 ноября 1941 г. начальник Генерального штаба США Г. Маршалл, созвав на секретный брифинг семь ведущих американских журналистов, сделал им следующее заявление: «На Филиппинах сосредоточено самое крупное в мире соединение тяжелых бомбардировщиков. Они не только защитят острова, но и сожгут бумажные города Японии».

Как видно из дневника министра обороны США Г. Стимсона, в отношении с Японией уже тогда на основе упомянутого плана была поставлена задача, сформулированная им следующим образом: «Как бы нам так сманеврировать, чтобы Япония сделала первый выстрел, и в то же время не допустить больших опасностей для нас самих».

28 ноября, на следующий день (по токийскому времени) после вручения японскому послу в США Номуре ноты государственного секретаря, командующему Тихоокеанским флотом США адмиралу Киммелю была направлена из Вашингтона зашифрованная телеграмма о необходимости подготовки в ближайшее время к военным действиям с Японией в связи с прекращением американо-японских переговоров⁶¹.

При этом следует сказать, что гораздо ранее, чем было принято решение американской администрации по плану нападения на Японию, в Токио уже с января 1941 г. отработывался секретный оперативный план удара по Пёрл-Харбору. Правда, справедливости ради, необходимо подчеркнуть, что решение по нему было принято гораздо позже, чем по упомянутому оперативному плану США.

Удар, нанесенный японцами не в том районе, где ожидали США, привел к изменению в их оперативном планировании и вместо плана «JB-355» был введен в действие другой план – «Рейнбоу-5» в части, касающейся Японии⁶².

8 декабря министр иностранных дел Японии С. Того, инициатор предложения о заключении в 1940 г. советско-японского пакта о ненападении, пригласил в МИД Японии посла СССР К.А. Сметанина, для того чтобы сообщить о том, что с этого дня Япония находится в состоянии войны с США и Англией.

Ему были переданы краткое изложение хода переговоров с Вашингтоном, ответ на последнюю американскую ноту-ультиматум от 8 декабря (7 декабря пополудни по вашингтонскому времени), копия рескрипта императора Хирохито об объявлении войны и заявление в связи с этим японского правительства правительству СССР.

Собеседник советского посла возложил ответственность на США за возникновение войны, сославшись на то, что последние затягивали обсуждение имевшихся между сторонами разногласий и даже прибегли к военным приготовлениям на случай их прекращения и разрыва отношений.

При этом он особо подчеркнул, что война с США и Англией несколько не повлияет на отношения между Японией и СССР –

она будет соблюдать пакт о нейтралитете с ним, так же, как и Советский Союз с Японией⁶³.

На следующий день в Куйбышеве, куда эвакуировались из Москвы иностранные посольства вместе с МИД СССР, посол Японии в Советском Союзе Татэкава посетил заместителя наркома иностранных дел А.Я. Вышинского и поинтересовался: «Можно ли верить тому, что СССР, несмотря на серьезные изменения в международной обстановке, будет придерживаться духа пакта о нейтралитете с Японией?»

На это собеседник довольно резко ответил, что пакт для того и заключили, чтобы его соблюдать, — раз его будет соблюдать Япония, то и выполнение данного договора будет естественным долгом СССР⁶⁴.

За день до этого, 8 декабря 1941 г., посол СССР в США М.М. Литвинов вручил верительные грамоты президенту Ф. Рузвельту. Последний в начале беседы в связи с японским нападением на Перл-Харбор поинтересовался, не ожидает ли Советский Союз объявления войны со стороны Японии.

В ответ М.М. Литвинов выразил сомнение в этом, обратив внимание на то, что с точки зрения интересов самой Японии ей вряд ли было бы выгодно в настоящий момент ввязываться в войну с нашей страной.

Затем Ф. Рузвельт затронул вопрос о возможности использования Владивостока для пополнения запаса бомб для американских бомбардировщиков, базирующихся на Филиппинах, при повторных налетах на Японию.

В связи с этой беседой нарком иностранных дел В.М. Молотов направил 11 декабря советскому послу в США телеграмму, содержание которой по поручению правительства СССР он в тот же день довел до сведения президента США.

В этой телеграмме позиция Советского Союза в отношении Японии была изложена следующим образом: «По вопросу о нашей установке в связи с японо-американской войной Вам сообщается, что мы не считаем возможным объявить в данный момент (подчеркнуто нами. — К.Ч.) состояние войны с Японией и вынуждены дер-

жаться нейтралитета, поскольку Япония будет соблюдать советско-японский пакт о нейтралитете.

Мотивы: первое. Советско-японский пакт обязывает нас к нейтралитету, и мы не имеем пока основания не выполнять свое обязательство по этому пакту. Мы не считаем возможным взять на себя инициативу нарушения пакта, ибо мы сами всегда осуждали прavitельства, нарушающие договоры.

Второе. В настоящий момент, когда мы ведем тяжелую войну с Германией и почти все наши силы сосредоточены против Германии, включая сюда половину войск с Дальнего Востока, мы считали бы неразумным и опасным для СССР объявить теперь состояние войны с Японией и вести войну на два фронта. Советский народ и советское общественное мнение не поняли бы и не одобрили бы политику объявления войны Японии в настоящий момент (подчеркнуто нами. — К. Ч.), когда враг еще не изгнан с территории СССР, а народное хозяйство СССР переживает максимальное напряжение, имея в виду при этом, что Япония держится нейтралитета и не дает пока что повода для объявления войны.

Мы думаем, что главным нашим общим врагом является все же гитлеровская Германия...»

В ответ на изложение М.М. Литвиновым отрицательной позиции СССР по вопросу о войне с Японией Ф. Рузвельт выразил сожаление, но сказал, что на месте Советского Союза он поступил бы так же, попросив, однако, не объявлять публично о нашем намерении соблюдать нейтралитет в отношениях с Японией, чтобы приковать, как можно больше японских сил к потенциальному фронту с СССР на Дальнем Востоке и подготовить совместное коммюнике о возможности в любой момент принять любое решение.

М.М. Литвинов отказался, сказав, что это могло бы спровоцировать нападение Японии на СССР⁶⁵. 12 декабря, на следующий день после этой беседы, в связи с тем что после объявления в предыдущий день также Германией и Италией войны США последние становились фактическими союзниками СССР во Второй мировой войне на европейском театре военных действий, газета «Правда» изложила позицию правительства Советского Союза по вопросу о войне на Тихом океане.

В газете содержалось следующее предостережение в адрес Токио: «Японский агрессор бросился в очень рискованную авантюру, которая не предвещает ему ничего, кроме разгрома»⁶⁶. Из этой статьи следовало, что помощь Советского Союза для этого не понадобится.

Однако в беседе с министром иностранных дел Великобритании, которая состоялась через несколько дней, 20 декабря, в Кремле, И.В. Сталин заявил, что эта помощь не будет оказана только в ближайшее время, а в дальнейшем, несмотря на наличие пакта о нейтралитете с Японией, вступление СССР в войну с нею на стороне союзников по антигитлеровской коалиции отнюдь не исключается.

К.А. Идену перед его поездкой в Москву посол США в Лондоне Дж. Вайанг, по согласованию с К. Халлом, обратился с просьбой прозондировать у русских вопрос о возможности предоставления американцам авиабаз на советском Дальнем Востоке с целью бомбардировок с них Японии. В беседе со Сталиным Иден поднял этот вопрос перед советским руководителем, а также спросил, может ли Англия рассчитывать на определенную помощь ей против Японии, и если может, то когда именно.

На это собеседник ответил, что если бы СССР объявил войну Японии, то ему пришлось бы вести настоящую войну на суше, на море и в воздухе. Советское правительство, продолжал Сталин, должно тщательно учитывать свои возможности и силы. В настоящий момент СССР еще не готов для войны с Японией. Значительное количество наших войск в последнее время было переброшено на Западный фронт. Сейчас на Дальнем Востоке формируются новые силы, но потребуется не меньше четырех месяцев, прежде чем СССР сможет надлежащим образом подготовиться в этих районах.

Сталин высказал мнение, что было бы гораздо лучше, если бы Япония напала на СССР, так как это создало бы благоприятную политическую и психологическую атмосферу в нашей стране. Война оборонительного характера вызвала бы монолитное единение в рядах советского народа.

В заключение советский руководитель высказал предположение, что нападение Японии на СССР все еще возможно и даже веро-

ятно — если немцы начнут терпеть поражения на фронтах, то тогда Гитлер пустит в ход все средства нажима для того, чтобы вовлечь Японию в войну против СССР⁶⁷.

Из этого можно сделать вывод, что, несмотря на свое официально заявленное намерение соблюдать пакт о нейтралитете, советская сторона готова была вопреки мнению советской историографии, нарушить его, вступив в войну в благоприятный для нее момент.

Вместе с тем не исключено, что, преднамеренно нагнетая угрозу нападения Японии на СССР, Сталин стремился предупредить союзников о тех роковых последствиях, какие возникли бы для них, если бы СССР не выдержал войны на два фронта, и тем самым подтолкнуть США и Великобританию к скорейшему открытию второго фронта в Европе⁶⁸.

Какова же была в этот период по вопросу о нейтралитете в отношении СССР действительная позиция Японии, которая также неоднократно заверяла СССР в верности упомянутому пакту?

На осень — начало зимы 1941 г. в генеральном штабе Японии был подготовлен видоизмененный вариант оперативного плана «Кантокуэн» на случай, если немецкие армии все же захватят Москву и добьются решающих успехов на советско-германском фронте.

Особенность этого варианта состояла в том, что в указанном случае удар Квантунской армии, учитывая наступление холодов, ограничится Приморьем и районом г. Хабаровск. На северо-западе же Маньчжурии войска должны были только выдвинуться к границам в районах Малого и Большого Хингана с тем, чтобы весной 1942 г. форсировать р. Амур и продвинуться к озеру Байкал. В отношении захвата Северного Сахалина, Камчатки и МНР первоначальный вариант плана оставался неизменным.

К моменту завершения немецко-фашистского наступления войск под Москвой для нападения на СССР было сосредоточено 50% японских пехотных дивизий, 75–80% кавалерийских частей, около 65% танковых полков и по 50% артиллерии и авиации сухопутных сил.

Однако эти силы, хотя и представляли собой серьезную угрозу для СССР, могли быть введены в действие только после принятия соответствующего политического решения.

Но такого решения не последовало. Проявив осторожность, еще за два дня до советского контрнаступления, 3 декабря 1941 г., руководство Квантунской армии получило приказ императорской ставки № 578 о том, чтобы в связи с предрешенным началом войны с США, Великобританией и Нидерландами и необходимостью быстрого продвижения в южном направлении, «в это время не допускать войны с Россией», сохраняя тем не менее согласно приложенной директиве № 1048 полную боевую готовность к весне 1942 г.

Так, 22 января 1942 г. начальник генерального штаба японской армии Сугияма сообщил императору Хирохито, что он пришел к выводу о нецелесообразности «до лета с.г. проводить операции на севере».

При этом японское руководство высказывало мнение, что если Япония не нападет на Советский Союз, то и последний не начнет военных действий, которое, как выяснилось позднее, оказалось ошибочным. (Такую точку зрения, например, высказывал командующий японским объединенным флотом адмирал И. Ямамото в секретном приказе от 1 ноября 1941 г.)⁶⁹

Разгром немецко-фашистских войск в ходе зимней кампании в декабре 1941 г. укрепил японское руководство в его намерении воздержаться в этот период от войны с СССР.

Этому способствовало также подписание Советским Союзом 1 января 1942 г. в Вашингтоне Декларации Объединенных Наций – 26 государств, начиная с США и Великобритании, ведущих войну против «держав оси».

Советский Союз смог подписать этот документ, не нарушая пакта о нейтралитете с Японией, поскольку в нем содержалось обязательство «употребить все его ресурсы, военные и экономические», только «против тех членов тройственного пакта и присоединившихся к нему, с которыми это правительство находится в войне».

В Декларации содержалось также обязательство Объединенных Наций о взаимном сотрудничестве и отказе от заключения сепар-

ратного соглашения о перемирии или мире с их врагами, аналогичное обязательству держав оси, содержащемуся в их соглашении от 11 декабря 1941 г.⁷⁰

Реакция держав оси на эту Декларацию не замедлила последовать. 18 января 1942 г. в Берлине было заключено дополнительное к упомянутому пакту военное соглашение между представителями вооруженных сил Японии, Германии и Италии.

15 декабря 1941 г. японский проект соглашения о разграничении зон оперативной ответственности («сакусэн танто тикики») был вручен генералом Осима Риббентропу.

Внося этот проект, Токио стремился получить «компенсацию» за свой вклад в борьбу против США и Великобритании в связи со своим вступлением в войну на Тихом океане и захватом обширных территорий Восточной Азии, а также исходя из такого «козыря», как поражение германских войск под Москвой. Япония стремилась отыграться, памятуя о намерении Гитлера и Риббентропа, выказанном ими Мацуока в марте 1941 г., поделиться с Японией после победы Германии над СССР только той частью Советского Союза к востоку от Уральского хребта, которую они сочтут приемлемой. Японская сторона решила взять реванш у Берлина, как бы зарезервировав за собой в случае ликвидации нашей страны как субъекта международного права и, следовательно, утраты действия пакта о нейтралитете с ним после победы Германии претензии на советские территории, наряду с территориями зарубежной Азии к востоку от 70-го градуса восточной долготы. При этом в отношении СССР данное предложение делалось в неявной форме, без упоминания его территории, с тем чтобы не дать оснований обвинить Токио в нарушении пакта о нейтралитете (и такой замысел, судя по материалам Токийского процесса 1946–1948 гг., оправдался, ибо ни японский проект тройственного военного соглашения, ни его окончательный текст не были поставлены в вину японской стороне).

Этот замысел Токио был разгадан в Берлине и вызвал неудовольствие, во-первых, нежеланием связывать себя какими-либо обязательствами воевать против Советского Союза, ограничившись согласованием только оперативных планов, и во-вторых, легко

подразумеваемыми, хотя прямо и не выраженными намерениями в отношении восточных районов СССР, но без их конкретного наименования. В Берлине показались чрезмерными аппетиты Токио и в отношении других районов Азии.

В пользу того, что проект Японии в отношении СССР касался лишь периода после его разгрома и как следствия утраты силы пакта о нейтралитете, свидетельствует заявление Муссолини 27 декабря 1941 г. в связи с получением из Берлина в этот день упомянутого японского проекта с предложением о его принятии после некоторых изменений. В своем выступлении дуче, в частности, заявил: «...Ситуация на Восточном фронте постепенно будет стабилизироваться. Германия оккупирует те территории, которые она сочтет необходимым с целью ликвидации России как противника»⁷¹.

Что же касается возражений германских ведомств против японского проекта, то они заключались в следующем.

Командование вермахта заявило, что, по новому соглашению, линия разграничения военных операций не должна быть слишком жесткой, претензии Японии на советскую территорию могли бы быть более обоснованными только после ее вступления в войну с СССР, что Япония должна взять на себя отсутствующие в ее проекте обязательства поставить под контроль транспортные коммуникации в Тихом и Индийском океане, по которым направляются стратегические грузы из США в СССР, и что вообще Германии после его разгрома не следует уступать Японии большие территории в Азии.

Управление экономики и вооружений, солидаризируясь с вермахтом, предлагало сохранить в зоне военных операций Германии все основные промышленные районы Сибири, ссылаясь, например, на тесную экономическую связь Урала и Кузбасса, проведя границу упомянутых зон с Японией по Енисею, через Саянский хребет и далее по границе СССР с Тувой, Китаем и Афганистаном и далее по ирано-афганской и ирано-индийской государственным границам, но еще лучше с включением в германо-итальянскую зону части Индии, а в случае невозможности одобрить это предложение по политическим соображениям оставить этот вопрос открытым, не соглашаясь с предложениями Токио.

Однако правительство Германии, найдя постановку вопроса о разделе СССР в данном соглашении преждевременным в связи с сохранением в силе японо-советского пакта о нейтралитете и стремясь не обострять отношения с Японией, решило ограничиться двумя поправками: «...1) граница зон оперативной ответственности проходит примерно по 70 градусу восточной долготы и 2) Япония обязуется более активно и в более широких масштабах действовать против вражеских торговых флотов в своей зоне; а в случае необходимости (сосредоточение флота противника) стороны усиливают свои операции соответственно: Япония – в Атлантике, а Германия – в Тихом океане»⁷².

Важно также, что подписание соглашения не официальными представителями правительств, а лишь представителями вооруженных сил сторон, с целью предупредить истолкование этого соглашения как договоренность о разделе территории СССР и других стран Азии на сферы влияния (в отличие, например, от секретного дополнительного протокола к советско-германскому пакту о ненападении 1939 г.), уполномоченный представитель вооруженных сил Германии фельдмаршал В. Кейтель снабдил специальной вербальной оговоркой, что данное соглашение не означает установления будущих политико-административных границ с Японией примерно по 70° восточной долготы на Азиатском материке и что этот вопрос может быть поставлен только тогда, когда он станет острым⁷³, т.е. после нападения Японии на СССР.

И хотя это соглашение, так же как и Декларация Объединенных Наций от 1 января 1942 г., что оговаривалось в его тексте⁷⁴, распространялось на момент их подписания только на «общего врага» – т.е. государства, с которыми все державы оси находятся в состоянии войны (в число их СССР не входил), в советской историографии об этом либо умалчивалось, либо, вопреки фактам, утверждалось, что своим острием оно было направлено не против США и Великобритании, а против Советского Союза⁷⁵ и что «Западная Сибирь, Забайкалье и другие советские территории должны были во этом соглашении стать объектами захвата японской армии»⁷⁶.

В начале марта 1942 г. на координационном совещании ставки и правительства был принят генеральный план дальнейшего ведения войны, который исходил из развития наступательной стратегии против англо-американского блока на основе серьезных успехов в первые несколько месяцев войны (в результате этого к началу мая была захвачена территория Восточной Азии площадью около 10 тыс. кв. км с населением около 400 млн. чел., в том числе стран южных морей — 4 с четвертью млн. кв. км с населением более 200 млн. чел.)⁷⁷.

В связи с этим и под влиянием разгрома немецких войск под Москвой на совещании было принято решение, не участвуя пока что в войне с СССР, попытаться вбить клин в его отношения с США и Великобританией⁷⁸.

На случай решающих успехов Германии в войне с СССР Институт тотальной войны, созданный в 1940 г. по указу японского императора в качестве официального правительственного учреждения, подчиненного премьер-министру, 27 января 1942 г. подготовил «Основной план создания сферы сопротивления Великой Восточной Азии» во главе с Японией, во внутреннюю зону которой должно было быть включено советское Приморье, а в малую — Восточная Сибирь.

В этом плане указывалось, что если международная обстановка будет благоприятной, Восточная Сибирь, включая Камчатку, будет включена в систему обороны Японии⁷⁹.

Из документа института от 18 февраля 1942 г. вытекало, что такую задачу предполагалось выполнить в результате нанесения Советскому Союзу максимально сильного первого удара с уничтожением наличных сил и частей усиления с последующим захватом важнейших районов на востоке СССР⁸⁰.

Тогда же генштаб Японии принял новый оперативный план в отношении СССР на 1942 г., сохранявший свою силу до 1944 г.

По этому плану в случае получения приказа в них должны были принять участие 30 дивизий, которые нанесли бы главный удар в направлении г. Ворошилов (2, 3, 5 и 20-я армии).

Другая группа войск (4 и 8-я армии) должна была бы одновременно развить наступление в направлении Свободный — Куйбы-

шевка и перерезать Транссибирскую железнодорожную линию.

Весной 1942 г. Квантунская армия в ожидании более благоприятной обстановки для возможного начала военных действий против СССР в связи с успешным наступлением немецко-фашистских войск на юге Советского Союза получила подкрепление в составе двух дивизий.

На случай решающего успеха германского наступления предусматривалось ввести в действие документ генштаба «Операция № 51», согласно которой против СССР должны были быть использованы 24 дивизии и одна танковая армия в составе трех дивизий⁸¹.

К концу 1942 г. Квантунская армия насчитывала 700 тыс. чел., что составляло четверть всего состава японской армии (2850 тыс. чел.)⁸². Им противостояли войска СССР, гораздо меньшие по численности, на Дальнем Востоке и у южных границ страны (всего 1568 тыс. чел.)⁸³.

Упомянутый Институт тотальной войны и Исследовательское общество государственной политики, финансировавшиеся правительством и монополиями, разработали в 1942 г. планы административного управления Сибирью и МНР.

Эти планы предусматривали установление на оккупируемой советской территории военной администрации, принудительную депортацию местного населения, закрепление всех трудоспособных жителей Северного Сахалина на рудниках, продукция которых направлялась бы в Японию, и отмену прежнего законодательства, а также переселение в Сибирь японских колонистов при недопущении миграции туда славян из Европейской части СССР⁸⁴.

«Под могущественным руководством Японской империи местному населению в принципе не будет разрешаться участвовать в политической жизни... На эти территории будут посланы японские, корейские и маньчжурские колонисты, если в этом возникнет необходимость с точки зрения экономики и национальной обороны», — говорилось в правилах для оккупируемых советских территорий, разработанных в 1942 г. упомянутым институтом по приказу премьер-министра Тодзио⁸⁵.

В советской историографии получила распространение точка зрения, что в первой половине 1942 г. концентрация крупных япон-

ских вооруженных сил в Маньчжурии и Корею в условиях их успешных наступательных операций на Тихом океане неопровержимо свидетельствовала о том, что «Советский Союз оставался главным объектом агрессивных планов Японии»⁸⁶ и существовала опасность ее нападения на СССР в ближайшее время.

Некоторые советские историки утверждали, что у Японии сохранялось намерение напасть на СССР даже в конце 1942 г., после ухудшения ее стратегического положения⁸⁷.

Однако руководство нашей страны располагало сведениями, в том числе и разведывательной информацией, которые приводили его к другому выводу, сохраняя указанную точку зрения в сугубо идеологических целях.

Еще 15 ноября 1941 г. совет по координации действий ставки и правительства Японии в «Плане ведения и завершения войны против Америки, Англии, Голландии и Чунцина» (т.е. гоминьдановского Китая. — К. Ч.), исходя из неясности ситуации на советско-германском фронте, постановил не начинать войны против СССР, а «привлечь Советский Союз на сторону держав оси», приведя его и Германию к миру, если на то будет желание обеих стран.

7 марта 1942 г. под влиянием больших успехов Японии в войне на Тихом океане совет отказался от содействия миру между СССР и Германией, но министр иностранных дел Японии Того выступил против мнения большинства членов совета. Того заявил, что необходимо завершить германо-советскую войну дипломатическими средствами, и даже предпринял соответствующий зондаж в этом направлении через посла Японии в Берлине Осима.

Но Осима еще 23 марта 1942 г. узнал от Гитлера о планах весеннего наступления Германии против СССР и 8 апреля того же года сообщил в МИД Японии о том, что заключение мира между Германией и СССР нереально⁸⁸.

Планы наступления Германии увеличивали опасность развязывания японской военной войны против СССР, который вынужден был готовиться к отпору.

Так, 23 апреля того же года в беседе с послом США в СССР адмиралом У. Стэндли И. Сталин смог заявить о том, что в связи со средоточением японских сил на границах СССР наша страна

принимает меры по укреплению своей обороноспособности на Дальнем Востоке и вряд ли при этих условиях Токио решится со-здать для себя еще один фронт на севере⁸⁹.

Такая оценка тем более сохранялась и в последующий период, когда в мае–июне 1942 г. японское наступление на Тихом океане было приостановлено.

Основанием для этого служили сообщения советских граждан, работавших за рубежом, и зашифрованные телеграммы из МИД Японии ее послам.

Уже в период развертывания немецко-фашистских войск для наступления на крымско-кавказском направлении с целью захвата нефтяных ресурсов Баку и выхода через Иран к Индии на соединение с японскими войсками, наступавшими с востока, в военных кругах Японии наметились колебания в отношении СССР. Так, 1 мая 1942 г. военный атташе Японии в СССР М. Ямада в своем докладе с оценкой военной обстановки на фронтах Второй мировой войны сделал следующий вывод: «Вопрос обстоит так: либо заключить мир между Германией и Советским Союзом и привлечь СССР на сторону «держав оси», либо полностью разгромить СССР силами Германии и Японии».

Склоняясь в пользу первого варианта отношений с СССР, вызывавшего значительный интерес в военном руководстве Японии, М. Ямада утверждал, что «если какое-либо из этих двух условий не будет осуществлено, Советский Союз окажется для Японии самой большой опухолью»⁹⁰.

19 мая 1942 г., уже после начала немецкого наступления в Крыму, закордонный агент НКВД СССР о военно-стратегических планах Японии сообщил следующее:

«Чешская разведка получила из германских военных кругов сведения о том, что Япония в настоящий момент не имеет намерения предпринять большое наступление против Индии и вторгаться в Австралию. Выступление Японии против СССР ожидается лишь в том случае, если немецкое наступление на Восточном фронте будет иметь успех»⁹¹.

А 27 июня 1942 г. в телеграмме Того японскому послу в Берлине Сейма мнение Токио в отношении войны с СССР излагалось более подробно:

«Первоочередной задачей Империи на данном отрезке времени является успешное завершение войны с Англией и США. Для выполнения этой задачи требуется усилить наши операции против Англии и США, создавая вместе с тем стабильную обстановку на юге, укрепляя наши позиции в Китае. В связи с вышеизложенным остается неизменным направление нашей политики, о котором императорское правительство известило германскую сторону 2 июля прошлого года.

При данных обстоятельствах необходимо сохранить существующее положение на севере. Разумеется, мы всегда готовы дать решительный отпор, ежели, паче чаяния, СССР нарушит спокойствие. Однако теперь, когда перед нами – ряд неразрешенных проблем, признано необходимым воздержаться от ослабления нажима на Англию и США и от посылки войск на север, чем был бы заново расширен фронт войны».

В связи с этим в телеграмме предлагалось дать соответствующий ответ, указав, в частности, следующее:

«Переход Японии в этих условиях к активным мероприятиям против Советского Союза излишне распылит бы силы Японии и отнюдь не повлек бы за собой благоприятной с точки зрения общего положения обстановки. Разумеется, Япония полностью подготовлена в отношении севера. Благодаря этому она и до сих пор, насколько возможно, сковывала Советский Союз на востоке и в дальнейшем рассчитывает делать это».

Сведения о позиции Японии, изложенные в этом документе, имели исключительно важное значение с точки зрения их достоверности, так как данная телеграмма⁹² была утверждена на совместном совещании правительства и верховной ставки.

Позднее эта позиция японского руководства была подтверждена оценкой, содержащейся в докладной записке резидента НКВД СССР в Японии начальнику 1-го управления НКВД СССР, о внешнеполитических и внутривнутриполитических причинах, препятствующих выступлению Японии против СССР, направленной не позднее 19 сентября 1942 г., в которой, в частности, говорилось: «1. Приготовления японцев к войне с нами (в том, что касается армии) в основном были закончены уже к началу 1942 г. Сейчас про-

должается укрепление северной армии путем подбрасывания ей пополнений и вооружения... против нас.

2. Тщательный и объективный анализ международного и внутреннего положения Японии, состояния ее экономики и главное — хода развития войны на Тихом океане дает основание сделать вывод о том, что выступление против СССР было бы для Японии самым худшим выходом из создавшегося положения. Японии невыгодно сейчас начинать войну против нас. Почему это так, резидентура уже подробно сообщила в одном из писем в Центр, отправленных во втором квартале нынешнего года. Там дан анализ причин, которые помешали Японии выступить против нас весной 1942 г. Эти же причины, но только в большей степени, сдерживают Японию и сейчас. Это хорошо понимает правящая группировка, и она сдерживает авантюристическую часть военщины, огульно требующей войны с СССР. Выступление Японии против США и Англии в декабре прошлого года было не просто авантюристическим, а тонким ударом, рассчитанным на неожиданность и неподготовленность. Сейчас же японское правительство понимает, что война с СССР в теперешнем положении была бы самой худшей авантюрой...

Я тщательно взвесил все обстоятельства, призвал на помощь мой небольшой трехлетний опыт проживания в Японии, посоветовался с товарищами и пришел к выводу, что Японии сейчас крайне невыгодно выступать против нас и что это может случиться только в том случае, если на смену здравому рассудку придет безрассудство, чего пока нельзя сказать о теперешнем правительстве Японии»⁹³.

Значение этого документа повышает имеющаяся на нем резолюция начальника 1-го управления НКВД СССР: «Резидент правильно оценивает обстановку. 19 сентября 1942 г.»

Мнение о трезвом подходе японского правительства подтверждалось, в частности, его отказом от предъявленного ему через посла Осима требования Берлина открыть второй фронт против СССР.

Этот отказ вытекал из решения совета по координации действий ставки и правительства Японии от 25 июня 1942 г. Его резолюция

гласила: «Японская империя будет твердо придерживаться на-
меченного курса в отношении северного направления и, ведя подго-
товку на непредвиденный случай, будет всеми силами стремиться
не допускать советско-японской войны».

В отправленной после этого решения телеграмме в адрес посла
Японии в Берлине указывалось, что «в настоящее время требуется
по возможности сохранять «спокойствие в отношении северного
направления и что к решительным действиям можно приступить,
только если инициатором нападения на Японию окажется Совет-
ский Союз, а взятие ею по собственной инициативе курса на ак-
тивную политику в отношении СССР привело бы к чрезмерному
распылению сил империи, которое не только не улучшит общую об-
становку, но и значительно ослабит давление на Великобританию
и США и позволит им увеличить свои силы в Европе».

В телеграмме делался вывод, что «открытие второго фронта на
Севере не будет лучшим вариантом политики» и что «Японская им-
перия, сделав на всякий случай тщательные приготовления на се-
верном направлении, тем самым оттянет силы Советского Союза
на Восток»⁹⁴. Такая позиция, изложенная, в частности, в приведен-
ной выше телеграмме Того, отчасти отразила настроения в высших
эшелонах власти, с которыми выступали министр иностранных дел
Японии лорд – хранитель печати К. Кидо и ряд старейших опыт-
ных политических деятелей страны на февральско-мартовском
1942 г. координационном совещании правительства и ставки.

Обратив внимание на недостаток сырьевых ресурсов, прежде
всего горючего, растянутость морских коммуникаций, большие по-
тери кораблей и самолетов, они, не ослабляя борьбы с США и Велико-
британией, предложили закрепить достигнутые военные успехи и
приступить к поискам возможностей заключить мир, не ввязываясь
в новые военные авантюры, вопреки мнению военщины⁹⁵.

К этой группе умеренных политиков – «пацифистов» – при-
надлежали и член Тайного совета, высшего консультативного со-
вета при императоре, бывший министр иностранных дел Наотакэ
Сато, дипломат с многолетним стажем работы в нашей стране (с
1925 г. посланник), и Горо Морисима, давний противник сближе-
ния Японии с Германией (за что он был временно удален в свое вре-

мя из МИД Японии министром иностранных дел Мацуокой), китаевед и специалист по общим международным проблемам. В марте 1942 г. Н. Сато был назначен послом, а Г. Морисима – посланником в СССР. Первый из них сменил генерал-лейтенанта Татэкаву, ошибочно предсказавшего победу Германии над СССР к 1942 г.

Решение о смене руководства посольством Японии в Москве представляло собой компромисс между группировкой в правящих кругах Японии, не верившей в победу Германии над СССР и выступавшей за посредничество в мирном урегулировании между СССР и Германией с тем, чтобы последняя могла сосредоточить все свои вооруженные силы на войне с общим с Японией врагом – англо-американским блоком, и военщиной и ее сторонниками, еще верившими в победу Германии над СССР, которая позволила бы Японии захватить его восточные районы⁹⁶.

После нескольких бесед Н. Сато и Г. Морисимы с премьер-министром Х. Тодзио, министром иностранных дел С. Того, военноморским министром С. Симадой, директором департамента военного министерства, им была дана инструкция не проявлять инициативы в данном вопросе, а добиваться строгого соблюдения Советским Союзом пакта о нейтралитете, ограничиваясь повседневной текущей работой⁹⁷.

3

ВОПРОС О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ США ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ БАЗ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

6 апреля 1942 г. посол Н. Сато, посланник Г. Морисима и сопровождавшие их военный и военно-морской атташе Японии встретились в Москве с В.М. Молотовым.

Помимо вопроса о соблюдении странами пакта о нейтралитете, во время этой встречи важное место занял вопрос о возможнос-

ти предоставления Советским Союзом Соединенным Штатам военно-воздушных баз на Камчатке и в Приморье. Это было связано с тем, что еще 19 января 1942 г. радио Сан-Франциско передало сообщение о том, что посланник США в СССР В. Тарстон в беседе с зам. наркома иностранных дел СССР С.А. Лозовским обсуждал в Куйбышеве этот вопрос, и, хотя встревоженный этим сообщением, министр иностранных дел Японии Того на беседе 22 января со Сметаниным попросил заверить его, что это не соответствует действительности, последний ограничился ответом, что ему об этом ничего неизвестно.

Актуальность обсуждения этого вопроса в отношениях между СССР и Японией вытекала и из того факта, что 27 февраля на беседе с Литвиновым исполнявший обязанности государственного секретаря США С. Уэллес предложил ему рассмотреть вопрос о предоставлении США возможности открыть новый фронт против Японии, используя для бомбардировок ее военно-морских баз и военных заводов советских аэродромов на Дальнем Востоке. Это предложение было сделано в ответ на предложение Литвинова союзникам открыть второй фронт.

В начале беседы, состоявшейся 6 апреля, Сато выразил удовлетворение строгим соблюдением сторонами пакта о нейтралитете, отметив, однако, что мировая война, в которой участвуют обе стороны, придает двусторонним отношениям значительную напряженность, при которой любой инцидент может привести к тяжелым последствиям.

В качестве примера такого возможного инцидента японский посол привел ситуацию, которая могла сложиться, если бы СССР предоставил военные базы США и Великобритании для нападения на Японию на Камчатке и в Приморье, что вынудило бы Токио прибегнуть к силе оружия.

Он сказал также, что на случай возможного нападения СССР на Японию ей необходимо проводить соответствующую подготовку.

В ответ Молотов заявил, что советская сторона рассматривает советско-японские отношения как важнейшее направление своей внешней политики и, как и прежде, будет строго соблюдать нейт-

ралитет. Вопрос же о предоставлении военных баз союзникам СССР не стоит на повестке дня и поэтому не может стать причиной недоразумений.

Сато выразил удовлетворение разъяснением собеседника и тем, что отношение сторон к пакту о нейтралитете полностью совпадает. Отсутствие каких-либо оснований для слухов о предоставлении Советским Союзом военных баз его союзникам на Камчатке и в Приморье, добавил посол Японии, свидетельствует о возможности сохранения мира в отношениях между Японией и СССР.

Затем Молотов высказал мнение, что в Японии имеется немало горячих голов, опьяненных военными успехами на юге, которые выступают за то, чтобы добиться таких же успехов на севере, и Советский Союз не может относиться к этому безразлично. С другой стороны, продолжал нарком, у нас есть некоторые лица, которые надеются на то, что, в отличие от Италии, Япония будет проводить независимую внешнюю политику, не следуя безоглядно за Германией, и не совершит нападения на СССР. Признавая мощь Японии, эти лица полагают, что между нашими странами могут быть проведены переговоры по важным вопросам и что, несмотря на изменения в международной обстановке⁹⁸, база для действия пакта о нейтралитете сохраняется. Правда, данное мнение, добавил Молотов, не является всеобщим.

Посол подтвердил, что Токио проводит самостоятельную внешнюю политику, мнение правительства не подвергается колебаниям под влиянием других мнений, и Германия хорошо знает о том, что Япония сохраняет независимый курс в своей внешней политике⁹⁹.

Стремясь подчеркнуть свою приверженность пакту о нейтралитете с СССР, который отвечал стратегическим интересам сторон, МИД Японии организовал 14 апреля в Токио обед, посвященный первой годовщине пакта, с участием послов государств, не участвовавших во Второй мировой войне.

На обеде Я.А. Малик, полномочный представитель СССР в Японии, и Того подтвердили стремление правительств своих стран и в дальнейшем придерживаться пакта о нейтралитете.

В беседе с директором европейского департамента Т. Сакамото Малик затронул вопрос о выполнении письменного обязательства

Мацуоки о возвращении СССР японских нефтяных и угольных концессий на о. Сахалин, но его собеседник ответил, что это обязательство носило личный характер, и теперь, когда Мацуока был лишен поста министра иностранных дел, его взгляды по этому вопросу правительство Японии не разделяет.

Однако, рассчитывая на возможный успех Германии в весенне-летнем наступлении на советско-германском фронте, в своем выступлении 22 апреля на заседании в ведущей Экономической федерации Японии («Кэйданрэн»), добавил собеседник, министр иностранных дел Того подчеркнул лишь многообещающую активность стран оси в Европе, растущую сплоченность стран сферы сотрудничества Великой Восточной Азии, заинтересованность в этих условиях СССР в соблюдении пакта о нейтралитете с Японией, многозначительно умолчав на этот счет о ее возможной позиции в случае решающих успехов Германии в войне с Советским Союзом¹⁰⁰.

18 апреля 16 американских бомбардировщиков B-25 совершили с авианосцев первый налет на японские города в центральной части о. Хонсю, причем один из них сбился с курса и совершил вынужденную посадку в Приморье, на аэродроме Угловая к северу от Владивостока. Экипаж самолета был интернирован.

Об этом 20 апреля 1942 г. сообщил корреспондент ТАСС из Хабаровска. 24 апреля сообщение было опубликовано в советских газетах, и японский посол Сато немедленно сделал заявление в Куйбышеве зам. наркома иностранных дел А.Я. Вышинскому о том, что этот факт равносителен предоставлению Советским Союзом Соединенным Штатам военно-воздушной базы на своей территории в нарушение пакта о нейтралитете.

Вышинский возразил против такой оценки случившегося, заявив, что это произошло из-за потери самолетом ориентировки, и СССР поступил с самолетом и его экипажем в соответствии с международным правом.

В ответ Сато сказал, что если такие инциденты будут повторяться, то японское правительство не сможет рассматривать их как случайные и будет правомерно приравнивать их к предоставлению США военных баз независимо от того, используются они для опе-

раций или приземления, и оценивать эти случаи как противоречащие недавнему заверению Молотова о том, что такие базы предоставляться США не будут. Посол Японии предупредил, что происшествие может вызвать серьезный кризис в двусторонних отношениях, так как ведет к нарушению пакта о нейтралитете.

Вышинский вновь возразил, сказав, что СССР поступает в соответствии с международным правом и никаких юридических оснований для утверждений о его нарушении нет.

Тем не менее Сато заключил, что он не удовлетворен ответом, так как не исключено, что заявлениями о «задержании», быть может, сотен американских самолетов советская сторона может скрывать со ссылкой на международное право практическое предоставление американским самолетам военно-воздушных баз, нарушая тем самым пакт о нейтралитете.

30 апреля Сато вручил Вышинскому памятную записку своего правительства по тому же вопросу. В ней содержалась ссылка на то, что, предоставляя возможность посадки американским самолетам, советская сторона нарушает ст. 42 Временных правил воздушной войны, подписанных в Гааге в 1922 г.

Вышинский ответил, что, во-первых, это временные правила, не ставшие законом, во-вторых, они не предусматривают в таких случаях каких-либо мер нейтральных государств. Возражая против этих доводов, собеседник заявил, что повторение подобных инцидентов привело бы к нарушению духа пакта о нейтралитете, даже если бы СССР действовал в соответствии с нормами международного права.

Вышинский парировал это возражение, подчеркнув, что пакт о нейтралитете составляет неотъемлемую часть международного права и СССР намерен строго его соблюдать.

4 мая Вышинский передал Сато официальный ответ своего правительства на памятную записку правительства Японии, повторив прежние доводы советской стороны и заверив японское правительство в отсутствии у него намерений предоставлять территорию СССР для иностранных военно-воздушных баз и принимать в случае повторения подобных инцидентов меры, соответствующие международной праву¹⁰¹.

Опасения Токио в отношении использования территории СССР для военных операций против Японии, с точки зрения намерений США, не были лишены оснований.

4 марта 1942 г. президент Рузвельт предписал комитету начальников штабов США рассмотреть вопрос о перспективе совместных операций с СССР на случай, если японская военщина, опьяненная своими военными победами над союзниками, развяжет войну против Советского Союза. В предложении Рузвельта указывалось на необходимость подготовить различные варианты совместных действий союзников: 1) наступательную операцию на одном из участков фронта с целью сковать вооруженные силы Японии, 2) операции США и СССР против Японии с территории Китая и 3) разработку маршрута Алеутские острова – Камчатка – Сибирь для военных поставок США в СССР.

В ответ на это комитет начальников штабов США сообщил, что для подготовки плана таких операций необходима информация о планах и боевой мощи советских войск на Дальнем Востоке, которую комитет по официальным каналам получить не смог, и поэтому высказал Рузвельту мнение о целесообразности с этой целью заключить соглашение на высоком уровне о всестороннем военном сотрудничестве для решения, в частности, поставленной президентом задачи, что позволило бы американским офицерам обследовать состояние соответствующих советских военных объектов и провести масштабные переговоры с советской стороной.

Рузвельт оставил этот документ без последствий, так как он к этому времени переключил свое внимание на подготовку второго фронта во Франции, что вызвало недовольство главнокомандующего американскими войсками на Тихом океане Д. Макартура, который в донесении от 8 мая 1942 г. высказал мнение, что второй фронт в бассейне Тихого океана оказал бы СССР максимальную помощь¹⁰².

В связи с таким подходом Рузвельта к открытию второго фронта вопреки общественному мнению США во время переговоров с Молотовым в мае–июне 1942 г. вопросы Дальнего Востока оказались на втором плане. Так, в беседе 29 мая президент США заявил Молотову, что он считает необходимым в первую очередь покончить с

Гитлером, а затем с Японией, хотя ему возражали такие крупные американские предприниматели, как Херст и др.¹⁰³.

Несмотря на предпочтение первоочередному открытию второго фронта против Германии перед открытием такого фронта со стороны СССР против Японии, командующий армией США Г. Арнольд в предвидении весенне-летнего наступления вермахта против СССР продолжал отстаивать план создания военно-воздушных баз США в Сибири и Приморье и оборудования для этой цели аэродромов с тем, чтобы в дальнейшем использовать их для военных действий против Японии¹⁰⁴.

После высадки 7–8 мая 1942 г. японских войск на о-вах Кыска и Атту (Западные Алеуты) и предпринятых японским флотом и авиацией 3–6 июня того же года попыток захватить о. Мидуэй (Северо-Западные Гавайи), совпавших с успешным наступлением вермахта на юге СССР, Рузвельт стал уделять больше внимания вопросу о совместных с Советским Союзом действиях с территории советского Дальнего Востока, так как он рассматривал активизацию операций «держав оси» как пролог к войне Японии против СССР.

1 июня президент США направил Сталину послание, в котором писал: «Положение, которое складывается в северной части Тихого океана и в районе Аляски, ясно показывает, что японское правительство, возможно, готовится к операциям против Советского Приморья. Если подобное нападение осуществится, то Соединенные Штаты готовы (будут) оказать Советскому Союзу помощь американскими военно-воздушными силами при условии, что Советский Союз предоставит этим силам подходящие посадочные площадки на территории Сибири... Я считаю, что вопрос настолько срочный, что имеются все основания дать представителям Советского Союза и Соединенных Штатов полномочия приступить к делу и составить определенные планы»¹⁰⁵.

23 июня в следующем письме по этому вопросу Рузвельт предложил в этих целях провести рекогносцировочный экспериментальный полет американского самолета с Аляски в один из районов Восточной Сибири с военным экипажем, одетым в гражданскую одежду, под видом полета какого-нибудь коммерческого аген-

тства, приняв на борт такого самолета в г. Ном (Аляска) одного-двух советских офицеров или чиновников¹⁰⁶.

В ответном письме 1 июля Сталин предложил, чтобы этот полет был совершен советскими офицерами, и выразил согласие на встречу представителей армии и флота Советского Союза и США в Москве для обмена информацией, собранной в результате упомянутого полета.

Такой осторожный подход Сталина к данному вопросу и акцент на использование этой линии не столько для возможной войны с Японией, сколько для переброски американских военных самолетов, поступающих в СССР в качестве военной помощи в войне с Германией, объяснялся тем, что советский руководитель так же, как и Рузвельт, пришел к мнению о возрастании опасности развязывания Японией войны с СССР в случае военных успехов вермахта в наступлении на юге России и японских ВМС – в военных операциях союзников на Тихом океане вблизи советских границ.

Так, на следующий день после отправки упомянутого письма президенту США в беседе с их послом в СССР У. Стэндли Сталин заявил о наличии серьезной угрозы внезапного нападения Японии на Советский Союз и о том, что во избежание войны на два фронта в СССР должны очень внимательно относиться к соблюдению нейтралитета в отношениях с Токио¹⁰⁷.

Одновременно Ставка Верховного главнокомандования, введя новую должность заместителя начальника Генерального штаба по Дальнему Востоку, предприняла необходимые оборонительные меры по отражению возможного нападения Японии, которое усиленно стимулировалось Берлином.

Однако, как это видно из приведенной выше телеграммы Того послу Японии в Германии от 27 июня 1942 г., а также письма Рузвельта Сталину от 5 августа, японское правительство, придерживаясь по-прежнему стратегии «спелой хурмы», заняло и в данном случае независимую позицию, ожидая решающих результатов наступления вермахта на советско-германском фронте.

«До меня дошли слухи, которые я считаю определенно достоверными, – писал президент США, – что правительство Японии

решило не предпринимать в настоящее время военных операций против СССР. Это, как я полагаю, означает отсрочку какого-либо нападения на Сибирь до весны будущего года»¹⁰⁸.

При этом американская сторона стремилась подчеркнуть свою заслугу в этой отсрочке. Так, во время визита в Москву 12–15 августа премьер-министра Великобритании У. Черчилля в одной из бесед со Сталиным специальный представитель президента США А. Гарриман заявил, что Рузвельт делает все возможное для сдерживания японских вооруженных сил на Тихом океане, не допуская тем самым претворения в жизнь их планов нападения на СССР со стороны Сибири. На это Сталин впервые в беседах с официальным представителем США заявил о намерении СССР, когда созреют условия, приступить к разгрому Японии в соответствии с жизненными интересами Советского Союза¹⁰⁹.

Несмотря на такой ответ, свидетельствующий, с одной стороны, о долгосрочных планах Сталина в отношении Японии, а с другой – о его намерении повлиять на скорейшее открытие союзниками второго фронта в Западной Европе, его позиция в отношении непредоставления баз для ВВС США не изменялась¹¹⁰, причем сам этот ответ не повлиял на перенесение союзниками плана открытия этого фронта на 1943 г. и сосредоточения своих главных усилий на войне с Японией (хотя такая позиция и привела к переносу направления главного удара по ней союзников из района Курил на район о-вов Рюкю). В результате этих усилий США удалось приостановить наступление Японии и заставить ее перейти к стратегической обороне, не помышляя уже о нападении на СССР.

Это намерение Токио было окончательно похоронено в результате блестящей победы Советской армии в Сталинградской битве, где 19 и 20 ноября советские войска перешли в решающее наступление и ко 2 февраля 1943 г. завершили разгром немецко-фашистских войск, окружив и взяв в плен более 400 тысяч солдат и офицеров противника – две армии во главе с фельдмаршалом Паулюсом.

Информируя еще 14 ноября 1942 г. Рузвельта о подготовке этого наступления, Сталин сообщил ему о беседе с его доверенным представителем генералом П. Хэрли¹¹¹, во время которой советский руководитель в неофициальном порядке конкретизировал свое обе-

щение вступить в войну с Японией, а именно: после разгрома Германии¹¹².

Итак, в течение 1942 г. до начала 1943 г., несмотря на наличие у Японии оперативного плана нападения на СССР, вследствие упорного сопротивления советского народа вермахту опасность принятия правительством Японии решения о претворении этого плана в жизнь то увеличивалась, то уменьшалась, и соответственно менялись оценка этой угрозы со стороны руководства СССР и его союзников и сроки его вступления в войну с Японией.

4

ЛИКВИДАЦИЯ ЯПОНСКИХ КОНЦЕССИЙ НА СЕВЕРНОМ САХАЛИНЕ КАК УСЛОВИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПАКТА О НЕЙТРАЛИТЕТЕ

После Сталинградской битвы и особенно сражения на Курской дуге, наступления союзников против Японии в юго-западной части Тихого океана и против Германии в Северной Африке (с последующим переносом военных действий на территорию Италии) Советский Союз стал более настойчиво требовать ликвидации японских нефтяных и угольных концессий в северной части Сахалина в соответствии с остававшимися секретными до 30 марта 1944 г. заверениями бывшего министра иностранных дел Японии Мацуока, данными им при подписании пакта о нейтралитете и в его письме от 31 мая 1941 г. о том, что этот вопрос будет решен не позднее, чем через шесть месяцев. Речь шла о нефтяных концессиях в восьми месторождениях — Оха, Нутово, Эхаби, Чайво, Пильтун, Ныйво, Уйглекуты и Катангли на восточном берегу Сахалина — и двух угольных концессиях в Дуэ и Агнево на его западном берегу, предоставленных Японии с 1925 до 1970 г. с правом на бурение новых нефтяных скважин, полученных Японией в октябре 1941 г. до 1943 г. включительно¹¹³.

4 июня 1943 г., принимая посла Японии Сато в связи с задержанием японской стороной советских судов «Ингул» и «Каменец-

Подольск», приобретенных в США, В.М. Молотов также заявил протест в отношении невыполнения Токио обязательства ликвидировать японские нефтяные и угольные концессии на Северном Сахалине. Вручая протест советского правительства, нарком расценил отход японской стороны от своевременного выполнения этого дважды данного в письменной форме обещания как нарушение условий заключения пакта о нейтралитете.

Посол Сато сказал, что, согласно упомянутым письмам Мацуоки, личное обещание о ликвидации концессий было дано в надежде на скорое заключение рыболовного и торгового соглашений, которые до сих пор не подписаны отнюдь не по вине японской стороны.

Молотов не удовлетворился этим ответом и в беседе с послом Японии 15 июня стал еще более настойчиво требовать выполнения обещания Мацуоки¹¹⁴.

Не отвергая необходимость положительного решения данного вопроса, Сато вместе с тем отметил, что это потребует значительного времени и терпения. Кроме того, японский посол добавил, что письма Мацуоки не выходят за рамки личных обещаний и не являются условием пакта о нейтралитете, так как о них не упоминалось при ратификации сторонами этого договора. Тем не менее отсрочка с решением этой проблемы была вызвана началом войны на Тихом океане с союзниками СССР и изменившимся отношением к рассматриваемому вопросу со стороны правительства и общественности Японии.

Молотов сказал, что без обещания ликвидировать японские концессии на Северном Сахалине успешные переговоры о заключении пакта не могли бы состояться, и этот факт не подвергался никакому сомнению вплоть до ратификации упомянутого договора¹¹⁵.

Однако отнюдь не возражения советского наркома, а стремление укрепить отношения с СССР в условиях ухудшения положения «держав оси» и опасения, что в недалеком будущем под предлогом нарушения обещания Мацуоки Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне своих союзников или, по меньшей мере, предоставит США военные базы на своей территории на Дальнем Востоке, вынудило Токио пойти на уступки Москве.

Дополнительной причиной изменения позиции Японии в этом вопросе явились приближающееся окончание сроков разрешенного бурения новых скважин, неудача попыток получить промышленным путем очищенный бензин из хвои сосновых лесов, нефть из сланцев Северного Сахалина, а также сравнительно небольшой объем добычи нефти в этом районе, хотя он и оставался весьма перспективным¹¹⁶.

О том, какую позицию займет Токио на переговорах по вопросу о ее нефтяных и угольных концессиях на Северном Сахалине, стало известно из дешифровки телеграммы № 16 министра иностранных дел Японии ее послу в СССР от 28 июня 1943 г.

Этот документ гласил: «Японское правительство стремится поддерживать нормальные отношения между Японией и Советским Союзом и побуждать Советский Союз строго придерживаться пакта о нейтралитете. В этих целях японское правительство желает активно разрешить ряд спорных вопросов между Японией и СССР, в частности на определенных условиях компенсации передать советской стороне нефтяные и угольные концессии на Северном Сахалине.

Примите меры к тому, чтобы данные переговоры не вызвали охлаждения между Японией и Германией»¹¹⁷.

Решение отказаться от концессий на компенсационной основе было принято 19 июня 1943 г. на координационном совещании правительства и императорской ставки, а также 26 июня на совещании руководства армии, флота и МИД Японии при условии, что Советский Союз подтвердит свою приверженность пакту о нейтралитете.

3 июля Сато сообщил Молотову о готовности вступить в переговоры по данному вопросу, поскольку заявления сторон, сделанные 21 мая 1943 г. о намерении соблюдать пакт о нейтралитете, прокладывали путь к ликвидации упомянутых концессий. При этом решение данного вопроса Сато увязал с достижением договоренности о рыболовстве как жизненно важной для Японии, выдвинув ее в качестве причины уступки Токио в вопросе о концессиях.

Серьезным оказался и технический вопрос о том, будет ли со-

глашение о ликвидации концессий предшествовать договоренности о компенсации или последует за ней. Токио настаивал на первом варианте, Москва – на втором.

8 июля Сато на встрече с Молотовым вновь прямо обусловил согласие на подписание соглашения о ликвидации концессий подтверждением сохранения в силе пакта о нейтралитете и парафированием новой рыболовной конвенции.

Советский нарком заметил, что обещание передать концессии на Северном Сахалине Советскому Союзу имеет отношение только к заключению упомянутого пакта и вопрос лишь в том, чтобы Япония выполнила свои прежние обязательства, хотя он не возражает против одновременного рассмотрения вопросов о концессиях и рыболовстве.

Полагая, что быстрой договоренности с японской стороной о ликвидации концессий ему самому достичь не удастся из-за позиции, занятой Токио, Молотов заявил, что он будет занят более важными проблемами войны с Германией и поэтому поручает продолжение переговоров с японской стороной своему заместителю С.А. Лозовскому.

Сато довел до сведения советского наркома следующие японские условия ликвидации концессии:

1. Компенсация за оборудование и расходов по ликвидации соответствующих японских компаний (96,1 млн. иен, из которых одни только долги компаний составляли 45 млн. иен, т.е. больше, чем стоимость КВЖД, проданной Японии).

2. Компенсация за утрату прибыли от концессий с момента их ликвидации до истечения срока, на который они были получены, т.е. до 1970 г. включительно (42,5 млн. иен).

3. Оплата компенсации в товарах СССР, предпочитаемых Японией.

4. Продажа Японии по не завышенным ценам сахалинской нефти (по 200 тыс. т в год) и сахалинского угля (по 100 тыс. т в год) в течение десяти лет. (Кстати, в 1941 г. Мацуока согласился на продажу 100 тыс. т нефти в год в течение пяти лет. Однако это требование в 2 раза превышало ежегодную добычу нефти японцами.) ¹¹⁸

Молотов возразил против компенсации предполагаемой прибыли вплоть до 1970 г., посчитав это новым условием, позволяющим произвольно требовать от СССР любую крупную сумму, и напомнил, что с Мацуокой он договорился об установлении сроков ликвидации концессий, которые должны быть точно оговорены в соглашении.

Японский посол заметил, что определение размера компенсации потребует два-три месяца, и только после достижения договоренности о сумме компенсации он будет готов подписать соглашение о ликвидации концессий, а не наоборот, как это предлагает советская сторона.

Последняя, понимая, что в условиях ухудшения положения Японии и других стран оси время работает на Москву, не торопила Токио. В Москве были уверены, что со временем удастся снизить размеры компенсации Японии, а также уменьшить объем продаваемой ей нефти до 50 тыс. т в течение пяти лет после войны¹¹⁹ и урезать ее права на рыболовство в советских территориальных водах.

На встречах Сато 15 и 23 июля и 8 августа с Лозовским, а также 24 августа 1943 г. с Молотовым советские представители в ответ на готовность японского посла приступить к переговорам ограничивались указанием на то, что ликвидация концессий была тесно связана с заключением пакта о нейтралитете в 1941 г., но до сих пор она не осуществлена японской стороной.

Политика затягивания и осложнения переговоров осуществлялась СССР, а не Японией, как считает Л.Н. Кутаков¹²⁰. Этому способствовали как нараставшие трудности с японскими поставками необходимых продуктов на Северный Сахалин в связи с общим ухудшением экономического положения Японии в условиях военного времени (в частности под ударами союзников СССР сократился тоннаж ее торгового флота), так и усиливавшийся продовольственный кризис, обострявший потребность в заключении с СССР новой рыболовной конвенции.

Вот почему 10 ноября на встрече с Молотовым Сато внес предложение не передавать вопрос об определении компенсации за японское оборудование концессий на рассмотрение специальной

комиссии, а позволить ему назвать примерную сумму компенсации, чтобы не затягивать решение этого вопроса.

Молотов согласился, что изменение способа оценки компенсаций облегчит проведение переговоров, но неясность сроков ликвидации концессий оставляет данный вопрос по-прежнему нерешенным.

Что же касается стремления японцев обсудить проблемы рыболовства, то 15 ноября Лозовский, заявив Сато, что они не связаны с вопросом о концессиях, все же выразил готовность решить их параллельно на основе взаимности.

Японская сторона приняла эти предложения, и советско-японские переговоры Лозовский – Сато начались 26 ноября в Куйбышеве.

На первом заседании Сато согласился с предложениями советской стороны, касавшимися ликвидации японских угольных и нефтяных концессий. Вместе с тем японский посол поставил вопрос о том, чтобы при ликвидации концессий Токио не потерпел убытка.

В ответ Лозовский возразил, что СССР не может нести ответственность за убытки концессий на Северном Сахалине, которые были вызваны просчетами в управлении со стороны японских компаний.

Он добавил, что Токио не следует рассчитывать на компенсацию за неиспользованные месторождения, право на эксплуатацию которых японцы получили, приобретая упомянутые концессии. Такая постановка вопроса вытекала из условий их ликвидации, обещанной официальным представителем Японии в обмен на согласие СССР заключить с нею пакт о нейтралитете.

Далее, обойдя молчанием замечание Сато о том, что японский министр отнюдь не отказывался при этом от компенсации, Лозовский поинтересовался, какими товарами Япония хотела бы получить компенсацию.

7 декабря на втором заседании Лозовский подчеркнул, что подписание соглашения о ликвидации концессий должно предшествовать заключению новой рыболовной конвенции.

В тот же день советник посольства Японии в Москве К. Камэяма сообщил начальнику японского направления в наркомате инос-

транных дел СССР Н.И. Генералову, что стоимость компенсации за ликвидацию всех японских концессий на Северном Сахалине Токио исчисляет почти в 100 млн. иен (99 060 тыс. иен за вычетом 2950 тыс. иен наличными, ценными бумагами и товарами).

На заседании 17 декабря Лозовский обусловил поставки в Японию по незавышенным ценам угля и нефти с Северного Сахалина как стратегического сырья дополнительным требованием, чтобы Япония экспортировала в СССР сырой каучук, который также является стратегическим сырьем.

Но Сато отвел это требование, считая, что оно коренным образом меняет позицию СССР. Предложение посланника Японии Морисима согласиться с ним в обмен на экспорт из СССР платины также не получило поддержки в Токио.

В ответ на это Лозовский попытался объяснить изменение позиции СССР тем, что со времени договоренности с Мацуока в мире произошли серьезные перемены в военной обстановке, имея в виду развязывание Японией войны на Тихом океане.

Японская сторона указала на то, что война никак не связана с проблемой концессий и поставками в Россию сырого каучука из Японии.

На заседании 7 января 1944 г. Сато снизил требование о продаже Японии нефти и угля в течение пяти лет с момента подписания соглашения о ликвидации концессий с 200 тыс. т до 150 тыс. т, а Лозовский уменьшил этот объем до 100 тыс. т, обусловив начало поставок окончанием войны на Тихом океане.

Проект соглашения японской стороны был представлен 7 февраля, а проект советской стороны — 19 февраля. 10 марта соглашение о ликвидации японских концессий, оформленное специальным протоколом, было парафировано, а 30 марта подписано в Москве заместителем наркома иностранных дел СССР Лозовским и послом Японии в Советском Союзе Сато.

И хотя в этом соглашении указывалось, что оно вступало в силу в день подписания, фактически протокол по данному вопросу приобрел силу только после одобрения его Тайным советом Японии, противодействия которого опасался МИД, и ратификации его императором Хирохито.

С учетом складывающейся международной обстановки, прежде всего неблагоприятного для стран оси положения на фронтах Второй мировой войны, председатель совета Кикудзиро Исии оценил подписание протокола как замечательный успех японской дипломатии и с похвалой отозвался о японском поселе в СССР в присутствии императора¹²¹.

Ликвидация японских угольных и нефтяных концессий на территории СССР в действительности явилась несомненным успехом советской дипломатии, которая умело использовала для этого наступление Красной армии против Германии с выходом к западным границам Советского Союза, разгром его союзниками Италии, одной из трех держав оси Берлин – Рим – Токио, и нарастающее наступление вооруженных сил США и Великобритании на центральном оперативном направлении в юго-западной части Тихого океана (Новая Гвинея, Каролинские, Марианские и другие острова).

В то же время похвала председателя Тайного совета Исии в адрес японского посла в СССР Сато была, на наш взгляд, не случайной.

Это объяснялось следующими причинами, которые специально не выделялись советской историографией, делавшей акцент лишь на успехах дипломатии СССР.

Во-первых, в качестве серьезной и жизненно важной уступки Японии, которая существенно ослабила продовольственный кризис в этой стране, потребляющей рыбу и морепродукты как основной источник животных белков, данное соглашение было обусловлено одновременным подписанием об оставлении в силе на пять лет советско-японской конвенции 1928 г., в соответствии с которой за японской стороной сохранялось право на беспощинный лов рыбы и крабов в ряде участков советских территориальных вод.

Во-вторых, в соглашении о ликвидации концессии указывалось, что этот документ подписывается во исполнение договоренностей, достигнутых в связи с пактом о нейтралитете между СССР и Японией 1941 г.¹²², т.е. косвенно подтверждалось обязательство Советского Союза не вступать в войну против Японии на стороне своих союзников.

Это обстоятельство укрепило у японских властей уверенность в том, что они поступили правильно, перебросив в конце 1943-го – начале 1944 г. из Маньчжурии в юго-западную часть Тихого океана, где сложилось критическое положение в феврале–марте 1944 г., 14-ю дивизию (на Каролинские острова) и 29-ю дивизию (на о-в Сайпан, Марианские острова), а также штабы 2-го армейского корпуса во главе с генералами Корэтикой Анами и 2-й армии Фусатаро Тёсимой (к берегам Филиппин)¹²³. Немного ранее для противодействия контрнаступлению союзников в район к северу от Австралии была переведена 36-я дивизия из Китая и 46-я из Японии¹²⁴.

5

ПРОДЛЕНИЕ РЫБОЛОВНОЙ КОНВЕНЦИИ 1928 г. КАК УСЛОВИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПАКТА О НЕЙТРАЛИТЕТЕ

Вопросы рыболовства, так же как и рассмотренный выше вопрос о японских концессиях в СССР, являлись наиболее важными в экономических отношениях между Советским Союзом и Японией, которые оказывали свое влияние и на политический климат в двусторонних отношениях.

В центре проблемы находились вопросы японского рыболовного промысла в советских территориальных водах, которые регулировались советско-японской рыболовной конвенцией 1928 г., срок которой истек в 1936 г., но к 1943 г. продлевался восемь раз, в последний раз – 25 марта 1943 г. сроком на один год.

В связи с этим в 1943–1944 гг. были проведены новые переговоры, и 19 марта 1944 г. сторонами был парафирован, а 30 марта того же года подписан новый протокол о продлении советско-японской рыболовной конвенции 1928 г. одновременно с протоколом о ликвидации японских концессий в СССР.

Исходя из того, что в бассейне Тихого океана бушевала война, в 1943 г. Советский Союз предложил на советско-японских пере-

говорах по вопросам рыболовства, чтобы японская сторона не только воздержалась от заходов своих рыболовных судов в заливы и устья рек, которые были к этому времени закрытыми по конвенции 1928 г., но и чтобы она отказалась от управления любыми рыболовными участками у восточных берегов полуострова Камчатка и Олюторского залива до окончания войны на Тихом океане. По мнению советской стороны, этот район должен был считаться закрытым для военных операций японского военно-морского флота, не говоря уже о сухопутных и военно-воздушных силах Японии в войне на Тихом океане. Советская сторона обращала внимание своих японских партнеров на то, что в 1942 г. только 15 из 149 рыболовных участков, которые были предоставлены Японии, эксплуатировались японскими рыбопромышленниками, а в 1943 г. эксплуатация ими этих рыболовных участков была полностью прекращена¹²⁵.

СССР высказывался за то, чтобы часть рыболовных участков у его берегов сдавалась в аренду японцам по принципу торгов. Япония возражала против этого, пытаясь добиться того, чтобы советские организации, заранее согласившись с арендой тех участков, которые выберут для себя в аренду японцы, могли арендовать только те участки, от которых они отказались бы. Они предлагали снизить количество рыболовных участков, которые могли заторговывать советские организации, с 10% (по предложению японцев в 1941 г.) до 8%.

Эти предложения Японии, как и их попытка ограничить акваторию в бассейне Тихого океана, в которой рыболовство в целях сохранения промысловых ресурсов было запрещено, были отвергнуты советской стороной.

В конечном счете Япония, с одной стороны, под давлением приведенных аргументов советских представителей на переговорах о рыболовстве, а с другой – главным образом в связи со своим ухудшающимся положением на фронтах войны с союзниками Советского Союза по антифашистской коалиции вынуждена была пойти на значительные уступки нашей стране. Цель этого шага – удержать таким образом СССР от вступления в войну на стороне союзников в условиях, когда наметились перелом в пользу Советского

Союза в его войне с фашистской Германией и перспектива высвобождения его вооруженных сил для возможных совместных действий с союзниками против Японии как одной из держав оси Берлин – Рим – Токио, заключивших в 1940 г. тройственный пакт, сохранявший свою силу в отношениях между Японией и Германией и после поражения Италии во второй половине 1943 года.

В ст. 1 Протокола о продлении рыболовной конвенции 1928 г. между СССР и Японией устанавливалось, что она продлевается не на один год, как это было во всех предшествующих случаях, а на пять лет начиная с 1 января 1944 г. Это вселяло в японскую сторону надежду, что Советский Союз не нарушит в ближайшее время пакт о нейтралитете между СССР и Японией от 13 апреля 1941 г., который также был заключен сроком на 5 лет с возможностью его пролонгации еще на пять лет в случае, если ни одна из договаривающихся сторон не денонсирует его, то есть не предупредит о том, что она не намерена продлевать этот договор, за один год до истечения срока его действия.

В ст. 3 названного выше Протокола были внесены важные изменения по сравнению с прежней конвенцией 1928 г., которые ограничивали права японцев на рыболовство в территориальных водах СССР. Эти изменения заключались в запрещении японцам, как и другим иностранцам, вести лов рыбы в Авачинской бухте: 1) в зоне, образуемой линией, проведенной от мыса Крутов до бухты Бешевонская включительно; 2) в заливе Де-Кастри в зоне, образуемой линией, проведенной от мыса Южный до бухты Крестовая включительно; 3) в Советской Гавани в зоне, образуемой линией, проведенной от пункта 49 градусов 26 минут северной широты и 140 градусов 27 минут восточной долготы до пункта 140 градусов 11 минут восточной долготы; 4) в бухте Ольга и бухте Владимира в зоне, образуемой линией, проведенной от устья реки Лафула до мыса Нахвальный; 5) в заливе Петра Великого, в том числе заливе Посьет, в зоне, образуемой линией, проведенной от острова Опасный до устья реки Тумень-ула.

В ст. 4 Протокола устанавливалось, что налоги и пошлины на продукты японского рыболовного промысла в территориальных во-

дах Советского Союза на каждый лот должны будут составлять 30%, что было значительно выше, чем это определялось ранее.

В ст. 5 Протокола устанавливались специальные повышенные платежи за лов таких ценных пород рыбы, как сибирский лосось, кижуч, чавыча и другие, а также на промысел краба.

В ноте, направленной полномочным представителем Японии в СССР Наотакэ Сато в день подписания Протокола, 30 марта 1944 г., заместителю министра иностранных дел СССР С.А. Лозовскому, подписавшему этот документ, выражалось согласие закрыть на период до окончания войны на Тихом океане рыболовные участки у восточного побережья полуострова Камчатки и в Олюторском заливе¹²⁶.

1 апреля 1944 г., на следующий день после подписания протоколов о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине и продлении японо-советской рыболовной конвенции, все японские газеты поместили полные тексты этих документов и коммюнике информбюро Японии, в котором, как отмечал полномочный представитель СССР в Японии Я.А. Малик, подписанные советско-японские протоколы нарочито тесно увязывались с договоренностями между Токио и Москвой, зафиксированными в советско-японском пакте о нейтралитете 1941 г.¹²⁷.

В коммюнике информбюро официальные власти Японии пытались скрыть вынужденный характер уступок Токио, связанных с укреплением позиции СССР на международной арене в результате побед на фронтах войны с фашистской Германией и ухудшения международных позиций Японии вследствие ее поражений в войне на Тихом океане с союзниками СССР. Пытаясь скрыть тревогу, вызванную коренным переломом во Второй мировой войне в пользу держав антифашистской коалиции и развалом после поражения Италии в 1943 г. блока «держав оси», заключивших тройственный пакт, официальные круги Токио стремились представить подписанные протоколы не как вынужденные уступки, сделанные Японией в результате активизации советской дипломатии в новых, благоприятно складывавшихся условиях, а как фактор стабилизации и однозначного укрепления советско-японских отношений.

К сожалению, в некоторых работах, опубликованных в России и Японии в последние годы, лишь констатируется такая односторонняя оценка этих документов в японской печати¹²⁸, но не делается важный вывод, а именно – что Токио при этом допустил серьезный просчет, не учтя того, что И.В. Сталин, идя на эти дипломатические шаги, с одной стороны, укреплял экономические позиции СССР на Дальнем Востоке, а с другой – стремился усыпить бдительность Японии после того, как на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г. в торге по вопросу о скорейшем открытии второго фронта против Германии он заверил Соединенные Штаты в том, что Советский Союз вступит в войну против Японии по окончании войны в Европе, даже если это потребовалось бы сделать вопреки пакту о нейтралитете между СССР и Японией, до вступления в силу Устава ООН, который предусматривал принятие коллективных мер против агрессоров (ст. 1, 103, 107).

В заключение можно сделать вывод, что препятствия, которые взаимно чинились судоходству на Дальнем Востоке (преимущественно Японией), объяснялись с обеих сторон военными и военно-политическими соображениями – участием СССР в коалиции с США и Великобританией и Японии – в союзе с Германией и Италией на основе тройственного пакта.

С ухудшением военного положения союзников Японии, а следовательно – и самой Японии задержания советских судов, идущих со стратегическими грузами из США, из опасения военного столкновения с СССР прекратились. Это вызвало даже обвинения со стороны Риббентропа в нарушении союзнического долга – например в беседах с послом Японии в Берлине Осима 25 марта и 18 апреля 1943 г. – и породило кризис в японо-германских отношениях¹²⁹.

Что касается международно-правовой оценки этого вопроса, в Приложении А «Агрессия (Японии) против СССР» к обвинительному акту и приговору Токийского процесса над главными японскими военными преступниками (1946–1948) все препятствия, которые чинились советскому судоходству, рассматривались как носящие характер косвенной подготовки к войне против Советс-

кого Союза в нарушение пакта о нейтралитете. В действительности в целом ряде случаев меры, предпринятые Японией, имели характер реторсий – ограничительных мер в ответ на ограничительные меры другой стороны в рамках международного права – или репрессалий – неправомерных действий в ответ на неправомерные действия другой стороны или применение права, впрочем не бесспорного, на досмотр иностранных нейтральных судов, проходящих через территориальные воды Японии, в особенности в условиях военного времени.

После закрѣпления советской стороной в начале 1941 г. пароходной линии Владивосток – Цуруга, что было, по утверждению Токио, сопряжено с экономическим ущербом для Японии и минированием советской стороной Татарского пролива, японская сторона ввела ограничения на плавание судов под флагом СССР через японские проливы¹³⁰.

Особенно важным, с точки зрения исторической истины, представляется вывод, что все советские суда в бассейне Тихого океана, которые советской стороной считались в период Второй мировой войны потопленными японскими подводными лодками (а это явилось одним из оснований для обвинения Японии в нарушении советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г. при объявленной ей войны со стороны СССР), на самом деле потоплены подводными лодками США, командование которых намеренно создавало таким образом угрозу для Советского Союза войны на два фронта – не только с Германией, но и с Японией – и в результате этого могла возникнуть опасность его поражения во Второй мировой войне.

СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЕ КОНФЛИКТЫ В СВЯЗИ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ СУДОХОДСТВУ В МОРЯХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Этот вопрос имеет важное значение в связи с утверждением зарубежной, в частности латышской, историографии о том, что с июля 1941 г. СССР в нарушение международного права с помощью дрейфующих мин развязал в Японском море настоящую «войну, которая стала причиной гибели многих японских судов»¹³¹.

Что касается ущерба со стороны Японии советскому судоходству на Дальнем Востоке, то в официальных советских документах, которые фигурировали на Токийском процессе над главными японскими военными преступниками 1946–1948 гг., утверждается, что с июля 1941 г. по 1946 г. военно-морской флот Японии задержал 178 и потопил 18 советских торговых судов, нанеся СССР убытки на общую сумму в 637 млн. руб.¹³².

Эти данные повторяют все советские японоведы, которые рассматривали данный вопрос, за исключением А.П. Маркова, утверждающего без ссылки на документы, что японцы потопили 180 советских судов¹³³. И это несмотря на то, что в приговоре Токийского трибунала (в разделе «Препятствия, чинимые японцами советскому судоходству») содержатся сведения о потоплении в результате артиллерийского обстрела в Гонконге при занятии его японцами только одного советского судна и о повреждении нескольких советских судов (двух – *К.Ч.*) за один месяц (декабрь 1941 г. – *К.Ч.*)¹³⁴.

Данный вопрос нуждается в специальном рассмотрении, так как факты препятствия со стороны Японии в отношении СССР постоянно приводятся в советской, да и российской историографии в качестве одного из главных аргументов для доказательства несоблюдения Японией пакта о нейтралитете с СССР и юридической обоснованности отказа от него при принятии советским руководством решения о вступлении в войну на стороне союзников в период до формального истечения срока его действия – 13 апреля 1946 г.

В связи с нападением Германии на СССР советское правительство 7 июля 1941 г. направило ноту посольству Японии в Москве, в которой извещало об установлении Советским Союзом на Дальнем Востоке специальных зон, представляющих опасность для навигации. Установление зон объяснялось необходимостью оборонительных мер против неоднократных рейдов в этот район немецких военных судов¹³⁵.

18 июля заместитель министра иностранных дел Японии Т. Охаси вручил ответную ноту полпреду СССР в Токио Сметанину с протестом против этих мер советского правительства.

Протест своего правительства Охаси мотивировал тем, что введение этих зон нарушает безопасность навигации японских судов, курсирующих между Японией и Владивостоком, и наносит удар по японскому рыболовству у берегов Кореи, а установленные в зонах плавучие мины при их неизбежном дрейфе создают опасность для японского судоходства в целом.

В связи с этим в ноте содержалось не только требование отменить объявленные меры, но и предупреждение, что Япония оставляет за собой право предпринять любую необходимую акцию для сохранения спокойствия в водах Дальнего Востока.

26 июля советская сторона направила еще одну ноту в МИД Японии, объяснив введение зон военной необходимостью и заверив Токио о своем стремлении не препятствовать японским судам в акватории, прилегающей к Владивостоку. В ноте отвергалось утверждение японской стороны об опасности установления этих зон для японского рыболовства на том основании, что они охватывают только прибрежные воды советского Дальнего Востока.

На это в ноте, незамедлительно врученной Сметанину заместителем министра иностранных дел Японии Э. Амау, были повторены прежние контраргументы Токио, содержалось утверждение, что угроза со стороны немецкого военно-морского флота является надуманной. В ноте предупреждалось, что в случае ущерба, который нанесут эти действия СССР, Япония потребует соответствующее возмещение.

Как показали дальнейшие события, эти предупреждения оказались небезосновательными. Уже 5 сентября Амау заявил протест

в посольство СССР в Токио в связи с гибелью японского рыболовного судна, столкнувшегося с плавучей миной в Японском море, и потребовал как возмещения ущерба, так и отмены ограничительных зон.

Не дождавшись быстрого ответа советской стороны, 18 сентября он заявил, что все большее количество оторвавшихся от фалов советских плавучих мин появляется в открытом море, и вновь потребовал отмены указанных зон.

22 сентября Сметанин вручил ответную ноту советского правительства, в которой отвергался протест Токио и содержался отказ в компенсации как лишенный доказательств. В ноте указывалось, что минирование советских территориальных вод для предотвращения проникновения судов Германии, с которой СССР находится в состоянии войны, соответствует международному праву.

5 ноября произошел еще один серьезный инцидент — японский пароход «Киби-мару» по пути из Кореи в порт Цуруга столкнулся с плавучей миной на широте $40^{\circ}41'$ северной широты 131° восточной долготы и пошел на дно со 156 пассажирами на борту. В связи с этим заместитель министра иностранных дел Японии Х. Ниси вновь потребовал компенсации и отмены упомянутых зон.

В ответ Сметанин не согласился с утверждением собеседника, заявив, что это — лишь его предположение и что советские плавучие мины устроены так, что даже если они оторвутся от фалов, то будут совершенно безопасны. Он настаивал на том, что «Киби-мару» затонул в результате взрыва котла или контактной, а не плавучей мины, которые установлены в советских зонах.

Полпред высказал также предположение, что это японское судно было, возможно, пущено на дно преднамеренно ВМС третьей стороны с целью спровоцировать осложнения в советско-японских отношениях.

Несколько дней спустя МИД Японии представил посольству СССР в Токио ряд документов с маршрутами дрейфа советских плавучих мин и перечнем инцидентов, возникших в результате столкновения с ними японских судов, а также смету ущерба от гибели «Киби-мару» с требованием компенсации ущерба.

Советская сторона вновь заявила, что в случае дрейфа советские плавучие мины автоматически становятся безвредными, и высказала предположение, что «Киби-мару» был потоплен немецким военным судном.

13 ноября Сметанин передал министру иностранных дел Того официальный ответ правительства СССР. Советская сторона заявила, что инцидент с «Киби-мару» произошел в 125 морских милях от ближайшей советской ограничительной зоны, подчеркнула безопасный характер мин, повторила прежние версии гибели судна, отказалась отменить указанные зоны в связи с реальной опасностью нападения надводных военных судов и подводных лодок Германии и Италии. Того отвел утверждения советского правительства, попросил пересмотреть его точку зрения и обвинил СССР в намерении, игнорируя факт гибели большого количества людей, переложить ответственность на третьи государства.

В ответ 19 ноября Сметанин передал предложение советского правительства создать совместную комиссию по расследованию данного инцидента.

Собеседник согласился с этим при условии, что СССР возьмет на себя ответственность, если комиссия поддержит требования Японии в случае признания виновной советской стороны.

1 декабря Сметанин передал согласие на это своего правительства, полученное, быть может, потому, что за несколько дней до этого Того передал Сметанину памятную записку японского правительства со ссылками на показания спасшегося капитана «Киби-мару», который сообщал, что взрыв произошел между двумя кабинами не ниже ватерлинии, как это бывает при торпедировании корабля, а на ее уровне, как это бывает при контакте с минами. Сметанину был вручен также акт извлечения осколков из тел пассажиров, подтверждавших, что эти осколки относятся к боеприпасам советского производства, свидетельство первого инженера корабля о том, что котел «Киби-мару» в момент взрыва был в порядке, с заключением на этом основании, что предположение советской страны, будто инцидент был спровоцирован третьей державой, является абсурдным. В записке отмечалось, что после ноябрьского тайфуна были выловлены плавучие мины в районе гибели «Киби-

мару», у берегов Северной Кореи, Южного Сахалина и даже в Сангарском проливе, причем многие из них вследствие технических дефектов взрывались либо сами по себе, либо при контакте, в результате чего погибли еще одно японское и одно корейское суда, а также было убито и ранено значительное число японцев и корейцев или на борту своих судов, или при попытках обезвредить эти мины на берегу.

В связи с этим японское правительство требовало, независимо от прав воюющих государств на те или иные меры своей обороны, оградить Японию как нейтральное государство от ущерба навигации своих судов и своему рыболовству и ликвидировать опасные зоны.

В дальнейшем переговоры по этому вопросу затянулись из-за того, что каждая сторона настаивала на своих методах расследования этих инцидентов, определении степени ответственности и размеров компенсации ущерба.

Для постановки мин у берегов советского Дальнего Востока, в том числе в Татарском проливе (последнее в нарушение Портсмутского мирного договора между Россией и Японией, подтвержденного в советско-японской конвенции об основных принципах отношений 1925 года), советское руководство использовало в качестве предлога сведения командования военно-морского флота СССР о том, что в японских водах и портах находилось 15 немецких, 9 итальянских и один финский пароход, которые могли бы быть использованы в качестве рейдеров против советских торговых судов¹³⁶. Это привело, вследствие несовершенства установленных советских мин, к многочисленным жертвам среди японского гражданского населения и излишнему осложнению отношений между СССР и Японией в период, когда в условиях ожесточенных боев с войсками немецко-фашистской Германии Советский Союз особенно нуждался в соблюдении Японией советско-японского пакта о нейтралитете.

На самом деле, не доверяя сообщениям органов советской внешней разведки о том, что в Токио принято решение в условиях замедления темпов германского наступления на Восточном фронте воздержаться до решающих побед Германии над СССР от нападения

на него на Дальнем Востоке, по указанию И.В. Сталина, напрасно опасавшегося скорого нападения Японии, нарком ВМФ СССР Н.П. Кузнецов издал 12 июля 1941 г. приказ ввести в действие утвержденный в начале того же года оперативный план о постановке до 30 июля 1941 г. минных заграждений у берегов Советского Союза как в Балтийском, Баренцевом, Белом и Черном морях, так и в морях Тихого океана в направлении Владивостока, Владимир-Ольга, Советская Гавань и Петропавловск-Камчатский. Всего здесь было выставлено 10 893 мины, т.е. больше, чем в 1941 г. Черноморским и Северным флотами (соответственно 7846 и 1040 мин), и немногим меньше, чем Балтийским флотом СССР (12 047 мин) в акваториях, где велись активные боевые действия¹³⁷.

По всей вероятности, эти мины, или их значительная часть, могли быть более рационально использованы в войне с Германией на Западе, а не на Востоке против весьма маловероятных действий немецких, итальянских и финских рейдеров.

Эта точка зрения представляется убедительной, даже если иметь в виду, что установленные у дальневосточных берегов СССР минные заграждения в действительности имели в виду военную опасность со стороны Японии, так как ее реализация зависела от исхода сражений между войсками СССР и Германией в Европе.

Кроме того, эти действия значительно ухудшили советско-японские отношения и тем самым усугубили угрозу нападения на СССР, предоставив аргументы в пользу войны с СССР японским милитаристам. Правда, дело здесь было не в ошибке Сталина, а в общих принципах введения в действие оперативных планов.

К тому же, хотя при этом советская сторона ссылалась на нормы международного права, в частности 8-ю Гаагскую конвенцию 1907 г., данный аргумент не выглядел достаточно убедительным, ибо в ней подчеркивалось, что «конвенция воспрещает... ставить закрепленные на якорях автоматически взрывающиеся от соприкосновения мины, которые не делаются безопасными, как только они сорвутся со своих минрепов».

«Другими словами, — заключает историк военно-морского флота Г. Кибардин, — мины должны были иметь приспособление, которое топило бы мину, если обрывался минреп и она всплывала.

Так, например, японские мины типа «М-93», которыми Япония впоследствии заминировала проливы Цусима, Лаперуза и Цугару (Сангдрский. – К. Ч.), имели такое приспособление»¹³⁸, в отличие от советских, и это после первых же осенних тайфунов, характерных для этих широт, серьезно повлияло на уменьшение безопасности плавания всех судов. Позднее вопрос о советских минах отодвинулся на второй план в связи с обсуждением более актуального вопроса о препятствиях, чинимых японской стороной для советского судоходства в дальневосточных морях, явившихся ответной реакцией на рассмотренные действия СССР¹³⁹.

28 июня 1941 г. представительство СССР в Японии обратилось к японским властям с просьбой оказать помощь севшему на мель у южной оконечности Сахалина советскому рыболовному судну «Снабженец Второй», который вследствие густого тумана оказался в территориальных водах Японии. Японские власти спасли 21 моряка с этого судна, переправили его команду на советское вспомогательное судно «Быстрый». Затем обе команды (всего 33 чел.) арестовали в связи с появлением без уведомления в территориальных водах Японии – за нарушение закона о сохранении военной тайны – для предания суду в г. Рутаканана (о. Сахалин).

26 июля правительство СССР предложило обменять оба судна и их команду на две японские рыболовные шхуны «Тюкити-мару» № 3 и «Эйсэ-мару» и их команды в количестве 17 чел., захваченные советской стороной за нарушение советского законодательства в территориальных водах СССР.

Токио согласился с этим при условии, что будет отпущено еще 10 моряков с японских рыболовных судов, отбывавших тюремное заключение в советских тюрьмах за аналогичные преступления, с оплатой стоимости работ по спасению советских моряков.

Советская сторона приняла это предложение, и обмен задержанными судами и моряками вскоре был успешно завершён¹⁴⁰.

С началом войны на Тихом океане японские власти установили вокруг Японии 12 оборонительных зон, через которые, не считая судов, получивших специальное разрешение ВМС Японии, всем остальным проход был запрещен. Исключение было сделано

для включенного в зоны пролива Лаперуза, по которому суда могли проходить в надводном положении от восхода до захода солнца. Это условие было предусмотрено ст. 9 п. 2 Портсмутского мирного договора между Россией и Японией 1905 г. Об этом решении были уведомлены все иностранные дипломатические представительства в Токио.

Включение в число этих зон Сангарского пролива между о. Хоккайдо и о. Хонсю 31 января 1942 г. вызвало протест с советской стороны, в котором указывалось, что, поскольку данный пролив является проходом из одного открытого моря в другое, запрет на его использование представляет собой нарушение международного права и что таким же нарушением, в том числе Портсмутского договора, является ограничение плавания иностранных судов в проливе Лаперуза. В протесте подчеркивалось, что это усугубляется тем, что пролив, в отличие от Сангарского, зимой замерзает, и таким образом путь во Владивосток из северо-западной части Тихого океана удлинится более чем вдвое.

В ответ на это 14 марта 1942 г. в вербальной ноте японские власти уведомили советскую сторону, что, поскольку Тихий океан оказался ареной военных действий, Япония, предприняла меры по обороне своего побережья, исходя из своего естественного права. В ноте указывалось, что проход иностранных судов через Сангарский пролив и в ночное время (по специальному разрешению ВМС Японии) через пролив Лаперуза допускается, в то время как именно СССР установил на Дальнем Востоке заминированные морские зоны, опасные для судоходства, и сделал его невозможным в Татарском проливе, в результате чего на советской плавучей mine подорвался и затонул японский пароход «Киби-мару». В ноте действия Токио оправдывались также утверждением о захвате советской стороной японских судов¹⁴¹.

14 апреля того же года японская сторона в связи с установлением дополнительных оборонительных зон у берегов Японии в вербальной ноте предупредила советское представительство в Токио о необходимости заблаговременно уведомлять ее о времени и пункте назначения судов, следующих к берегам СССР с Камчатки или из США через Цусимский пролив, во избежание инцидентов при

осуществлении японскими ВМС патрульной службы и контроля над навигацией в акватории, прилегающей к побережью Японии (координаты соответствующих зон в ноте были точно указаны) .

15 декабря 1942 г. советское полпредство в Токио обратилось в МИД Японии с просьбой разрешить советским судам пользоваться Сангарским проливом, так как проход через пролив Лаперуза является затруднительным из-за опасности столкновения с плавающими льдами.

21 января 1943 г. министр иностранных дел Японии М. Тани сообщил советскому послу Я. Малику об удовлетворении просьбы советской стороны в отношении прохода советских судов, но не через Сангарский пролив, а через незамерзающий Четвертый Курильский пролив у о. Онекотан (Курилы) с 25 января до конца апреля каждого года и о разрешении советским судам, прокладывая маршрут вблизи Хоккайдо, при чрезвычайных обстоятельствах бросать якорь в территориальных водах Японии. При этом японский министр вновь обратил внимание Малика на необходимость отменить запрет на плавание японских судов через Татарский пролив и разминировать зоны, опасные для судоходства у берегов советского Дальнего Востока, ликвидировав сами эти зоны.

В связи с тем что позиция СССР по данному вопросу не менялась и никаких обещаний с советской стороны на этот счет дано не было, неделю спустя МИД Японии уведомил посольство СССР в Токио о сокращении количества маршрутов, по которым могли следовать советские суда через Цусимский пролив, и их корректировке¹⁴². Попытка СССР добиться открытия Сангарского пролива угрозой не продлить договор с Японией о рыболовстве, успеха не имела, так как Тани в начале февраля 1943 г. заявил, что права ее на рыболовство в отношениях с СССР вытекают из Портсмутского договора, признанного СССР, и не зависят от его нынешней позиции¹⁴³. Со стороны Японии стали чиниться также и другие препятствия для советского судоходства в северо-западных районах.

13 декабря 1941 г. советский пароход «Кузнецкстрой» был задержан ВМС Японии при проходе через ее территориальные воды в проливе Онекотан (Четвертый Курильский пролив), и после дос-

мотра ему было предписано идти в пункт назначения к берегам Приморья через Цусимский пролив.

23 декабря Сметанин заявил против этого протест заместителю министра иностранных дел Ниси, который объяснил происшедшее тем, что в районе пролива Лаперуза, через который намеревалось пройти это судно, в связи с началом войны на Тихом океане сосредотачивались ВМС Японии и поэтому пребывание там иностранных судов было нежелательно. Вместе с тем Ниси заверил Сметанина, что случившееся не означает закрытие в дальнейшем курильских проливов для советских судов¹⁴⁴.

На следующий день после этого инцидента в ходе боев между английскими и японскими войсками в порту Гонконга был обстрелян и затонул советский пароход «Кречет». В связи с этим 21 декабря Сметанин заявил протест МИД Японии, возложив ответственность за обстрел на японскую сторону.

19 января Того заявил Сметанину, что «Кречет» погиб не вследствие обстрела японской артиллерией, а в результате действий английской стороны.

Одновременно встал вопрос еще о трех советских судах — «Симферополь», «Свирьстрой» и «Сергей Лазо», которые находились в это время на ремонте в доках Гонконга. После оккупации его японскими войсками английская фирма отказалась от ремонта этих судов, а японские власти, произведя минимально необходимый ремонт, отбуксировали их 20 июля 1942 г. в другое место, предложив советскому представителю в Гонконге взять на себя ответственность за их сохранность.

Советский представитель отказался от этого, и тогда японские власти разместили на них по 4 инспектора-индийца — сотрудников судоверфи — и предложили советской стороне продать их Японии.

Но 21 июля советская сторона, решительно отказавшись от их продажи, потребовала от Токио продолжить ремонт «Симферополя», а два других судна отбуксировать во Владивосток японскими судами.

Японская сторона отказалась от этого и в связи с военными действиями в этом районе воспротивилась прибытию в Гонконг

советских буксиров, повторив свое предложение о продаже упомянутых судов.

Не согласившись с японским предложением, советская сторона 15 августа 1942 г. попросила японские власти отбуксировать упомянутые суда в Шанхай и разрешить взять их оттуда советским судам для того, чтобы отбуксировать во Владивосток. Но Токио предложил либо продать их Японии, либо разрешить этот вопрос в пакете с другими спорными вопросами, в отношении которых у Японии имелись претензии к СССР. Но последний с таким подходом не согласился.

17 декабря 1941 г. у о. Борнео по пути из Владивостока в голландскую Индию в результате бомбардировки затонул советский пароход «Перекоп» с 8 членами экипажа. 31 декабря в письме на имя Того Сметанин возложил ответственность за этот инцидент на японскую сторону и заявил протест.

В своем ответе от 3 августа 1942 г. японская сторона сообщила, что в результате расследования, проведенного на месте, японские военные власти выяснили, что в указанное время в данном районе японские самолеты бомбежек не производили и после оккупации упомянутого района отправили значительную часть советских моряков на о. Борнео, причем всем спасшимся из них японские власти позднее помогли через Шанхай выехать на родину.

20 и 21 декабря 1941 г. такой же бомбардировке подвергся советский танкер «Майкоп» в районе к югу от филиппинского острова Минданао. В связи с этим Малик заявил протест Ниси. Как и в предыдущем случае, японские власти ответили, что результаты расследования не подтвердили факта гибели советского судна в результате бомбардировки японскими самолетами, указав, что советский танкер затонул в результате бомбардировки его 25 декабря в районе к югу от о. Давао американским самолетом и что капитан и другие члены экипажа советского танкера в составе 34 человек спасены японцами и находятся под защитой японских властей в Малабалае. После этого по просьбе советского посольства в Токио они через Шанхай и Маньчжурию после оплаты советской стороной стоимости их проезда были доставлены в СССР¹⁴⁵.

25 марта 1942 г. советское торговое судно «Молотов», которое по пути из Петропавловска-Камчатского во Владивосток остановилось в Сангарском проливе в запретной оборонительной зоне в 2 милях от берега о. Хоккайдо, чтобы укрыться от шторма в Японском море, было приведено в японский порт Хакодате, и капитан советского судна был оштрафован по приговору местного суда на 1000 иен.

Советский консул заявил протест в связи с задержанием «Молотова» и наложением на него штрафа. Но японский суд отказался отменить свое решение, и, после того как советские власти в конечном счете вынуждены были заплатить штраф, 8 апреля того же года советский корабль был освобожден¹⁴⁶.

Во всех работах, посвященных истории Дальневосточного государственного морского пароходства Народного комиссариата морского флота (ДГМП НКМФ) Союза ССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., пишет историк военно-морского флота К.В. Стрельбицкий, обязательно можно найти хотя бы одну строчку о том, что ряд советских торговых судов был потоплен в то время на Тихом океане японскими или «неизвестными» подводными лодками. Обычно в этой связи авторы книг и статей называют такие суда, как «Ангарстрой», «Кола», «Ильмень», «Белоруссия», «Павлин Виноградов», «Обь», «Трансбалт». Однако за прошедшие с тех трагических событий полвека у нас в стране и за рубежом опубликовано немало материалов, проливающих свет на истинные причины гибели этих судов.

Прежде всего стоит отметить, что советский грузовой пароход «Павлин Виноградов» и 33 члена его команды погибли 22 апреля 1944 г. у побережья Аляски в результате внутреннего взрыва (очевидно диверсии) в трюме судна, перевозившего такой взрывоопасный груз, как ацетон в бочках. Причиной же гибели остальных пяти перечисленных выше судов ДГМП, равно как и рыболовного сейнера № 20 треста «Главвостокрыбпром» Народного комиссариата рыбной промышленности Союза ССР, действительно стали действия подводных лодок, но не японских или «неизвестных», а... американских¹⁴⁷.

К такому выводу пришел этот исследователь, исходя из анализа советских и американских данных¹⁴⁸. Далее он приводит краткую справку о судьбе судов и членов их команд и пассажиров:

– грузовые пароходы «Кола» (ДГМП, 1919 г., 4997 брт), «Ильмень» (ДГМП, 1923 г., 2369 брт, 4200 т), 17 февраля 1943 г. потоплены в Тихом океане в 250 милях южнее острова Сикоку (в точках с координатами 30°45' с.ш., 135°33' в.д. и 30°35' с.ш., 136° 30' в.д. соответственно) каждый двумя торпедами американской подводной лодки 55-276 «Софиш» (лейтенант-командер Сэндс), на «Коле» погибло 60 членов команды из 64 и все 9 пассажиров, на «Ильмене» – 7 членов команды из 42;

– рыболовный сейнер № 20 (принадлежал тресту «Главвосток-рыбпром» НКРП, 1936 г., 263 т), 9 июля 1943 г. потоплен в Японском море на траверзе острова Ребун (район Хоккайдо) артиллерийским огнем американской подводной лодки 55-178 «Пермит» (лейтенант-командер Чэппл), погибло 2 члена команды из 9;

– грузовой пароход «Белоруссия» (ДГМП, 1936 г., 2920 брт, 2140 т); 3 марта 1944 г. потоплен в Охотском море западнее острова Итуруп (47° с.ш., 146° в.д.) торпедой американской подводной лодки 55-281 «Сэндлэнс» (лейтенант-командер Гаррисон), погибло 48 из 50 членов команды; оставшиеся в живых были доставлены японцами на Хоккайдо и затем репатриированы во Владивосток;

– грузовой пароход «Обь» (ДГМП, 1917 г., 2198 брт, 3200 т), 6 июля 1944 г. потоплен в Охотском море у западного побережья полуострова Камчатка (51°27' с.ш., 154°58' в.д.) торпедой американской подводной лодки 55-281 «Санфиш» (лейтенант-командер Шилби), погибло 14 из 40 членов команды;

– грузовой пароход «Трансбалт» (ДГМП, 1899 г., 11 439 брт, 14 000 т), 13 июня 1945 г. потоплен в Японском море в 45 милях северо-западнее пролива Лаперуза (45°43' с.ш., 140°45' в.д.) двумя торпедами американской подводной лодки 55-411 «Спейдфиш» (командер Гермерсхаузен), погибло 5 из 99 членов команды и практикантов.

В целом за период 1941–1945 гг. американские подводные лодки потопили в Тихом океане 6 советских судов – 5 грузовых об-

шим тоннажем 28 684 брт и 1 рыболовный траулер. При этом погибло 128 находившихся на борту в момент потопления советских граждан, в том числе 21 женщина и 3 детей. Хотя в тот же период ДМП потеряло от действий японской авиации 2 корабля – «Перекоп» и «Майкоп» и артиллерии – «Кречет», в результате проведенных в последние годы исследований стало известно, что за всю войну на Тихом океане командование подводных лодок японского флота, опасаясь нарушения Советским Союзом пакта о нейтралитете, не потопило ни одного советского судна. Советские суда также, как правило, опасались проявлять враждебность до начала войны с Японией в августе 1945 г., стремясь избежать поводов для ее вступления в войну против СССР на стороне Германии. Однако в 1942 г. все же имело место исключение из этого правила, когда советский пароход «Уэлен» потопил у берегов Австралии японскую подводную лодку, и советские моряки были награждены за это правительственными наградами¹⁴⁹.

«Американские же подводники, – делает вывод К.Б. Стрельбицкий, – действовали на Тихом океане под своим известным девизом «Топи их всех!», зачастую не заботясь ни о судах своих союзников по антигитлеровской коалиции, ни о спасении их команд...»¹⁵⁰

В советской историографии неоднократно утверждалось, что советские корабли, в частности «Кола» и «Ильмень», топились только японцами¹⁵¹, хотя известны явные случаи, когда их по ошибке обстреливали и топили американцы, невольно провоцируя втягивание СССР в войну против Японии. Что касается, в частности, советских судов «Кола» и «Ильмень», то вице-адмирал США Чарльз Локвуд признался в следующем: «В результате тщательной проверки выяснилось, что судно действительно оказалось несчастной жертвой торпед, выпущенных (подлодкой. – К.Ч.) «Софиш». Но всего ужаснее было то, что следующей же ночью «Софиш» отравила на дно другое судно, которым, по-видимому, был русский транспорт «Кола», который, как стало известно, был потоплен в то время... Получилось так, что к 15 января (1942 г. – К.Ч.) пролив Лаперуза сковало льдом, и русские воспользовались морским путем через Цусимский пролив и пролив Ван-Димена, не поставив

нас в известность. Ходовые огни на обоих судах, очевидно, горели вполсилы. «Софиш» атаковала «Ильмень» на рассвете, а предполагаемое русское судно «Кола» — при ярком свете луны, поэтому в обоих случаях она шла под перископом и не могла различить тусклых отличительных огней»¹⁵².

После этих инцидентов советская сторона стала информировать Вашингтон через американского генерального консула во Владивостоке как об основных маршрутах, так и о передвижении отдельных судов, а с течением времени применять и специальные опознавательные знаки.

Американские подводные лодки создавали также опасность японского нападения на советские суда, следуя через незаминированный проход в проливе Лаперуза в кильватерной колонне в надводном положении под их прикрытием и без уведомления, хотя это разрешалось делать только судам нейтральных государств¹⁵³.

Эти факты в известной степени объясняют, почему японские власти ограничили проход советских судов через проливы, ведущие из Тихого океана в Японское море, закрыв, в частности, незамерзающий Сангарский пролив¹⁵⁴.

18 апреля 1943 г. советское судно «Ангарстрой» вместе с другими судами СССР вошло в запретную зону у берегов Японии, было задержано и затем 19 мая было потоплено американской подводной лодкой к юго-западу от о. Кюсю так же, как и, по утверждению Токио, это произошло в том же месяце с японским судном «Калькутта». Экипаж «Ангарстроя» был спасен японцами и направлен на родину, а предположение советской стороны о потоплении советского судна японцами было 17 мая отвергнуто МИД Японии¹⁵⁵. Японские власти задерживали также суда, которые шли вблизи берегов Японии из северо-западной части Тихого океана во Владивосток под флагом СССР, для проверки, не являются ли они кораблями США, скрывающимися под этим флагом.

Эти действия вызывали обоснованные протесты с советской стороны. Так, 3 мая 1943 г. Малик заявил в Токио зам. министра иностранных дел Японии С. Мацумото протест против задержания 28 и 29 апреля в проливе Лаперуза соответственно кораблей «Каменец-Подольск» и «Ингул» и потребовал их немедленного освобождения.

Мацумото ответил, что упомянутые корабли были по происхождению американскими и переданы советской стороне после начала войны на Тихом океане и поэтому, в соответствии с японским кодексом о морской войне, они были задержаны и приведены в Японию как вражеские суда, нарушившие его правила (ст. 22 и 23).

Позднее Малик возразил: в соответствии с международным правом, в частности с Лондонской конвенцией 1909 г., нейтральные суда могут быть конфискованы воюющей стороной только в том случае, если их переход к нейтральному государству носит лишь номинальный характер и если они пытались скрыть действительную принадлежность. Но в данном случае, добавил советский представитель, корабли полностью переданы СССР как новому владельцу, и США поэтому не могут вновь использовать их против Японии.

Несколько дней спустя, 12 мая, зам. наркома иностранных дел СССР Лозовский заявил в Москве аналогичный протест японскому послу Сато, подчеркнув, что отказ правительства Японии освободить эти корабли противоречит дружеским отношениям между СССР и Японией, установленным на основе пакта о нейтралитете и может вынудить советское правительство пересмотреть свою политику в отношении Японии.

В ответ Сато возразил, заявив, что упомянутый японский кодекс находится в соответствии со ст. 55 Лондонской конвенции. Эта статья гласит: «Передача вражеского судна под нейтральный флаг, осуществленная до начала военных действий, является действительной, если не доказано, что такая передача была осуществлена для того, чтобы избежать последствий, из-за которых вражеское судно будет разоблачено как таковое. Существует, однако, презумпция, что, если контракт о продаже не находится на борту судна, которое утратило государственную принадлежность воюющей стороны менее чем за 60 дней до начала военных действий, эта передача теряет свою силу».

Лозовский привел в качестве контраргумента ст. 56 той же конвенции, которая гласит: «Передача вражеского судна под нейтральный флаг, осуществленная после начала военных действий, является недействительной в том случае, если доказано, что такая пе-

редача не была осуществлена для того, чтобы избежать последствий, из-за которых вражеское судно будет разоблачено как таковое». Другими словами для утверждений, что упомянутые корабли юридически сохранили государственную принадлежность США, японская сторона, по мнению советского представителя, должна была доказать, что передача этих судов под флаг СССР носит фиктивный характер, и поскольку, применяя свой кодекс о морской войне, она не учитывает этого положения, действия Токио представляют собой нарушение международного права.

Продолжая обсуждения этого вопроса, Сато спросил: разве СССР подписал Лондонскую концепцию 1909 г., на которую сослался Лозовский?

На что последний возразил, заявив, что Советский Союз с уважением относится к международным соглашениям, подписанным царской Россией.

14 мая Мацумото сообщил Малику, что судовые документы двух упомянутых задержанных советских кораблей не отвечают необходимым требованиям и поэтому их освобождения откладывается. Он добавил, что заявления капитанов этих судов не позволяют точно выяснить юридическую принадлежность задерживаемых кораблей, требуют проверки, не используются ли они для перевозки военных грузов англичанам, и запросил сведения о дате передачи их СССР и дате разрешения советских властей на их эксплуатацию. Но советская сторона не смогла этого сделать и вместо этого подняла вопрос о запрете со стороны японских властей советским дипломатам посетить экипажи «Ингула» и «Каменец-Подольска» в нарушение норм международного права.

Министр иностранных дел Японии Сигэмицу ответил Малику, что такие поездки регулируются не международным правом, а чрезвычайными национальными постановлениями, принятыми в связи с тем, что Япония находится в состоянии войны с союзниками СССР.

В тот же день Сато сообщил Лозовскому, что, учитывая подтвержденную советской стороной 21 мая дружескую готовность соблюдать пакт о нейтралитете, японское правительство предлагает по-

дойти к разрешению возникшего спора не с юридическими, а политическими средствами и что он посоветует своему правительству немедленно освободить оба судна ради укрепления советско-японских отношений, если советская сторона признает право Японии как воюющей стороны на задержание для проверки советских судов, следующих из США, а также займет благожелательную позицию в отношении других вопросов советско-японских отношений.

Но 4 июня в беседе с японским послом Молотов заявил, что задержание советских судов Токио осуществляет в нарушение международного права, стремясь при этом использовать эти действия для оказания на СССР политического давления с целью благоприятного для Японии разрешения других вопросов, в частности получения нефти, и предупредил, что это должно будет расцениваться советской стороной как нарушение пакта о нейтралитете.

15 июня Сато сообщил Молотову, что правительство Японии, не отказываясь от своей принципиальной позиции по поводу ответственности ее действий в отношении судов нейтральных государств вблизи ее берегов, решило, исходя из интересов упрочения дружественных отношений с СССР, освободить «Каменец-Подольск» и «Ингул».

В ответ на это Молотов сказал, что оба судна (хотя это не было очевидно из судовых документов) были переданы СССР до начала войны на Тихом океане.

Вскоре после этого, 28 июня, они были освобождены.

Но за три дня до этого в проливе Лаперуза японцами был задержан советский пароход «Ногин» по подозрению в передаче его Советскому Союзу американской стороной и отведен в порт Отомари, а 20 июля – корабль «Двина».

3 июля советское правительство заявило по поводу задержания «Ногина» одновременный протест в Москве и в Токио, на что Сато сообщил, что этот акт совершен ВМС Японии вопреки намерениям ее правительства, а 15 июля и 8 августа Лозовский повторил протест правительства СССР, зарезервировав право потребовать компенсацию за нанесенный в связи с этим экономический ущерб, и настаивал немедленно освободить оба судна и дать гарантию против возникновения подобных случаев в будущем.

Сато возразил, сказав, что удовлетворение требования СССР означало бы ущемление прав Японии как воюющей стороны, тем более что она не знает, будут ли США как ее главный враг продолжать передавать свои корабли советской стороне, для которой Токио трудно было бы сделать исключение из числа других нейтральных государств.

Стороны обменялись упреками в нарушении пакта о нейтралитете (советская сторона в связи с задержанием судов, японская – в связи с тем, что советские власти чинили препятствия в работе японских нефтяных концессионных предприятий на Северном Сахалине).

9 августа «Ногин» был освобожден, о чем 13 августа Сато уведомил Лозовского, отметив, что в условиях развернувшейся неограниченной морской войны с США и Великобританией Токио не намерен отказываться от своей интерпретации ст. 56 Лондонской конвенции 1909 г. и просит СССР во избежание новых инцидентов воздержаться от приобретения судов в США (за несколько дней до «Ногина», через 35 дней после задержания, была освобождена «Двина») ¹⁵⁶.

Лозовский возразил: по его мнению, советско-японские отношения должны определяться пактом о нейтралитете 1941 г., а не одной из статей Лондонской конвенции 1909 г. Но Сато подчеркнул, что дело заключается в том, что эта статья определяет права Японии как воюющей стороны в отношении судов, передаваемых другой воюющей стороной нейтральным государствам, и это имеет для Японии важное значение. Тем не менее Сато заверил Лозовского, что в случае возникновения аналогичных инцидентов в будущем Токио готов будет идти на их политическое разрешение ради того, чтобы не допустить ухудшения советско-японских отношений, основанных на пакте о нейтралитете.

Такой подход к двусторонним отношениям был подтвержден сторонами 24 августа 1943 г. во время встречи Молотова и Сато ¹⁵⁷.

«Для того чтобы достигнуть Владивостока, помощь по ленд-лизу из тихоокеанских портов США поступала по двум маршрутам. Американские суда, незадолго до этого изменившие свою регистрацию на советскую, следовали через Татарский пролив меж-

ду Сахалином и материком, — писал американский историк Джон Стефан. — Корабли же, с самого начала зарегистрированные как советские, плыли через пролив Лаперуза. Оба маршрута, однако, пролегли через Курилы и создавали дипломатические осложнения, так как весь этот архипелаг находился под контролем Японии. Отчаянно нуждавшиеся в поставках русские, пренебрегая риском, плыли через японские воды. После неоднократного обсуждения данного вопроса Токио разрешил проход большинству таких судов на том основании, что конфронтация с СССР в условиях войны Японии с США является недопустимой»¹⁵⁸.

Это произошло в августе 1945 г., когда императорская ставка Японии приняла наконец решение не препятствовать подобной помощи, оказываемой Соединенными Штатами Советскому Союзу, через ее территориальные воды. Более того, когда в том же месяце арендованный СССР в США танкер сел на мель в проливе у северной оконечности о. Шумшу (Северные Курилы), японский гарнизон этого острова спас и содержал за свой счет экипаж этого судна до его репатриации в Советский Союз. Как уже говорилось ранее, такую же помощь в марте 1944 г. японцы оказали советской команде арендованного в США лесовоза «Белоруссия», по ошибке торпедированного американской подводной лодкой «Сэндлэнс» у о. Итуруп.¹⁵⁹

По ленд-лизу Советскому Союзу временно передавались не только торговые, но и военные суда. Всего по этой линии СССР получил 261 корабль — 77 тральщиков, 28 сторожевых кораблей, 78 больших охотников за подводными лодками и 78 сторожевых катеров, некоторые из которых в августе 1945 г. приняли участие в военных операциях против вооруженных сил Японии у берегов Северных Курил, Южного Сахалина и Кореи¹⁶⁰.

СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
НА ВСТРЕЧАХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ
И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОЮЗНЫХ ДЕРЖАВ
В 1943–1944 гг.

В 1943–1944 гг. Япония по-прежнему сохраняла свой мощный военно-экономический потенциал и для ее разгрома союзники СССР нуждались в его вооруженной поддержке.

Это видно, например, из итогового документа открывшейся 12 мая 1943 г. Вашингтонской конференции с участием Рузвельта и Черчилля, составленного англо-американским Объединенным штабом вооруженных сил, в котором ставилась задача после разгрома Германии приложить все усилия для скорейшей безоговорочной капитуляции Японии при сотрудничестве с СССР и другими государствами бассейна Тихого океана¹⁶¹.

Через неделю после решающих контрударов советских войск на Курской дуге, 19 июля того же года, советник президента США Г. Гопкинс сообщил временному поверенному в делах СССР в Вашингтоне о том, что Ф. Рузвельт собирается в ближайшее время официально поставить этот вопрос перед советскими представителями на конференции союзников с участием Советского Союза¹⁶².

При этом, как стало известно из материалов состоявшейся в августе того же года первой конференции в Квебеке (Канада), главы правительств США и Великобритании руководствовались документом о целях американской внешнеполитической стратегии с учетом перспектив советско-японских отношений, который гласил: «По окончании войны Россия будет занимать господствующее положение в Европе. После разгрома Германии в Европе не останется ни одной державы, которая могла бы противостоять огромным военным силам России... Наиболее важным фактором, с которым должны считаться США в своих отношениях с Россией, является война на Тихом океане. Если Россия будет союзником в

войне против Японии, война может быть закончена значительно быстрее и с меньшими людскими и материальными потерями. Если же войну на Тихом океане придется вести при недружественной или отрицательной позиции России, трудности неимоверно возрастут и операции могут оказаться бесплодными»¹⁶³.

Намерение высшего руководства США официально подойти к данному вопросу в условиях обозначившегося коренного перелома в войне СССР с фашистской Германией свидетельствовало об озабоченности Вашингтона перспективой вести войну с Японией без СССР в условиях резкого военного усиления роли Советского Союза в мировых делах в результате его близящейся победы над Германией и ее союзниками в Европе.

Такой демарш со стороны США вынуждал СССР также официально, хотя пока и в секретном порядке, решить вопрос о вступлении в недалеком будущем в войну против Японии.

Предположение, что Советский Союз в виду «коренного конфликта интересов» с Японией после победы над Германией выступит на стороне союзников, сформулировал в подготовительном документе первой Квебекской конференции в Канаде в августе 1943 г. объединенный комитет начальников штабов США¹⁶⁴.

Это предположение получило свое официальное подтверждение в заключительный день работы Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. 30 октября 1943 г. на банкете И. Сталин прямо заявил государственному секретарю США Х. Хэллу, что Советский Союз поможет американским и британским войскам одержать победу над Японией после разгрома Германии, сделав оговорку, что это – заверение, которое он просит передать Ф. Рузвельту в совершенно секретном порядке¹⁶⁵.

К. Хэлл немедленно направил эту исключительно важную информацию своему президенту, зашифровав ее первую часть шифром сухопутных сил, а вторую – шифром ВМС США, не уведомив о ней своего британского союзника¹⁶⁶.

Позднее на том же банкете в ответ на предложение посла США в СССР А. Гарримана тоста за наступление того дня, когда «союзники будут вместе сражаться против Японии», Молотов, согласившись с его предложением, уверенно заявил, что «это время придет»¹⁶⁷.

Как явствует из документов, внешне это выглядело так, как будто бы Сталин лишь удовлетворял настойчивую просьбу напасть на Японию, руководствуясь исключительно союзническим долгом. Но в действительности, как об этом свидетельствует его упомянутая ранее беседа с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом, состоявшаяся еще 20 декабря 1941 г., советское правительство намеревалось в будущем вступить в войну с Японией с целью обеспечения долговременных стратегических интересов по обеспечению безопасности СССР на Дальнем Востоке и расширению «фронта социализма».

Развивая высказанные тогда Сталиным положения по этому вопросу, зам. наркома иностранных дел СССР Лозовский в секретной записке Сталину и Молотову о подготовке Комиссии по послевоенным проектам государственного устройства стран Европы (№ 2612-А от 26 декабря 1941 г.) излагал интересы СССР следующим образом: «Хотя война в полном разгаре и неизвестно, когда она кончится, но исход войны уже ясен: Германия, Япония, Италия и их союзники будут разгромлены. В связи с этим пора уже начать подготовку мирной конференции, задачи которой будут гораздо сложнее задач Парижской мирной конференции, собравшейся после разгрома Германии в войне 1914–1918 гг. Сложность обстановки будет заключаться в том, что из строя выйдут четыре великие державы (Германия, Япония, Италия и Франция), и решать дело придется СССР, Великобритании и Соединенным Штатам... (среди трех групп вопросов). Надо уже сейчас продумать весь вопрос о наших границах. Мы не можем дальше терпеть, чтобы японские военные корабли могли в любой момент отрезать нас от Тихого океана и наших портов и закрыть Лаперузов пролив, Курильские проливы, пролив Сангарский и Цусимский пролив. Само собой разумеется, что если Япония ввяжется в войну против нас, то придется... (в обеих комиссиях – финансово-экономической и политической) подумать и о послевоенных отношениях между Советским Союзом и Японией и особенно о нашей дальневосточной границе и о свободе коммуникаций между портами Советского Союза и портами всего Тихоокеанского побережья»¹⁶⁸.

Его планы подтверждались, в частности, принятым в мае 1943 г. решением Государственного комитета обороны СССР под председательством Сталина о строительстве железнодорожной магистрали от Комсомольска-на-Амуре до Советской Гавани длиной около 450 км для переброски сюда войск Красной армии в расчете на войну с Японией (дорога должна была быть построена к 1 августа 1945 г., но вступила в строй досрочно — 1 июня того же года)¹⁶⁹.

10 ноября (11 ноября по токийскому времени) того же года, отвечая на вопрос посла Японии в СССР Сато, не изменилась ли позиция советского руководства в отношении Японии в результате переговоров союзников по антигерманской коалиции на конференции в Москве, закончившейся 30 октября, Молотов ответил, что ни к каким изменениям в советско-японских отношениях эта конференция не привела, и они по-прежнему основываются на пакте о нейтралитете.

В свою очередь, советский нарком задал вопрос, как следует истолковывать подтверждение Японией тройственного пакта, сделанное 15 сентября 1943 г. Ведь в нем констатируется, что этот договор не направлен против СССР, причем это подтверждение сделано в иных условиях, когда один из его участников, гитлеровская Германия, нарушила данный пакт, развязав агрессивную войну против США с требованием отторгнуть от него значительную часть его территории, т.е. по сути дела в нарушение положений упомянутого документа.

Сато ответил, что, по его мнению, и Япония и Германия подтвердили свои обязательства по тройственному пакту после поражения Италии, отдавая себе полный отчет в факте существования советско-японского пакта о нейтралитете¹⁷⁰.

В официальном ответе по этому вопросу правительства Японии, врученном Сато Молотову 9 декабря, через месяц после капитуляции Италии, говорилось: «Подтверждение тройственного пакта означало, что политический переворот в Италии не оказал на него никакого влияния и его статус совершенно не изменился по сравнению с периодом заключения этого договора. Иначе говоря, с самого начала тройственный пакт содержал обязательство о сотрудничестве Японии, Германии и Италии во имя отпора корыст-

ным устремлениям США и Великобритании, с целью покорения Восточной Азии и Европы и ни в коей мере не был направлен против СССР. Это явствует из ст. 5 упомянутого договора. И хотя в настоящее время, когда, к несчастью, продолжается война Германии с СССР, между Японией и Советским Союзом строго соблюдается пакт о нейтралитете, и, как уже это разъяснялось ранее, императорское правительство выражает готовность соблюдать этот договор до тех пор, пока его будет соблюдать правительство СССР»¹⁷¹.

Советский нарком в заключение лишь напомнил, что в период подписания тройственного пакта в 1940 г. взаимоотношения между Советским Союзом и Германией носили иной характер, чем в 1943 г., когда Япония подтверждала данный пакт. Молотов, тем не менее, заверил японского посла в том, что советская сторона изучит ответ правительства Японии по поднятому вопросу.

Что касается итогов Каирской и Тегеранской конференций союзников, которые состоялись в последних числах ноября 1943 г., то, несмотря на известную обеспокоенность Токио по поводу возможной договоренности СССР со своими союзниками о будущем участии его в войне с Японией, упомянутые заверения Молотова о намерении Советского Союза соблюдать пакт о нейтралитете с нею, а также отсутствие высших советских руководителей на конференции в Каире и китайских – на конференции в Тегеране привели японское правительство к выводу о том, что «переговоры между Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным были рассчитаны на политический эффект, поскольку полного единства взглядов по вопросу о Японии между Соединенными Штатами, Англией и Советским Союзом пока достигнуто не было» и «позиция Советского Союза по отношению к Японии пока что не изменилась»¹⁷².

Эту точку зрения советской стороне удалось внушить Токио благодаря тому, что, согласившись сначала на участие в Каирской конференции наркома иностранных дел Молотова к 22 ноября 1943 г. вместе с военным представителем, Сталин затем изменил свое решение¹⁷³, направив туда, и притом только в качестве наблюдателей, заместителя Молотова А.Я. Вышинского в сопровожде-

нии военного представителя, также не самого высокого ранга¹⁷⁴. Японскую сторону удалось ввести в заблуждение не в последнюю очередь благодаря также тому, что переговоры в Тегеране носили строго секретный характер.

В пользу того, что обеспокоенность Токио перспективой усиления антияпонской направленности курса на укрепление сотрудничества государств антигитлеровской коалиции имела под собой серьезные основания, свидетельствовали не только результаты Московской конференции, но и последующих конференций союзников 1943–1945 гг.

Так, стремясь получить заверение о вступлении СССР в войну с Японией на стороне союзников после разгрома Германии непосредственно от И.В. Сталина на Тегеранской конференции глав правительств США, СССР и Великобритании в конце ноября 1943 г. и в то же время опасаясь спровоцировать раздражение своего резко усиливавшегося в военном отношении грозного союзника, Ф. Рузвельт на первом же пленарном заседании этой конференции 28 ноября сделал обзор стратегии США в войне на Тихом океане с акцентом на огромное бремя, которое они несут в войне с Японией, для того чтобы вызвать необходимую адекватную реакцию главы советской делегации.

Для получения положительного результата союзники могли использовать и такой козырь, как возможное изменение в ту или иную сторону сроков открытия второго фронта в Европе против Германии, намеченного ими на май 1944 г.

И это хорошо понимал Сталин, который выступил тотчас же после Рузвельта: «Мы, русские, приветствуем успехи, которые одерживаются англо-американскими войсками на Тихом океане. К сожалению, мы пока не можем присоединить своих усилий к усилиям наших англо-американских друзей, потому что наши силы заняты на Западе и у нас не хватает сил для каких-либо операций против Японии. Наши силы на Дальнем Востоке более или менее достаточны лишь для того, чтобы держать оборону, но для наступательных операций надо эти силы увеличить, по крайней мере, в три раза. Это может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать. Тогда – общим фронтом на Японию»¹⁷⁵.

На следующий день Рузвельт вручил Сталину две памятные записки. В первой из них, озаглавленной «Предварительное планирование военно-морских операций в северо-западной части Тихого океана», ставился вопрос о прямой или косвенной помощи СССР, «если бы Соединенные Штаты начали наступление на северную группу Курильских островов», о возможности использования советских дальневосточных портов вооруженными силами США в войне с Японией, о целесообразности расширения военно-морских баз США для приема советских подводных лодок и эсминцев при опасности нападения со стороны Японии при открытии военных действий между СССР и Японией, а также о желательности получения военно-разведывательной информации о Японии.

Во второй записке, озаглавленной «Предварительное планирование военно-воздушных операций в северо-западной части Тихого океана», предлагалось немедленно приступить к подготовке условий для приема от 100 до 1000 американских четырехмоторных бомбардировщиков в Приморском крае с целью разрушения японских и промышленных центров сразу же после начала войны между СССР и Японией¹⁷⁶.

Сталин принял эти записки для изучения. В тот же день он заявил Рузвельту: «Необходимо иметь возможность занять наиболее важные стратегические пункты с тем, чтобы Германия не могла их захватить. Такие пункты нужно занять не только в Европе, но и на Дальнем Востоке для того, чтобы Япония не смогла начать новую агрессию... Орган, который будет создан, должен иметь право занимать стратегически важные пункты. В случае угрозы агрессии со стороны Германии или Японии эти пункты должны быть немедленно заняты с тем, чтобы окружить Германию и Японию и подавить их. Хорошо было бы принять решение о том, чтобы та организация, которая была бы создана, имела право занимать важные стратегические пункты»¹⁷⁷.

30 ноября состоялся завтрак с участием Сталина, Рузвельта и Черчилля. Ознакомившись с Каирской декларацией США, Великобритании и Китая, одобренной руководителями этих государств на конференции в Каире, непосредственно перед Тегеранской встречей, Сталин заявил, что к заявлению союзников, где го-

ворилось, что Япония должны быть лишена помимо территорий, которые она захватила после 1914 г., также «всех других территорий, которые она захватила при помощи силы и в результате своей алчности»¹⁷⁸, советская сторона хотела бы еще кое-что добавить после того, как СССР примет активное участие в войне с Японией.

И хотя Сталин сделал данное «добавление» значительно раньше вступления СССР в эту войну, утверждение Рузвельта в меморандуме участникам сессии по вопросам войны на Тихом океане от 12 января 1944 г. о том, что в Тегеране Сталин якобы заявил, что он хотел бы, чтобы в качестве компенсации за участие в войне с Японией «России был возвращен весь Сахалин и отданы Курильские острова, чтобы она могла осуществлять контроль над проливами, ведущими к Сибири»¹⁷⁹, не соответствует действительности и, очевидно, представляет собой произвольную интерпретацию приведенного предложения Сталина о необходимости со стороны международной организации по безопасности занять наиболее важные стратегические пункты на Дальнем Востоке с целью предотвращения новой агрессии Японии.

Это относится и к записи члена американской делегации, будущего государственного секретаря Ч. Болена, который высказывание Сталина о необходимости занятия упомянутых пунктов международной организацией по безопасности представил без указания на ясно определенный советским руководителем международный субъект таких действий, да к тому же, искажив слова Сталина, определенно назвал эти пункты, как «острова, прилегающие к Японии»¹⁸⁰, т.е. в том числе как Южный Сахалин, так и Курилы. Это позволило бы считать, что в качестве субъекта их оккупации Сталин по сути дела предложил Советский Союз. А это опубликованными документами Тегеранской конференции не подтверждается.

Но справедливости ради следует сказать, что сходные с предложениями Рузвельта соображения в отношении приобретения Советским Союзом по окончании войны с Японией Южного Сахалина и Курильских островов – однако, что принципиально важно, вопреки мнению Сталина и Молотова, без вступления в эту войну СССР – изложил заместитель наркома иностранных дел И.М.

Майский, член комиссии по вопросам перемирия, 11 января 1944 г. в докладной записке на имя Молотова. Он писал: «...СССР должен вынести из этой войны на Дальнем Востоке: Южный Сахалин и цепь Курильских островов. Я не считаю, что для этого нам обязательно необходимо участвовать в войне с Японией. Вполне допустимо, что на мирной конференции при генеральном межевании карты мира в сложном маневрировании великих и малых держав СССР мог бы получить только что названные объекты, не сделав ни одного выстрела на Дальнем Востоке (при победе США и Англии). После этого для Японии должен быть установлен режим примерно такого же типа, что и для Германии»¹⁸¹.

Что же касается контроля СССР над проливами из Тихого океана в Сибирь, то на этот счет Сталин высказался не 29 ноября, а на упомянутом завтраке 30 ноября, да и то не в отношении Сахалина или Курил, а относительно использования для выхода в Тихий океан незамерзающих Порт-Артура для военных кораблей и как свободного порта Дайрена для гражданских судов (это предложение было поддержано Рузвельтом)¹⁸².

Тот факт, что при этом Сталин на Тегеранской конференции не ставил в конкретной форме перед союзниками вопроса о компенсации за участие в войне с Японией был подтвержден и его официальным переводчиком на этой конференции В.М. Бережковым в интервью с представителем японской радиотелевизионной корпорацией «Эн-Эйч-Кэй»¹⁸³.

Вероятно, ошибка американской стороны в отношении официального предъявления Сталиным требований по Южному Сахалину и Курилам объясняется тем, что еще 5 октября 1943 г., вопреки направленной главе американской администрации рекомендации подкомитета по территориальным вопросам президентского консультативного комитета по послевоенной политике не допускать советской оккупации Курил, на совещании с участием экспертов из Государственного департамента по подготовке к Московскому совещанию министров иностранных дел союзных государств Рузвельт неожиданно предложил, чтобы «Курильские острова были отданы России» как вознаграждение за вступление в войну против

Японии до того, как Сталин конкретно поставит этот вопрос перед союзниками¹⁸⁴. И этой точки зрения президент США строго придерживался позднее по дипломатическим соображениям, несмотря на сообщение Дж. Дина из Москвы от 17 октября 1944 г. о том, что Сталин в беседе с ним выразил пожелание, чтобы США поставили под свой контроль Курильские острова до вступления СССР в войну с Японией¹⁸⁵.

Из этого напрашивается вывод, что Рузвельт, будучи уведомлен о намерениях советского руководства получить хотя бы часть Курил от Японии еще в 1940–41 гг., высказанных Молотовым японцам, решил удовлетворить их заранее, с тем чтобы обеспечить вступление СССР в войну с Японией.

Ответ на упомянутые две записки американской стороны Молотов в устной форме дал Гарриману почти месяц спустя после их получения, 25 декабря 1943 г. Советский нарком согласился от имени правительства СССР снабжать США военной разведывательной информацией¹⁸⁶, так же как это делала Япония в отношении Советского Союза, направляя аналогичные сведения в Германию, что небезосновательно инкриминировалось японским властям на Токийском процессе главных военных преступников.

На остальные вопросы по поводу военного сотрудничества, направленного против Японии, Молотов не дал положительного ответа, заявив, что одни из них требуют дальнейшего изучения, а на другие дать такой ответ вообще представляется затруднительным.

2 февраля 1944 г. в связи с настойчивыми просьбами американской стороны о претворении в жизнь упомянутых предложений Рузвельта о планировании военного сотрудничества, Сталин согласился на использование дальневосточных аэродромов СССР для налетов на Японию американской авиации после вступления Советского Союза в войну с нею. Но он предупредил, что это будет возможным только после того, как сопротивление Германии ослабнет и на Дальний Восток можно будет перебросить 20–22 советские дивизии¹⁸⁷.

10 июня того же года после высадки союзных войск во Франции Сталин в беседе с Гарриманом предложил приступить к переговорам о планировании не только операций ВВС с предоставле-

нием США 6–7 аэродромов в Приморье, но и ВМС и сухопутных сил союзников в сотрудничестве с СССР при условии поставок и ему таких же тяжелых бомбардировщиков, какие имелись у союзников, для операций против Японии и необходимых военных материалов.

Политика СССР по расширению сотрудничества с союзниками в войне на Тихом океане объяснялась намерением Сталина играть важную роль в военных действиях Советского Союза не только против японских войск в Маньчжурии, но и в операциях против японской метрополии¹⁸⁸ с тем, чтобы иметь большой вес при решении вопросов послевоенного урегулирования с Японией.

Вопрос о вступлении СССР в войну против Японии имел большое значение не только с точки зрения решения азиатских проблем и проблем Тихого океана, в том числе статуса ее колоний, но и европейских проблем, в частности разграничения сфер влияния СССР и союзных держав в Восточной, Южной и Центральной Европе, а также в создании ООН как органа по сотрудничеству и обеспечению коллективной безопасности после окончания Второй мировой войны.

В связи с этим, опасаясь того, что противодействие политике СССР в Восточной Европе со стороны США и особенно Великобритании может отрицательно повлиять на готовность оказать им содействие в разгроме Японии, в Вашингтоне приняли решение не препятствовать СССР в установлении его влияния в странах Восточной Европы, вопреки попыткам, предпринятым Великобританией в первую очередь на Балканах и Восточном Средиземноморье.

В 1944 г. этой точки зрения со ссылкой на неоднократные высказывания Рузвельта придерживались Объединенный комитет начальников штабов, Объединенный штаб планирования и Объединенный комитет по вопросам планирования США. Так, 28 июля 1944 г. последний из них с учетом указанной задачи, а также прогноза соотношения сил союзников на ближайший период предупредил Государственный департамент США от участия в дискуссиях с советскими представителями по вопросам территориального размежевания после войны на предстоявшей конференции в Дум-

Бартон-Оксе (21 августа – 28 сентября 1944 г.). А в сентябре того же года тот же комитет предложил распространить балканскую политику США и на Чехословакию¹⁸⁹.

23 сентября 1944 г. Гарриман встретился со Сталиным и передал ему послание Рузвельта с изложением результатов 11-й Квебекской конференции (13–16 сентября 1944 г.), в котором преднамеренно ничего не говорилось о предполагаемых совместных военных операциях против Японии¹⁹⁰, хотя в итоговом документе конференции указывалось, что после поражения Германии Соединенные Штаты и Великобритания вступят во взаимодействие с Советским Союзом для форсирования капитуляции Японии¹⁹¹.

Сталин выразил удивление тем, что в послании Рузвельта не учитывается его обещание вступить в войну с Японией после победы над Германией, и, подтвердив готовность выполнить его, прибег к дипломатической хитрости, заявив, что если союзники намерены добиться поражения Токио без участия СССР, то он против этого не возражает¹⁹².

Готовность Сталина принять широкомасштабное участие в военных действиях против Японии в случае, если ему будет направлено соответствующее предложение, оказалась неожиданной для США, так после обещания, данного в Тегеране, СССР, проявляя осторожность, не афишировал подготовку СССР к войне с Японией.

14 октября глава американской военной миссии в Москве генерал-майор Дж. Дин во время встречи Сталина с Черчиллем ознакомил советского руководителя со стратегическими задачами, которые США намеревались возложить на СССР в войне с Японией:

- 1) ликвидация Квантунской армии;
- 2) обеспечение развертывания ВВС США и СССР на Камчатке и в Приморье для бомбардировки Японии;
- 3) сотрудничество с ВМС и ВВС США, в том числе предоставление им базы ВМС и баз ВВС на Камчатке;
- 4) оккупация Южного Сахалина.

При этом Дин подчеркнул, что США рассчитывают на вступление СССР в войну с Японией в самые кратчайшие сроки, полтора-два месяца после капитуляции Германии, а начало планирования операций против Японии – немедленно.

На той же встрече с Черчиллем, Гарриманом и Динем Сталин заверил союзников в том, что он вступит в войну с Японией, но на определенных политических условиях¹⁹³.

Каковы могли быть эти условия, можно было предположить, исходя не только из упомянутого меморандума Рузвельта от 8 января 1944 г. участникам сессии Совета по вопросам войны на Тихом океане, из которого было ясно, как уже отмечалось, что, по мнению Рузвельта, СССР намерен *возвратить* себе Южный Сахалин и *приобрести* Курилы в дополнение к условиям Каирской декларации, но и из доклада Ф. Джоунса, опубликованного 28 апреля 1944 г.

В этом документе резонно предполагалось, что если СССР вступил в войну с Японией, то он должен будет присоединиться к целям, сформулированным союзниками в отношении Японии в Каирской декларации, то есть наказания ее за агрессию путем изъятия у нее территорий, захваченных «при помощи силы и в результате ее алчности».

Для Советского Союза это означало, что выдвижение, по мнению МИД Великобритании, требований в отношении Южного Сахалина носило законный характер, ибо он был приобретен Японией в результате развязанной ею Русско-японской войны 1904–1905 гг. А в отношении Курильских островов – англичане считали требования СССР не соответствующими условиям Каирской декларации, так как они были получены Японией не в результате войны, а по русско-японским договоренностям мирного времени. Имелся в виду русско-японский договор 1875 г. в Петербурге, но к ним логично было бы МИД Великобритании отнести и договор 1855 г. в Симде.

В документе был сделан вывод, что как СССР, так и США будут проявлять интерес к Курилам как к стратегически важному району в северной части Тихого океана и что поэтому американская сторона будет против их перехода во владение Советского Союза¹⁹⁴.

Доклад, подготовленный в МИД Великобритании в конце апреля 1944 г., в части, касающейся Курильских островов, был в мае того же года направлен в соответствующие правительственные учреждения США, в частности в Объединенный комитет по разведке

и в Государственный департамент, и послужил основой для их собственных докладов в октябре–декабре 1944 г. президенту Рузвельту, который должен был принять участие в новой конференции глав правительств США, СССР и Великобритании.

Оценка, данная английской стороной будущей позиции США в отношении перехода Курил к СССР подтвердилась в первом из этих докладов, озаглавленном «СССР и проблемы урегулирования на Дальнем Востоке», опубликованном 5 октября 1944 г. Объединенным комитетом по разведке в Северо–Восточной Азии.

В этом докладе содержалась рекомендация, чтобы Советский Союз главное внимание обратил на Маньчжурию, и предлагались соответствующие политические мероприятия в этом направлении. Было ясно желание отвлечь его внимание от Южного Сахалина и Курил, хотя и предполагалось, что СССР выдвинет требования и в отношении этих территорий, так как сохранение их во владении Японии представляло бы угрозу советским нефтяным промыслам на Северном Сахалине и в Приморье.

В докладе был сделан вывод, что именно поэтому Советский Союз не допустит захвата этих островов Соединенными Штатами¹⁹⁵.

Другой доклад на эту тему был завершен директором отдела территориальных исследований Госдепартамента США профессором Дж. Блексли 28 декабря 1944 г. и направлен Рузвельту после того, как тот получил донесение Гарримана из Москвы о беседе со Сталиным, состоявшейся за две недели до этого, по вопросу о вступлении СССР в войну с Японией и об условиях присоединения СССР к военным действиям союзников против нее.

В этой беседе Гарриман заверил советского руководителя в том, что военные ведомства Вашингтона и Лондона берут на себя обязательства приложить все усилия для того, чтобы выполнить заявки СССР по обеспечению его материальными запасами, необходимыми для начала военных операций Советских вооруженных сил против Японии.

С удовлетворением выслушав информацию американского посла, его собеседник впервые заявил Гарриману, что в качестве условия вступления Советского Союза в войну с Японией «Со–

ветский Союз хотел бы получить Южный Сахалин, то есть вернуть то, что было передано Японии по Портсмутскому договору, а также получить Курильские острова». «Кроме того, – добавил Сталин, – в Тегеране президент по собственной инициативе поднял вопрос о предоставлении Советскому Союзу выхода к теплым морям на Дальнем Востоке. При этом президент говорил о Порт-Артуре и Дальнем, которыми пользовалась ранее Россия на условиях аренды».

Советский руководитель поставил также вопрос об аренде Китайско-Восточной (КВЖД) и Южно-Маньчжурской (ЮМЖД) железных дорог и о признании статус-кво в Монгольской народной республике, т.е. о ее независимости от Китая¹⁹⁶. Последнее, как и вопрос о Сахалине и Курилах, явилось новым в дополнение к вопросам об интересах СССР в Азии.

Что же касается вопроса о Курильских островах, то в донесении Рузвельту американский посол сообщил, по-видимому, ошибочно, что Сталин поставил вопрос о том, чтобы не «получить», а «возвратить Курильские острова» так же, как и Южный Сахалин, приведя в качестве довода тот факт, что «в настоящее время японцы контролируют подходы к Владивостоку... что русские имеют право на защиту своих коммуникаций, ведущих к этому важному порту, и что все проходы в Тихий океан в настоящее время находятся в руках врага или блокируются им»¹⁹⁷.

Разница заключается в том, что поскольку вернуть можно было в этом районе только то, что России принадлежало по международным договорам, то, строго говоря, южная часть Курил была признана принадлежащей Японии уже по самому первому русско-японскому договору 1855 г., версия этой беседы, представленная Гарриманом, означала, что Сталин якобы выдвинул претензии только на Северные и Средние Курилы, согласившись на сохранение за Японией Южных Курил. А это было не так.

Что же касается мнения американского посла о вопросах, поднятых Сталиным, то, уточнив в самой беседе только высказывание Рузвельта о том, что он говорил не об аренде, а об интернационализации Порт-Артура и Дальнего¹⁹⁸, по другим вопросам Гарриман выразил свое несогласие с предложениями советского руко-

водителя только в донесении об этой встрече президенту США. Он сообщил ему о своем опасении, что в случае аренды китайских железных дорог присутствие советских войск, охраняющих эти дороги, будет чревато усилением влияния Советского Союза в Северо-Восточном Китае, а обещание при этом советского вождя сохранить здесь суверенитет Пекина не будет иметь существенного значения.

Но Рузвельт оставил эти соображения без ответа, чтобы окончательно выяснить все, что касается конкретных условий вступления СССР в войну с Японией на стороне союзников, на конференции в Ялте¹⁹⁹.

По вопросу же о значении для США вступления СССР в эту войну, которое предстояло обсудить союзникам в Криму, пожалуй, лучше всего высказался государственный секретарь Соединенных Штатов Э. Стеттиниус. Он писал: «Президенту было заявлено, что без участия России победа над Японией обойдется США в миллион жизней»²⁰⁰.

8

ПОПЫТКИ ЯПОНИИ УЛУЧШИТЬ ОТНОШЕНИЯ С СССР И ДОВИТЬСЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ВОЙНЫ МЕЖДУ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ И ГЕРМАНИЕЙ В 1944 Г.

Ухудшение положения войск Японии на фронтах войны на Тихом океане и войск союзницы Японии фашистской Германии на Восточном фронте вынудило Токио окончательно отказаться от намерения в случае решающих побед Германии в войне с СССР успешно «решить северную проблему». Стремясь предотвратить возможное в будущем вступление Советского Союза в войну против Японии на стороне своих союзников, правительство Японии приняло после подписания протоколов о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине и продлении советско-японской

рыболовной конвенции ряд шагов, направленных на дальнейшее ослабление напряженности в отношениях с СССР и мирное посредничество в советско-германских отношениях.

8 апреля 1944 года посол Японии в СССР Сато посетил Молотова и передал ему телеграмму министра иностранных дел Сигэмицу с поздравлением в связи с подписанием упомянутых документов. Пользуясь этим случаем, Сигэмицу, побуждаемый военными кругами, выразил надежду, что войска Советского Союза, выйдя к этому времени на свою западную государственную границу на протяжении 400 км, не будут переносить войну с Германией в страны Европы и советское правительство согласится на посредничество Токио в окончании войны между СССР и Германией.

С этой целью японский министр повторил свое прежнее предложение направить в Москву специального представителя Токио, что позволило бы внести вклад если не в дело мира во всем мире, то по крайней мере в дальнейшее улучшение японо-советских отношений. При этом посол Японии пояснил, что такой представитель мог бы, в частности, обсудить заключение торгового договора и решение пограничных вопросов в соответствии с декларацией о границе между СССР и Маньчжоу-го, направленной письмом Мацуока Молотову от 13 апреля 1941 г.

Советский министр ответил Сато, что официальный ответ будет направлен японской стороне после изучения сделанного предложения. Молотов отметил, что декларация Мацуока была направлена до того, как СССР и Япония вступили во Вторую мировую войну, что привело к коренному изменению обстановки, и поэтому поднятые японской стороной конкретные вопросы должны быть пересмотрены с точки зрения вновь возникших обстоятельств. Он спросил также, сделано ли предложение о мирном посредничестве по собственной инициативе Токио или по инициативе Берлина.

Сато ответил, что эта инициатива исходит от японской стороны. Он добавил, что Германия, насколько ему известно, стремится к «почетному миру», и выразил надежду, что Советский Союз, в отличие от его союзников, не стал бы настаивать на безоговорочной капитуляции Германии.

Молотов сказал, что в настоящее время он думает только о военном решении германской проблемы и 12 апреля сообщил Сато это мнение как официальную точку зрения советского правительства. Выразив формальную признательность японскому правительству, правительство СССР отклонило предложение о направлении в Москву специального представителя Японии для обсуждения поднятых вопросов, заявив, что в предложении Сигэмицу нет ничего нового по сравнению с его предложением, сделанным в сентябре 1943 г.

Повторное предложение Сато обсудить вопросы торговли и уточнения границы между Маньчжоу-го и СССР были отклонены Молотовым в связи с войной, в которой участвуют обе стороны.

4 сентября Сигэмицу, оставшийся в новом кабинете К. Койсо на своем посту после отставки 18 июля 1944 г. кабинета Х. Тодзио в связи с поражениями Японии в войне на Тихом океане (потеря Марианских о-вов и др.), передал посланнику Японии в СССР Морисима, находившемуся в командировке в Токио, проект телеграммы в адрес Сато с повторением предложения о направлении в Москву специального представителя Японии для переговоров с указанием, пока без оповещения советской стороны, что, по решению Высшего совета Японии по руководству войной, доложенного императору, таковым назначен бывший премьер-министр и посол в СССР К. Хирота. После внесения Морисима с разрешения Сигэмицу поправок упомянутая телеграмма была направлена в Москву.

8 сентября во время протокольного визита в МИД Японии посла СССР Малика в связи с его командировкой на родину Сигэмицу проинформировал его об упомянутом предложении, а 16 сентября Сато его передал Молотову, подчеркнув, что это предложение является новым по характеру, так, оно предполагает, в отличие от прежнего, не визит специального представителя Японии также в другие европейские страны, а визит только в Советский Союз для обсуждения исключительно вопросов двусторонних отношений.

Молотов ответил на это, что благодаря пакту о нейтралитете между нашими странами установлены нормальные отношения и что обе стороны с удовлетворением воспринимают то обстоятель-

ство, что, хотя ранее между ними и существовало недопонимание, в настоящее время оно кануло в прошлое и в последнее время поддерживаются дружеские отношения. Что же касается текущих вопросов, то они могут быть разрешены без направления специального представителя по обычным дипломатическим каналам, добавил Молотов, а переговоры со специальным представителем Японии могут вызвать нежелательные слухи как внутри наших стран, так и за рубежом в отношении возможного мира с Германией, даже если они и ограничились бы вопросами советско-японских отношений.

А когда японский посол предложил Молотову оставить поднятый вопрос для дальнейшего изучения, последний в шутку заметил, что, хотя известный греческий философ Гераклит сказал: «Все течет, все изменяется», его позиция изменений не претерпит.

В последней декаде сентября, после того как в Токио было получено сообщение об этом ответе Молотова, Высший совет по руководству войной стал склоняться к тому, чтобы в сложившейся обстановке, дабы не усугублять положение, отказаться на время от прежнего плана активных дипломатических акций в отношении СССР, вопреки мнению начальника генерального штаба японской армии генерала Ё. Умэдзу. Он считал, что, с точки зрения возможной конфронтации Москвы с Вашингтоном и Лондоном, она будет заинтересована в сильной Японии.

28 сентября этот совет одобрил инструкции послу Японии в СССР, в которых предлагалось прилагать усилия для выявления в дальнейшем подлинных намерений Москвы в отношении Токио и в случае капитуляции Германии или заключения советско-германского мирного договора стремиться к сохранению дружеского расположения к Японии. Иначе говоря, призывая в общей форме к активности, эти инструкции вследствие своей расплывчатости не предлагали конкретно ничего нового²⁰¹.

Тогда же, в сентябре 1944 г., Генштаб Японии формально отменил действовавший с 24 апреля 1942 г. с некоторыми изменениями на 1943–1944 гг. оперативный план нападения на СССР в случае решающих успехов Германии в войне с нашей страной под названием «Основной курс разрешения северной проблемы» и при-

ступил к составлению оперативного плана оборонительных мероприятий на случай объявления Советским Союзом войны Японии²⁰².

Тогда же Сигэмицу предложил «проект предварительного плана для советско-японских переговоров» с целью получить от СССР подтверждение отказа от вступления в войну с Японией, либо в результате пролонгации пакта о нейтралитете, либо заключения нового договора, лучше всего пакта о ненападении²⁰³.

При получении положительного результата дипломатического зондажа по этому вопросу в отношении Советского Союза Сигэмицу в качестве одной из альтернатив реализации своего плана считал целесообразным удовлетворить следующие возможные требования СССР:

- « 1. Разрешение на проход через пролив Цугару.
2. Пересмотр или отмена основного японо-советского договора (т.е. Портсмутского мирного договора 1905 г., подтвержденного сторонами в 1925 г. – К.Ч.).
3. Предоставление прав на рыболовство.
4. Уступка Северо-Маньчжурской железной дороги.
5. Разрешение мирной деятельности Советского Союза в Маньчжурии, Внешней Монголии, Китае и других частях Великой Восточной Азии.
6. Признание советской сферы интересов в Маньчжурии.
7. Признание советской сферы интересов во Внешней Монголии.
8. Отмена Антикоминтерновского пакта.
9. Отмена тройственного пакта и тройственного соглашения.
10. Уступка Южного Сахалина.
11. Уступка Северных Курильских островов»²⁰⁴.

Об условиях, при которых Япония готова выполнить эти требования СССР, в плане говорилось следующее: «В том случае, если Германия потерпит поражение или заключит сепаратный мир и будет заключен общий мир при посредничестве Советского Союза, мы примем все требования Советского Союза»²⁰⁵.

Стремясь добиться согласия Советского Союза на прямые переговоры на высоком уровне, Сигэмицу, в соответствии со своим планом, предложил Молотову через Сато не ограничивать их те-

кущими вопросами японо-советских отношений, как это предполагалось прежде, а поднять такие проблемы, как позиция сторон по вопросу о Китае, обстановке в бассейне Тихого океана, перспективы отношений между Японией, США, СССР и Великобританией.

После обсуждения этих вопросов с посланником Японии в СССР Морисима, возвратившимся в ноябре из Токио, в середине декабря Сато направил депешу своему правительству, в которой в связи с планом Сигэмицу поставил вопрос о получении инструкций в отношении альтернативного подхода к попытке его реализации:

1) ставить ли перед Молотовым вопрос о продлении пакта о нейтралитете немедленно или 2) придерживаться выжидательной тактики в надежде, что до 13 апреля, срока его денонсации, то есть за 1 год до истечения периода его действия, оговоренного в ст. 3 этого договора, советская сторона не заявит о намерении не пролонгировать его на последующий период и он, в соответствии с той же статьей, автоматически будет действителен в течение еще 5 лет.

При этом высказывалось опасение, что если Токио по своей инициативе поднимет вопрос о продлении пакта о нейтралитете, то Москва потребует за это в виде компенсации еще больших уступок, чем по протоколам от 30 марта того же года.

В ответ на это японское правительство направило инструкцию Сато с одобрением первого варианта с решительным возражением против какой-либо компенсации, но предложило предварительно выяснить, какую политику в отношении Японии Советский Союз будет проводить в действительности.

А то, что в заверениях Молотова о неизменности позиции Москвы в отношении соблюдения пакта о нейтралитете следует сомневаться, можно было понять из речи Сталина, произнесенной 6 ноября 1944 г. по случаю 27-й годовщины революции, так как советский руководитель заявил, что миролюбивые страны должны защитить себя от повторения агрессии посредством полного разоружения государств-агрессоров, к которым после нападения японского военного флота на Перл-Харбор он отнес также и Японию.

На следующий день на этом приеме Сато заявил Молотову протест против обвинения Японии в агрессии через полтора месяца после заверений собеседника, что отношения с Японией являются нормальными.

Молотов ответил, что критика Сталина носит теоретический характер и направлена не на состояние советско-японских отношений настоящего, а прошлого времени, и поэтому из высказываний Сталина в его последней речи не вытекает каких-либо следствий для отношений между СССР и Японией.

Во время беседы с Молотовым 16 ноября Сато вновь вернулся к этим высказываниям Сталина, заявив, что военные действия, начатые Японией в декабре 1941 года против США и Великобритании, явились ответом на угрозу Японии со стороны американского и английского империализма (эмбарго США на экспорт нефти и стали, бойкот японских товаров Британией и др.).

Не позволив втянуть себя в дискуссию, собеседник ответил, что если Япония намерена соблюдать пакт о нейтралитете, то и Советский Союз будет придерживаться того же курса, подходя к содержанию текста этого документа с точки зрения настоящего времени. При этом Молотов подчеркнул, что в упомянутой речи главы советского правительства нет никаких указаний на то, что политика СССР в отношении Японии подвергается изменениям²⁰⁶.

Но это не соответствовало действительности, ибо на проходившей с 21 августа по 7 октября 1944 года конференции представителей США, СССР, Великобритании и Китая в Думбартон-Оксе (Вашингтон) были приняты основы Устава ООН, которые предусматривали коллективные меры против агрессора, независимо от того, какая именно страна оказалась объектом его нападения²⁰⁷. Кроме того, в сентябре-октябре того же года на встречах в Москве с послом США Гарриманом, главой американской военной миссии в СССР генералом Дином, а также с премьер-министром Великобритании Черчиллем и ее министром иностранных дел Иденом Сталин не только заявил о том, что Советский Союз вступит в войну с Японией при условии удовлетворения советских интересов, подразумевая в том числе территориальные приращения за счет Японии, но и дал указание Генеральному штабу Красной армии

подготовить расчеты по сосредоточению и обеспечению необходимым снаряжением советских войск для войны с Японией, которые были представлены ему в начале октября 1944 г.²⁰⁸.

Задача же Молотова заключалась в том, чтобы попытаться рассеять или ослабить обоснованные опасения Токио в отношении возможного участия СССР в войне против Японии.

9

ВОПРОСЫ СОВЕТСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ЯЛТИНСКОЙ (КРЫМСКОЙ) КОНФЕРЕНЦИИ

В течение 1944 г. союзниками обсуждалась идея новой встречи глав правительств великих держав — членов антигитлеровской коалиции для согласования совместных действий против Германии и Японии.

Советник президента США Г. Гопкинс посоветовал Рузвельту провести такую встречу в Крыму, и Сталин первоначально высказал готовность созвать ее на Черноморском побережье, чтобы «рассмотреть накопившиеся... после Тегерана вопросы»²⁰⁹. Но против созыва такой конференции в Крыму выступили как другие советники Рузвельта, так и английские политики и дипломаты под тем предлогом, что ее проведение в СССР выглядело бы как поездка чуть ли не на поклон к Сталину, а это могло бы дать ему преимущество перед другими руководителями союзных держав.

Обсуждение данного вопроса по дипломатическим каналам, а также переизбрание Рузвельта президентом США на новый срок (официально — с 20 января 1945 г.) привели к тому, что конференция состоялась, как только в начале февраля того же года стала ясна невозможность выезда Сталина из-за необходимости повседневного руководства как главнокомандующего боевыми действиями в один из портов Средиземноморья.

«Президент был полностью уверен в необходимости новой встречи «трех», — вспоминал У. Черчилль. — Затем последовала

обычная дискуссия о месте встречи». «Если Сталин не может встретиться с нами в Средиземном море, — сказал президент, — я готов приехать в Крым и встретиться в Ялте, которая кажется мне самым подходящим местом на Черном море, поскольку там наилучшие помещения на побережье и самая надежная погода... Я все еще надеюсь, что военное положение позволит Сталину встретить нас на полпути»²¹⁰.

Что касается политических вопросов о будущем советско-японских отношений, то их Сталин поднял 14 декабря 1944 года в упомянутой беседе с послом США в СССР Гарриманом.

Наряду с политическими обсуждениям должны были подвергнуться и военные вопросы. И если Генеральным штабом Красной армии, занятым разработкой и претворением в жизнь боевых действий в войне с Германией, «никаких особых мероприятий в отношении стратегического планирования операций против Японии сразу после октябрьских переговоров 1944 г. ...не проводилось»²¹¹, то руководство вооруженных сил США и Великобритании проявляло в этом отношении большую активность в связи с их приближением к внутренней зоне обороны Японии.

24 января Объединенный комитет начальников штабов США одобрил доклад, подробно рассматривающий самые различные аспекты предстоящего участия СССР в войне против Японии и выразивший пожелание, чтобы Советский Союз, при материально-техническом содействии со стороны союзников, вступил в войну с Японией как можно скорее, лучше всего — за три месяца до вторжения американских войск на главные острова Японии, с тем чтобы ее войска не могли бы быть переброшены из Маньчжурии²¹².

Предполагалось также согласовать точную дату начала военных операций Красной армии против Японии, оперативные планы Вооруженных сил СССР в войне с нею для координации с планами боевых действий США и определения маршрутов и сроков поставок на советский Дальний Восток американского военного снаряжения, базирования ВВС и ВМС США на Камчатке и в Приамурье.

В частности, одним из важных военных вопросов, которые предстояло рассмотреть на конференции, являлось предоставление

советских аэродромов для сверхтяжелых бомбардировщиков США Б-29 («летающих сверхкрепостей») дальнего радиуса действия, предназначенных для нанесения ударов по Японии у устья реки Амур²¹³.

В отличие от Сталина и В.М. Молотова, заместители последнего – С.А. Лозовский, отвечавший в НКВД СССР за отношения с Японией, и И.М. Майский, – а также посол СССР в Японии Я.А. Малик, позднее тоже заместитель Молотова, придерживались выжидательной политики по вопросу о вступлении Советского Союза в войну с Японией.

В совершенно секретной записке «Англо-американские планы в войне СССР против Японии», направленной Лозовским Сталину и Молотову в канун Ялтинской конференции, 15 января 1945 г., недавно введенной в научный оборот в поддержку академиком Г.Н. Севостьяновым и полностью – Б.Н. Славинским²¹⁴, ее автор писал: «В вопросе о войне между Советским Союзом и Японией у наших союзников и у немцев – единый фронт. Немцы в первое время больше, а сейчас меньше, но старались толкнуть Японию на войну против Советского Союза. Однако Япония – не Италия и не Финляндия, и поэтому Гитлеру не удалось втравить ее в войну против СССР... Так как Советский Союз не хотел создавать второй фронт на Дальнем Востоке, а Япония также не имела никакого интереса открыть для себя сухопутный фронт на границах Кореи, Маньчжурии и МНР... то старания наших союзников и Германии не привели ни к чему. Пакт о нейтралитете продолжает действовать до настоящего времени, причем в первый период советско-германской войны мы были заинтересованы больше, чем японцы, в сохранении этого пакта, а начиная со Сталинграда японцы заинтересованы больше, чем мы, в сохранении пакта о нейтралитете». (Курсив мой. – К. Ч.)

Лозовский рекомендовал на полтора-два года отложить урегулирование отношений СССР с Японией с учетом того, что приближалось время, когда можно будет аннулировать Портсмутский договор со всеми его территориальными, политическими и экономическими последствиями: 1) возвращение Южного Сахалина, 2) возвращение Порт-Артура и разрешение вопроса об о. Цусима, 3)

ликвидация рыболовной конвенции, допускающей рыболовство в водах СССР, 4) возвращение КВЖД и ЮМЖД и т.п. Не исключая в не очень отдаленном будущем участия СССР в войне с Японией, заместитель наркома далее подчеркивал, что «в этой войне должен быть разрешен также вопрос о возвращении Советскому Союзу Курильских островов, без владения которыми мы будем отрезаны от Тихого океана».

В этом документе высказывалось также следующее предположение: «Ни Рузвельт, ни Черчилль, зная о положении в Европе, не предложат поставить этот вопрос в порядке дня. Но можно заранее сказать, что Рузвельт и Черчилль пожелают иметь по этому вопросу «свободный обмен мнениями».

В заключение Лозовский предлагал занять более определенную позицию только в конце 1945 г. после денонсации пакта о нейтралитете²¹⁵.

Сходной точки зрения с акцентом на международное право придерживался Малик в своем докладе в НКЧД СССР «К вопросу о японо-советских отношениях (в настоящее время и в свете перспектив войны на Тихом океане между Японией, США и Англией)» от 21 июля 1944 г.

«В настоящее время Советский Союз имеет достаточно оснований, возможностей, законных интересов и обладает необходимым международным престижем для аргументации и решения послевоенных проблем в бассейне Тихого океана, — писал советский полпред в Японии. — Задача заключается в том, чтобы уже сейчас заняться этим вопросом, досконально изучить его в целом и по отдельным деталям, дабы своевременно подготовить строго продуманный и обоснованный план действий, предложений, международно-правовое обоснование и аргументацию (курсив мой. — К. Ч.). Советской стороне, с учетом пределов уступок требованиям союзников, в бассейне Тихого океана, возможно в связи с проблемами в Европе и в других частях света, поскольку проблема послевоенного устройства будет касаться Востока и Запада. Вполне допустимо, что принцип взаимосвязи между этими проблемами будет целесообразно применять, в частности, и в учете того положения, что Советскому Союзу, возможно, придется принимать участие в раз-

решении тихоокеанских проблем после поражения Японии, не будучи участником войны на Тихом океане и имея пакт о нейтралитете с Японией» (курсив мой. — К. Ч.)²¹⁶.

В докладе предлагался более подробный, чем в записке Лозовского, перечень вопросов, которые Советский Союз должен был разрешить в отношениях с Японией.

Из этих документов вряд ли следует, как это категорически утверждает Б.Н. Славинский, что «среди высших руководителей народного комиссариата иностранных дел СССР... существовало твердое убеждение, что не было оснований для вступления Советского Союза в войну против Японии», которое было противоположно мнению Сталина²¹⁷, за что некоторые из них подверглись гонениям и даже, как например Лозовский, умерший в тюрьме, репрессиям.

Точнее было бы считать, что они лишь предлагали не проявлять поспешность²¹⁸, допуская только возможность неучастия СССР в войне с Японией, причем не исключалась вероятность того, что Майский изменил свое мнение по этому вопросу, изложенное более чем за год до этого, на том основании, что Сталин включил его в состав советской делегации на Ялтинской конференции²¹⁹.

Крымская конференция открылась в Ялте 4 февраля 1945 г. В это время, развернув в январе мощное наступление, советские войска уже приближались к Берлину. Военные успехи союзников после контрнаступления германских войск в Арденнах и японских войск в Китае, несмотря на отступление Японии в войне на море, были менее весомыми. Для окончательной победы над Японией после кровопролитных сражений с ее четырехмиллионной армией в метрополии союзникам при их высадке туда зимой 1945–1946 гг., в соответствии с расчетами Объединенного комитета начальников штабов США, сделанными за две недели до встречи на высшем уровне в Ялте, могли бы понести потери до 1 млн. американских военнослужащих²²⁰.

Эти обстоятельства способствовали значительным уступкам союзников Советскому Союзу как в европейских, так и в азиатских вопросах и той наиболее высокой степени сотрудничества, которая была достигнута союзниками в их совместных действиях против держав оси в годы Второй мировой войны.

В этих условиях заинтересованность союзников, прежде всего США, в скорейшем вступлении СССР в войну с Японией определила важность достижения согласия на этот счет, так же как и по европейским проблемам, на конференции в Ялте.

После обсуждения вопросов, связанных с разгромом Германии, 8 февраля в Ливадийском дворце Рузвельт заручился согласием Сталина на предоставление США авиабаз в Комсомольске-на-Амуре или в Николаевске для бомбардировок Японии. Последний не исключил возможности предоставить такие же базы также и на Камчатке, но оговорил, что это целесообразнее было бы сделать позднее, когда оттуда уедет японский консул, имевший намерение вернуться на родину.

Сталин согласился с просьбой собеседника о предоставлении возможности снабжать по морю необходимыми материалами американские авиабазы в Приамурье, но при этом исключил участие Советского Союза в оказании помощи США в войне с Японией, вплоть до собственного вступления СССР в эту войну на стороне союзников, спросив мнение Рузвельта о его политических условиях, которые он сообщил 14 декабря 1944 г. Гарриману.

Президент ответил, что «южная часть Сахалина и Курильские острова будут отданы Советскому Союзу» в конце войны.

На этом заседании «Сталин вежливо объяснил, — писал со слов члена делегации США адмирала У. Лети историк Ч. Уилмот: — «Я только хочу вернуть России то, что японцы отторгли у моей страны» и что на это Рузвельт ответил: «Это представляется мне весьма обоснованным предложением нашего союзника. Русские хотят вернуть себе то, что у них было отторгнуто».

Черчилль выслушал это с некоторым недоумением, так как однажды Рузвельт ему сказал, что он не может понять, как государство не требует никаких земель, когда оно может это сделать... Черчилль считал, что объяснения Рузвельта относятся не ко всем советским требованиям, ибо официально Курилы целиком никогда не принадлежали России»²²¹.

Получив по окончании этого заседания письменное подтверждение Рузвельта о его позиции по вопросу о Южном Сахалине и Курильских островах, Сталин, как вспоминал входивший в советс-

кую делегацию на Крымской конференции А.А. Громько (в то время посол СССР в США), не мог скрыть своего удовлетворения: «Он расхаживал по кабинету и повторял вслух: «Хорошо, хорошо!»²²².

Ответив на вопрос о будущей принадлежности Южного Сахалина и Курил, Рузвельт подтвердил также свое предложение, сделанное в Тегеране, чтобы Советский Союз получил порт Дайрен (Дальний) как свободный порт, умолчал о Порт-Артуре, поскольку он еще не беседовал по данному вопросу с Чан Кайши, так же как и по вопросу о статус-кво Внешней Монголии, т.е. о сохранении провозглашенной ею в 1921 г. фактической независимости от Китая, на чем настаивал Сталин, стремясь официально включить ее в советскую сферу влияния, вопреки китайско-монгольскому Кяхтинскому соглашению 1915 г., предоставлявшему ей автономию, но не независимость от Китая.

На вопрос об аренде КВЖД Советским Союзом Рузвельт выразил уверенность в возможности в будущем после его беседы с Чан Кайши найти способ доступа СССР к этой дороге, но сделал акцент не на аренде, а на установлении над ней контроля со стороны смешанной советско-китайской комиссии. К сожалению, эти важные соображения трех лидеров не нашли выражения в официальных протоколах конференции.

Собеседники договорились, что эти условия вступления Советского Союза в войну с Японией будут носить секретный характер, а советскому народу будет объявлено, что он будет воевать, чтобы вернуть прежние права, утраченные в результате Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Несколько «добродушных фраз» Рузвельта, оставленных без возражения Черчиллем, перечеркнули все русско-японские договоры о границах²²³, — такова была цена японской агрессии в 1941 г.

Что же касается Китая, то Сталин заявил собеседнику, что премьер-министра Сун Цзывения, приезжающего в Москву в конце апреля, можно будет проинформировать о ялтинских договоренностях, как только СССР сможет весной 1945 г. высвободить с западного фронта 25–30 дивизий и перебросить их на Дальний Восток. Советский руководитель добавил, что в отношении теплого порта Дайрена его устраивает установление международного контроля.

По вопросу о Корее после изгнания японцев стороны договорились об установлении, насколько это возможно, короткого срока опеки со стороны СССР, США и Китая, желательно без участия Великобритании, имея в виду по истечении этого срока предоставить ей независимость.

В заключение беседы Сталин одобрил усилия союзников по объединению на севере Китая сил Чан Кайши и коммунистов в интересах единого фронта против Японии²²⁴.

10 февраля с учетом этого обмена мнениями и предшествующей беседы между Сталиным и Рузвельтом в Тегеране Молотов вручил члену американской делегации А. Гарриману советский проект соглашения по вопросам Дальнего Востока, которое определяло условия вступления Советского Союза в войну с Японией. Получив этот проект, Гарриман с одобрения Рузвельта попытался ограничить требования СССР, внося в него несколько поправок, в частности об интернационализации не только Дайрена, но и Порт-Артура, а также обусловив не аренду, а совместную эксплуатацию КВЖД и ЮМЖД согласием на это Китая.

Поправки Гарримана вызвали 10 февраля возражения советской стороны и, опираясь на поддержку Черчилля, в частности в отношении своих требований о восстановлении прежних прав на Порт-Артур, в тот же день Сталин заявил президенту США, что этот порт нужен Советскому Союзу как временная военно-морская база, но что после войны, когда СССР построит на Дальнем Востоке необходимые порты, Порт-Артур и Дайрен будут возвращены под полную юрисдикцию Китая. И после того, как Рузвельт пошел в этом вопросе на уступку, согласившись на аренду Порт-Артура, советский руководитель подтвердил свое согласие поставить КВЖД и ЮМЖД под контроль совместной советско-китайской комиссии, а не аренду их Советским Союзом.

Что же касается обязательного согласия Китая на эти требования, а также на сохранение статус-кво во Внешней Монголии (МНР), то оно обуславливалось заверениями президента США о мерах, которые будут предприняты для получения такого согласия, а также подкреплялось заключительным положением соглашения о том, что упомянутые требования советской стороны носят без-

условный характер и подлежат выполнению, как только над Японией будет одержана победа.

Последнее принципиальное положение Гарриман также пытался оспорить, но Рузвельт при поддержке начальника штаба армии США генерала армии Дж. Маршалла, главнокомандующего флотом США адмирала Э. Кинга и начальника штаба ВМФ адмирала У. Леги отвел его возражения и по этому вопросу²²⁵.

Что же касается позиции Великобритании в отношении Ялтинского соглашения по вопросам Дальнего Востока, то ее министр иностранных дел Иден рекомендовал Черчиллю не подписывать этого документа на том основании, что ни Соединенное Королевство, ни Китай, чьи интересы в Маньчжурии затрагивает это соглашение, не участвовали в переговорах о его содержании. Но Черчилль отвел возражения Идена, сочтя, что советско-американские договоренности сколько-нибудь серьезно не затрагивают британских интересов, и просто одобрил его своей подписью по просьбе союзников²²⁶.

Окончательный русский текст этого документа от 11 февраля 1945 г., определявшего условия участия СССР в войне с Японией, предусматривал: согласие руководителей трех великих держав – Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников при условии:

1. Сохранении статус-кво Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики).

2. Восстановления принадлежащих России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 году, а именно:

- а) возвращение Советскому Союзу южной части о-ва Сахалин и всех прилегающих к ней островов;

- б) интернационализация торгового порта Дайрен с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановление аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР;

- в) совместная эксплуатация КВЖД и ЮМЖД, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китай-

ского общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохранит в Маньчжурии полный суверенитет.

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов.

Предполагалось, что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железных дорог потребует согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету И.В. Сталина Ф. Рузвельт обязался принять меры к тому, чтобы было получено такое согласие.

Главы трех великих держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны были быть безусловно удовлетворены сразу после победы над Японией.

При этом Советский Союз выразил готовность заключить с китайским правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига²²⁷.

В этом секретном соглашении в части, касающейся обязательств союзников о территориальных изменениях после выполнения Советским Союзом своих обязательств, обращает на себя внимание, что в отличие от высказываний Сталина в беседе с Рузвельтом 11 февраля о *возвращении* как Южного Сахалина с прилегающими островами, так и Курил²²⁸, в окончательном тексте документа Курилы были выделены в отдельный пункт в качестве территории, которая не возвращается, а передается Советскому Союзу.

С учетом приведенного выше мнения Черчилля о том, что не все Курилы формально принадлежали России (до и после первого русско-японского договора 1855 г.), представляется вполне обоснованной точка зрения историка Ц. Хасэгавы, что выделение таким образом Курил в отдельный пункт было предусмотрительно осуществлено для того, чтобы исключить попытки заинтересованных сторон уклониться от выполнения хотя бы части своих обязательств в отношении перехода Курильских островов во владение СССР. Они могли сделать это, ссылаясь на положения Атлантической хартии 1941 г. и Каирской декларации 1943 г. об отказе союзников от территориальной экспансии и захвата территорий.

Уступка же Рузвельта в этом вопросе Сталину скорее всего диктовалась не столько намерением ограничить, возможно, более обширные требования в отношении Китая, в том числе территориальные, сколько стремлением, заручившись обязательством СССР вступить в войну с Японией, уменьшить потери США в войне с нею, приблизить ее поражение, а также создать предпосылки для послевоенного сотрудничества с СССР в деле обеспечения мира и международной безопасности²²⁹.

Американская специалистка по данному вопросу Ф. Хилл не без оснований объясняет инициативу Рузвельта в заключении Ялтинского соглашения следующим образом: «Несмотря на стратегическое значение этих островов, США были обеспокоены вопросом о том, как добиться гарантии участия СССР в войне с Японией. Уступка Курильских островов, даже если они не относились к «территориям... захваченным Японией при помощи силы», представлялась Рузвельту малой ценой.

В начале февраля 1945 г. перспектива капитуляции Японии была довольно далекой, а атомная бомба — оружием, которое не было испытано. А американские военные эксперты и Объединенный комитет начальников штабов настаивали на вступлении СССР в войну с Японией для сохранения жизни сотен тысяч американских военнослужащих, которые в противном случае погибли бы²³¹.

Срок вступления СССР в войну с Японией в 2–3 месяца объяснялся тем, что именно столько времени, по мнению Генерального штаба Вооруженных сил СССР, требовалось для переброски войск с запада на восток.

Предоставило ли Ялтинское соглашение как таковое Советскому Союзу правовой титул и суверенные права на Южный Сахалин с прилегающими островами и Курильские острова?

Ответ на этот вопрос можно получить, рассмотрев ситуацию, которая могла сложиться, если бы Токио согласился на капитуляцию перед союзными державами, которые находились с Японией в состоянии войны, до вступления в нее СССР. Ведь переход упомянутых территорий в его владение был условием вступления Советского Союза в войну с Японией и вытекал из его обязательства сделать это до истечения трехмесячного срока.

Поскольку это соглашение носило ярко выраженный военно-политический характер, вопрос о его юридической правомерности с точки зрения приобретения СССР титула на эти территории в условиях действия советско-японского пакта о нейтралитете, исходившего из обязательств сторон сохранять территориальную целостность как Японской империи и Маньчжоу-го, так и СССР и МНР, не волновал главного партнера Сталина – Рузвельта. Это объяснялось тем, что, как он считал, проводимый им на практике политический курс в этом вопросе, независимо от того, приобретет Советский Союз правовой титул и суверенные права на указанные районы, т.е. станут советскими де-юре или они будут принадлежать ему де-факто, не нарушит его планов по обеспечению международной безопасности²³².

Решая прежде всего насущные проблемы военно-политического сотрудничества, Ялтинское соглашение развивало положение Каирской декларации об ответственности Японии за агрессию, позволяющее изымать у агрессора часть его метрополии (как, например, у Германии ее восточные земли), в соответствии с положениями Устава ООН (ст.107), уже одобренными, как отмечалось, в 1944 г. на международной конференции в Думбартон-Оксе, а позднее, при вступлении в ООН, и Японией, в данном случае с передачей ее другому государству за его вклад в разгром агрессора.

Будучи в первую очередь военно-политическим документом, как правовой документ, на первый взгляд, Каирская декларация не была лишена противоречий, например в отношении отказа от территориальной экспансии. А ведь на ее условиях, включенных в Потсдамскую декларацию, Япония позднее капитулировала перед союзниками. Однако при более тщательном рассмотрении становится ясным, что отказ союзников от расширения своей территории не означает отказа от правомерного отторжения части территорий Японии как наказания за агрессию.

При этом следует учитывать, что даже если то или иное соглашение или договор противоречили бы другому международному документу, то преимущественную силу, в соответствии с Уставом ООН (ст.103), имеют те из них, которые соответствуют этому универсальному документу современного международного права.

Принципиальное значение при оценке Ялтинского соглашения имеет положение Устава ООН (ст.107) о том, что этот документ ни в коей мере не препятствует действиям, санкционированным правительствами союзных государств против бывших вражеских государств, т.е. в частности, признает передачу территорий государства-агрессора в качестве меры наказания другому государству, как это было предусмотрено в упомянутом соглашении.

Однако этот универсальный документ международного права не определяет, дакт ли такого рода соглашения права де-юре, т.е. в строго юридическом смысле этого слова («твердое право») или де-факто, т.е. практически действующие, но не неизблемые права («мягкое право»), характерные, например, для некоторых политических и военно-политических соглашений.

Заключение подобного рода исполнительских соглашений, число которых в современную эпоху в силу повышения темпов исторического развития все более возрастает, объясняется стремлением обойти процедуру их утверждения в законодательных органах своего государства. Так, в США рост исполнительских соглашений по сравнению с договорами выглядел к началу Второй мировой войны следующим образом:

Годы	Исполнительские соглашения	Договора	Всего
1789–1839	27	60	87
1839–1889	238	215	453
1889–1939	917	524	1441
Всего	1182	799	1981

Та же тенденция сохранилась и в последующий период (в 1938–1957 гг. – 2687 против 203, 20.01.69 – 20.01.71 гг. – 352 против 43)²³³.

Критика в США Ялтинского соглашения осуществлялась с позиций как международного «твердого права», так и внутреннего права этого государства.

Концентрированное выражение эта критика нашла в протоколах заседаний Сената США в канун ратификации Сан-Францисского мирного договора с Японией 1951 г. в связи с вопросом о том, правомочен ли этот высший законодательный орган подтвердить при ратификации положения Ялтинского соглашения, которые могли бы быть истолкованы как подтверждение обязательств президента Рузвельта по этому соглашению, в частности в отношении СССР²³⁴.

Прежде всего было обращено внимание на форму этого документа – на тот факт, что в подписях Сталина, Рузвельта и Черчилля не указано, что они подписывали его как высшие руководители своих государств. Это якобы свидетельствовало о том, что достигнутая между ними договоренность носила только личный характер. В пользу этого была его строгая секретность, в силу чего неосведомленность о нем даже их ближайшего окружения якобы не накладывает юридических обязательств на заинтересованные стороны.

Кроме того, хотя в соглашении указано, что главы трех государств согласились с безусловным выполнением требований СССР после победы над Японией, с формально юридической точки зрения ни Сталин, ни Черчилль не являлись в период заключения Ялтинского соглашения главами своих государств, а общее их определение в этом документе не является указанием, как это принято в международном праве, на то, что они подписывают его в качестве полномочных представителей государств или правительств.

Однако указание в тексте соглашения, что они выступают именно как главы государств, свидетельствовало о том, что они являлись по меньшей мере полномочными представителями своих государств²³⁵. К тому же главы правительств обладают такими полномочиями в силу своего статуса, и эти полномочия не вызывали никаких возражений в связи с заключением Ялтинского соглашения или других международных актов ни в СССР, ни в Великобритании, а в США – только в данном случае, очевидно, не столько по юридическим, сколько по политическим соображениям, обусловленным противостоянием держав в условиях «холодной войны».

Американские юристы подчеркивали, что вопреки Атлантической хартии 1941 г., Декларации Объединенных Наций 1942 г. и Кайрской декларации 1943 г., одной из сторон которых является Китай как союзная держава, права этого государства без его участия, как и Японии, были существенно нарушены в момент подписания этого документа. Возражения против юридической силы Ялтинского соглашения связывались также с тем, что в нем не определены ни процедура его утверждения (ратификация или иная форма) в процессе «безусловного» претворения в жизнь при мирном урегулировании с Японией, ни срок действия этого документа, хотя в этих случаях, согласно обычному праву, соглашение вступает в силу с момента его подписания. А срок действия не указан даже в Уставе ООН²³⁶.

Обращалось также внимание на то, что Ялтинское соглашение вступило в противоречие с договором девяти государств (США, Великобритания, Китая, Франции, Италии, Японии, Бельгии, Португалии и Новой Зеландии) 1922 г., в котором содержалось обязательство уважать независимость и территориальную целостность Китая (ст.1) и не заключать с другими государствами никаких соглашений или договоров, которые бы нарушали этот принцип (ст. 2).

Отмечалось, что положение о сохранении статус-кво во Внешней Монголии означает согласие с провозглашенной ее властями в 1921 г. в результате монгольской революции независимостью от Китая, что противоречило обязательству СССР, данному Китаю в советско-китайском соглашении 1924 г., считать МНР составной частью Китая, находящейся под его суверенитетом. Указывалось также, что восстановление прав Советского Союза на КВЖД, КМЖД, Порт-Артур и Дайрен (Дальний) противоречит договорам, соглашениям и договоренностям России и СССР с Китаем и Японией об отказе от этих прав, в частности декларации СССР 1924 г. об аннулировании всех неравноправных договоров и секретных соглашений России с Китаем.

Соглашаясь с тем, что Рузвельт имел право заключить Ялтинское соглашение как военное в качестве главнокомандующего вооруженными силами США и как политическое в качестве главы

государства без согласия Сената, поскольку оно по своей форме не являлось договором, критики этого соглашения считают, что непредставление его на утверждение Сената или рассмотрение Конгресса США шло вразрез с демократическими традициями США. Кроме того, это означало неправомерное злоупотребление Рузвельтом своими чрезвычайными полномочиями как главы исполнительной власти, данными ему на период войны с Японией, и полномочиями главы государства, использованными для территориального передела мира на период после Второй мировой войны, на которые чрезвычайные права президента США как главы исполнительной власти не распространялись.

При этом обращалось внимание на то, что 1 марта 1945 г. в своем докладе Конгрессу США о Ялтинской конференции Рузвельт брал на себя на этот счет недвусмысленное обязательство, не выполненное им, которое гласило: «В соответствии с Конституцией США в отношении Устава ООН, так же как и ряда других международных соглашений, выработанных в Ялте, необходимо было получить согласие двух третей Сената».

В начале этого доклада президент США подчеркивал, что вопрос о том, «принесут ли общие договоренности, достигнутые в Ялте, свои плоды или нет, зависит от вас, членов Конгресса США, которые получили поддержку их народа, и если Вашей энергичной поддержки и согласия я не получу, то позитивные результаты от Ялтинской конференции достигнуты не будут. Вот почему я и выступаю перед Вами».

С другой стороны, согласно как императивному принципу международного права «договора должны соблюдаться», так и нормам законодательства США, соглашения, заключенные президентом, не могут аннулировать Сенатом. Отсутствие в соглашении срока его действия порождало вопрос о том, сохраняли ли юридическую силу обязательства по нему для следующей администрации США, тем более что из подписи Рузвельта под этим документом неясно было, в каком качестве он заключил это соглашение.

Некоторые американские юристы полагают, что в случае отсутствия срока действия такого соглашения без наличия соответствующего решения Сената США или закона, который бы был специ-

ально принят на этот счет, обязательства Рузвельта по Ялтинскому соглашению не могли быть предъявлены следующему президенту.

При публикации год спустя этого соглашения государственный секретарь США Дж. Бирнс назвал его не межгосударственным соглашением, а военным соглашением, или решением президента США Рузвельта, премьер-министра Великобритании Черчилля и маршала Сталина, то есть документом, принятым ими в качестве главнокомандующих трех держав. Того же мнения в свое время придерживался и предшественник Бирнса на этом посту Э. Стеттиниус. Именно якобы исключительно таким характером этого соглашения оправдывается тот факт, что оно было заключено втайне от Китая и в течение значительного срока держалось от него в секрете, хотя и приносило в «дар» СССР его жизненные интересы.

Однако командующий вооруженными силами США генерал армии Дж. Маршалл считал, что Ялтинское соглашение было политическим, т.к. содержащиеся в этом документе военные вопросы совместных действий союзников, для обсуждения которых он прибыл в Ялту, в отличие от Ялтинского соглашения по Германии, стороны даже не затрагивали, и в частности поэтому сам он о Ялтинском соглашении ничего не знал.

По мнению сенатора Ноуланда, хотя провести четкую грань между военными и политическими аспектами Ялтинского соглашения по вопросам Дальнего Востока представляется трудным, его территориальные условия (очевидно, в связи с особым статусом государственной территории в международном праве) должны были получить одобрение соответствующих государственных органов союзных государств и быть конкретизированы в мирном договоре, подписанном вражеским государством, у которого изымается часть его территории, а таким государством в данном случае является Япония. Этот сенатор в мае 1951 г. на слушаниях по вопросу о правомерности Ялтинского соглашения в Сенате США заявил, что Рузвельт несколько раз заявлял ему о необходимости для окончательного решения вопроса об отделяемых территориях заключения мирного договора. Подтвердив свое согласие с мнением Рузвельта, он добавил, что в силу норм международного права территориальные изменения в отношении вражеского государства, содержа-

щиеся в любом международном соглашении с участием США, становятся авторитетными и законными, если только эти изменения конкретно поименованы в мирном договоре с таким государством и на них получено одобрение Сената США. И это несмотря на то, что аналогичная юридическая практика отделения некоторых территорий от Германии была иной.

Особенно острой критике подвергался тот факт, что положения Ялтинского соглашения о Южном Сахалине с прилегающими островами и Курилах, несмотря на указанные противоречия с различного рода юридическими актами, получили частичное подтверждение в Сан-Францисском мирном договоре 48 союзных держав с Японией от 8 сентября 1951 г. По статье 2 (пункта) этого договора «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова, на ту часть острова Сахалин и прилегающие к нему острова, суверенитет над которыми она приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.».

В излагаемых протоколах Сената США утверждается, что английский текст этой статьи договора сформулирован так, что «с точки зрения юридической справедливости создается впечатление, будто Советскому Союзу предоставляется больше прав, чем по Ялтинскому соглашению», ибо грамматически она составлена таким образом, что определительное придаточное предложение «суверенитет над которыми она (Япония) приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.» может быть отнесено не только к определяемому «Южному Сахалину с прилегающими к нему островами», но и к Курильским островам. (Правда, последнее нельзя отнести к соответствующему японскому тексту, так как по законам японского языка определение обязательно следует перед определяемым, а в данном случае в японском тексте определение стоит перед определяемым, обозначающим «Южный Сахалин с прилегающими к нему островами», а не перед ним, и поэтому не может относиться к нему.

Но, на наш взгляд, дело даже не в самой формулировке этой статьи в отношении Портсмутского договора с грамматической точки зрения, а в том, что Япония в международном договоре о мире отказалась от территорий, упомянутых в Ялтинском соглашении,

что задним числом придало ему юридическую силу в части, касающейся лишения Японии прав на эти территории даже с точки зрения международного «твердого права», хотя и без признания их в этой статье территорией СССР, как того потребовал глава советской делегации, сославшись на Ялтинское соглашение, на конференции по заключению Сан-Францисского мирного договора.

Считая, что СССР нарушил это соглашение, имея в виду признание Советским Союзом в 1949 г. коммунистического правительства КНР, вопреки его договору с гоминьдановским правительством Китайской Республики 1945 г., глава американской делегации на этой конференции Даллес заявил, что СССР не может «с чистыми руками требовать в этой ситуации выполнения одной части Ялтинского соглашения, не выполняя его другую часть».

В протоколах Сената США далее утверждению на этой конференции Громько о «бесспорных правах» СССР на упомянутые районы, в соответствии с Ялтинским соглашением и другими международными документами союзников в отношении «территорий, которые Япония приобрела ... силой оружия», без «упоминаний об исторической принадлежности этих территорий СССР»²³⁷ с целью умалить прежде всего юридическое значение этого соглашения противопоставляется ответ премьер-министра Японии Ёсида. Этот ответ состоял в том, что Курильские острова Япония не захватила в результате агрессии (хотя она приобрела их вооруженным путем, так как там в ноябре 1799 г. были размещены ее военные гарнизоны после формального объявления всех этих островов в Правилах Российско-Американской компании от 8 июля 1799 г. владениями России. — К. Ч.), и они были признаны японскими в мирное время — южная часть по русско-японскому договору 1855 г., а остальные Курилы — в обмен на отказ японцев на свои права на Сахалине, осуществленный по русско-японскому договору 1875 г.

На тот факт, что все Курилы были признаны тогда территорией Японии, указывал также государственный секретарь США Э. Стеттиниус.

Американскими юристами-международниками высказывалось также мнение, что возражения Ёсида против утверждения о *насилыственном* завладении Японией Курилами относится не только

к приведенному утверждению на этот счет Громько, но и к самой формулировке отказа от них в принятом позднее проекте ст. 2 Сан-Францисского мирного договора с Японией.

В заключение со ссылкой на президента Трумэна и его специального советника Гарримана, в протоколах Сената США делается вывод, что Ялтинское соглашение является не столько юридическим, сколько политическим соглашением, важное значение которого заключается в том, что о его условиях была достигнута личная договоренность между такими крупными руководителями трех стран, как Рузвельт, Сталин и Черчилль; и преимущественно неюридическое, по мнению американских специалистов, значение Ялтинского соглашения определило принятие Сенатом США при ратификации упомянутого договора резолюции о недействительности Ялтинского соглашения в отношении его положений о приобретении Советским Союзом суверенитета над изымаемыми у Японии Южным Сахалином с прилегающими островами и Курильскими островами.

Такая квалификация Сенатом США этого соглашения свидетельствовала о том, что, вопреки их международной практике и внутреннему законодательству, Вашингтон подошел к нему не с позиций «мягкого права», а с позиций «твердого права» как к политическому соглашению, не обязательному для его полного претворения в жизнь, используя данный подход как инструмент «холодной войны» против СССР.

Это представляло собой откровенное нарушение обязательств США, данных от их имени главой этого государства президентом Ф. Рузвельтом в Ялте 13 февраля 1945 года по соглашениям высших руководителей трех великих держав – Соединенных Штатов, СССР и Великобритании.

Сюзники заявили: «Наше совещание в Крыму вновь подтвердило нашу общую решимость сохранить и усилить в предстоящий мирный период то единство целей, которое сделало в современной войне победу возможной и несомненной для Объединенных Наций. Мы верим, что это является *священным обязательством* (курсив мой. – К.Ч.) наших Правительств перед своими народами, а также народами мира»²³⁸.

Позиция Японии по вопросу о Ялтинском соглашении заключается в следующем. Во-первых, оно якобы представляет собой лишь декларацию общих целей руководителей трех союзных держав при подходе к проблеме территориального урегулирования. Это урегулирование должно было быть осуществлено с участием Японии и всех других союзных государств – участников войны с Японией, число которых достигало нескольких десятков. Во-вторых, принимая условия Потсдамской декларации 1945 г. об ограничении ее территорий четырьмя главными и некоторыми менее крупными ее островами, которые определяют упомянутые союзные государства и Китай, Япония не знала, что в их число не войдут Курильские острова, тем более что и Южный Сахалин с прилегающими островами и Курилы отдаются по секретному соглашению союзников Советскому Союзу.

При этом, стремясь принизить значение этого соглашения как документа, значительно приблизившего окончание Второй мировой войны, Япония подчеркивает, что это соглашение не предоставило СССР правового титула («твердое право») на упомянутые территории. Одновременно Токио замалчивает тот факт, что в нем содержалось категорическое обязательство отдать их Советскому Союзу сразу же после победы над Японией, и это имело не только политическое, но и определенное юридическое значение, так как несомненно повлияло на положение Потсдамской декларации об ограничении суверенитета Японии ее метрополией – с некоторыми возможными исключениями из этого принципа по совместному решению государств – участников упомянутой декларации.

К тому же по Сан-Францисскому мирному договору (ст. 8) Япония обязалась выполнять любые «соглашения союзных держав, заключенные для восстановления мира или в связи с восстановлением мира», т.е. и с несоюзными государствами, к таковым по этому договору относится СССР (ст. 25). Необходимость для Японии признавать Ялтинское соглашение вытекает также, как уже упоминалось, из Устава ООН (ст. 103 и 107).

Обязанность Японии признать де-факто Ялтинское соглашение следует также из подписанной ею Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (ст. 75) «Случай государства-

агрессора», предусматривающей в таком случае обязательность для него решений, принятых в отношении него третьими государствами с учетом принципа строгого соблюдения международных договоров и соглашений (ст. 26 и 27), не допускающего его односторонней ревизии, прежде всего по вопросу о границах (ст. 53, 62).

Вот почему, обращая внимание на действительные противоречия в отношении территорий, приобретенных мирным путем, между Ялтинским соглашением и Потсдамской декларацией, с одной стороны, и Атлантической хартией и Каирской декларацией – с другой, Япония, будучи в прошлом не субъектом, а объектом этих соглашений, в силу подписанного ею Сан-Францисского мирного договора, Устава ООН и Венской конвенции о праве договоров, тем не менее не может правомерно возражать против решений союзников, принятых де-факто или де-юре, о судьбе территорий, от прав, правооснований и претензий на которые она по этому договору отказалась.

Проблема, таким образом, в значительной мере сводится к определению состава Курильских островов в международных актах, устанавливающих их пределы де-юре и де-факто. В частности ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров устанавливает, что такие понятия должны употребляться в обычном, а не в специальном, как это делает Токио, «юридическом» значении.

При этом проясняют данное определение в отношении правомерности включения в состав Курильских островов и их южной части официальные документы сторон, в том числе географические карты, либо неофициальные, но одобренные официальными властями, которые, хотя и являются внутренними административными актами, но выражают правовое поведение государства в отношении международного договора и поэтому учитываются Венской конвенцией о праве международных договоров как юридическая норма, указывающая на молчаливое согласие (silent agreement) определенного рода, в данном случае на характер территориально-го урегулирования в районе южной части Курил.

Возражение же, что эта конвенция как заключенная в 1969 г., не имеет отношения к международно-правовым актам более ран-

него периода, какими являются соглашения и договоры в отношении Японии предшествующего периода, является несостоятельным, так как согласно ст. 4 этой конвенции в данном случае не впервые устанавливаются, а кодифицируются действовавшие ранее нормы международных договоров.

ГЛАВА 6

СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ЯЛТИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ДО ВСТУПЛЕНИЯ СССР В ВОЙНУ ПРОТИВ ЯПОНИИ (ФЕВРАЛЬ — НАЧАЛО АВГУСТА 1945 г.)

1

ОТ ЯЛТЫ ДО ПОТСДАМА И РАСТОРЖЕНИЕ ПАКТА О НЕЙТРАЛИТЕТЕ (11 ФЕВРАЛЯ — 5 АПРЕЛЯ 1945 г.)

Сразу же после окончания Ялтинской конференции и публикации его коммюнике японская сторона, осознавая, что до разгрома ее главного союзника во Второй мировой войне — фашистской Германии остаются считанные месяцы, вследствие чего в случае вступления СССР в войну с Японией ее положение может стать критическим, попыталась выяснить, не обсуждались ли на этой конференции перспективы войны на Дальнем Востоке, и стала зондировать почву в отношении посредничества Советского Союза в деле ее прекращения. С этой целью советского полпреда в Японии уже 15 февраля 1945 г. посетил генеральный консул Японии в Харбине Ф. Миякава, а 22 февраля наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову нанес визит посол Японии в Советском Союзе Н. Сато.

В наше время звучат обвинения в адрес советской дипломатии, котоаря, по словам некоторых историков, коварно обманул Японию, не сказав правды о ялтинской встрече. Российский исследователь советско-японских отношений Б.Н. Славинский выступил с утверждением, что в беседе «В.М. Молотов откровенно солгал японскому послу в отношении обсуждавшихся вопросов на Ялтинской конференции» и патетически добавил «Неужели ложь должна быть непременно спутником дипломатии?»¹. Этот вопрос заслуживает, на наш взгляд, внимания, тем более что знакомый, как нам стало известно, с такой оценкой советской дипломатии этого периода другой историк, В.П. Сафронов, в своей более поздней работе по той же тематике не только не возразил против этой оценки, но и по сути дела согласился с нею, утверждая, что, по заверению советского наркома, «работа конференции ограничилась рамками европейских проблем»². При этом оба упомянутых историка не критически повторили такое же мнение на этот счет бывшего министра иностранных дел Японии С. Того³. Этого же мнения придерживается американский историк японского происхождения Ц. Хасэгава. Он пишет, что Молотов прибег к «рассчитанной лжи с тем, чтобы оставить Японию в заблуждении в отношении своего не реалистического желания сохранить Советский Союз нейтральным»⁴. Как же обстояло дело в действительности, если обратиться к архивным источникам советской стороны, на которые ссылаются сами авторы?⁵

Обратимся к выдержкам отчета об этой встрече: «Конференция обсуждала довольно много вопросов. Его, Молотова, задача облегчена тем, что коммюнике подробно освещает вопросы, которые обсуждались в Крѳму, и дает большой материал о том, как смотрят три великие державы, в том числе Советский Союз, на международное положение. Это коммюнике отражает, конечно, и точку зрения Советского Правительства... Конечно, отношения между Советским Союзом и Японией отличаются от тех отношений, которые имеют с Японией Англия и Америка. Англия и Америка вюют с Японией, а Советский Союз имеет с Японией Пакт о нейтралитете. Мы считаем вопрос о советско-японских отношениях делом наших двух стран. Так было и так остается... Что касается тех или иных разговоров во

время конференции, то мало ли о чем бывают разговоры в таких случаях...» Далее в записи этой беседы отмечается, что «Молотов, с удовлетворением выслушал заявление посла о позиции Японского Правительства в вопросе о Пакте о нейтралитете, и он имел в виду несколько позже специально побеседовать по этому вопросу с японским послом. Молотов говорит, что не мог этого сделать ранее, так как в последнее время он, и не только он, был отвлечен делами, в частности, конференцией в Крыму»⁶.

На наш взгляд, приведенные ответы В.М. Молотова не подтверждают выдвинутые против него обвинения, так как он прямо не отрицал, что вопросы международного положения на Дальнем Востоке не рассматривались в Ялте, наоборот, он говорил о том, что конференция обсуждала довольно много вопросов и что касается советско-японских отношений, то «мало ли о чем бывают разговоры в таких случаях».

Тем самым В.М. Молотов, проявив дипломатическое искусство, уклонился от непосредственного ответа на вопрос японской стороны, сославшись на тот факт, что в Ялтинской конференции, как и в Тегеранской в 1943 г., представители гоминдановского Китая участия не принимали, а также на то, что, как это и было на самом деле, пакт о нейтралитете между СССР и Японией формально сохранял свою силу. О том, будет ли Советский Союз продлевать его на следующие пять лет или денонсирует за год до истечения срока действия этого договора, как это было предусмотрено его условиями, советский нарком обещал сообщить японскому послу позднее, до 25 апреля 1945 г., т.е. за год до прекращения в случае денонсации срока его действия, считая со дня ратификации, и до назначенной на эту дату первой конференции ООН в Сан-Франциско. В ее работе Молотов должен был принять участие, в частности для утверждения Устава ООН, основные положения которого были приняты в Ялте, предусматривающего коллективные санкции против любого агрессора, каковым была и Япония, даже если у членов ООН имелись с агрессорами противоречащие ее Уставу договоры или соглашения (ст.103, 107). Утверждать же, что В.М. Молотов должен был заблаговременно раскрыть перед японским агрессором содержание соглашения о совместной борьбе союзников против

него, является не только абсурдным с точки зрения здравого смысла, но и представляло бы собой нарушение таких основополагающих документов современного международного права, как Декларация Объединенных Наций 1942 г. и положений будущего Устава ООН, согласованных в Ялте тремя великими державами – СССР, США и Великобританией, которые несли главную ответственность за борьбу с агрессорами во Второй мировой войне.

5 апреля 1945 г. В.М. Молотов, как он и обещал, принял посла Японии в СССР Н. Сато и сделал ему заявление о денонсации пакта о нейтралитете между СССР и Японией. Это заявление гласило: «Пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией был заключен 13 апреля 1941 года, т.е. до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Англией и Соединенными Штатами Америки, с другой.

С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза.

При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление его стало невозможным.

В силу сказанного выше и в соответствии со статьей 3-й упомянутого пакта, предусматривающей право денонсации за один год до истечения пятилетнего срока действия пакта, Советское правительство настоящим заявляет Правительству Японии о своем желании денонсировать пакт от 13 апреля 1941 года»⁷.

Н. Сато заверил собеседника, что он немедленно доведет это заявление до сведения своего правительства. В связи со сделанным заявлением Н. Сато высказал мнение, что, согласно тексту пакта о нейтралитете, он сохранит свою силу в течение пяти лет со дня его ратификации, т.е. до 25 апреля 1946 г., и что правительство Японии надеется, что это условие будет выполнено советской стороной.

В ответ на это В.М. Молотов сказал, что «фактически советско-японские отношения вернутся к тому положению, в котором они находились до заключения пакта».

Юридически, с точки зрения этого договора данное утверждение соответствовало бы действительности, если бы СССР не денон-

сировал, а аннулировал пакт о нейтралитете с Японией. И на это, в соответствии с Парижским пактом 1928 г. о запрещении агрессии, Советский Союз имел полное право. Но, учитывая то обстоятельство, что это могло бы насторожить Токио и создать дополнительную угрозу дальневосточным рубежам СССР, Советское правительство ограничилось лишь заявлением о денонсации упомянутого договора. Советский нарком свое не противоречащее международному праву утверждение о том, что советско-японские отношения вернутся к положению до его заключения (с потенциальным учетом того, что Япония стала агрессором и пакт о нейтралитете с СССР оказался в коллизии с Парижским пактом), взял обратно, согласившись с Н. Сато, что с точки зрения самого пакта о нейтралитете его положения, поскольку он только денонсирован (а не аннулирован), юридически сохраняет свою силу до 25 апреля 1946 г.

Положительно отозвавшись на предложение японского посла встретиться позднее для обсуждения международного положения и, в частности, перспектив советско-японских отношений в связи с желанием Японии возобновить пакт о нейтралитете, В.М. Молотов в то же время, учитывая обязательства СССР перед союзниками по Ялтинскому соглашению, не дал японской стороне каких-либо обещаний по поднятому ею вопросу.

Что касается аргументов советской стороны в пользу денонсации данного договора, то, по нашему мнению, современные российские историки правы, критикуя советскую историографию, оправдывавшую этот акт тем, что Япония нарушала пакт о нейтралитете, хотя исследователи не объясняли, почему пакт не был расторгнут ранее. Но нельзя приравнивать формально аналогичные действия жертв агрессии и агрессоров (взаимное оказание различного рода помощи)⁸. Неправильно было бы даже чисто формально допускать предположение, что падение японского кабинета генерала К. Койсо вызвано денонсацией этого договора из-за того, что «в эти драматические для советско-японских отношений дни» он вынужден был уйти в отставку и был заменен правительством адмирала К. Судзуки⁹, так как В.М. Молотов сделал заявление в Москве японскому послу Н. Сато 5 апреля 1945 г. после 15.00 по московскому времени (после 22.00 по токийскому времени), т.е.

после того, как в Японии истек последний рабочий день пребывания кабинета Койсо у власти¹⁰, ушедшего в отставку вследствие резкого ухудшения военного и экономического положения страны в результате вторжения войск США на Филиппины, о-ва Иводзима и Окинава.

Не подтверждается архивной записью беседы 5 апреля 1945 г. советского наркома с японским послом и утверждение, что после разъяснений, данных Молотовым, «документ советского правительства стал однозначно звучать как официальное заявление о намерении СССР отказаться от Пакта о нейтралитете лишь (подчеркнуто нами. — К.Ч.) по истечении его полного пятилетнего срока, т.е. после 25 апреля 1946 г.»¹¹.

Если бы это субъективное мнение соответствовало действительности, то оно противоречило бы последовательно уклончивой позиции советского наркома и подкрепило бы утверждение, что он прямо солгал японскому послу о намерении СССР не вступать в войну против Японии до 25 апреля 1946 г. А Молотов этого не говорил.

27 апреля 1945 г. в период отъезда В.М. Молотова на учредительную конференцию ООН в г. Сан-Франциско (США) японского посла в СССР Н. Сато принял по его просьбе заместитель министра иностранных дел Советского Союза С.А. Лозовский. Н. Сато вручил ему заявление правительства Японии. В заявлении отклонялись доводы СССР в пользу денонсации пакта о нейтралитете с повторением тех же аргументов, что и приведенные выше в беседе Н. Сато в феврале 1945 г. с В.М. Молотовым. При этом японский посол высказал мнение, что нормальные дружеские отношения между Японией и СССР могут в будущем существовать и без пакта, тем более что последний будет действовать еще целый год¹².

Также неоправданным представляется утверждение советского историка А.А. Кошкина о том, что «денонсировав пакт о нейтралитете, советское правительство за четыре месяца до вступления в войну фактически информировало японское правительство о возможности участия СССР в войне против Японии»¹³. Дело обстояло как раз наоборот. Молотов, заняв уклончивую позицию, держал японцев в состоянии информационной неопределенности по дан-

ному вопросу и даже делал акцент на том, что пакт о нейтралитете с Японией, согласно его условиям, сохраняет свою силу еще один год (позднее принят Японией без каких-либо оговорок).

Не соответствует действительности и утверждение того же автора, что в набор уступок, которые МИД Японии (возглавлявшийся до 5 апреля 1945 г. Сигэмицу) в своей секретной записке от 14 сентября 1944 г. предлагал включить помимо Южного Сахалина, также Северные¹⁴, и все остальные Курильские острова. По словам историка, предложение было повторено новым министром иностранных дел С. Того, назначенным на этот пост 9 апреля, в его по сути дела протокольной беседе 20 апреля с советским послом Я.А. Маликом¹⁵. Выразив сожаление денонсацией пакта о нейтралитете, пожелал позднее поговорить на эту тему в течение года, до истечения срока его действия и передать Молотову готовность встретиться с ним на обратном пути из Сан-Франциско. Но только 14 мая 1945 г. было принято решение Высшего совета по руководству войной, в состав которого со второй декады мая 1945 г. входили высшие должностные лица Японии – премьер-министр, министр иностранных дел, военный министр, министр военно-морского флота и начальники штабов армии и флота, о переговорах с СССР на предмет его посредничества в прекращении войны.

Решение рассматривало три основных пункта: 1) как удержать Россию от вступления в войну, 2) как склонить СССР к возможно более благоприятной для Японии позиции и 3) как открыть дорогу к миру.

«Так мы подошли к обсуждению вопроса о плате за мир. Она по нашим согласованным прикидкам, – писал в своих мемуарах С. Того, – могла бы включать отмену Портсмутского договора и Пекинской конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией и восстановлению в общих чертах положения, которое существовало до русско-японской войны при условии вынесения за скобки вопроса об автономии Кореи, который будет решаться по усмотрению Японии, и нейтрализации Южной Маньчжурии»¹⁶.

Высший совет одобрил в этом решении в качестве платы за сохранение Советским Союзом нейтралитета возвращение ему Юж-

ного Сахалина, «северной части Курильских островов до р. Уруп, прав на рыболовство в своих водах, прав на железные дороги в Маньчжурии, на проход через Сангарский пролив между островами Хоккайдо и Хонсю, предоставления сферы влияния во Внутренней Монголии, а также аренды Порт-Артура и Дальнего (Дайрен)»¹⁷.

«Соответствующий документ, — заключает С. Того, — был подписан участниками совещания... После согласования наших мер в отношении СССР я информировал Высший совет о своем намерении доверить бывшему премьеру Хирота проведение предварительных переговоров с советским послом»¹⁸.

Это решение было принято вопреки мнению министра иностранных дел Японии о том, что «позиция Японии и особенно японской армии в течение многих лет вызывала у русских сильнейшие подозрения и обусловила их твердую решимость нейтрализовать нашу страну», и «поэтому не только Япония не могла питать реальных надежд на проявление какой-либо благосклонности со стороны СССР, но и должна была понимать, что когда истощение ее национального потенциала в ходе войны станет очевидным, он вместо переговоров с нею, вероятно, окончательно солидаризуется с США и Англией с целью принять участие в дележе плодов победы»¹⁹.

Вот почему трудно согласиться с противоречивым мнением Б.Н. Славинского, который пишет, что, хотя С. Того понимал, что «время для дипломатических шагов уже упущено, тем не менее считал еще возможным добиться благожелательного отношения СССР»²⁰. (Интересно, какими мерами, кроме дипломатических, которые он исключал?) Причем утверждается, что премьер К. Судзуки якобы поддержал мнение С. Того.

На самом же деле последний как подчиненный лишь вынужден был согласиться на явно нереалистические расчеты главы кабинета министров, выбрав из всех «зол» наименьшее, полагая при этом, что «если и есть (курсив мой. — К.Ч.) какая-либо страна», которая могла бы помочь Японии прийти к миру на более благоприятных, чем безоговорочная капитуляция, условиях, то этой страной являлся Советский Союз»²¹.

В соответствии с решением Высшего совета, первая встреча К. Хироги с советским послом Я.А. Маликом состоялась 3–4 июня 1945 г. в гостинице «Гора» на курорте в горах Хаконэ.

Несмотря на критическое положение Японии, Хирога, как и другие высшие руководители Японии, за исключением С.Того, продолжал тешить себя иллюзией, что можно, как и в прежние годы, внести предложение о продлении пакта о нейтралитете или заключении договора о ненападении, придерживаться тактики поэтапных уступок со стороны Японии в случае, если СССР в принципе согласится на его предложение²². Однако это было только на руку советской стороне, стремившейся затянуть время, с тем чтобы лучше подготовиться к вступлению в войну с Японией в соответствии с Ялтинским соглашением.

Из телеграммы советского посла в НКВД СССР от 7 июня было ясно, что Япония готова при положительной реакции на предложения Хироги, пойти на возвращение нашей стране Южного Сахалина, передачу части Курил и отказ от рыболовства в советских конвенционных водах²³.

Но отсутствие конкретных уступок в предложениях японского представителя вследствие недооценки им тяжести военно-политического положения Японии позволило советскому послу позднее, в соответствии с инструкцией Молотова от 13 июля того же года, утвержденной Сталиным, сослаться на слишком общий, неконкретный характер предложений, не позволяющий советскому руководству принять решение.

На следующих встречах 24 и 29 июня Хирога частично конкретизировал свои предложения об уступках Токио, заявив о готовности Японии в обмен на соглашение о поддержании мира в Восточной Азии на нейтрализацию Маньчжоу-го, ликвидацию своих рыболовных прав в советских концессионных водах при условии снабжения Японии нефтью и обсуждение всех любых других вопросов по желанию советской стороны. В их число могли быть включены и не названные конкретно вопросы принадлежности Южного Сахалина и Курил²⁴. Это подтверждается содержанием предложения генерал-лейтенанта Кодзи Сакаи о направлении в Москву Ф. Коноэ, одобренного императором, в котором в качестве усло-

вий прекращения войны со стороны Японии ставились сохранение как минимум 1) государственного строя и 2) территории метрополии, исключая острова Окинава и Огасавара и включая Южные Курилы, т.е. условий, с которыми «не мог состязаться американский план отдать все Курильские острова Советскому Союзу»²⁵.

В ответ на предложение японской стороны Малик, в соответствии с упомянутой инструкцией, ограничился заявлением о том, что он доведет содержание беседы с японским представителем до сведения правительства СССР. Позднее Малик, сославшись на недопомогание, японских представителей больше не принимал, и тогда в Токио решили попытаться перенести переговоры в Москву.

С этой целью 12 июля император Хирохито назначил другого бывшего премьер-министра принца Фумимаро Коноэ своим представителем на переговорах с СССР, и 13 июля посол Японии в СССР Сато в беседе с заместителем министра иностранных дел С.А. Лозовским, вручив послание императора Хирохито по этому вопросу, просил принять Коноэ в Москве как его личного представителя. Но Лозовский сказал, что ответа советского правительства до отъезда Сталина и Молотова в Потсдам (14 июля) получить будет невозможно²⁶.

18 июля Лозовский в письме японскому послу от имени советского правительства сообщил, что оно не видит возможности дать какой-либо ответ, так как в послании императора нет никаких конкретных предложений.

После встречи с Лозовским 20 июля посол Японии направил в Токио телеграмму, в которой настаивал на ее фактической капитуляции при условии сохранения государственного строя во имя спасения японского народа, но МИД Японии проигнорировал его мнение²⁷.

25 июля Сато заявил Лозовскому, что конкретные предложения Коноэ сообщит в случае согласия советского правительства на его приезд в СССР. 30 июля Лозовский сообщил, что ответа на предложение Сато пока не поступало.

В связи с этим можно вполне согласиться с выводом японского историка Х. Вада, что, предложив СССР только часть уступок, которые допускал Высший совет по руководству войной в своем

решении от 14 мая, руководство МИД Японии «продемонстрировало низкое качество своей дипломатии» в завершающий критический период Второй мировой войны²⁸.

2

ПОТСДАМСКАЯ (БЕРЛИНСКАЯ) КОНФЕРЕНЦИЯ И РЕШЕНИЕ СОЮЗНИКОВ В ОТНОШЕНИИ ЯПОНИИ

Потсдамская (Берлинская) конференция высших руководителей трех великих держав – СССР, США и Великобритании началась менее чем через сутки после успешного испытания в США – первой атомной бомбы и получения американским президентом сообщения об этом историческом событии.

В связи с этим в последние годы в литературе по истории советско-японских отношений с учетом мнения, высказанного премьер-министром Великобритании У. Черчиллем 16 июля в беседе в Потсдаме с президентом США, а также позиции секретаря Государственного департамента Дж. Бирнса и его сторонников, утверждается, что и Трумэн на первой встрече с советским руководителем стал склоняться к нежелательности участия СССР в войне с Японией в связи с возможностью обойтись без него в результате применения против Японии нового разрушительного оружия огромной мощности²⁹.

В подкрепление этой мысли приводится утверждение, что в ответ на сообщение Сталина, который в этой беседе сказал, что «со стороны советского правительства имеется полная готовность идти вместе с США», американский президент не заявил, что «США ожидают помощи от Советского Союза»³⁰ вопреки свидетельству советских архивов, он просто промолчал, как это видно из архивов США³¹ и аналогичной версии переводчика Сталина В.М. Бережкова³².

Однако против этой версии свидетельствует прежде всего текстологическое противоречие – в советской записи этой беседы

говорится о том, что высказывание Трумэна: «США ожидают помощи от Советского Союза» в войне с Японией, в отличие от Великобритании, предшествует сообщению Сталина Трумэну о том, что СССР готов вступить в войну с Японией к середине августа, а, например, В.М. Бережков, а за ним и Б.Н. Славинский пишут, что президент США решил промолчать *после того*, как советский руководитель заявил, что СССР будет готов к выполнению Ялтинского соглашения о вступлении в войну с Японией к середине августа³³.

Но еще более убедительно против версии о том, что уже с самого начала в Потсдаме Трумэн был против участия СССР в войне с Японией, раздувающей тенденциозный пропуск в важнейшей записи, сделанный Госдепартаментом США при ее издании в годы «холодной войны», свидетельствуют документы, опубликованные в 1995 г. американским историком Г. Альпровицем³⁴. Этими документами являются личный журнал Трумэна о Потсдамской конференции, ставший доступным исследователям в 1979 г., рассекреченные в 1983 г. его письма к жене из Потсдама об этой встрече. В первом из этих документов говорится об успешном испытании атомной бомбы (что ставило под сомнение целесообразность вступления СССР в войну с Японией), которое, как сообщил ему Сталин, намечено на 15 августа (в действительности на 11 августа)³⁵, и благодаря этому «Японии придет конец»³⁶. А во втором документе: письме Трумэна своей жене Бесс, отправленном на следующий день после упомянутой встречи, повторяется это заверение Сталина и подчеркивается, что его претворение в жизнь позволит спасти жизнь многим американским парням и на целый год раньше завершить войну с Японией³⁷. Таким образом, приведенная версия об отказе Трумэна от помощи СССР в этой войне представляется нам неверной.

Изменение мнения Трумэна произошло немного позднее, когда в день упомянутой беседы он получил второе, более подробное сообщение об испытании атомного оружия в США, что, по расчетам президента США и премьер-министра Великобритании, позволяло надеяться на более скорое окончание войны с Японией и благодаря этому обойтись без помощи СССР. Тогда же Трумэн, Бирнс,

военный министр Г. Стимсон и члены Объединенного комитета начальников штабов США после сообщения о готовности к использованию приняли решение применить атомную бомбу против Японии в нарушение международных норм ведения войны.

Несмотря на упомянутое решение Трумэна и Черчилля, они тем не менее не смогли в официальном порядке изменить свою позицию в данном вопросе, так как против этого 21 июля фактически выступил как Объединенный комитет начальников штабов США, так и 24 июля Англо-американский объединенный комитет начальников штабов, и оба лидера двух великих западных держав вынуждены были согласиться³⁸.

Через два дня они с одобрения высшего китайского руководителя Чан Кайши, с которым связались по телефону без предварительного согласия СССР, что свидетельствовало об отмеченной выше тенденции попытаться не допустить Советский Союз к решению вопроса послевоенного мирного устройства на Дальнем Востоке, 26 июля опубликовали Потсдамскую декларацию в отношении Японии.

В декларации содержались условия прекращения войны. Эти условия состояли из ультимативных требований безоговорочной капитуляции всех японских вооруженных сил во избежание «быстрого и полного разгрома», предании суду военных преступников, «устранении всех препятствий к возрождению и укреплению демократических тенденций среди японского народа», свободы слова, вероисповедания и мышления, уважения к основным правам человека, согласия с оккупацией некоторой части территории Японии для обеспечения основных целей этого документа.

Кроме того, в условия декларации включалось выполнение условий Каирской декларации 1943 г. и ограничение территории Японии четырьмя главными островами – Хонсю, Кюсю, Сикоку и Хоккайдо, а также менее крупными островами, которые определяются союзниками³⁹.

Для того чтобы Япония не приняла Потсдамскую декларацию и США могли применить против этой страны атомную бомбу с целью попытаться вывести ее из войны до вступления в войну Советского Союза, по инициативе госсекретаря США Дж. Бирнса из

этого документа была изъята фраза о согласии союзников на то, чтобы по воле японского народа в стране была учреждена «конституционная монархия при нынешней династии, если всему миру будет доказано, что такое правительство никогда не будет стремиться к агрессии»⁴⁰.

Советская делегация была ознакомлена с этим документом уже после того, как он был передан для публикации, и поэтому попытка В.М. Молотова отложить предание его гласности (у СССР имелся свой вариант такой декларации) не увенчалась успехом.

Государственный секретарь США Дж. Бирнс на следующий день в ответ на вопрос советского наркома, почему США не проконсультировались со своим союзником – СССР, сослался на аргумент, что Советский Союз не находится в состоянии войны с Японией⁴¹.

Этот аргумент к тому же был нелогичен с точки зрения задачи устранить СССР от участия в войне с Японией, ибо если бы под Потсдамской декларацией стояла и подпись Сталина, то шансов на то, что Токио принял ее, было бы больше. Правда, тогда США перед лицом мировой общественности лишались весомых аргументов для применения против Японии ядерного оружия.

Упомянутый советский вариант Потсдамской декларации, впервые введенный в научный оборот в 2001 г. российским историком В.П. Сафроновым⁴², был короче, чем опубликованный США, Великобританией и Китаем. Он отличался отсутствием условий послевоенного мирного урегулирования с Японией, так как СССР не хотел предрешать их до своего вступления в войну против нее.

Вместе с тем в советском проекте Декларация США, Великобритании, Китая и СССР о целях и задачах войны против Японии, подготовленном в Берлине 26 июля, по аналогии с предъявленным ей союзниками СССР подчеркивалось, что «Япония должна прекратить войну, сложить оружие и капитулировать без всяких условий»⁴³. Но и предъявленный Японии текст декларации отражал интересы СССР, что позволило ему позднее присоединиться к ней. Сама процедура этого присоединения представляет собой значительный интерес.

В «Меморандуме» для генералиссимуса Сталина» от 31 июля 1945 г. Г. Трумэн в ответ на предложение советского руководителя о том, чтобы он написал ему письмо «в отношении обстановки на Дальнем Востоке» (а точнее в ответ на просьбу Молотова от 29 июля попросить СССР вступить в войну с Японией)⁴⁴, направил ему предложение после достижения соглашения с правительством Китая по вопросам послевоенного урегулирования в этом регионе на основе Ялтинского соглашения направить ему (вместо прямой просьбы вступить в войну против Японии) письмо о том, что указанные действия СССР осуществлялись бы согласно пункту 5 Московской декларации союзников от 30 октября 1943 г., положению ст.106 Устава ООН о «совместных действиях от имени Организации Объединенных Наций, какие могут оказаться необходимыми для поддержания мира и безопасности», которые, в соответствии с Московской декларацией 1943 г., были обязательны для союзников и до вступления в силу Устава ООН, подписанного в Сан-Франциско в апреле 1945 г. и вступившего в силу в октябре того же года.

С учетом условий Московской декларации и упомянутыми положениями Устава ООН, заключал Г. Трумэн, «Советскому Союзу было бы уместно показать свою готовность консультироваться и сотрудничать с другими великими державами, вожущими в настоящее время против Японии, имея в виду совместные действия в интересах сообщества наций в целях поддержания мира и безопасности»⁴⁵.

Спорным, или по меньшей мере неточным, представляется, однако, утверждение В.П. Сафронова о том, что в советском проекте этого документа, «как и в Потсдамской декларации (США, Великобритания и Китая. — К.Ч.), присутствует требование о безоговорочной капитуляции Японии⁴⁶ с обязательством выступления четырех союзных держав — США, Китая, Великобритании и СССР с немедленными «совместными решительными действиями, которые должны привести к окончанию войны»⁴⁷.

Дело в том, что в самом тексте Потсдамской декларации нигде не говорится о безоговорочной капитуляции японского государства в целом, т.е. не только ее вооруженных сил, но и безоговорочной капитуляции ее гражданских органов власти. Правда, в Каирской дек-

ларации 1943 г., выполнение условий которой является одним из не-
пременных условий Потсдамской декларации, говорится именно о
«безоговорочной капитуляции Японии», но, как нам представляется,
исходя из опыта проведения демократических преобразований,
Верховный главнокомандующий союзных держав в Японии Д. Ма-
картур не требовал беспрекословного следования первоначальному
американским проектам тех или иных преобразований, а «по воз-
можности, учитывал мнение японской стороны», хотя в случае ее не-
согласия после консультаций с Токио с окончательным вариантом
проекта последнее слово оставалось за ним, и поэтому употребление
здесь слова «Япония» – просто неточность. Во всяком случае безо-
говорочной капитуляцией японского государства в целом такой под-
ход, по нашему мнению, назвать было бы нельзя.

Наше соображение о необходимости точно употреблять два рас-
сматриваемых термина подтверждалось также при сравнении англо-
язычного и японоязычного заголовка (как и содержания) Акта о
безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил от 2 сен-
тября 1945 г. Так, в официальном органе правительства СССР га-
зете «Известия» 4 сентября этот документ публикуется под заголов-
ком «Акт о капитуляции Японии», хотя в англоязычном оригинале
он приводится как «Акт о капитуляции» (Instrument of Surrender)⁴⁸
с подтекстом, вытекающим из его содержания – «Акт о капиту-
ляции японских вооруженных сил», так же как и в японском пере-
воде «кодай бунсе»⁴⁹.

Существует смысловая разница между терминами «безогово-
рочная капитуляция», «капитуляция без всяких условий», точнее
«безо всяких условий» (ср. союзническое требование Ялтинского
соглашения 1945 г. о том, чтобы его положения были выполнены
«безусловно» (unquestionably), но не без оговорок, которые могли
бы иметь не обязательный для всех сторон соглашения характер).

Важно отметить, что в отличие от того, как союзники поступи-
ли с Германией, безоговорочная капитуляция японских вооружен-
ных сил, которая предусматривалась Потсдамской декларацией,
должна была осуществляться на определенных, оговоренных со-
юзниками условиях. И на это сразу обратило внимание руковод-
ство Японии.

«Когда я прочел текст декларации, записанный с передачи американского радио, мне, прежде всего, подумалось, что формулировка: «Ниже следуют наши условия» с чисто лингвистической точки зрения, очевидно, не означала бескомпромиссного требования безоговорочной капитуляции, — писал министр иностранных дел Японии С. Того. — Складывалось впечатление, что пожелания императора все-таки были доведены до сведения США и Англии и имели результатом смягчение их позиции. По всей видимости было в какой-то степени учтено и экономическое положение Японии. В то время как в отношении Германии предлагалось применить драконовскую меру возмездия в виде «Плана Моргентау», низводившего ее до уровня «пастушеского государства», суть экономических положений Декларации состояла в признании роли Японии как индустриального государства... и в отказе от суровых репараций с нее»⁵⁰.

Неудовлетворение С. Того вызвали территориальные условия этого документа, поскольку суверенитет Японии «сохранялся практически лишь в отношении четырех главных островов Японского архипелага. (Знаменательное признание, если учесть последующие попытки Токио использовать это условие как позволяющее распространить свой суверенитет на такие «исконные территории», как расположенные у берегов о. Хоккай до Южные Курильские острова, острова Окинава и Огасавара.) В своей интерпретации Потсдамской декларации С. Того пытался опереться на положения Атлантической хартии союзников от 14 августа 1941 г., которая была подписана до начала развязывания Японией агрессии на Тихом океане. При этом глава японского внешнеполитического ведомства юридически необоснованно отождествлял территориальную экспансию союзников, от которой они действительно отказались (хотя агрессор по международному праву не может ссылаться на соглашения между жертвами агрессии, тем более что он официально не являлся участником этих соглашений), от *правомерного отторжения территорий агрессора*, в особенности служивших плацдармом агрессии, и будущей *гарантии от ее повторения с выгодных стратегических рубежей*.

Точка зрения о попытках Токио истолковать Потсдамскую декларацию, как позволяющую сохранить за собой Южные Курилы,

а также острова Окинава и Огасавара, исходя из того, что по этому документу суверенитет Японии ограничивался не только четырьмя главными островами, но и такими же менее крупными по определению союзников, нашла свое подтверждение в аналитической записке заведующего первым отделом договорного департамента МИД Японии Т. Симода, будущего первого заместителя министра иностранных дел. Он считал, что под эти менее крупные чем четыре главных острова Японии вполне могут подпадать упомянутые территории, поскольку они входили в ее состав еще в период «обновления Мэйдзи» (1867–1868 гг.).

Однако позднее, после того как советские войска заняли Южный Сахалин и все Курильские острова и в начале сентября 1945 г. из публикаций в печати стало известно о Ялтинском соглашении на этот счет руководителей трех великих держав, эта часть записки Т. Симода (с. 11–13) была из нее изъята, но сохранившиеся в архиве ее четыре зачеркнутые строки позволяют судить о первоначальной и последующей позиции МИД Японии по этому вопросу⁵¹.

Кроме того, Т. Симода в своей записке попытался представить территориальные положения Потсдамской декларации, развивающей и дополняющей аналогичные положения Каирской декларации, как только реализующей положения последней и поэтому вступающей, по его интерпретации, с нею в противоречие.

Исходя из такого понимания Каирской декларации как составной части Потсдамской декларации в том ее разделе, где говорится, что Япония «будет изгнана со всех других (помимо Маньчжурии, Формозы и Песладорских островов) территорий, которые она захватила при помощи силы и в результате своей алчности», Т. Симода счел возможным утверждать о праве Японии на Южный Сахалин, поскольку эта территория была получена ею по Портсмутскому мирному договору 1905 г., а не приобретена вооруженным путем, и это — несмотря на то, что Южный Сахалин был не менее, а более крупной территорией, чем некоторые из ее главных островов, которыми ограничивался ее суверенитет по самой Потсдамской декларации⁵². Профессор Х. Вада обращает также внимание на то, что в упомянутой записке Симода английский термин «усло-

вия» (terms) Каирской, а следовательно, и Потсдамской декларации переведен на японский язык не в своем точном значении («дзэ-кэн»), а в значении «пункты» («дзэко») с тем, чтобы содержащееся в первой из них положение о том, что союзники «не имеют никаких помыслов о территориальной экспансии», было воспринято как один из обязательных пунктов Потсдамской декларации, подменяющий также правомерное отторжение территории агрессора, в особенности служившей плацдармом агрессии, с целью его наказания и в качестве гарантии от ее повторения с выгодных стратегических рубежей. Сама же заковыченная фраза из Каирской декларации была истолкована как обязательство соблюдать «принцип нерасширения территории»⁵³ независимо от международно-правовой природы такого расширения. Причем первоначально в госдепартаменте США при подготовке Потсдамской декларации учитывались «обязательства, данные правительству СССР в отношении Южного Сахалина и Курильских островов» в Ялте и имелась в виду не Япония, а чтобы ее подписал также и СССР и таким образом дал обещание, в соответствии с включенной в этот документ Каирской декларацией, не расширять свою территорию за счет Китая и Кореи⁵⁴.

При ознакомлении с Потсдамской декларацией у министра иностранных дел Японии остались неясные вопросы, касающиеся того, будут ли в число пунктов, отобранных у Японии для оккупации, включены Токио и другие крупные города. При этом С. Того обратил внимание, что в отличие от того, как осуществлялась оккупация Германии, она предусматривалась без разветвленной администрации и разделения ее на оккупационные зоны. Имелись также неясности в отношении будущего государственного устройства Японии и формулировки, касавшейся разоружения и наказания военных преступников.

Тем не менее 27 июля на аудиенции у императора С. Того высказался против того, чтобы отвергнуть этот документ, заявив, что окончательную позицию в этом вопросе следует определить в зависимости от результатов посреднических усилий с использованием в данной роли Советского Союза, которые пока не принесли желаемых плодов. То же мнение в тот же день С. Того высказал на

заседании Высшего совета по руководству войной, и против него никто не выступил с какими-либо возражениями.

Но 28 июля под давлением военных премьер-министр К. Судзуки заявил, что правительство решило не реагировать на Потсдамскую декларацию, продемонстрировав к ней свое негативное отношение. (В японской печати, но не в официальных заявлениях его окрестили «мокусацу» – буквально «убить молчанием».)

Американская пресса тотчас же истолковала это как отказ Токио от принятия ультиматума союзников, и это дало «основание» США не отменять приказ об атомной бомбардировке Японии от 25 июля, который в случае недвусмысленного принятия Токио условий Потсдамской декларации теоретически еще мог бы быть отменен.

Дело осложнилось тем, что вслед за этим премьер К. Судзуки пояснил, что «Япония будет решительно вести войну до ее успешного окончания» (в расчете на благоприятное посредничество СССР с учетом того, что он не подписал Потсдамской декларации).

Позднее японские авторы, ссылаясь на действительно имеющееся упомянутое некоторое различие в значении между японским словом «мокусацу» и английским «ignore» («проигнорировать», близком по смыслу к «отказаться (принять)»), стали заявлять, что ссылка на «отказ» Токио от ее принятия не может оправдывать атомную бомбардировку Соединенными Штатами Японии, а Советский Союз – за вступление в войну против нее⁵⁵. Действительно, слова «отказ» в официальных заявлениях Токио в самом деле не употреблял и даже продолжал обсуждать вопрос о ее принятии. В конечном счете после настояний С. Того со ссылкой на ужасные последствия атомной бомбардировки авиацией США Хиросимы 8 августа император согласился на условия Потсдамской декларации и поручил премьер-министру К. Судзуки экстренно созвать для принятия соответствующего решения Высший совет по руководству войной. Но его заседание было отложено только потому, что один из его членов отсутствовал «по неотложному делу»⁵⁶. Тем самым Токио, быть может, упустил последний шанс попытаться предотвратить вступление СССР в войну против Японии, так как в тот же день в 23.00 по токийскому времени (в 17.00 по московскому

времени) В.М. Молотов, рассеяв надежду Токио на посредничество в окончании войны на Тихом океане, сделал послу Японии в СССР Н. Сато заявление об объявлении ей войны со стороны Советского Союза, в котором, в частности, в качестве одной из причин вступления СССР в войну против нее приводится отказ Токио от принятия Потсдамской декларации и продолжения Японией войны. Но, на наш взгляд, точнее было бы вместо слова «отказ» употребить словосочетание «непринятие» ею этого документа с акцентом, как это и заявил советский нарком, на фактическое продолжение Японией развязанной ею войны на Дальнем Востоке и Тихом океане.

24 июля было проведено совещание начальников штабов СССР, США и Великобритании по вопросам сотрудничества в будущих боевых операциях в войне с Японией.

На этом совещании начальник Генерального штаба Красной армии генерал А.И. Антонов сообщил союзникам, что войска в форсированном порядке перебрасываются на Дальний Восток и сосредотачиваются для начала боевых действий против Японии во второй половине августа, но что точная дата вступления СССР в эти действия прежде всего на территории Маньчжурии, захваченной японцами у Китая, зависит от сроков завершения советско-китайских переговоров о восстановлении прав нашей страны в этом районе на условиях Ялтинского соглашения. При этом, зная о намерениях администрации США настроить китайское руководство на затягивание этих переговоров, А.И. Антонов официально подтвердил, что после победы над Японией советские войска будут выведены из Маньчжурии. Тем самым он побудил военное руководство США, заинтересованное в скорейшем разгроме Квантунской армии, оказать влияние на американскую администрацию с тем, чтобы она вынудила Чан Кайши не противодействовать претворению в жизнь Ялтинского соглашения в соответствии с советскими предложениями. Стороны поставили друг перед другом ряд вопросов. Так, А.И. Антонов поинтересовался, планируют ли США оккупировать Северные Курилы. В ответ на это американский представитель адмирал Э. Кинг заверил его, что США готовы поддерживать линии снабжения СССР, проходящие через данный район, и без такой оккупации, если это будет необходимо с точки зрения советской стороны после ее обращения к США⁵⁷.

С американской стороны был поставлен вопрос о подтверждении обещания СССР построить в Хабаровске и на Камчатке радио- и метеорологическую станции (по одной) для улучшения прогноза погоды, необходимой сторонам с целью определения условий проведения боевых операций на море и в воздухе. Второй и третий вопросы американцев были связаны с разграничительными линиями зон военно-морских и военно-воздушных операций США и СССР на Тихом океане и материке. По этим вопросам были запрошены советские комментарии. Четвертый вопрос касался обмена группами связистов для осуществления радио- и телекоммуникации между высшим военным руководством СССР и военным и военно-морским руководством США на Дальнем Востоке (примерно по 15 офицеров и 30 рядовых). Последний вопрос американцев заключался в просьбе подготовить с советской стороны список военно-морских и военно-воздушных баз в СССР, куда поврежденные в боях суда и самолеты могли бы направляться для ремонта.

26 июля А.И. Антонов подтвердил согласие на установку советским командованием радио- и метеостанций (по одной), а также после небольшой дискуссии на то, чтобы они обслуживались американцами. По второму и третьему вопросам стороны договорились о разграничении зон действия ВМС и ВВС США по Четвертому Курильскому проливу между островами Парамушир (Северные Курилы) и Онекотан (Средние Курилы) по линии мыс Болтина (Корея) – мыс Крильон (Южный Сахалин) – мыс Соя (Северный Хоккайдо). А по третьему вопросу в Корее, Китае и Маньчжурии – по линии мыс Болтина – Чаньчунь – Ляожань – Кайлу – Чифынь – Пекин – Дагу – южная административная граница Внутренней Монголии. По четвертому вопросу стороны условились использовать советские группы связи, направленные в штаб-квартиру генерала Д. Макарттура и в штаб ВМС США к адмиралу Ч. Нимицу, в Вашингтоне – в советскую военную миссию, а также иметь американские группы связи в Хабаровске для контактов с маршалом А.М. Василевским и во Владивостоке – с адмиралом И.С. Юмашевым.

По пятому вопросу советская сторона выделяла для подлежащих ремонту американских кораблей ВМС порты Находка, Николаевск-на-Амуре и Петропавловск-Камчатский, а для самолетов ВВС США — три аэродрома в районах Владивостока, Александровска (Северный Сахалин) и Петропавловска-Камчатского⁵⁸.

Среди прочих, естественно, возникает вопрос, почему именно по Четвертому Курильскому проливу Вашингтон предложил провести линию разграничения зон боевых операций в районе Курильских островов. По нашей версии, это решение было принято на основе донесений американской разведки о том, что в сферу интересов СССР входят Северные Курилы, так как она сумела в свое время дешифровать предложение, сделанное 7 апреля 1941 г. В.М. Молотовым на переговорах с министром иностранных дел Е. Мацуюка, о продаже Японией Советскому Союзу помимо Южного Сахалина «некоторой группы Северных Курильских островов»⁵⁹. Это было рекомендовано сделать на упомянутых переговорах в записке заместителя наркома иностранных дел СССР С.А. Лозовского В.М. Молотову от 11 июля 1940 г., в которой он предлагал при заключении с Японией пакта о нейтралитете поставить вопрос о возвращении СССР Северных Курил — островов Шумшу и Парамушир⁶⁰.

Что же касается передачи СССР всех Курильских островов, в соответствии с Ялтинским соглашением, то это обязательство, хотя и не отвергалось на упомянутых переговорах военных представителей СССР и его союзников, но с учетом изменения позиции американской администрации в результате успешного испытания атомного оружия, в особенности в случае его эффективного применения против Японии, договоренность о разграничении зон боевых операций между Северными и Средними Курилами позволила бы США оккупировать как Средние, так и Южные Курилы и значительно осложнить, а быть может, и похоронить вообще вопрос о передаче этих островов Советскому Союзу на основе Ялтинского соглашения, обвинив его в нарушении решений, принятых в Ялте, например, по вопросу о принципах формирования правительства Польши, хотя первое из них, согласно его условиям, должно было быть выполнено «безусловно».

Вот почему, опасаясь неблагоприятного для СССР поворота событий в результате атомной бомбардировки Японии, пользуясь тем, что договоренность об упомянутых разграничительных линиях допускала их изменение по согласованию сторон, Сталин в развитие положения Ялтинского соглашения о передаче Курил Советскому Союзу поставил перед Трумэном в письме от 16 августа 1945 г. во изменение потсдамских договоренностей об упомянутых разграничительных линиях зон боевых операций вооруженных сил двух государств вопрос о включении всех этих островов, а не только Северных Курил в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам. И это предложение в письме Трумэна Сталину, полученном 18 августа 1945 г., было принято с подтверждением через несколько дней в письме, полученном советским руководителем 27 августа, согласия Рузвельта поддержать при мирном урегулировании приобретения Советским Союзом всех Курильских островов⁶¹.

ГЛАВА 7

СОВЕТСКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА (9 АВГУСТА–2 СЕНТЯБРЯ 1945 г.)

1

ПОДГОТОВКА К ВОЕННЫМ ДЕЙСТВИЯМ

Если сохранение в силе пакта о нейтралитете между СССР и Японией в 1941–1945 гг. позволяло Советскому Союзу до победы над фашистской Германией и ее европейскими союзниками перебрасывать войска и боевую технику с советского Дальнего Востока и из Восточной Сибири на советско-германский фронт, то разгром европейских союзников Японии поставил на повестку дня вопрос об ускоренной передислокации Советских вооруженных сил из Европы в обратном направлении, с тем чтобы СССР смог в срок выполнить обязательство перед своими союзниками о вступлении на их стороне в войну с Японией не позднее, чем через три месяца после разгрома фашистской Германии, данное им на Ялтинской конференции.

Вот как эти два направления движения советских войск в годы Великой Отечественной войны с Востока на Запад и с Запада на Восток могут быть представлены в таблицах, подготовленных (как и все приводимые ниже таблицы) отделом статистики Института военной истории Министерства обороны РФ. При этом важным фактором победы в Великой Отечественной войне является то обстоятельство, что сухопутные войска с Дальнего Востока Ставка

Верховного главнокомандующего активно использовала как свои резервы в первый период Великой Отечественной войны.

Таблица № 1

Численность советских сухопутных войск, прибывших с Запада на Дальний Восток в мае–августе 1945 г.

Силы и средства	Время прибытия				Всего
	май	июнь	июль	1—8 августа	
Личный состав	33 456	152 408	206 042	11 449	403 355
Винтовки и карабины	13 343	79 295	83 334	4644	180 616
Пистолеты-пулеметы	4041	37 802	38 061	3073	8297
Ручные и стан. пулеметы	1177	5800	3482	164	10 623
Полевые орудия	281	1487	1764	166	3698

Таблица №2

Боевой состав советских сухопутных войск, переброшенных с Дальнего Востока на Запад в течение Великой Отечественной войны

Соединения и отдельные части	Отправлено с 22.06.1941 по 09.05.1945 из состава		Всего
	ДВФ	ЗабФ	
<i>Дивизии</i>			
стрелковые	16	9	25
кавалерийские	2	1	3
танковые	4	1	5
моторизованные	1	—	1
Всего	23	11	34
<i>Бригады</i>			
стрелковые	3	1	4
воздушно-десантные	1	—	1
артиллерийские	13	1	14
Всего	17	2	19
Отдельные полки	4	4	8

Подсчитано по: ЦАМО РФ. Ф.13-А. Оп.396. Д.8. Л.16; Д.25. Л.66, 114, 133; Д.26. Л.11, 59, 66, 77, 78, 295; Д.28. Л.44, 122; Оп.503. Д.94. Л.193; Д.99. Л.315; Д.100. Л.35, 59, 303; Оп.504. Д.156. Л.6;

Д.155. Л.7; Д.157. Л.8; Д.167. Л.13, 37, 55, 100; Д.168. Л.77; Д.169. Л.64, 87, 105, 147; Оп.505. Д.133. Л.5, 159, 240; Д.145. Л.8, 122, 194, 233, 259, 314; Ф.15-А. Оп.152. Д.2. Л.33; Оп.1845. Д.17. Л.71-72; Д.24. Л.245-249.

Эти войска были хорошо вооружены и почти полностью укомплектованы (94% средней укомплектованности штатной численности личного состава).

Таблица № 3

Численность советских сухопутных войск, переброшенных с Дальнего Востока на Запад в течение Великой Отечественной войны

Соединения и отдельные части	Отправлено с 22.06.1941 по 09.05.1945 из состава		Всего
	ДВФ	ЗабФ	
личный состав	209 727	134 949	344 676
винтовки и карабины	106 786	100 596	207 382
пистолеты-пулеметы	10 653	2010	12 663
ручные и станковые пулеметы	9334	812	2824
Зенитные орудия	76	28	104
минометы	1184	645	1829
Всего орудий и минометов	3272	1485	4757
танки (легкие)	1932	354	2286
автомшины грузовые	8327	3576	11 903
тракторы и тягачи	2066	497	2563
лошади	53 107	24 822	77 929

Подсчитано по: ЦАМО РФ. Ф.13-А. Оп.396. Д.8. Л.16; Д.25. Л.66, 114, 133; Д.26. Л.11, 59, 66, 77, 78, 295; Д.28. Л.44, 122; Оп.503. Д.94. Л.193; Д.99. Л.315; Д.100. Л.35, 59, 303; Оп.504. Д.156. Л.6; Д.155. Л.7; Д.157. Л.8; Д.165. Л.62; Д.167. Л.13, 37, 55, 100; Д.168. Л.77; Д.169. Л.64, 87, 105, 147; Оп.505. Д.133. Л.5, 159, 240; Д.145. Л.8, 122, 194, 233, 259, 314; Ф.15-А. Оп.152. Д.2. Л.33; Оп.1845. Д.17. Л.71-72; Д.24. Л.245-249.

Таблица № 4

**Боевой состав советских сухопутных сил, прибывших с Запада
на Дальний Восток в мае—августе 1945 г.**

Объединения, соединения и отдельные части	Время прибытия				Всего
	май	июнь	июль	1—8 августа	
Полевые управления					
фронтов	1	1	—	—	2
общевойсковых армий	1	1	1	—	3
танковых армий	—	—	1	—	1
Всего	2	2	2	—	6
Управление корпусов					
стрелковых	3	3	3	—	9
артиллерийских	—	—	1	—	1
танковых	—	—	1	—	1
механизированных	—	—	2	—	2
Всего	3	3	7	—	13
Дивизии					
стрелковые	4	14	9	—	27
артиллерийские	—	—	2	—	2
зенитно- артиллерийские	—	—	6	1	7
Всего	4	14	17	1	36
Бригады					
артиллерийские	—	3	18	2	23
реактивной артиллерии	—	—	5	2	7
танковые	—	—	5	2	7
механизированные	—	—	7	—	7
самоходной артиллерии	—	—	2	—	2
Всего	—	3	37	6	4
Укрепленные районы	2	—	—	—	2
Отдельные полки	3	9	42	4	58
Отдельные б-ны (д- ны)	18	50	29	—	97

ЦДАО РФ. Ф.13-А. Оп.419. Д.84. Л.84, 91, 92, 93, 101, 102.

Таблица № 5

Распределение боевого состава советских сухопутных войск, прибывших
в 1945 г. с Запада, между фронтами дальневосточного театра

Объединения, соединения и отдельные части	Прибыло в состав			Всего
	ЗабФ	1-й ДВФ	2-й ДВФ	
Полевые управления				
фронтов	1	1	—	2
общевойсковых армий	2	1	—	2
танковых армий	1	—	—	1
Всего	4	2	—	6
Управления корпусов				
стрелковых	6	3	—	9
артиллерийских	1	—	—	1
танковых	1	—	—	1
механизированных	2	—	—	2
Всего	10	3	—	13
Дивизии				
стрелковые	18	9	—	27
артиллерийские	2	—	—	2
зенитно-артиллерийские	4	2	1	7
Всего	24	11	1	36
Бригады				
артиллерийские	18	3	2	23
реактивной артиллерии	4	3	—	7
танковые	6	—	1	7
механизированные	7	—	—	7
самоходной артиллерии	2	—	—	2
Всего	37	6	3	58
Укрепленные районы	—	2	—	2
Отдельные полки	28	27	3	58
Отдельные б-ны (д-ны)	46	28	23	97

ЦАМО РФ. Ф.13-А. Оп.419. Д.84, 91, 92, 93, 101, 102.

Таблица № 6

**Распределение сил и средств советских сухопутных войск, прибывших
в 1945 г. с Запада, между фронтами дальневосточного театра**

Силы и средства	Прибыло в состав			Всего
	ЗабФ	1-й ДВФ	2-й ДВФ	
личный состав	271 556	120 790	11 009	403 355
винтовки и карабины	114 451	61 447	4718	180 616
пистолеты-пулеметы	56 390	24 085	2502	82 977
ручные и станковые пулеметы	6531	3918	174	10 823
полевые орудия	2461	902	155	3698
зенитные орудия	488	217	141	900
минометы	1881	652	6	2539
Всего орудий и минометов	5010	1825	302	7137
танки	874	16	65	955
в т.ч. тяжелые и средние	649	10	65	724
САУ	376	632	156	1164
в т.ч. тяжелые и средние	—	166	—	166
Всего танков и САУ	1250	648	221	2119
автомшины грузовые	11 783	5354	237	17 374
тракторы и тягачи	595	694	193	1482
лошади	24 392	11 888	—	36 280

ЦДАО РФ. Ф.13-А. Оп.419. Д.84. Л.84-102; Д.91. Л.100-146; Д.92. Л.193-200; Д.93. Л.66-78, 101-191, 216, 301, 318; Д.101. Л.153-163, 221-230; Д.102. Л.160-185.

Таблица № 7

Численность дальневосточной группировки Советских вооруженных сил
по состоянию на 09.08.1945 г.

Силы и средства	Сухопутные войска	ВВС	Войска ПВО	ВМС	Итого
личный состав	1 377 753	113 612	78 705	177 395	1 747 465
винтовки и карабины	736 885	52 225	50 560	144 130	984 800
пистолеты-пулеметы	291 965	2953	3045	18 513	316 476
станковые и ручные пулеметы	57 956	985	191	8812	67 944
полевые орудия	11 893	—	—	662	12 555
зенитные орудия	1549	71	2635	10 567	5322
минометы	10 938	—	—	10 120	11 958
Всего орудий и минометов	24 380	71	2635	2749	29 835
танки и САУ	5250	—	—	—	5250
боевые самолеты	—	3501	220	1450	5171
боевые корабли основных классов	—	—	—	93	93

Примечание: 1. В количестве полевых орудий показаны орудия береговой обороны ТОФ и КАФ.

2. Данные в таблице приведены без учета сил и средств, прибывших на Дальний Восток в ходе кампании.

ЦАМО РФ. Ф.13-А. Оп.419. Д.93. Л.7-318; Д.102. Л.11-264; Д.159. Л.197-394; Ф.349. Оп.5763. Д.2. Л.6; Ф.360. Оп.6134. Д.32. Л.62-74; Ф.5872. Оп.5010. Д.21. Л.81-82; Статистический сборник «Основные показатели по численности ВМФ СССР в годы Великой Отечественной войны». ИВИ. Документы и материалы. Ф.239. Оп.98. Д.613. Л.60, 62.

Подготовка к войне с Японией началась задолго до начала боевых действий.

21 мая 1943 г. Государственный комитет обороны (ГКО) СССР в постановлении № 3407сс «О строительстве железнодорожной линии Комсомольск – Советская Гавань длиной около 500 км предписал приступить к прокладке упомянутой магистрали в качестве резервного выхода к Тихому океану в случае, если в ходе войны японская армия перережет в Приморье Транссибирскую магистраль. Ее строительство было завершено к 25 июня 1945 г.

Первоначальные расчеты сосредоточения советских войск на границе с Маньчжурией были сделаны в Генеральном штабе нашей армии еще осенью 1944 г.¹

Вскоре после Ялтинской конференции в марте–июле ГКО СССР одобрил ряд постановлений, касающихся коммуникаций между Центром и Дальним Востоком (железнодорожной, автомобильной, военно–морской, радио– и телефонно–телеграфной и высокочастотной).

С 1 июня 1945 г. по решению ГКО СССР от 8 мая того же года № 8449сс советские войсковые части на Дальнем Востоке и Забайкалье были переведены на нормы питания и денежного довольствия действующей армии.

По постановлению ГКО СССР от 3 июня 1945 г. № 8916 сс/ов был утвержден состав Советских вооруженных сил, предназначенных для переброски к границам Маньчжурии. Для этой грандиозной операции было выделено 690 частей (36 дивизий) или групп однородных подразделений, которые должны были прибыть в места передислокации на 946 специально подготовленных для этого эшелонах. Но эта переброска войск началась уже с конца весны 1945 г. и завершилась в первые дни после начала войны с Японией, хотя они должны были прибыть на место назначения к началу боевых действий².

С мая по 8 августа 1945 г. на границу с Маньчжурией было перевезено более 403 тыс. военнослужащих, 7137 орудий и минометов, 2119 танков и самоходных артиллерийских установок, 17 374 грузовика, около 1,5 тыс. тракторов и тягачей, свыше 36 тыс. лошадей³.

28 июня Ставкой Верховного главнокомандующего был утвержден план войны с Японией, по которому все подготовительные мероприятия должны были быть закончены к 1 августа 1945 г., а к самим боевым действиям предписывалось приступить по особому приказу. Сначала эти действия планировалось начать 20–25 августа и закончить в полтора–два месяца, а в случае успеха и в более короткие сроки. Перед войсками была поставлена задача ударами из МНР, Приамурья и Приморья расчленить войска Квантунской армии, изолировать их в Центральной и Южной Маньчжурии и полностью ликвидировать разрозненные группировки противника⁴.

В ответ на докладную записку Главкома ВМФ адмирала Н.Н. Кузнецова от 2 июля Сталин дал ему ряд указаний, в соответствии с которыми советский флотоводец поставил перед Тихоокеанским флотом СССР следующие задачи: 1) не допустить высадки японского десанта в Приморье и проникновения японских ВМС в Татарский пролив; 2) нарушить коммуникации японских ВМС в Японском море; 3) нанести авиационные удары по портам Японии при обнаружении скопления там военных и транспортных судов противника; 4) поддержать операции сухопутных сил по занятию военно-морских баз в Северной Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах, а также быть готовым к высадке десанта на Северном Хоккайдо⁵.

Реализация этого плана первоначально была намечена на 20–25 августа 1945 г., но позднее еще до начала Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.) в предварительном порядке была передвинута Генеральным штабом Красной армии на 11 августа (с 24.00 10 августа по забайкальскому и японскому времени), затем на полночь с 8 на 9 августа⁶. Сталин после известия об успешном испытании в США атомной бомбы спрашивал о возможности переноса начала войны с Японией на 1 августа. Этот успех американцев нельзя считать непосредственной политико-стратегической причиной ускорения сроков войны СССР с Японией⁷, хотя в пределах допустимых оперативными соображениями, заинтересованность в этом вопросе Верховного главнокомандующего была учтена.

Посол Японии в Москве Сато, как уже упоминалось, был предупрежден о том, что с 9 августа 00 часов (по японскому времени) Советский Союз будет находиться в состоянии войны с его государством. 8 августа, менее чем за один час до этого срока, он был вызван для этого Молотовым в Кремль на 17.00 по московскому времени (23.00 по японскому времени), и ему сразу же было зачитано и вручено заявление правительства СССР об объявлении войны. Он получил разрешение его отправить по телеграфу (определенное время заняли его перевод на японский язык для открытого телеграфного сообщения и вместе с тем для составления шифрованной телеграммы. (Правда, эта информация до Токио так и не дошла⁸, и об объявлении СССР войны Японии в Токио впервые узнали из сообщения Московского радио в 4.00 9 августа.)⁹

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что директиву о вступлении Советского Союза 9 августа в 00 часов в войну против Японии, в соответствии с планом Генерального штаба Красной армии, Сталин подписал в 16 часов 30 минут 7 августа 1945 г.¹⁰, т.е. после получения известия об атомной бомбардировке Хиросимы, которая ознаменовала начало «атомной дипломатии» против нашей страны, хотя предложение о начале военных действий 9–10 августа Василевский внес еще 5 августа.

На наш взгляд, если бы Сталин перед Ялтинской конференцией согласился с мнением заместителя наркома иностранных дел Лозовского о том, чтобы, продолжая переговоры о возобновлении пакта о нейтралитете с Японией, не позволить союзникам «втянуть СССР в Тихоокеанскую войну»¹¹ против нее, выраженным в его докладных записках Молотову от 10 и 15 января 1945 г.¹², то США – со своими союзниками, быстро добившись поражения Японии в результате применения ядерного оружия¹³, немедленно заняли бы господствующее положение в Восточной Азии и резко подорвали геостратегические позиции СССР в этом регионе.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ И ПЕРЕГОВОРЫ О КАПИТУЛЯЦИИ ЯПОНИИ

9 августа 1945 г. около 1 часа ночи по хабаровскому времени до получения в Токио сообщения об объявлении СССР войны передовые и разведывательные отряды трех фронтов – Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов под командованием соответственно маршалов Советского Союза Р.Я. Малиновского и К.А. Мерецкова и генерала армии М.А. Пуркаева под общим командованием маршала Советского Союза А.М. Василевского пересекли государственную границу между СССР и Маньчжоу-го (по японским данным, соответственно 00.10, в начале второго часа ночи и в 01.00)¹⁴ и вклинились в территорию противника. С наступлением рассвета к ним присоединились главные силы трех фронтов, пограничники и моряки Краснознаменной Амурской речной флотилии¹⁵.

В тот же день, сразу после полуночи, советская авиация также без получения в столице Маньчжоу-го г. Шеньяне (Мукдене) извещения об объявлении Советским Союзом войны Японии подвергла бомбардировке столицу этого марионеточного государства и г. Харбин. В налете приняли участие 76 летчиков 9-й воздушной армии на самолетах Ил-4¹⁶.

Были нанесены также бомбовые удары по военно-промышленным объектам городов Гирич и Чаньчунь, а также важным железнодорожным узлам.

По вопросу о характере боев между советскими и японскими войсками в историографии имеются разные точки зрения. Так, А.М. Дубинский пишет: «Бои с японскими военными носили ожесточенный характер. Противник опирался на мощную систему обороны и оказывал упорное сопротивление»¹⁷. «...Упорное сопротивление японских войск... продолжалось и после отдачи приказа о прекращении боевых действий»¹⁸ – вторит первому автору А.А. Кошкин. А.М. Дубинский пишет не только о том, что «наступающие части Красной Армии натолкнулись на ожесточенное сопро-

тивление японских войск, в результате чего на ряде участков трех дальневосточных фронтов (хотя их было всего два. — К.Ч.) бои приняли крайне тяжелый характер», но и (со ссылкой на японскую газету «Санко нитинити» от 11 августа 1945 г.) о «наступлении Квантунской армии и армии Маньчжоу-го» против Красной армии, с трудом приостановленном советской авиацией, что, однако, не сломило японцев, вследствие чего «упорные бои продолжались»¹⁹.

Имеется и другая точка зрения по этому вопросу.

Так, в «Истории войны на Тихом океане» о Квантунской армии по ее состоянию на август 1945 г. высказывается мнение, что «эта огромная армия по своей подготовке и снаряжению имела мало общего с прежней отборной Квантунской армией», так как «все кадровые части, входившие в ее состав до войны, были переброшены в другие районы», она «состояла из недостаточно обученных недавно мобилизованных солдат и не была как следует укомплектована снаряжением», в результате чего «первая линия обороны очень быстро рухнула», и японские части вовремя сконцентрироваться для отражения советского наступления уже не успели»²⁰.

«Хорошо отмобилизованные и обученные советские войска, имевшие за своими плечами опыт войны с немецко-фашистскими армиями, вооруженные первоклассным по тому времени оружием, многократно превышавшие по численности противника на направлениях главных ударов, относительно легко смяли разбросанные части Квантунской армии, которые оказывали упорное сопротивление только в отдельных пунктах, — развивает эту точку зрения российский историк А.А. Кириченко, — почти полное отсутствие японских танков и авиации позволило отдельным советским частям проникать в глубь Маньчжурии почти беспрепятственно»²¹.

Действительно, в ходе основной по своей результативности Хингано-Мукденской операции Забайкальский фронт, где на направлении главного удара было сконцентрировано 70% стрелковых войск и до 90% танков и артиллерии советской группировки, нашим войскам удалось в кратчайшие сроки преодолеть высокий хребет Большой Хинган, прорваться в центр Маньчжурии. Наиболее показательными в этом отношении явились действия 6-й гвар-

дейской танковой армии генерал-полковника Кравченко, которая за первые три дня с начала войны без боев преодолела 450 км²² и приостановилась только из-за того, что самолеты, совершившие 1755 вылетов, не успели к этому времени снабдить ее горючим, необходимым для безостановочного продвижения вперед. Невиданно высокому темпу продвижения Красной армии содействовало и выполнение противником приказа штаба Квантунской армии, отданного на случай советского наступления непосредственно перед его началом, не вступать в бой, а с целью сохранения живой силы и боевой техники отходить на рубеж обороны в центре Маньчжурии, создавая для задержки советских войск только отдельные очаги сопротивления.

Не исключено, что именно поэтому в пяти сводках-шифротелеграммах за первые дни войны главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке А.М. Василевский постоянно сообщал Сталину, что «до сих пор основные силы Квантунской армии не выявлены»²³.

В период с 9 по 14 августа войска Забайкальского фронта, нанеся удар по противнику из Тамцак-Булакского района в Восточной части МНР, вклинивающегося в территорию Маньчжурии, при поддержке войск МНР через Большой Хинган прорвались к столице Маньчжоу-го г. Чаньчунь и вступили во взаимодействие с войсками 1-го Дальневосточного фронта.

Этот фронт из района железнодорожной станции Гродеково 9 августа, преодолевая в упорных боях мощные укрепления противника или обходя их, нанес главный удар в направлении г. Гирин в Центральной Маньчжурии для последующего взаимодействия с войсками Забайкальского фронта. К 14 августа советские войска продвинулись здесь на глубину 50–200 км, вступив в бой с сильной группировкой японских войск в районе г. Мудациян, которая пыталась не допустить окружения. Правый фланг 1-го Дальневосточного фронта предпринял наступление на г. Харбин для соединения с войсками 2-го Дальневосточного фронта, двигавшимися из Приамурья.

Главный удар начиная с 9 августа при поддержке Краснознаменной Амурской флотилии войска этого фронта нанесли вдоль

р. Сунгари, продвинувшись на разные направления на глубину 150–200 км.

10 августа после боев они заняли г. Тунцзян, 13 августа – г. Фуцзинь, а 17 августа – г. Цзямусы.

К вечеру 14 августа после десантов Тихоокеанского флота в корейские порты Юки и Расин и потопления большого количества японских судов Квантунская армия (и включенная в ее состав японская Корейская армия) оказались отрезанными от метрополии, и создались благоприятные условия для их окружения и ликвидации²⁴.

В связи с тем, что всего лишь на четвертый день после начала наступления советских войск 12 августа фронт оказался прорванным на всех направлениях, командующий Квантунской армией генерал О. Ямада, переместив ее штаб в Тунхуа вблизи маньчжурско-корейской границы, отдал приказ войскам отойти из Центральной Маньчжурии к находящемуся вблизи этой границы укрепленному району. Тем самым он внес дезорганизацию в действия японских войск в Центральной Маньчжурии, подготовившихся к обороне, и еще больше облегчил задачу советских войск по разгрому противника²⁵.

Тем временем в Токио после начала советско-японской войны продолжалось обсуждение вопроса о принятии Потсдамской декларации.

10 августа в 3.00 правительство Японии, в соответствии с мнением императора, единогласно одобрило решение о принятии Потсдамской декларации при условии сохранения прерогатив императора. «Теперь после атомной бомбардировки и вступления русских в войну против Японии, – писал министр иностранных дел Японии С. Того, – никто в принципе не возражал против принятия Декларации»²⁶.

10 августа соответствующая нота была направлена в США. О ее содержании был поставлен в известность также Китай. А 13 августа был получен официальный ответ Вашингтона, в котором указывалось, что окончательная форма правления будет установлена на основе свободного волеизъявления японского народа. Для обсуждения ответа правительства США и вынесения оконч-

чательного решения 14 августа в бомбоубежище императора было созвано совещание правительства и высшего командования армии и флота, на котором вопреки военной оппозиции император предложил проект своего рескрипта о безоговорочной капитуляции вооруженных сил Японии на условиях Потсдамской декларации, и после его одобрения большинством членов кабинета 15 августа этот документ был отправлен в США²⁷.

После получения по радио рескрипта императора Хирохито о принятии потсдамских условий капитуляции вооруженных сил Японии ночью 14 августа О. Ямада получил телеграмму, подписанную военным министром и начальником Генерального штаба Японии с предписанием продолжать военные действия до получения специального приказа. (Он был объявлен в Токио в полдень 16 августа, и предполагалось, что в Маньчжурию он поступит во все войска через 6 дней.)²⁸

Но в связи с тем, что приказ Ставки на этот счет запаздывал (он не был доставлен даже в течение всего следующего дня), 16 августа этот вопрос был поставлен на рассмотрение штаба Квантунской армии. И хотя некоторые участники заседания выступили за продолжение военных действий, поскольку Потсдамская декларация не гарантировала сохранения власти императора, председательствующий на заседании начальник штаба этой армии Х. Хата настаивал на том, чтобы в соответствии с упомянутым рескриптом императора военные действия были немедленно прекращены на основе его личного приказа, независимо от решения штаба армии. После этого заседания в 16.30 того же дня поступил наконец приказ отдела сухопутных войск Ставки прекратить военные действия и вступить в переговоры об этом с командованием советских войск. О. Ямада немедленно обратился по радио с соответствующим заявлением к Василевскому. А 17 августа Хата был направлен к генеральному консулу СССР в Харбине, чтобы через него передать в тот же адрес аналогичное официальное заявление.

18 августа Ямада на встрече с советским командованием в Шеньяне (Мукден) огласил приказ о прекращении военных действий и разоружении Квантунской армии. А 19 августа в Чанчуне он написал акт о капитуляции. Однако из-за плохой связи и отсутствия

надлежащего контроля соответствующих ответных мер советские войска в целом ряде случаев, по мнению японской стороны, не приняли. При этом, несмотря на разгром к 15 августа первого эшелона японских войск, составляющих 300 тыс. человек, или четверть списочного состава Квантунской армии до начала военных действий (к моменту их начала ее состав фактически был, как уже отмечалось, значительно меньше), в том числе потерь 70 тыс. убитыми, некоторые японские историки, споря между собой²⁹, утверждают, что это были не главные силы Квантунской армии, которые оставались еще вполне боеспособными, и капитулировали, только подчиняясь рескрипту императора³⁰.

Эти факты позволяют критически отнестись к попытке Б.Н. Славинского и опровергнуть точку зрения советской историографии о том, что А.М. Василевский не согласился на немедленное подписание акта о капитуляции Квантунской армии из-за ее продолжающегося сопротивления³¹.

Главная же причина, очевидно, была в другом – в стремлении, насколько это возможно, фактически расширить зону, которая оказалась бы под контролем СССР к моменту подписания акта о капитуляции Квантунской армии, используя в качестве предлога действительно продолжавшееся сопротивление японских войск.

Получив 17 августа радиogramму с заявлением Ямада о готовности немедленно прекратить военные действия и разоружиться, Василевский направил ему по радио ответ, в котором приказал Квантунской армии прекратить военные действия не немедленно, а в 12.00 20 августа, ссылаясь на то, что «японские войска перешли в контрнаступление на ряде участков фронта»³².

За это время советские войска успели значительно расширить территории, входившие в зону, где они должны были принять капитуляцию японских вооруженных сил, в соответствии с приказом № 1 Верховного главнокомандующего вооруженными силами союзных держав на Тихом океане генерала Д. Макартура от 14 августа. (На следующий день после этого он издал директиву о прекращении военных действий против Японии и как Верховный главнокомандующий вооруженными силами союзных держав передал на исполнение начальнику штаба Красной армии генералу А.И.

Антонову, но получил ответ, что тот может предпринять предлагаемые действия, только если получит на этот счет приказ Верховного главнокомандующего вооруженными силами СССР.)

С целью максимального расширения зоны, которая бы к моменту капитуляции вооруженных сил Японии оказалась под контролем советских войск, 18–19 августа они высадили воздушные десанты в Харбине, Гирине и Шеньяне (с захватом императора Маньчжоу-го Пу-и), Чанчуне и в ряде других городов Маньчжурии, а также существенно продвинулись в других районах, в частности 19 августа заняли г. Чэндэ и вышли к Ляодунскому полуострову, а 22–23 августа заняли Порт-Артур и Дальний³³ вопреки первоначальным намерениям американцев направить сюда свои войска, опередив русских, под тем предлогом, что Квантунский полуостров якобы не входит в Маньчжурию как советскую зону принятия капитуляции вооруженных сил Японии³⁴.

Численность каждого из высаженных десантов составляла несколько сот человек.

В Северной Корее до 38 градуса с.ш., войска в которой, как и в Южной Корее, были подчинены командованию Квантунской армии, совместными действиями войск 1-го Дальневосточного фронта и краснофлотцев Тихоокеанского флота были высажены десанты: морские 11 и 12 августа в портах Юки (Унги) и Расин (Нанчжин), 16 августа – в порте Сейсин (Чжончжин) и воздушные 24 августа – в Пхеньяне и Канко (Хамхин), где они приняли капитуляцию японских войск.

Этот этап можно считать начавшимся с 19 августа 1945 г. К 23 августа постепенно завершаются боевые операции.

К 19 августа советские войска уничтожили 8674 японских военнослужащих и взяли в плен 41 199 японских солдат и офицеров³⁶.

В соответствии с приказом № 106 командующего Квантунской армией генерала Ямада от 16 августа подчиненным ему войскам в Маньчжурии и Корее, а также войскам Маньчжоу-го предписывалось немедленно прекратить военные действия, сконцентрироваться в местах их дислокации в данный момент, а в крупных городах – на окраинах и при появлении советских войск через со-

ветских парламентариев сдавать позиции, заблаговременно собранное для прекращения сопротивления оружие, не допуская порчи военного имущества и оружия, продовольствия и фуража, сосредоточенных в других местах, контролировать капитуляцию войск Маньчжоу-го³⁷.

Однако в тот же день штаб сухопутных войск Японии распространил приказ, согласно которому войскам разрешалось «вести необходимые боевые действия с целью самозащиты, если противник попытается продолжить наступление»³⁸.

Для того чтобы не допустить резкого падения морального духа японских военнослужащих, тяжело переживавших поражение в войне, в которой они готовы были погибнуть за своего императора, но не сдать в плен, в части японской армии 18 августа был сданы специальный приказ. В этом документе утверждалось, что военнослужащие и гражданские лица, оказывающиеся под контролем противника на основании рескрипта императора о прекращении военных действий на условиях Потсдамской декларации, рассматриваются японскими властями не как военнопленные (хорё), а только как интернированные (ёкурюся). При этом сдача оружия и подчинение противнику не являются с их точки зрения капитуляцией³⁹.

Однако это определение указанных действий японской стороной, хотя и заслуживает положительной оценки, так как оно уменьшило кровопролитие, не получило международно-правового признания.

Важно отметить также то обстоятельство, что в результате переговоров 18 августа в селе Духовное о фактической капитуляции с 20 августа японских войск, упомянутых выше, начальник штаба Квантунской армии генерал Х. Хата добился от командования Красной армии согласия на обеспечение безопасности японского гражданского населения⁴⁰. Однако позднее обязательство было нарушено, и эти лица были депортированы в трудовые лагеря вслед за японскими военнослужащими.

В эти дни по отношению к японцам в районах, занятых Красной армией, предлагалось поступать в соответствии с телеграммой Берии, Булганина и Антонова № 72929 Василевскому от 16 авгу-

ста, в которой в соответствии с Потсдамской декларацией указывалось: «Военнопленные японо-маньчжурской армии на территорию СССР вывозиться не будут. Лагери военнопленных необходимо организовать по возможности в местах разоружения японских войск... Питание военнопленных производить по нормам, существующим в японской армии, находящейся в Маньчжурии за счет местных ресурсов»⁴¹.

В соответствии с приказом командующего 1-м Дальневосточным фронтом маршала Мерецкова во исполнение этой телеграммы Х. Хата показал на карте с изображением лагерей для японских военнослужащих и складов японского оружия следующие три зоны – основную у границы Маньчжоу-го с СССР, центральную и западную в Маньчжурии, причем в последние две зоны советские войска, продолжавшие продвижение, должны были прибыть позднее⁴².

Хотя японцы нередко, пусть без энтузиазма, но подчинялись в основном приказам своего начальства о капитуляции, бои с мелкими группами японцев, игнорировавших эти приказы, велись в самых различных районах Маньчжурии, в особенности в сопках. В их обнаружении и уничтожении или пленении активно помогало советским войскам местное китайское население, ненавидевшее своих поработителей. Отбившиеся от японских частей голодные солдаты и офицеры, как сообщил автору неоднократный чемпион Москвы по шахматам мастер спорта Ю.С. Гусев, ссылаясь на собственный опыт боев в Маньчжурии, также представляли серьезную опасность для советских военнослужащих.

Капитуляция японских войск на всех фронтах в целом была закончена к 10 сентября, но последние из японцев, известные по фамилиям и именам, были взяты в плен войсками 1-го Дальневосточного фронта между 15 и 20 октября, а общее число всех капитулировавших японских военнослужащих к 7 ноября достигло 640 094 человек, а к концу ноября 641 253 человек⁴³.

Всего в ходе боевых операций советские войска захватили в плен 41 199 японских военнослужащих и приняли капитуляцию 600 тыс. японских солдат и лиц командного состава⁴⁴.

Что касается их судьбы, то 23 августа на заседании ГКО СССР она была решена окончательно.

«Да, этот вопрос решен, — заявил на этом историческом заседании Сталин... — Они достаточно похозяйничали на советском Дальнем Востоке в годы Гражданской войны. Теперь их милитаристским устремлениям положен конец. Пора отдавать долги. Вот они их и отдадут». И подписав постановление ГКО № 9898сс о приеме, размещении и трудовой повинности, вопреки условиям Потсдамской декларации, первоначально полумиллиона японских военнослужащих, устно приказал т. Воробьеву из наркомата обороны через секретаря ГКО, «чтобы он непременно и в сжатые сроки передал НКВД 800 тонн колочей проволоки», а присутствующего на заседании Берия обязал взять выполнение этого решения под свой контроль⁴⁵.

Хотя в окончательные данные о распределении этих военнослужащих по районам СССР и отраслям промышленности были позднее внесены изменения, приводимые ниже сведения дают общее представление по этому вопросу:

1. Распределение по территориям (в тыс. чел.): Казахская ССР — 50, Узбекская ССР — 20, Бурят-Монгольская АССР — 16, Приморский край — 75, Хабаровский край — 65, Красноярский край — 20, Алтайский край — 14, Читинская обл. — 40, Иркутская обл. — 50, проходящий по нескольким областям БАМ — 150.

2. Распределение по отраслям промышленности: на железнодорожном строительстве (БАМ) — 150, на предприятия действующего железнодорожного транспорта — 27, на добычу угля — 86,5, на строительстве портов и заводов — 69, на лесозаготовках — 59, добыче руд — 46, строительстве казарм — 36, на военные заводы — 4, на гражданские заводы — 16,5 и добыче нефти — 6,5⁴⁶.

Этот противоправный с точки зрения Потсдамской декларации шаг, правда, может быть объяснен и нападением Японии на Россию в 1904 г., и японской интервенцией в России в 1918–1925 гг., и активной позицией Японии в вооруженных пограничных конфликтах 30-х гг. Исходя из тяжелого внутреннего экономического положения СССР после войны, ролью его Дальнего Востока и Восточной Сибири, с учетом значения того, как будут использовать-

ся трудовые ресурсы Японии в наступившем противостоянии с США в эпоху ядерной дипломатии и при дефиците собственной рабочей силы, резко сократившейся в годы Великой Отечественной войны, идеологической обработке японцев в духе дружбы с СССР отводилась особая роль.

Утром 9 августа советская артиллерия начала обстрел японской пограничной заставы Хандэндзава (Хандаса), расположенной у 50 градуса с.ш. Японцы отчаянно сопротивлялись в течение трех дней, укравшись в долговременных сооружениях, до тех пор пока не были окружены и уничтожены двумя батальонами атаковавших их советских войск⁴⁷.

11 августа советские войска начали наступление на Южном Сахалине против укрепленного района Котон (Победино) вблизи советско-японской границы. Японские войска оказали упорное сопротивление. Бои продолжались до 19 августа, когда японская сторона официально полностью прекратила сопротивление и была принята капитуляция 3300 японских военнослужащих⁴⁸.

В боях за Маока (Холмск), занятый 20 августа, японцы потеряли 300 человек убитыми и ранеными взято 600 пленных, а советские воины – 77 убитыми и ранеными. Отомари же был взят сравнительно легко с пленением 3400 японских военнослужащих. В японской литературе содержится утверждение, что в ответ на предложение японской стороны прекратить военные действия на Южном Сахалине, сделанное 17 августа после получения приказа из Токио о рескрипте императора о безоговорочной капитуляции на условиях Потсдамской декларации, советские войска в этом районе, выполняя первоначальный приказ о принятии капитуляции японских войск с 12.00 20 августа, отказались от их предложения под тем предлогом, что оно якобы сопровождалось определенными условиями, т.е. не было безоговорочным⁴⁹.

Кроме того, советской стороне было известно, что в предшествующие дни японцы, для того чтобы перегруппировать силы с целью более успешного сопротивления, трижды пытались добиться прекращения боев, используя для этого фальшивых парламентаров.

Это, по утверждению японской стороны, привело к гибели некоторых из «подлинных» парламентаров в ходе перестрелки⁵⁰.

К 25 августа после занятия городов Маока (Холмск), Хонто (Невельск) и Отомари (Корсаков) оккупация Южного Сахалина советскими войсками во взаимодействии с советским Тихоокеанским флотом была завершена.

12 августа ВМС США начали боевые операции в своей зоне боевых действий южнее Четвертого Курильского пролива, подвергнув ожесточенному артиллерийскому обстрелу не только острова Матуа, но и остров Парамушир в нарушение договоренности, достигнутой с СССР на Потсдамской конференции.

В тот же день государственный секретарь США Бирнс приказал их ВМС подготовиться к оккупации зоны боевых операций «в соответствующее время»⁵¹. 14 августа первоначальный вариант общего приказа союзным войскам № 1 без упоминания Курил был направлен Сталину.

14 августа, в соответствии с договоренностью, достигнутой между военными представителями СССР и США на Потсдамской конференции, Объединенный комитет начальников штабов США – направил государственному координационному комитету по морской войне меморандум о подготовке к принятию капитуляции японских войск в зоне Курильских островов южнее Четвертого Курильского (Онекотанского) пролива, именно поэтому Курильские острова и не упоминались в первоначальном варианте общего приказа № 1 Верховного главнокомандующего вооруженными силами союзных держав генерала Макартура.

Однако отсутствие упоминания Курил в этом приказе⁵², полученном Сталиным, насторожило его, и он предположил, что тем самым американская сторона пытается уйти от своего обязательства передать все Курильские острова СССР, в соответствии с договоренностью, достигнутой в Крѐму. Вот почему рано утром 15 августа (по владивостокскому времени) Сталин приказал Василевскому вместе с ТОФ подготовиться к высадке на Курильских островах.

16 августа по получении телеграммы Трумэна от 15 августа Ста-

лин поставил перед ним вопрос о включении всех Курил, а не только Северных, в зону, где капитуляцию японских войск принимают советские войска. 17 августа был получен положительный ответ на это предложение, и Василевский тотчас отдал приказ о высадке войск на Северных Курилах⁵³.

В своем ответе Сталин подчеркнул, что Ляодунский полуостров входит в состав Маньчжурии, т.е. советскую зону капитуляции Квантунской армии, и предложил, чтобы Корея была разделена по 38 градусу с.ш. на советскую и американскую зоны оккупации.

Кроме того, Сталин предложил, чтобы в советскую зону оккупации была включена северная часть Хоккайдо от г. Румои до г. Ку-сиро. Соответствующий приказ № 10 о подготовке к оккупации этого района с 19 августа по 1 сентября войсками 1-го Дальневосточного фронта и ТОФ от 18 августа был направлен советскому командованию⁵⁴. По мнению японского историка Х. Вада, согласие Трумэна на советскую оккупацию всех Курил объяснялось тем, что Сталин пошел на то, чтобы не претендовать на оккупацию Южной Кореи⁵⁵.

Вопрос об оккупации Хоккайдо обсуждался еще на заседании членов Политбюро ЦК ВКП (б) и Совнаркома СССР с участием советских военачальников 26–27 июня 1945 г. в ходе рассмотрения подготовки к войне с Японией. Предложение маршала Мерецкова о занятии этого острова его поддержал Хрущев, а против выступили Вознесенский, Молотов и Жуков.

Первый из них обосновал свое мнение утверждением, что нельзя «подставлять» нашу армию под удар мощной японской оборонь, второй заявил, что десант на этот остров – грубое нарушение Ялтинского соглашения, а третий счел сделанное предложение просто авантюрой.

На вопрос же Сталина, какое количество войск потребуется для данной операции, Жуков ответил, что четыре армии полного состава с артиллерией, танками и другой техникой. Ограничившись общей констатацией факта готовности СССР к войне с Японией, Сталин вернулся к этому вопросу уже после обозначившегося успеха советских войск в боях на полях Маньчжурии.

Соответствующий приказ – № 10 о подготовке к оккупации Хоккайдо с 19 по 1 сентября войсками 1-го Дальневосточного фронта и ТОФ СССР от 18 августа был направлен Василевскому⁵⁶.

Согласившись на советскую оккупацию всех Курил, при условии раздела Кореи с США на зоны оккупации по 38 градусу с.ш.⁵⁷, предложение Сталина об оккупации советской стороной Северного Хоккайдо Трумэн категорически отверг. В результате упомянутый приказ № 10 после ответа Сталина от 22 августа Трумэну на его телеграмму от 18 августа Василевским был отменен⁵⁸.

Отказ США в оккупации советскими войсками северной части острова Хоккайдо, куда Сталин, для того чтобы формально не нарушать положения Потсдамской декларации о возвращении японских военнопленных на родину, собирался их переместить для принудительного труда в специальных лагерях, привел к тому, что он дал новое распоряжение. Приказ Василевского от 18 августа 1945 г.⁵⁹ (во изменение первоначального упомянутого выше распоряжения Берия и др. от 16 августа об их отправке в метрополию) имел еще одно трагическое последствие, пагубно сказавшееся на послевоенных советско-японских отношениях, – сложивших оружие японских военнослужащих и интернированных гражданских лиц из районов, оккупированных советскими войсками, на основании приказа ГКО СССР №9898сс от 23 августа (первоначально 0,5 млн. чел.) направили в специальные лагеря в Сибири и на Дальнем Востоке⁶⁰. Там они занимались принудительным трудом в условиях непривычного для японцев сурового климата.

16 августа советские десантные суда с войсками 2-й Дальневосточной армии и народным ополчением вышли из Петропавловска-Камчатского и 18 августа утром начали высадку на сильно укрепленных островах Шумшу (Северные Курилы) и Парамушир. Противник встретил их ураганным огнем, причем он полагал, что отражает атаку не советских, а американских войск, так как японские гарнизоны не знали о вступлении СССР в войну с Японией, а густой туман затруднял определение противника.

В боях за Шумшу сражалось 8800 советских бойцов, из которых погибло 1567 чел. против 23 тыс. японцев, из которых погибло 1018 чел. До 24 августа продолжались бои и за остров Парамушир⁶¹.

Сражение за Северные Курилы началось после принятия Японией Потсдамской декларации и направления в японские войска приказа о прекращении военных действий, за исключением продолжения активных боевых действий со стороны противника, и безоговорочной капитуляции японских войск на условиях упомянутой декларации⁶².

Больших потерь с обеих сторон, на наш взгляд, можно было бы избежать, если бы через несколько дней советская сторона вступила в переговоры с японскими гарнизонами Курильских островов, которые к тому времени в дополнение к рескрипту императора о капитуляции получили такой же приказ от своего командования. В результате 23 августа утром началась сдача в плен всех японцев, общее число которых на о. Шумцу достигло, судя только по личному составу 73-й и 91-й пехотных дивизий, 13 673 чел.⁶³. В пользу этой точки зрения свидетельствует бескровное занятие советскими войсками 25 августа острова Онекотан, 28 августа – островов Матуа, Уруп и Итуруп и их высадка 1 сентября на островах Кунашир и Шикотан с пленением без боев 63 840 японских военнослужащих⁶⁴.

Одновременно с отменой приказа о высадке на Хоккайдо Василевский направил командующему Военно-морским флотом СССР адмиралу Кузнецову и командующему СТОФ Юмашеву телеграмму, в которой, ссылаясь на рескрипт императора о капитуляции, предложил последним рассмотреть вопрос о возможности транспортировки основных сил 87-го стрелкового корпуса с Сахалина на Южные Курилы (острова Кунашир и Итуруп), минуя остров Хоккайдо, с докладом об их мнении не позднее чем утром 23 августа⁶⁵.

Из этой телеграммы видно, что в связи с отменой советского десанта на Хоккайдо советское командование, гибко отреагировав на изменение обстановки, решило попытаться использовать этот десант для занятия Южных Курил, после того как Кузнецов и Юмашев положительно отнеслись к запросу Василевского, начав здесь высадку войск до официального подписания Акта о капитуляции.

В результате этого 26 августа началась, по сути дела, отдельная боевая операция без участия войск, кораблей и авиации, предназначенных для занятия Северных и Средних Курил до острова Уруп включительно⁶⁶.

Капитан В. Леонов, получив в г. Корсаков в этот день приказ № 12146 о занятии к 3 сентября островов Кунашир и Итуруп, из-за недостатка горючего 28 августа в 21.50 ограничился сначала направлением на Итуруп только двух траулеров. 28 августа передовой отряд советских войск высадился на этом острове. Японский гарнизон острова выразил готовность к капитуляции.

1 сентября, опасаясь малочисленности советского десанта, капитан Г.И. Брунштейн высадил на острове Кунашир сначала передовой отряд с первого траулера, а затем в подкрепление ему второй отряд. И хотя эти отряды не встречали сопротивления японцев, занятие Кунашира завершилось только к 4 сентября. Остров Шикотан из Малой Курильской гряды был также без боя занят советскими войсками 1 сентября⁶⁷.

Операция же по занятию островов Хабомаи (Плоские) — эти названия они получили позднее, а тогда назывались Суйсё — началась 2 сентября, когда капитан Леонов получил от своего командования приказ подготовить оперативный план занятия этих островов и поручил капитану третьего ранга Чичерину возглавить соответствующую группу войск на случай их занятия. Из-за плохой связи в сложных погодных условиях Леонов не смог, по его словам, точно разъяснить Чичерину, что требуется только план высадки, а не его выполнение к 3 сентября.

Прибыв на Кунашир в 6.00 того же дня, Чичерин организовал две группы для десанта на острова Хабомаи: первую для занятия островов Сибоцу (о. Зеленый), Суйсё (о. Танфильева), Ври, или Юфу (о. Юрий) и Акиюри, или Акиюру (о. Анучина), а вторую — для занятия островов Тараку (о. Полонского) и Хаукарумошир (о-ва Дёмина).

3 сентября эти группы отправились без санкции более высокого советского командования на указанные острова и, не встретив никакого сопротивления со стороны японцев, завершили их занятие 5 сентября; после подписания японской стороной официаль-

ного Акта о капитуляции. При этом штаб Дальневосточного округа назвал их «исконными русскими территориями» (но только с японскими наименованиями), хотя эти о-ва можно было отторгнуть у Японии лишь как меру наказания за агрессию, а не как «исконные русские территории», каковыми они не являлись⁶⁸.

Располагая политико-административной картой Японии, советское командование могло знать, что эти острова в административном отношении не входят в состав Курильских островов (Тисима), а относятся к уезду Ханасаки префектуры Хоккайдо. Но с точки зрения обычного употребления и в ряде официальных изданий, в том числе в толковых словарях и лекциях, острова Хабомаи включались в Японии в состав Курильских островов. Но если бы американцы, делая акцент на политико-административном делении Японии, заняли их как часть своей зоны оккупации — префектуры Хоккайдо, то советская сторона, очевидно, не стала бы настаивать на ином, обычном и, следовательно, юридически правомочном толковании пределов Курильских островов⁶⁹, чтобы не конфликтовать с США. А поскольку советские войска так или иначе опередили здесь американские, последние, зная, что Курилы (Тисима) в обычном словоупотреблении включали в себя и острова Хабомаи, учитывая их небольшое стратегическое значение⁷⁰, не стали в свою очередь конфликтовать с СССР и настаивать на том, что при распределении зон принятия капитуляции японских войск США брали за основу политико-административное деление страны, отложив этот вопрос до переговоров о мирном урегулировании с Японией.

В связи с высказанными соображениями любопытен тот факт, что по прибытии на Хабомаи бойцы отряда Чичерина в первую очередь поинтересовались, не высадились ли здесь американские войска, и успокоились только получив отрицательный ответ.

Не имеет значения с юридической точки зрения, на наш взгляд, и упрек в адрес нашей страны, что занятие островов Хабомаи советской стороной произошло после подписания Акта о капитуляции, претворявшего в правовом отношении заключительный вариант общего приказа Макартура № 1 о распределении зон капиту-

ляции японских войск, так как в этих документах не определен конечный срок выполнения упомянутого приказа.

2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури» в Токийском заливе состоялась официальная церемония подписания Акта о капитуляции.

С японской стороны этот документ от имени императора и правительства Японии подписали министр иностранных дел М. Сигэмицу и представитель имперской Главной ставки вооруженных сил Японии начальник Генерального штаба Е. Умэдзу, от союзных держав – генерал Д. Макартур, от США – адмирал Ч. Нимиц, от Китайской Республики – Су Юнчан, от Великобритании – Б. Фрезер, от СССР – генерал-майор К.Н. Деревянко, затем представители Австралии, Канады, Франции, Нидерландов и Новой Зеландии.

В этом документе провозглашалось принятие Японией условий Потсдамской декларации союзных держав – США, Китая и Великобритании, к которым присоединился Советский Союз, согласие на безоговорочную капитуляцию всех вооруженных сил Японии и вооруженных сил под ее контролем и немедленное прекращение военных действий, а также обязательство выполнять все распоряжения Верховного главнокомандующего вооруженными силами союзных держав, необходимые для осуществления данной капитуляции и условий Потсдамской декларации, или любого другого назначенного союзными державами представителя.

В этом документе также предписывалось японскому правительству и генштабу немедленно освободить всех союзных военнопленных и интернированных гражданских лиц, а императора и правительства приказывалось подчинить Верховному главнокомандующему вооруженными силами союзных держав⁷¹.

Традиционно считалось, что соотношение численности дальневосточной группировки Вооруженных сил СССР и боевого численного состава японских группировок войск, развернутых к 9 августа 1945 г. против Советского Союза, объективно характеризовалось следующими данными:

Таблица № 8

**Боевой состав сил Красной Армии и Военно-морского флота
на Дальнем Востоке**

Объединения, соединения и отдельные части	Красная Армия				ВМФ	Итого
	СВ	ВВС	ПВО	Всего		
УПРАВЛЕНИЯ						
фронтов	3	—	—	3	—	3
армий:						
общевойсковых	11	—	—	11	—	11
воздушных	—	3	—	3	—	3
ПВО	—	—	3	3	—	3
конно-механизированных групп	1	—	—	1	—	1
<u>Управления корпусов:</u>						
стрелковых	20	—	—	20	—	20
кавалерийских	—	—	—	—	—	—
танковых	1	—	—	1	—	1
механизированных	3	—	—	3	—	3
артиллерийские	12	—	—	12	—	12
зенитно-артиллерийские	37	—	39	76	—	76
зенитно-пулеметные	—	—	4	4	—	4
автоброневые	1	—	—	1	—	1
бронепоездов	18	—	—	18	—	18
инженерные	4	—	—	4	—	4
понтонно-мостовые	9	—	—	9	—	9
авиационные	—	1	—	1	—	1
БРОНЕТАНКОВОЕ ВООРУЖЕНИЕ						
танки	3740	—	—	3740	—	3740
в т.ч. тяжелые	60	—	—	60	—	60
средние	1805	—	—	1805	—	1805
легкие	1788	—	—	1788	—	1788
артиллерийских	1	—	—	1	—	1
Авиационных	—	4	—	4	—	4

Объединения, соединения и отдельные части	Красная Армия				ВМФ	Итого
	СВ	ВВС	ПВО	Всего		
ПВО	—	—	3	3	—	3
танковые	2	—	—	2	—	2
мотострелковые	2	—	—	2	—	2
артиллерийские	2	—	—	2	—	2
зенитно- артиллерийские	6	—	1	7	—	7
авиационные	—	29	—	29	—	29
ПВО	—	—	7	7	—	7
БРИГАДЫ:						
стрелковые	4	—	—	4	—	4
танковые	23	—	—	23	—	23
самоходно- артиллерийские	2	—	—	2	—	2
мотострелковые	1	—	—	1	—	1
механизированные	1	—	—	1	—	1
артиллерийские	24	—	—	24	—	24
противотанковые	8	—	—	8	—	8
реактивной артиллерии	3	—	—	3	—	3
минометные	6	—	—	6	—	6
пулеметно- артиллерийские	2	—	—	2	—	2
зенитно- артиллерийские	—	—	3	3	—	3
инженерные	16	—	—	16	—	16
понтонно-мостовые	2	—	—	2	—	2

Таблица № 10

**Боевой состав японских группировок войск, развернутых против СССР
накануне советско-японской войны 1945 г.**

Силы и средства	Квантунская армия	Маньчжуря-Корея	Ю. Сахалин и Курилы	Всего
<u>Боевой состав</u>				
Пехотные дивизии	24	7	3	34
Смешанные бригады	9	2	1	12
Бригады смертников	1	—	—	1
<u>Танковые бригады</u>				
<u>Численный состав</u>				
Личный состав (тыс. чел.)	750	319,4	109	1178,4
Орудия и минометы	4800	1400	440	6640
Танки	855	300	60	1215
Боевые самолеты	1200	700	7	1907
Боевые речные корабли	26	—	—	26

Примечание: С учетом переданных после реформирования из войск Маньчжоу-го 800 орудий и 100 самолетов и из войск японского ставленника во Внутренней Монголии князя Давана 40 орудий.

Составлено по: «История Второй мировой войны 1939–1945 гг.». Т.11. С.181, 182, 284; «Советская военная энциклопедия». Т.4. С.531. Т.8. С.635; «Дайтоа сэнсо кокан сэн си (Официальная история войны в Великой Восточной Азии)». Токио, 1974. Т.73. Ч.2. С.352.

При этом соотношение противостоящих группировок войск СССР и Японии было представлено следующим образом:

**Состав и соотношение сил советских и японских войск
на Дальнем Востоке к началу советско-японской войны 1945 г.**

Силы и средства	Советские войска	Японские войска	Соотношение
Личный состав (тыс. чел.)	1747,5	1178,4	1,5: 1
Орудия и минометы	29 835	6640	4,5: 1
Танки и САУ	5250	1215	4,3: 1
Боевые самолеты	5171	1907	2,7: 1

На ЗабФ сосредоточилось на направлении главного удара 70% стрелковых войск и до 90% танков и артиллерии. Это позволило создать превосходство над противником: по пехоте – в 1,7 раза, орудиях – 0,45 раза, минометах – 9,6 раза, танках и САУ – 5,1 раза и самолетам – в 2,6 раза. На 28-километровом участке прорыва 1-го ДФ соотношение сил и средств было: в людях – 1,5: 1, в орудиях – 4: 1, танках и САУ – 8: 1⁷².

Однако, по данным, выявленным недавно в Российском государственном военном архиве (РГВА), в списке, представленном в конце августа 1945 г. штабом Квантунской армии советскому командованию, к моменту объявления 15 августа императором Хирохито о капитуляции японских вооруженных сил советским войскам противостояли в Маньчжурии и Корее японские войска численностью 712 966 чел., причем непосредственное ведение боевых действий было предписано только 357 541 чел. Даже если учесть, что в этом списке отсутствуют сведения о 4,2% (289 из 1223) частей японских вооруженных сил, разница по сравнению с официальными данными получается огромной. Скорее всего, она была вызвана вынужденной переброской перед самым началом войны с СССР значительной части личного состава этих войск в другие, более «горячие» районы, с точки зрения обороны Японской империи.

В представленном списке почти нет сведений о японской военной авиации, так как к началу войны ее практически не было

(хотя в число советских трофеев был включен 861 самолет, не способный к боевым вылетам), а упоминание о войсках Маньчжоу-го и Внутренней Монголии вообще отсутствует⁷³, так как перед самым началом войны между СССР и Японией они были расформированы, а их вооружение было передано Квантунской армии⁷⁴ (см. таблицу 12).

* Включая 68 пехотных полков и отдельных батальонов, 2 кавалерийских, 2 смешанных и 2 мотомеханических полка.

** Включая 6 прожекторных частей (2328 чел.).

*** На о-ве Шампу один танковый полк, одна танковая рота и четыре полка в Маньчжурии (2857 чел.).

**** В штабе Квантунской армии числилось 6397 человек, местонахождение 4150 человек было неизвестно⁷⁵.

Несмотря на большую численность, многие части Квантунской армии считались «отдельными», были рассредоточены на расстоянии 1,5 млн. кв. км, между ними нередко отсутствовало взаимодействие, хромала дисциплина, и поэтому в полной мере оказать сопротивление советским войскам, как это было, например в 1939 г. на р. Халхин-Гол, они не смогли.

Но это отнюдь не умаляет заслуг советских солдат и офицеров, героически сражавшихся с противником, причем немало из них погибло.

Важной особенностью дальневосточной кампании Советских вооруженных сил 1945 г. было сосредоточение войск и техники на направлениях главных ударов. Например, военное руководство Забайкальского фронта сконцентрировало на направлении главного удара 70% стрелковых войск и до 90% танков и артиллерии. Это дало возможность повысить превосходство над врагом: по пехоте — в 1,7 раза, в орудиях — 4,5 раза, минометах — 9,6 раза, танках и САУ — 5,1 раза и самолетах — 2,6 раза. На 29-километровом участке прорыва 1-го Дальневосточного фронта соотношение сил и средств было таким: в живой силе — 1,5:1, в орудиях — 4:1, танках и САУ — 8:1, в пользу советских войск. Аналогичная ситуация сложилась и на участках прорыва на направлении главного удара 2-го Дальневосточного фронта⁷⁶.

Account Name	7/1/2010	7/31/2010	8/31/2010	9/30/2010	10/31/2010	11/30/2010	12/31/2010
Administrative	100	100	100	100	100	100	100
Capital	100	100	100	100	100	100	100
Construction	100	100	100	100	100	100	100
Debt	100	100	100	100	100	100	100
Equity	100	100	100	100	100	100	100
Expenses	100	100	100	100	100	100	100
Income	100	100	100	100	100	100	100
Liabilities	100	100	100	100	100	100	100
Net Income	100	100	100	100	100	100	100
Retained Earnings	100	100	100	100	100	100	100
Revenue	100	100	100	100	100	100	100
Subtotal	100	100	100	100	100	100	100
Total	100	100	100	100	100	100	100

Account	10/15/16	10/16/16	10/17/16	10/18/16	10/19/16	10/20/16	10/21/16	10/22/16	10/23/16	10/24/16	10/25/16	10/26/16	10/27/16	10/28/16	10/29/16	10/30/16	10/31/16	Total
10/15/16																		
10/16/16																		
10/17/16																		
10/18/16																		
10/19/16																		
10/20/16																		
10/21/16																		
10/22/16																		
10/23/16																		
10/24/16																		
10/25/16																		
10/26/16																		
10/27/16																		
10/28/16																		
10/29/16																		
10/30/16																		
10/31/16																		
Total																		

Потери Советских Вооруженных Сил в войне с Японией в 1945 г.

Виды потерь	ЗабФ	1-й ДВФ	2-й ДВФ	ТОФ и КАФ	Итого
Личный состав	5452	19 282	5561	1264	31 559
убитые и пропавшие без вести	2259	6324	2449	484	11 516
раненые	3193	12 959	3112	780	20 043
Техника и вооружение:					
стрелковое вооружение	1	—	2541	—	2542
орудия всех видов	—	17	9	—	26
минометы	—	—	159	—	159
танки	3	31	20	—	54
САУ	3	—	3	—	6
самолеты	10	53	15	—	78
боевые корабли	—	—	—	11	11
автомшины	—	—	26	—	26
тракторы и тягачи	—	—	7	—	7

ЦАМО. Ф.19-А. Оп.2651. Д.7. Л.358–360.

В результате самоотверженных действий советских войск противнику был нанесен значительный урон в живой силе и технике, было пленено более полумиллиона японских военнослужащих и взяты большие трофеи.

Кроме того, японцы потеряли убитыми около 84 000 человек⁷⁷.

В период советско-японской войны ярко проявились отвага и героизм советских воинов. Свыше 550 соединениям, частям, кораблям и учреждениям Советских вооруженных сил были присвоены гвардейские звания и почетные наименования или награждены боевыми орденами СССР. 308 тыс. воинов-дальневосточников за их личные подвиги были удостоены боевых орденов и медалей.

87 солдат и офицеров – звания Героя Советского Союза, а шестеро, кроме того, награждены второй медалью «Золотая Звезда»⁷⁸.

Таблица № 14

**Количество пленных и трофеи, взятые советскими войсками в период
советско-японской войны 1945 г.**

Наименование трофеев	ЗабФ	1-й ДВФ	2-й ДВФ	Всего
Военнопленные	229 135	107 891	265 964	593 990
Техника и вооружение:				
стрелковое вооружение	96 414	147 712	52 392	296 518
орудия всех видов	860	705	271	1836
минометы	1022	1117	335	2474
танки	480	120	86	686
САУ	—	—	15	15
самолеты	502	359	—	861
пароходы и баржи	—	—	121	121
автомшины	712	1417	192	2321
тракторы и тягачи	—	51	6	57

30 сентября 1945 г. в ознаменование блестящей победы Советских вооруженных сил в завершающей кампании Великой Отечественной войны была учреждена медаль «За победу над Японией», которой награждено более 1,8 млн. человек⁷⁹.

Первые предварительные данные о потерях сторон с 8 августа по 9 сентября были опубликованы в газете «Правда» 12 сентября 1945 г. Позднее они были пересмотрены в «Краткой истории Великой Отечественной войны Советского Союза» (М., 1965) и представлены следующим образом: Япония — более 677 тыс. чел., в том числе 84 тыс. чел. убитыми, СССР — около 32 тыс. чел.

Обращает на себя внимание тот факт, что в эти потери Японии, очевидно, были включены ввиду отсутствия каких-либо оговорок 594 тыс. японских военнослужащих, сложивших оружие при капитуляции. Вызывают сомнения и данные о трофеях Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронта — в общее число 3700 артиллерийских орудий, минометов и гранатометов были включены ручные гранатометы, преобладавшие в этой группе японского оружия, в число 600 единиц бронетехники — бронемшины, тракторы и тягачи, в числе около 12 тыс. пулеметов — главным образом руч-

ные пулеметы, а в число 861 самолета — японские учебно-тренировочные самолеты и гражданские самолеты Маньчжоу-го⁸⁰. Хотя со времени советско-японской войны 1945 г. прошло более полувека, до сих пор остается немало связанных с нею спорных вопросов.

Нет достаточной ясности о соотношении сил Красной армии и группировки японской армии на территории Маньчжурии (Квантунская армия), Севера Кореи, Южного Сахалина и Курильских островов. Приоткрывшиеся в недавнее время отечественные архивы дают совершенно иные данные, нежели, например, в «Истории Второй мировой войны», в которой утверждается, что советским войскам в августе 1945 г. противостояла группировка японских войск численностью около 1,2 млн. чел., оснащенная более чем 20 тыс. орудий и минометов, 2,3 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, 4,3 тыс. боевых самолетов⁸¹. Эти же данные приводятся в таблице № 10.

Достаточно, однако, сравнить данные таблицы № 6 об оснащении танками и артиллерией японской армии в 1945 г., чтобы увидеть, что к тому времени основная боевая техника из Маньчжурии была переброшена на другие фронты или в метрополию для защиты от возможной высадки в Японии американской армии. Если же судить по трофеям (таблица № 14, то Красной армией было захвачено 686 танков, 15 САУ и 861 самолет. А куда же девались 1499 танков и 2439 самолетов, которые составляют разницу между вышеупомянутыми данными «Истории...»? Неужели всю эту технику разгромили советские войска за семь дней боевых действий? Нет, просто такого количества ни танков, ни самолетов в Маньчжурии не было. Иначе вряд ли 6-я Гвардейская танковая армия под командованием генерал-полковника Кравченко прошла за три дня 450 км, а могла и больше продвинуться, если бы транспортная авиация успевала снабжать ее горючим.

Вызывают сомнения и данные о потерях. Первоначально в советских сообщениях указывалось, что наши общие потери составляли 8 тыс. чел., а японские — 80 тыс. Ни один уважающий себя специалист не может поверить, чтобы наступающая (советская) сторона потеряла людей в 10 раз меньше, чем обороняющаяся

(японская), которая к тому же оказывала «жестокое сопротивление». Затем цифра наших потерь (возьмем только убитых и пропавших без вести) была уточнена и достигла 11 516 чел. (и она повторена в таблице № 13). Однако и это оказалось не совсем точно. Но по данным дальнейших исследований цифра только безвозвратных потерь Красной армии составила 12 031 чел.⁸². Однако и эти цифры вряд ли являются окончательными.

Вызывают недоумение и данные о количестве японских военнопленных (таблица № 14). В Российском государственном военном архиве (РГВА), где находятся основные документы относительно военнопленных вражеских армий времен Второй мировой войны, имеется около 520 тыс. личных дел на умерших в советском плену и репатриированных на родину военнопленных японской армии. 20 тыс. японских военнопленных было передано МНР, свыше 15 тыс. умерло в Маньчжурии в приемных лагерях, около 15 тыс. использовалось на хозяйственных работах в советских частях в Маньчжурии. Тем не менее упомянутая в таблице цифра в 593 990 чел. никак не получается. Впрочем, это была головная боль у руководства МВД и Министерства обороны СССР, которые никак не могли договориться между собой: а сколько же на самом деле было пленено японцев?

Предположим, что советским войскам противостояла японская группировка в 1 200 000 чел., из числа которых 80 000 чел. погибло в боях, а 594 000 чел. было пленено, то есть всего 674 000 чел. А куда же исчезли 526 000 японских военнослужащих? Дезертировали из действующей армии и скрылись в метрополии? Какое-то число вполне могло бежать, но не пять сотен тысяч? Ответ один — такого числа японских войск, который приводится в таблице №10, не было. А откуда же могла появиться подобная статистика? Ответ содержится в рассекреченных в 90-е годы документах управления Совета министров СССР по делам репатриации, которое возглавлял генерал-полковник Ф.И. Голиков, а именно в следующей таблице — № 15.

Репатриация иностранных граждан в 1945–1951 гг.⁸³

Национальность	Всего	в том числе	
		освобожденные	военнопленные и интернированные
японцы	1 017 104	499 675	517 429
немцы	967 688	—	967 688
венгры	222 906	22 844	200 062
итальянцы	168 104	149 164	18 940
румыны	131 256	29 796	101 460
австрийцы	76 785	9834	66 951
корейцы	2438	—	2438
болгары	2359	2324	35
испанцы	259	225	34
финны	105	105	—
албанцы	11	10	1

Из этой таблицы видно, что было арестовано почти полмиллиона японских гражданских лиц, которые находились на территории, занятой советскими войсками в результате советско-японской войны 1945 г. Ведь для того чтобы освободить этих японцев, советские власти должны были подвергнуть их заключению. К тому же освобождение их началось, как следует из хранящихся там же документов, отнюдь не в 1945 г., а позднее (в 1946 г. было репатрировано из них только 15 869 чел.). Это были гражданские лица, подданные Японии – члены семей военнослужащих, полицейские, представители администрации, бизнесмены и др. во Внутренней Монголии, Маньчжурии, Корее, на Сахалине и Курилах, которые вместе с военнослужащими, сложившими оружие по приказу императора и взятыми в плен в ходе боев, главным образом оборонительных, и составили приведенное в таблице № 15 огромное общее число направленных в специальные лагеря японцев – 1 017 174 человека, почти на полмиллиона превышающее последние уточненные данные Института военной истории на 1999 г. о японцах, взятых в плен. (На переговорах о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Японией в октябре 1996 г. в Москве японской стороне было сообщено, что в 1945 г. было пленено

594 000 японских военнослужащих, из них репатрировано в Японию в 1946–1951 гг. 510 407 чел., передано властям КНР в 1950 г. – 961 чел., репатрировано в 1946–1950 гг. в Японию 507 589 гражданских лиц, причем освобождено в районах боевых действий 70 880 чел., а отбывают наказание за преступления 1133 чел. – 859 военных и 274 гражданских лица).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный период в отношениях между СССР и Японией — от восстановления между ними межгосударственных отношений после прекращения вооруженной интервенции Японии и других государств Антанты на российский Дальний Восток и в Сибирь до окончания военных действий во Второй мировой войне, в том числе между Советским Союзом и Японией, — явился важной вехой в истории двусторонних отношений и истории международных отношений на Дальнем Востоке — составной части мирового исторического процесса.

Несмотря на враждебность, вооруженные конфликты и даже войну, в отношениях между двумя странами в конечном счете возобладала тенденция к миру, добрососедству и мирному урегулированию возникавших между ними проблем.

После поражения социалистических революций в Европе Советское государство, не отказываясь от идей мировой революции, на практике перешло к борьбе за дипломатическое признание его капиталистическими странами, среди которых важное место занимала Япония.

Налаживая политические, экономические и культурные связи с этой страной, что благотворно сказывалось на двусторонних отношениях, Советский Союз в то же время, вопреки обязательству сторон по конвенции 1925 г. не вмешиваться во внутренние дела друг друга, продолжал линию на поддержку революционного дви-

жения в Японии, ставившего своей целью свержение существующего строя в этой стране.

Таковую же, но противоположно направленную линию на поддержку белогвардейских и других эмигрантских элементов, выступавших за ликвидацию советского строя, проводила и Япония. С периода вторжения японских войск в Маньчжурию в 1931 г. под влиянием военщины эту политику стало проводить и правительство Японии, что привело к серии пограничных инцидентов и вооруженных конфликтов во второй половине 30-х гг. и создало в 1941 г. угрозу войны Японии против СССР в союзе с Германией и Италией («Особые маневры Квантунской армии»), несмотря на заключение в том же году советско-японского пакта о нейтралитете. В этих условиях, руководствуясь принципами современного международного права, допускающего несоблюдение договоров с агрессорами, отраженными в Уставе ООН 1945 г., Советский Союз, отвечая взаимностью на сотрудничество союзных держав, прежде всего США, Великобритании и Китая, в нарушение упомянутого пакта о нейтралитете принял решение вступить в войну против Японии, развязавшей агрессивную войну против этих государств.

Каковы же были итоги советско-японской войны 1945 г.? Каково было ее историческое значение и, что главное для темы настоящей работы, роль Советского Союза в победе над Японией и тем самым завершении Второй мировой войны? Главным итогом войны СССР против Японии явилось ее поражение в этой войне как составной части войны на Тихом океане и Дальнем Востоке, как следствие авантюризма в экспансионистской внешней политике японского милитаризма. Важную роль в ее провале сыграла и недооценка роста советского военно-промышленного потенциала и положительных изменений в военной доктрине нашей страны в 30–40-е годы по сравнению с периодом Русско-японской войны.

Отказ Советского Союза от вооруженного противодействия японской оккупации Маньчжурии в 1931 г. породил в военных кругах Японии ошибочное представление о том, что в нашей стране сохраняется синдром поражения в Русско-японской войне при «панической боязни» тактики фланговых «клещей» и окружения, несмотря на наше преимущество в лобовых столкновениях. Это заб-

луждение применительно к 30-м гг. было, по мнению японской стороны, «подтверждено» отказом СССР от эскалации в 1937 г. Благовещенского инцидента на р. Амур.

Отрезвление в Токио наступило в результате вооруженных пограничных конфликтов 1938–1939 гг. в районе озера Хасан и в особенности на р. Халхин-Гол.

Известно, что при попытке со стороны японцев фланговых охватов советских войск в районе р. Халхин-Гол последние не только обратились в бегство на западном берегу этой реки, но и после ожесточенного сопротивления перешли в решительное контрнаступление. Сходная ситуация сложилась и на восточном берегу этой реки, где японские войска, захватившие там в результате ночной атаки ряд опорных пунктов, были остановлены упорно сражавшимися советскими войсками. Такой же отпор получили японцы и годом ранее при аналогичной атаке советских пограничников на высоте Заозерная в районе озера Хасан.

Не учла японская военная доктрина и качественно усилившаяся боевую мощь вооруженных сил нашей страны по сравнению с периодом Русско-японской войны, а также тесную координацию и взаимодействие всех родов войск. К концу 30-х гг. в этой оценке произошли определенные изменения, что и удержало Токио от вступления в войну с СССР в 1941 г.

При одинаковой стойкости и боевом духе японских и советских военнослужащих последние выигрывали в силе за счет необычайной мощи одновременной скоординированной огневой поддержки со стороны артиллерии, бронетанковых войск и авиации.

Некоторые историки упрекают СССР за то, что занятие самых южных островов Хабомаи (Плоские) — южной части Малой Курильской гряды произошло после подписания Акта о капитуляции с 3 по 5 сентября 1945 г.¹ Но это не представляло собой единственного исключения, ибо бои с занятием территории, оккупированной японскими войсками, происходили еще 40 дней после решения о капитуляции и на Азиатском континенте, т.е. после подписания упомянутого документа о прекращении войны с Японией как в отдельных районах Маньчжурии, так и Северного Китая, а также в районе южных морей, причем чанкайшисты, не разоружая не-

которые японские соединения, бросали их в бой в качестве антикоммунистических наемников во всех провинциях Северного Китая вплоть до 1946 г.².

Несомненно, как это видно из проведенного выше исследования данной темы, вступление СССР в войну с Японией сыграло решающую роль в ее поражении и капитуляции ее вооруженных сил.

Однако эта решающая роль разными историками понимается различно.

В советской историографии эта роль, на наш взгляд, преувеличивается, так как традиционно считается, что СССР внес основной, огромный вклад в разгром японского милитаризма. Так, А.М. Ледовский, критикуя западных ученых, писал: «Принижается вклад Советского Союза в разгром японского милитаризма... О героических подвигах советского народа и его вооруженных сил, о *гигантском вкладе СССР* (курсив мой. — К.Ч.) в достижение победы свидетельствуют неопровержимые факты, зафиксированные в многочисленных документах и материалах...»³ Определенным преувеличением вклада СССР в победу над Японией и причины ее капитуляции с игнорированием вклада США и роли применения ими атомного оружия является оценка А.С. Савина: «...Вступление СССР в войну с Японией в августе 1945 г. было главной причиной (выделено нами. — К.Ч.), ускорившей капитуляцию Японии». И далее в духе приведенного мнения Ледовского: «Советский народ и его Вооруженные Силы... внесли решающий вклад в победу антифашистской коалиции над милитаристской Японией»⁴.

Преувеличивалась и жесточенность боев, которая без оговорок распространялась на всю маньчжурскую военную кампанию. Так, А.А. Кошкин писал: «Несмотря на упорное сопротивление японских войск, которое продолжалось и после отдачи приказа о прекращении боевых действий, мощная группировка противника была наголову разбита всего за 24 дня»⁵.

О «неоценимом вкладе» СССР в победу над Японией пишет и российский историк В.П. Сафронов, хотя его вполне обоснованно можно оценить как *важный* (К.Ч.) или *весомый* (Зимонин) ⁶ и даже, как указано нами выше, в определенном смысле решающий.

Странным выглядит и позиция другого российского историка,

Б.Н. Славинского, который считает якобы «неблагодарным трудом» оценку того, кто виноват в тех отношениях, которые были исследованы им, включая данную войну между СССР и Японией, заявляя об этой войне в то же время в противоречие с самим собой, что «может быть мы квиты»⁷, т.е. по сути дела одобряя не стремление союзников наказать Японию за агрессию в соответствии с нормами международного права, а осуждаемое им стремление к реваншу.

Издержки и преувеличения в оценке роли СССР в победе над Японией, свойственные советской историографии, стремится в своих работах устранить А.А. Кириченко⁸.

Что касается мнения зарубежных ученых из числа критически мыслящих современных оппонентов советской политике в отношении Японии в качестве характерного рассмотрим точку зрения профессора Цуёси Хасэгава, японца по национальности, давно переехавшего в США, интересную, в особенности отражением отношения японцев к этой войне и ее последствиям для советско-японских отношений. «Было бы слишком нереальным ожидать, чтобы сознание вины Японии за развязывание войны было распространено также на отношения с Советским Союзом. Тем не менее до тех пор, пока японцы не приступят к самокритической оценке (в этом отношении. — К.Ч.) своего прошлого с установлением сложного баланса между своей приверженностью к милитаризму, экспансии и войне и их оправданным требованием исправить негативные стороны сталинской внешней политики, — не без основания пишет этот историк, — подлинное примирение между двумя странами невозможно».

В то же время Хасэгава считает, что «память о войне все еще свежа в современной Японии, и она имеет в себе достаточно сил, чтобы помнить о японских антисоветских акциях». «Сталин, — полагает он, — добился блестящего геостратегического выигрыша в последний месяц войны на Тихом океане, но это была пиррова победа, так как она создала глубоко негативный образ СССР в массовом сознании японцев. Груз этой коллективной памяти служит балластом, который препятствует любому движению по сближению между Советским Союзом и Японией»⁹.

Говоря о трагедии 2,7 млн. японцев на территориях, оккупированных СССР, в том числе 150 тыс. чел., пропавших без вести, разъединенных японских семьях, часть которых осталась в Китае, а также принудительной репатриации 426 тыс. японцев с Сахалина и Курил при стремлении к объективной оценке более мягкого отношения к ним с советской стороны на этих островах, чем на континенте, а также о гибели более чем 60 тыс. интернированных в СССР японских военнослужащих в нарушение международной Женевской конвенции 1929 г.¹⁰, Хасэгава делает вывод, что «самой важной причиной этой трагедии» является неприятие Токио Потсдамской декларации сразу после ее предъявления, что исключило бы в принципе как возможность войны с СССР, так и атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки¹¹. И с этим выводом нельзя не согласиться.

Вместе с тем этот историк отмечает, что японцы редко вспоминают об их интервенции в России в 1918–1925 гг., не любят говорить о японском милитаризме – реальной угрозе безопасности СССР в 30-е годы, вызывавшей вынужденную растрату им своих природных ресурсов в огромном масштабе, и милитаризацию его экономики и общества, а также о своей агрессии в Китае, Корее и других странах Азии.

Но его некоторые важные оценки страдают либо односторонностью, либо являются досадной ошибкой.

Так, правильно говоря о нарушении СССР пакта о нейтралитете с Японией, он не написал, что, в соответствии со ст. 103 Устава ООН – этого основополагающего документа современного международного права – подчеркивается, что в случае разногласий между прежними договорами и Уставом ООН преимущественную силу имеет последний, предусматривающий коллективные санкции против агрессора.

Бьет мимо цели и попытка Хасэгава обвинить Сталина в его речи 3 сентября в фальсификации, где он якобы говорил о «захвате» Японией Курил в 1905 г. вместе с Южным Сахалином, хотя в действительности он заявил, о том, что Япония воспользовалась этой войной, чтобы, в частности, «утвердиться» на Курилах, что на самом деле имело место в результате военного строительства и здания там военно-морских баз¹².

Советский Союз своими вооруженными силами внес важный вклад в победу союзников над милитаристской Японией в войне на Дальнем Востоке в период советско-японской войны 1945 г. – составной части, вопреки мнению Токио, войны его союзников на Тихом океане 1941–1945 гг., а в более широком смысле и Второй мировой войны 1939–1945 гг.

Присоединение СССР к Потсдамской декларации и его вступление в войну против Японии явилось решающим фактором в принятии Токио решения о безоговорочной капитуляции ее вооруженных сил на условиях Потсдамской декларации союзников после применения США атомного оружия против японского гражданского населения в том смысле, что это событие вопреки расчетам на посредничество Советского Союза в прекращении войны на Тихом океане развеяло последнюю надежду императорского правительства на ее окончание без сокрушительного поражения в расчете на раскол в рядах коалиции союзников.

Однако расчет на эти противоречия, обострившиеся в связи с началом «атомной дипломатии», направленной своим острием против СССР, позволили Японии отчасти реализовать такой расчет. В результате этого капитуляция ее вооруженных сил в отличие от Германии была осуществлена на более мягких условиях, сформулированных в Потсдамской декларации, позволившей Японии сохранить свое правительство пусть с консультативными функциями, а также важнейший для самосознания японцев институт императорской власти, хотя с кардинально урезанными полномочиями. Война была начата СССР в период действия советско-японского пакта о нейтралитете, срок которого, по признанию советской стороны, истек в 1946 г. Но она соответствовала обладающим перед ним преимуществом обязательствам Советского Союза по решительным мерам борьбы с агрессором, сформулированным в подписанном союзниками ранее Уставе ООН и признанном в 1956 г. Японией при ее вступлении в ООН без каких-либо оговорок.

Во всех фронтовых и армейских операциях советские войска применяли широкий маневр с охватом, обходом и окружением группировок противника при большой глубине и высоких темпах наступления.

Период советско-японской войны совпал с завершающим этапом Второй мировой войны в Азиатско-тихоокеанском регионе, основную тяжесть которой с учетом ее общей деятельности вынесли на своих плечах США. Их роль заключалась в разгроме военного флота Японии, в уничтожении ее торгового флота, осуществлявшего морские перевозки между метрополией и различными районами Японской империи, где велись боевые действия, в существенном уроне, нанесенном авиации противника, в нанесении большого ущерба военно-промышленному потенциалу и важным гражданским объектам и населению, в результате бомбардировок, в особенности варварских атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, оказавшим наряду со вступлением Советского Союза во Вторую мировую войну на Дальнем Востоке и Тихом океане решающее влияние на ее исход.

Роль основных участников этой войны мы попытались представить в следующей таблице.

Серьезную роль в отпоре японскому агрессору в этой войне сыграла борьба китайского народа, которому большую помощь оказал в его борьбе Советский Союз. Китай, раньше других стран принявший на себя, еще в 1931 г., удар со стороны японского милитаризма, дольше других, с 1937 г., организовал и продолжал упорное сопротивление японской регулярной армии.

Государства Британского содружества наций, начиная с Великобритании, также внесли важный, но менее значительный вклад в дело победы над Японией в этой войне.

Советско-японскую войну можно и даже нужно в научных работах, специально посвященных советско-японским отношениям, выделять в отдельный предмет исследования, не отказываясь, как это делают некоторые японские историки, рассматривать ее как органическую часть войны на Тихом океане и даже Второй мировой войны в целом. Но советские и российские историки нередко отчетливо методологически не отграничивают эти два разных предмета исследования, что в конце концов проявляется в оценке вклада того или иного союзника «в победу над милитаристской Японией» без указания, в какой – советско-японской войне 1945 г. или

в войне на Тихом океане 1941–1945 гг. с эклектическим чередованием в тексте работы упоминания обеих войн.

В качестве характерного примера сошлемся на статью В.П. Зимонина «Советско-японская война 1945 г.», в заключительной части которой о сравнительном вкладе союзников в победу над Японией, делается вывод применительно к войне на Тихом океане, т.е. к другому предмету исследования, а это методологически неправомерно¹³.

Что же касается самой советско-японской войны, то вклад в советско-японскую войну со стороны США выражался главным образом в значительной военной и военно-технической помощи по ленд-лизу, координации военных действий между командованием вооруженными силами двух стран, в подготовке советских моряков на Аляске для боевых операций против Японии, предоставлении военных кораблей для действий в районе Южных Курил и снабжения СССР военной разведывательной информацией.

Вклад других стран ограничивался вспомогательными операциями вооруженных сил Монгольской Народной Республики во взаимодействии с советскими войсками в Маньчжурии.

Во Внутренней Монголии, в провинциях Жэхе и Чахар, определенную роль в этой войне сыграли китайские войска, взаимодействовавшие с советскими войсками Забайкальского фронта. Помогали советским войскам и китайские партизаны в Маньчжурии и корейские в Корее.

Не только решающий, но и самый крупный вклад в победу над Японией, естественно, внес Советский Союз, прежде всего своими мощными и стремительными действиями, а также в результате самого факта вступления в войну против Японии. Это вынудило ее правительство во главе с императором через несколько дней вопреки воле военщины заявить о прекращении военных действий не только на Азиатском континенте и прилегающих к нему островах в зоне военных действий с советскими войсками, но и в войне в других районах Азии и Тихого океана в зоне боевых операций с союзниками.

ПРИМЕЧАНИЕ

Введение

¹ Б.Н. Славинский. СССР и Япония на пути к войне: дипломатическая история. 1937–1945. М., 1999. С. 262.

Глава 1

Восстановление и развитие советско-японских отношений (1925–1931)

¹ Известия, 1925, 15 декабря; АВП РФ. ф.04. Оп.49. П.306. Д.54565. Л.1–46.

² Документы внешней политики СССР. Сборник документов. Т. III (1925–1934). М., 1945. С. 5–8.

³ Указано А.А. Кириченко.

⁴ История Японии. Т. 2. М., 1998. С. 300–301; АВП РФ. ф.0146. Оп.2. П.101. Д.3. Л.1–81.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.42. С. 95.

⁶ Соловьев А.И. Курильские острова. М., 1974. С. 53.

⁷ Уэда Т. Сибэриа сюппэй то Кита Карафутто мондай (Сибирская экспедиция и проблема Северного Сахалина) – Хоппо рёдон тии (Статус северных территорий). Токио. 1962. С. 99–100.

⁸ Григорцевич С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918–1922). М., 1957. С. 87–89.

⁹ Там же. С. 91.

¹⁰ Там же. С.107. Лкбопытно, что в результате этого формально с точки зрения внутреннего права Советского государства, в соответствии с декларацией об учреждении ДВР 1920 г. о включении в ее состав всех территорий бывшей Российской империи, в том числе Камчатской области, в ее составе оказывались и весь Сахалин и все Курильские острова, формально входившие в нее ранее, до уступки их японцам (см. карту Иркутского наместничества, состоящего из 4 областей, разделенных на 17 уездов, в Атласе Российской империи, СПб., 1796).

¹¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, издаваемое Народным комиссариатом юстиции, №1, отдел первый. М., 1923. С. 3.

¹² Peking Tsientsin Times, 1922, July, 20.

¹³ АВП РФ. Ф.146. Д.5. Л.35.

¹⁴ Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962. С. 18.

¹⁵ Московский комсомолец, 1992, 31 июля. РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.349. Л.1–2.

¹⁶ Lensen G. Japanese Recognition of the USSR, Tallahassee, 1970. P.128.

¹⁷ Ibid. P. 153, 163, 180.

¹⁸ В 1910 г. Корея была аннексирована Японией.

¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.39. С. 318.

²⁰ Документы внешней политики СССР. Т.1. М., 1957. С. 565.

²¹ Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1997. С. 146, 148.

²² Иного не дано. Об. статей. М., 1988. С. 374.

²³ Нихон кёсанто адзипуробу (Коммунистическая партия Японии. Отдел агитации и пропаганды). Токио, 1932. С. 23.

²⁴ Sweringen R. and Langer P. Red Flag in Japan. Cambridge, 1952. P. 16.

²⁵ Ibid. P. 16.

²⁶ Итикава Сёити. Тёсакусю (Собр. соч.). Т.1. Токио, 1963. С. 112.

²⁷ Коваленко И.И. Очерки коммунистического движения в Японии. М., 1979. С. 108–109.

²⁸ Sweringen R. and Langer P. Op. cit. P. 11, 21.

²⁹ Ibid. P. 26.

³⁰ Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962. С. 69.

³¹ Итикава Сэйти. Нихон кёсанто тосо сёси (Краткая история борьбы КПЯ). Токио, 1946. С. 76–81.

³² Материалы по вопросу о протестах японского правительства против действий Коминтерна. 9–10 июля 1928 г.; АВП РФ. Ф.08. Оп.11. П.69. Д.36. Л.1–2.

³³ Документы внешней политики СССР. Т.VIII. С. 358–359; Голвин В. Загадка колчаковского генерала. «Эхо планеты», 1992, №13. С. 37–38.

³⁴ АВП РФ. Ф.0146. Оп.6. П.105. Д.3. Л.1–19.

³⁵ АВП РФ. Ф.0146. Оп.61. П.364. Д.25. Л.1–3.

³⁶ Абэ Т. Дзика 130 оку эн киэтэ дайкинкой (Пропавшие слитки золота в сопоставимых ценах в 13 млрд. иен). Акахата (воскресный вып.), 1977, 11 сентября; АВП РФ. Ф.0146. Оп.62. П.371. Д.24. Л.1–22.

³⁷ Абэ Т. Указ. статья. Акахата, 1977, 11 сентября.

³⁸ Токё нитинили симбун, 1926, 5 марта.

³⁹ Абэ Т. Указ. статья. Акахата, 1977, 11 сентября.

⁴⁰ Впрочем, как указал российский японовед А.А. Кириченко, в материалах Токийского процесса имеется адресованный заместителю министра иностранных дел А.Я. Вышинскому отзыв советского представителя на этом процессе С.А. Голунского на справку маршала МНР Х. Чойбалсана, в котором говорится, что США могут оспорить подлинность «меморандума Танаки».

⁴¹ Дипломатический словарь. Т.III. М., 1973. С. 448.

⁴² См., например: Пещерский В. Сокровище по имени Отэ (Новое время. 1995, №13. С. 34); Кутаков Л. Приход к власти правительства Г. Танаки – Япония (М., 1987. С. 90); А. Кошкин. Крах стратегии «спелой хурмы» (М., 1989. С. 14–15).

⁴²(2) Правильно: малых стран Азии.

⁴³ В указанной монографии А. Кошкина (с.15) вместо «Центральной Азии» значитсся «Средней Азии», т.е. части СССР.

⁴⁴ Здесь допущена серьезная ошибка в переводе: о вероятности возникновения необходимости вновь скрестить мечи с Россией на

самом деле говорится применительно не к Монголии, а к Южной Маньчжурии, как то было в Русско-японской войне. Это и выглядит логично, ибо речь идет о стремлении Японии подчинить себе Северную Маньчжурию. — См.: Обата Д., Токино Т. и др. Нихон-си (История Японии). Токио, 1967. С. 489.

⁴⁵ Пещерский В. Указ. соч. С. 34.

⁴⁶ См.: Тайхэйё сэнсо-но си (История войны на Тихом океане). Т. I. Токио, 1972. С. 139.

⁴⁷ Пещерский В. Цит. соч. С. 34–35.

⁴⁸ Тогава И. Сёва гайко годзюнэн (50 лет дипломатии периода Сева). Токио, 1973. С. 28–29.

⁴⁹ Обата Д., Токино Т. и др. Цит. соч. С. 29.

⁵⁰ Очерки новейшей истории Японии. М., 1957. С. 100.

⁵¹ Горбунов Е. Крах планов «Оцу». Владивосток, 1988. С. 27–28.

⁵² Д. Яно. Мансюококу рэкиси (История Маньчжурии). Токио, 1930. С. 320.

⁵³ Там же. С. 1.

⁵⁴ Т. е. вторжения японских войск в Маньчжурию.

⁵⁵ Stephan J. Russian Soldiers in Japan's Service: the Olsano Brigade. Журнал «Сикан», 1967. Р. 56–58.

⁵⁶ Lensen G. Op. cit. P. 196.

⁵⁷ Akagi R. Japan's Foreign Relations. 1542–1936. Tokyo, 1936. P. 426.

⁵⁸ Кутаков Л. Н. Указ. соч. С. 55–56.

⁵⁹ Рыболовная конвенция со всеми относящимися к ней материалами. М., 1928. С. 3–23.

⁶⁰ История Японии. Т. 1. М., 1998. С. 304, 313.

⁶¹ Lensen G. Op. cit. P. 350.

⁶² История Японии. Т. 2. М., 1998. С. 304.

⁶³ Нихон гаймусё (МИД Японии). Мэйдзи-Тайсё бунсё (Архив периодов Мэйдзи и Тайсё. 251.106.17: 47–49); Lensen G. Op. cit. P. 346.

⁶⁴ Беседовский Г. На путях к термидору. М., 1997. С. 180; см. также его дневник и письма в НКВД СССР // АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 9.

П.117. Д.8. Л.1–93; Оп.10. П.126. Д.6. Л.1–8; П.39. Д.288. Л.1–72; Д.289. Л.1–96. П.40. Д.2794. Л.1–52.

⁶⁵ Беседовский Г. На путях к термидору. М., 1997. С. 167–168.

⁶⁶ Там же. С. 176.

⁶⁷ Там же. С. 173.

⁶⁸ АВП РФ. Ф.0146. Оп.11. П.133. Д.18. Л.1–4; Д.61. Л.88; Беседовский Г. Указ. соч. С. 172–173.

⁶⁹ Там же. С. 168–171.

⁷⁰ Нежинский Л.Н. Идея мировой революции и внешняя политика Советского государства в 1917–1921 гг. – Советская внешняя политика 1917–1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992. С. 10, 14, 22.

Глава 2

Первый очаг Второй мировой войны в Маньчжурии и позиция СССР

¹ Ёси Х. Сёва гайкоси (Дипломатия периода Сёва). Токио, 1975. С. 29.

² Lensen G. The Damned Inheritance. The Soviet Union and Manchurian Crisis. 1924–1935. Tallahassee, 1974. P.185. Это, по видимому, нашло отражение в стихах Д. Бедного, опубликованных в «Известиях» от 23 сентября 1931 г.: «Всегда готовая к отпору, молчит загадочно Москва», вызвавших возмущение Сталина (Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. М., 2001. С. 32).

³ История войны на Тихом океане. Т.1. М., 1958. С. 185.

⁴ Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн.2. М., 1973. С. 88–89; История Японии. Т.2. М., 1998. С. 339; Очерки новейшей истории Японии. М., 1957. С. 143–144.

⁵ Химэраэрта Сёваси (Секретная история периода Сёва). Токио, 1956. С. 40–50.

⁶ Тогава И. Сёва гайко 50–нэн (50 лет дипломатии периода Сёва). Токио, 1973. С. 29–30; Ёси Х. Указ. соч. С. 29.

⁷ То есть Ляодунского полуострова на юге Маньчжурии.

⁸ Хаяси С. Кантогун то Кёкуто Сорэнгун (Квантунская армия

и Советская армия на Дальнем Востоке). Токио, 1981. С. 50; Lensen G. *Op. c. P.* 186–192, 197.

⁹ Очерки новейшей истории Японии. М., 1957. С. 118–119.

¹⁰ РГАСПИ. Ф.81. Оп.3. Д.99. Л.32–33; Ф.558. Оп.11. Д.76. Л.76–76 об. Цит. по: Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. М., 2001. С. 103, 116–117.

¹¹ Японо-китайский конфликт; беседы М.М. Литвинова с послом Японии в СССР К. Хирота и поверенным в делах Японии в СССР Амо о советско-японских отношениях, о японо-китайском конфликте, о перевозках японских войск. Беседы Л.М. Карахана с Хирота и Амо о японо-китайском конфликте. – АВП РФ. Ф.0146. Оп.15. П.149. Д.3. Л.1–152; Оккупация Японией Маньчжурии и японо-советский инцидент; записи бесед Л.М. Карахана с К. Хирота; проекты заявлений НКВД СССР в связи с событиями в Маньчжурии. – АВП РФ. Ф.05. Оп.110. П.80. Д.122. Л.1–43.

¹² Чжунго диар лиши даньяньюань. Вайцзяо гуаньси (Второй государственный исторический архив Китая. Внешняя политика). П.860. Д.П(2). Л.15–32.

¹³ РГАСПИ. Ф.79. Оп.1. Д.554. Л.39. Источник выявлен К. Тэраяма. См. его ст. «Маньчжурский инцидент и СССР» // *Acta Slavica Japonica*. Т. XIV. Sapporo, 1996, P. 180.

¹⁴ РГАСПИ. Ф.74. Оп.2. Д.38 и 1. Л.52–53 (Документ выявлен К. Тэраяма.)

¹⁵ Хаяси С. Указ. соч. С.51.

¹⁶ Чубаров В.В. Военные конфликты в Китае и позиция СССР / Советская внешняя политика. 1917–1945. Поиски новых подходов. М., 1992. С. 120–122.

¹⁷ Там же. С. 123.

¹⁸ Федоров Н. Героическая борьба маньчжурских партизан. М., 1937. С. 130–133.

¹⁹ Документы внешней политики СССР. Т.14. С. 497–498.

²⁰ Сунь Цзэ. Партизанская борьба в Маньчжурии. М., 1939. С. 12–13.

²¹ Хаяси С. Указ. соч. С. 53.

²² Там же.

²³ Там же. С. 71.

²⁴ Там же. С. 71.

²⁵ РГАСПИ. Ф.74. Оп.1. Д.160. Л.5–8.

²⁶ Хаяси С. Указ. соч. С. 71–72.

²⁷ Там же. С. 76.

²⁸ Там же. С. 78.

²⁹ Черевко К.Е. Сост., предисл., комментарий и примечания.

История формирования границы Японии с Россией и СССР. Документы и материалы АН СССР. Институт Дальнего Востока. М., 1988. С. 93–106.

³⁰ Хаяси С. Указ. соч. С. 85.

³¹ Там же. С. 87.

³² Там же. С. 90.

³³ Там же. С. 92.

³⁴ Там же. С. 96.

³⁵ Там же. С. 100.

³⁶ Ефимов Г.Е., Дубинский А.М. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. II. 1917–1945. М., 1973. С. 111; Хаяси С. Указ. соч. С. 102.

³⁷ Горбунов Е. Крах планов «Оцу». Владивосток, 1988. С. 85–86.

³⁸ Хаяси С. Указ. соч. С. 102.

³⁹ Нестеров П. Концепции «спорных районов» уже более века. Газета «Владивосток», 1996, 28 марта.

⁴⁰ Нещумов Ю. Говорить об отторжении российских земель нет оснований. Независимая газета, 1993, 29 сентября.

⁴¹ После того как советское руководство отвергло уже подготовленный проект Соглашения о восточной части советско-китайской границы.

⁴² Голутник Ю. Юридическое оформление границы с Китаем встречает сопротивление в России. // Сегодня, 1996, 18 апреля. Как заявил корреспонденту «Сегодня» начальник международно-договорного управления Федеральной погранслужбы РФ генерал-лейтенант Александр Манилов, демаркация восточного участка российско-китайской границы окончательно должна была завершиться в 1997 году. По его словам, в соответствии с достигнутыми

договоренностями, Китаю отошли 5 островов на реке Амур (Еврасиха, Луговской, Нижнепетровский, Попова и Савельева), а также сухопутный участок в районе погранзнака «Литера П» – всего 60,035 кв. км. Манилов уверял, что «стратегически мы ничего не теряем, однако, как и в любом договоре, поступательное движение вперед связано с определенными компромиссами». При этом генерал признал, что в некоторых случаях компромиссы неуместны: в частности, это касается вопроса о принадлежности трех островов – Большого Уссурийского и Тарабарова, находящихся на Амуре в непосредственной близости от Хабаровска, и острова Большой на реке Аргунь – их российская сторона действительно считает «стратегически важными территориями». А поскольку китайцы не соглашались с тем, чтобы они отошли России, вопрос по ним остается пока открытым: его обсуждение вынесено за рамки нынешнего соглашения. Несмотря на это, Манилов выразил уверенность в том, что юридическое оформление российско-китайской границы «ставит и правовую точку в 300-летней истории пограничных споров между Россией и Китаем» и ликвидирует опасность возникновения в будущем территориальных претензий и конфликтов на этом участке российских рубежей. // Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ История войны на Тихом океане. Т. II. М., 1957. С. 345–346.

Глава 3

Советско-японские вооруженные конфликты (вторая половина 30-х гг.)

¹ Пограничные войска СССР (1929–1938). М., 1972. С. 555.

² Внешняя политика СССР. Сб. документов. Т. IV (1935 – июнь 1941). М., 1946. С. 264–265; Русско-китайские отношения в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 57.

³ Русско-китайские отношения в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 58.

⁴ Документы внешней политики СССР. 1937. Т. XX. М., 1975. С. 47–51.

⁵ Документы внешней политики СССР. 1937. Т. XX. М., 1975. С. 144–145.

⁶ В состав Константиновских островов, которые СССР считал своими, а Япония — частью Маньчжоу-го, входили также о-ва Изюбранный, Виноградный и др., признанные СССР и РФ, в соответствии с международным правом по соглашениям с КНР 1991 и 1995 гг., за исключением спорного о. Большой, территорией КНР.

⁷ Хаяси С. Указ. соч. С. 110.

⁸ Известия ЦК КПСС, 1990, № 3. С. 213.

⁹ Известия ЦК КПСС, 1990, № 3. С. 214. Под «неблагоприятным положением в СССР» подразумевались репрессии в Красной армии. Там же. С. 215. См. также: Георгиев Ю.В. Р. Зорге. М., 2000. С. 60.

¹⁰ Там же. С. 215.

¹¹ В 1932–1937 гг. в Маньчжурии численность Квантунской армии была увеличена в 5 раз, количество военных самолетов — в 3 раза, артиллерии — в 4 раза, танков — более чем в 10 раз. Только в 1938 г. численность этой армии за счет продления срока военной службы возросла на 50%. См. Справку Генерального штаба Советской армии. — Очерки новейшей истории Японии. М., 1957. С. 211.

¹² Георгиев Ю.В. Указ. соч. С. 60.

¹³ Кириченко А.А. На далеком озере Хасан. Московская правда, 1998, 11 августа.

¹⁴ Тогава И. Сёва гайкоси. С. 181–182.

¹⁵ Асахи симбун, 1938, 13 июля.

¹⁶ Ёсии Х. Сёва гайко 50-нэн. С. 73.

¹⁷ Тогава И. Указ. соч. С. 182.

¹⁸ Правда, 1938, 18 июля; Известия, 1938, 22 июля. Подробнее см. АВП РФ. ф.0146. Оп.21. П.184. Д.7. Л.1–237; Д.185. Л.1–170.

¹⁹ Там же.

²⁰ Сафронов В.П. СССР и японская агрессия (1937–1945) — Советская внешняя политика (1917–1945) — Поиски новых подходов. М., 1992.

²¹ Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М., 1950. С. 258.

²² Московская правда, 1998, 11 августа.

²³ Мнение некоторых советских ученых о том, что до Айгуньского договора 1858 г. принадлежность этого края была неопреде-

ленной, противоречит русско-китайскому договору 1689 г., по которому земли к югу от р. Амур до устья признавались владением Китая, так что точка зрения, что Амуром считалась эта река до впадения в нее р. Уссури, — несостоятельна.

²⁴ Коох А. *Anatomy of Small War/ The Soviet-Japanese Struggle for Chankufeng / Khasan*, 1938. Westport London, 1977. P. 5–7.

²⁵ Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Указ. соч. С. 259.

²⁶ Там же. С. 259.

²⁷ Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы». М., 1989. С. 51.

²⁸ Гэндайси сирё (Материалы по современной истории). Т.3. Токио, 1962. С. 38–39.

²⁹ Ёси Х. Указ. соч. С. 76.

³⁰ Там же. С. 76–77.

³¹ Известия, 1938, 5 августа.

³² Там же, 8 августа.

³³ Волков Ф.Д. Подвиг Рихарда Зорге. Баку, 1978. С. 93.

³⁴ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. Под общей редакцией кандидата военных наук генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева. М., 1993. С. 72.

³⁵ Кутаков Л.Н. Указ. соч. С. 156; АВП РФ. Ф.0146. Оп.21. П.184. Д.7. Л.1–237.

³⁶ Там же. С. 156.

³⁷ Там же. С. 154, 156; Горбунов Е. 20 августа 1939. М., 1986. С. 146.

³⁸ Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Указ. соч. С. 259.

³⁹ Гэндайси сирё. Т.1. Токио, 1962. С. 255–256.

⁴⁰ Волков Ф.Д. Указ. соч. С. 90–91.

⁴¹ Там же. С. 93.

⁴² Гэндайси сирё. Т.1. С. 379.

⁴³ Проблемы Дальнего Востока, 1991, № 3. С. 137.

⁴⁴ Русский архив. Великая Отечественная. 13/1 (2). М., 1994. С. 59, 322.

⁴⁵ Русский архив. 13/7 (2). С. 98–100.

⁴⁶ Там же. С. 100, 326.

⁴⁷ Сафронов В.П. СССР и японская агрессия (1937–1941 гг.). – Советская внешняя политика. 1917–1945. Поиски новых подходов. М., 1992. С. 251–287.

⁴⁸ Гэндайси сирё. Т.3. Токио, 1964. С. 106–107.

⁴⁹ Фудзивара Х. Номонхан дзикэн (Номонханский инцидент). – Сэкай дайхякка дзитэн (Всемирная энциклопедия). Т.17. Токио. 1968. С. 668.

⁵⁰ Хаяси С. Указ. соч. С. 156.

⁵¹ Славинский Б.Н. Халхин-Гол в 1939 г.: как это было. – Знакомьтесь – Япония, 1999, № 25. С. 35.

⁵² Nomohan: Japan against Russia, 1939. Vol 1. Standord, 1985. P. 146.

⁵³ Это мнение подтвердил в 1934 г. в беседе с генерал-майором Богдановым ведущий монголовед СССР Николай Поппе. (Указано на основе изучения рассекреченных архивных источников 27 июня 2000 г. зам. руководителя центра «Россия–Китай» Института Дальнего Востока РАН доктором исторических наук С.Г. Лужяниным на встрече в Институте мировой экономики и международных отношений РАН с почетным профессором университета Хитоцубаси (Токио) монголоведом Нацухико Танакой.

⁵⁴ Правда, 1948, 19 и 20 февраля.

⁵⁵ Русско-китайские отношения в XX в. Т.IV. Кн. I. 1937–1944. М., 2000. С. 444.

⁵⁶ АВП РФ. Ф.06. Оп.1. П.1. Д.2 (все).

⁵⁷ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т.I. М., 1995. С. 254.

⁵⁸ Хаяси С. Указ. соч. С. 165.

⁵⁹ Горбунов Е. Указ. соч. С. 199.

⁶⁰ Там же. С. 208.

⁶¹ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.1207. Л.112.

⁶² Хаяси С. Указ. соч. С. 180.

⁶³ Там же. С. 180.

⁶⁴ Там же. С. 180.

⁶⁵ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.1207. Л.112.

⁶⁶ Гриф секретности снят. С. 79.

⁶⁷ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.1207. Л.112.

- ⁶⁸ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. I. М., 1979. С. 173–175.
- ⁶⁹ Гриф секретности снят. С. 78.
- ⁷⁰ Горбунов Е.А. Указ. соч. С. 216.
- ⁷¹ Соох А. Ор. cit. Vol. II. P.1101.
- ⁷² Советско-нацистские отношения. 1939–1941. Документы. Париж – Нью-Йорк. 1988. С. 75–76.
- ⁷³ Там же. С. 80–81.
- ⁷⁴ АВП РФ. Ф.0146. Оп.22. П.191. Д.7. Л.1–242.
- ⁷⁵ АВП РФ. Ф.06. Оп.1. П.1. Д.3. Л.1–125; Ф.0146. Оп.2. П.30. Д.389. Л.1–81.
- ⁷⁶ Того Сигэнори. Воспоминания дипломата. М., 1996. С. 203–205.
- ⁷⁷ Внешняя политика СССР. Т. IV. М., 1946. С. 478.
- ⁷⁸ Lensen G. Ор. cit. P. 231–239.

Глава 4

Подход СССР, Германии и Японии к проблеме советско-японских отношений в канун Великой Отечественной войны (1940 г. – июль 1941 г.)

- ¹ Weinberg G.L. Germany and the Soviet Union. 1939–1941. Leiden, 1954. P.106–124.
- ² Тайхэйё сэнсо-э-но мити (Путь к войне на Тихом океане). Т.5. Токио, 1963. С. 236–238.
- ³ Ёсии Х. Сёва гайкоси (История дипломатии периода Сёва). Токио, 1975. С.126; Смирнов Л.Н., Зайцев В.Б. Суд в Токио. М., 1978. С. 200.
- ⁴ Международная жизнь. 1991, № 8. С. 155.
- ⁵ Там же. С. 155.
- ⁶ Документы внешней политики СССР. Т.23. М., 1998. С. 400–403.
- ⁷ Того С. Дзидай-но итимэн (Профиль эпохи). Токио, 1952. С. 132–133.
- ⁸ СССР и Япония. Токио, 1987. С. 183.
- ⁹ Мацуока Ёсукэ – соно хито то сёгай. (Ёсукэ Мацуока как личность и его жизнь). Токио, 1974. С. 842.

- ¹⁰ СССР и Япония. С. 193.
- ¹¹ Там же. С. 193; Ёсии Х. Сёва гайкоси. С. 127.
- ¹² Lensen G. The Strange Neutrality/ P.8 (по секретным архивам Японии) .
- ¹³ Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962. С. 275.
- ¹⁴ В том числе предоставления Индии статуса доминиона с возможной передачей его Японии, хотя в шифровке от 11 ноября 1940 г. Сталин предложил вычеркнуть из проекта декларации четыре пункта о немедленном предоставлении Индии этого статуса.
- ¹⁵ Новая и новейшая история. 1995. № 4. С. 77–79; Архив Президента РФ. Ф.56. Оп.1. Д.1161. Л.147–155.
- ¹⁶ Советская внешняя политика. 1917–1945. М., 1992. С. 225.
- ¹⁷ Там же. С. 227.
- ¹⁸ См., например: Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Указ. соч. С. 199.
- ¹⁹ Советская внешняя политика. 1917–1945. С. 231.
- ²⁰ АВП РФ. Ф.06. Оп.3. П.28. Д.388. Л.2. — Приводится по: Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история. 1941–1945. М., 1995. С. 59.
- ²¹ АВП РФ. Ф.06. Оп.3. П.28. Д.381. Л.1–2. — Цит. по: Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. С. 70–71.
- ²² Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979. С. 373.
- ²³ Советская внешняя политика. 1917–1945. С. 277–278.
- ²⁴ Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2. С. 106.
- ²⁵ Мацуока Ёсукэ — соно хито то сёгай. С. 847–851.
- ²⁶ Дипломатический вестник МИД РФ. 1994. № 23–24. С. 73–74.
- ²⁷ Галицкий Е. Политика Танака — Тодзио. — Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2. С. 86.
- ²⁸ ГАРФ. Ф.7867. Оп.2. Д.272. Л.12–13.
- ²⁹ Кутаков Л.П. Указ. соч. С.283; Славинский Б.Н. Указ. соч. С. 72–73.
- ³⁰ ГАРФ. Ф.7867. Оп.2. Д.272. Л.12–13.
- ³¹ Дипломатический вестник МИД РФ. 1994. №23–24. С. 74–76.
- ³² Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т.4. М., 1946. С. 549–551.

³³ В заявлении от 31 мая 1941 г., переданном через Татэкава правительству СССР, Мацуока заверил Москву, что этот срок не превысит шести месяцев. Там же. С. 362–363.

³⁴ Lensen G. The Strange Neutrality. P.17–18.

³⁵ Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Указ. соч. С. 248; Николаев А.Н. Токио: суд народов. М., 1990. С. 370.

³⁶ Год кризиса. 1938–1939. Т.2. М., 1992. С. 277–278.

³⁷ Из «Секретного дневника войны» генерального штаба Японии. Запись от 14 апреля 1941 г. (Цит. по: Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы». М., 1989. С. 91).

³⁸ Там же. С. 91–92.

³⁹ СССР и Япония. М., 1975. С. 37.

⁴⁰ Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы». С. 88.

⁴¹ Там же. С. 93.

⁴² Николаев А.Н. Токио: суд народов. С. 370.

⁴³ Молодяков В. «Ось» Берлин – Москва – Токио: возможность невозможного. // Знакомьтесь – Япония. 1995. № 7. С.54.

⁴⁴ Там же. С. 57.

⁴⁵ ГАРФ. Ф.7867. Оп.1 (Токийский процесс). Д.275. Л.266.

⁴⁶ Эта дата указывается в следующих источниках: СССР и Япония. С.202; Исраэлян В.Л., Кутаков Л.Н. Дипломатия агрессоров. М., 1967. С. 171. Однако Л.Н. Смирнов и Е.Б. Зайцев (Указ. соч. С. 250) со ссылкой на советского обвинителя на Токийском процессе относят высказывание Мацуока к его беседе с Риббентропом 28 марта 1941 г.

⁴⁷ Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Указ. соч. С. 255.

⁴⁸ Советская внешняя политика. 1917–1945. С. 281.

⁴⁹ Кошкин А.А. Указ. соч. С. 92.

⁵⁰ Japan's Decision for War Stanford, 1967. P.46–47.

⁵¹ The Facefull Choise. N.Y. 1980. P.91, 316.

⁵² Советская внешняя политика. 1917–1945. С. 282.

⁵³ Japan's Decision for War. P.58.

⁵⁴ Lensen G. The Strange Neutrality. P.18.

⁵⁵ Мацуока Ёсукэ – соно хито то сёгай. С. 858.

⁵⁶ Советская внешняя политика. 1917–1945. С. 282.

⁵⁷ История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. II. М., 1980. С. 184.

Глава 5

Советско-японские отношения в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

¹ Кошкин А.А. Указ. соч. Приложение. С. 233–234.

² Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Указ. соч. С. 244.

³ Там же. С. 243–244.

⁴ Кутаков Л.Н. Указ. соч. С. 305; Мажоров С.Т. Советско-японские отношения в ходе Второй мировой войны (1941–1945). // СССР – Япония. К 50-летию установления советско-японских дипломатических отношений. М., 1975. С. 52.

⁵ Lensen G. The Strange Neutrality. P.22.

⁶ Кошкин А.А. Указ. соч. С. 85.

⁷ Мацуока Ёсукэ – соно хито то сёгай. С.1014. Осима в тот период был послом в Германии.

⁸ Новое время. 1995. № 13. С. 31.

⁹ Там же. С. 36.

¹⁰ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 139.

¹¹ Кошкин А.А. Указ. соч. Приложение. С. 219.

¹² Там же. С. 220–221.

¹³ Там же. С. 221.

¹⁴ Japans Decision for War. P.59.

¹⁵ Ibid. P.67.

¹⁶ Новое время. 1995. № 13. С. 36.

¹⁷ Там же. С. 36.

¹⁸ Советская внешняя политика. 1917–1945. М., 1992. С. 284.

¹⁹ Кошкин А.А. Указ. соч. Приложения. С. 232–233.

²⁰ Japan's Decision for War. P.86–87.

²¹ Советская внешняя политика. 1917–1945. С. 215.

²² Кошкин А.А. Указ. соч. С. 96. Приводится по: ГАРФ. Ф.7867. Оп.1. Д.482. Л.968. Текст указанной фразы на обложке книги отличается от цитаты на с. 96: «Нападение должно произойти тогда, когда Советский Союз, подобно спелой хурме, готов будет пасть на землю».

²³ Кошкин А.А. Указ. соч. С. 223.

²⁴ Там же. С. 226.

- ²⁵ Там же. С. 219.
- ²⁶ Там же. С. 228.
- ²⁷ Там же. С. 225.
- ²⁸ Там же. С. 226.
- ²⁹ Японский милитаризм. М., 1972. С. 194.
- ³⁰ Кошкин А.А. Указ. соч. С. 135, 138.
- ³¹ Там же. С. 97.
- ³² Там же. Приложение. С. 238–239, 241–242.
- ³³ Советская внешняя политика. 1917–1945. С. 283–284.
- ³⁴ Там же. С. 284.
- ³⁵ Там же. С. 283.
- ³⁶ Кошкин А.А. Указ. соч. Приложение. С. 224.
- ³⁷ Там же. С. 237.
- ³⁸ Советская внешняя политика. 1917–1945. С. 282.
- ³⁹ Lensen G. The Strange Neutrality. P.28.
- ⁴⁰ Хаттори Т. Япония в войне. 1941–1945. М., 1973. С. 4–5.
- ⁴¹ Lensen G. Указ. соч. P.28–29.
- ⁴² Михайлов А. Операция, которую приказали забыть. Нападение на Пёрл-Харбор было спланировано на Лубянке. // Совершенно секретно. 1994. № 7. С. 9–10.
- ⁴³ Foreign Relations of the US. Diplomatic Papers, 1941. Vol. IV. War, 1961. P.994.
- ⁴⁴ Japans Decision for War. P.118.
- ⁴⁵ Ibid. P.123.
- ⁴⁶ Lensen G. Указ. соч. P.187.
- ⁴⁷ Lebal M. Japans Weg in der Krieg. Dusseldorf, 1971. S. 250.
- ⁴⁸ Lensen G. Указ. соч. P.30.
- ⁴⁹ Кошкин А.А. Указ. соч. С.101–108.
- ⁵⁰ Советская внешняя политика. 1917–1945. С. 284.
- ^{50a} Всего СССР вынужден был отвлечь на советско-германский фронт с начала Великой Отечественной войны более 1 млн. военнослужащих (Славинский Б.Н. СССР и Япония на пути к войне: дипломатическая история. 1937–1945. М., 1998. С. 263).
- ⁵¹ Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 97–98.
- ⁵² МИД Японии, как заявил на том же заседании заместитель министра иностранных дел И. Ямамото, считает, что такой угрозы

Восточной Азии не существует. — Кошкин А.А. Указ. соч. Приложения. С. 234.

⁵³ Там же. С. 234–235.

⁵⁴ Известия. 1941, 15 августа.

⁵⁵ Фуллер Дж. Вторая мировая война. М., 1956. С. 168.

⁵⁶ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. Т. I. М., 1985. С. 104.

⁵⁷ Юхаси С. Сэндзи ниссо косё сёси. 1941–1945. (Краткая история советско-японских переговоров в период войны). М., 1974. С. 23.

⁵⁸ 50 лет Советской армии. М., 1968. С. 291.

⁵⁹ Хаттори Т. Указ. соч. 1941–1945. М., 1973. С. 288.

⁶⁰ Там же. С. 289.

⁶¹ Раткин С.И. Тайны Второй мировой войны. Минск. 1995. С. 25–26.

⁶² Мэтлофф М. и Снэлл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941–1942 гг. М., 1955. С. 64–65.

⁶³ Юхаси С. Сэндзи ниссо косё сёси. С. 33–34; АВП РФ. Ф.1146. Оп.24. П.224. Д.7. Л.403–404. Цит. по: Славинский Б.Н. Указ. соч. С. 147.

⁶⁴ Юхаси С. Указ. соч. С. 34.

⁶⁵ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. I. С. 143–145.

⁶⁶ Правда. 1941, 12 декабря.

⁶⁷ Из Архива Президента РФ. Публикация О.А. Ржешевско-го. — Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 119–120.

⁶⁸ Р. Иванов. Проблема вступления СССР в войну против Японии. — Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 5. С. 73–74.

⁶⁹ Кошкин А.А. Указ. соч. С. 139–141, 143.

⁷⁰ Известия, 1942, 3 января.

⁷¹ Deakin F. The Brutal Friendship. L., 1962. P.16.

⁷² Meskil J.M. The Hollow Alliance. N.Y. 1966. P. 108–112.

⁷³ Ibid. P.62.

⁷⁴ Martin B. Deuchland und Japan in 2 Weltkrieg. Gottingen, 1969. S. 232–234.

- ⁷⁵ См., напр., Гольдберг Д.И. Внешняя политика Японии в 1941–1945 гг. М., 1962. С. 91.
- ⁷⁶ Дубинский А.М. Международные отношения на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – май 1945 гг.) . – Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн.2. Гл.6. М., 1973. С. 191.
- ⁷⁷ The International Yearbook. N.Y., 1943. P.344.
- ⁷⁸ Гольдберг Д.И. Указ. соч. С. 37–38; Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. С. 155.
- ⁷⁹ Международная жизнь. 1968. № 9. С. 159–160.
- ⁸⁰ Кошкин А.А. Указ. соч. С. 144.
- ⁸¹ Там же. С. 146.
- ⁸² Тайхзё сэнсоси (История войны на Тихом океане) . Т.5. Токио. 1973. С. 70.
- ⁸³ История Второй мировой войны. 1939–1945. Т.4. М., 1976. С. 272.
- ⁸⁴ Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Указ. соч. С. 251.
- ⁸⁵ Гольдберг Д.И. Указ. соч. С. 71–72.
- ⁸⁶ Там же. С. 69.
- ⁸⁷ Савин А.С. Японский милитаризм в годы Второй мировой войны. М., 1979. С. 116.
- ⁸⁸ Хаттори Т. Указ. соч. С. 288.
- ⁸⁹ Maddux T. Years of Estrangement Gallahossee, 1980. P. 96.
- ⁹⁰ Хаттори Т. Указ. соч. С. 288–289.
- ⁹¹ Архив Первого главного управления КГБ. Арх. № 211. Л. 601–602.
- ⁹² Очерки из истории дешифровальной службы ВЧК–КГБ. М., 1967. С. 105–106.
- ⁹³ Архив ПГУ КГБ. Арх. № 215. Л. 683–684.
- ⁹⁴ Хаттори Т. Указ. соч. С. 294–295.
- ⁹⁵ Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. С. 154.
- ⁹⁶ Важным симптомом происходивших сдвигов в политике Токио явилось, в частности, то обстоятельство, что за прекращение войны между СССР и Германией, с тем чтобы она сосредоточила все силы на войне с США и Великобританией, выступил ярый

сторонник Гитлера — посол Японии в Германии генерал Сейма. Как явствует из рассекреченной в 1998 г. дешифрованной телеграммы Осима в Токио, он предложил Гитлеру в 1943 г. после Сталинградской битвы свое посредничество в установлении сепаратного мира с СССР, и фюрер выразил готовность к этому в случае (совершенно нереальном. — К.Ч.) сохранения за Германией Украины. — Советская Россия. 1998, 28 мая.

⁹⁷ Морисима Г. Куно-суру тую тайсикан (Агония посольства Японии в СССР). Токио, 1955. С. 7–27.

⁹⁸ Очевидно, имелись в виду военные успехи «держав оси» к началу 1942 г.

⁹⁹ Юхаси С. Указ. соч. с. 54–55.

¹⁰⁰ АВП РФ. Ф.06. Оп.4. П.27. Д.300. Л.142. Цит. по: Славинский Б.Н. Указ. соч. С. 157–158.

¹⁰¹ Юхаси С. Указ. соч. С. 50–60.

¹⁰² The Entry of the Soviet Union into the War against Japan. Wash., 1955. P.6–9.

¹⁰³ Советско-американские отношения. Т.1. С. 178, 194.

¹⁰⁴ Мэтлофф М., Снэлл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941–1942 гг. М., 1955. С. 391–392.

¹⁰⁵ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1957. С. 24.

¹⁰⁶ Там же. С. 26.

¹⁰⁷ Standley W.H. and Agenton A.A. Admiral Ambassador to Russia. Chicago, 1955. P.249.

¹⁰⁸ Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т.1. С. 29–30.

¹⁰⁹ Dean J.R. The Strange Alliena. N.Y., 1947. P.226.

¹¹⁰ Harriman W., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin. 1941–1945. N.Y., 1975. P.160.

¹¹¹ Советско-американские отношения. Т.1. С. 259.

¹¹² FRUS, 1942. Vol. 3. Wash., 1961. P.657.

¹¹³ Подробнее см.: Ильин А.К. К ликвидации японских концессий на Северном Сахалине и пролонгации на пять лет рыболовной

конвенции. — Большевик. 1944, № 9. С. 70; Stephan J. Sakhalin: a History. L., 1971. P. 110, 131–141.

¹¹⁴ Кутаков Л.Н. Указ. соч. С. 400.

¹¹⁵ Юхаси С. Указ. соч. С. 102–103.

¹¹⁶ Lensen G. The Strange Neutrality. P.139.

¹¹⁷ Очерки дешифровальной службы ВЧК–КГБ. С. 112.

¹¹⁸ АВП РФ. Ф.06. Д.031. Л.17, 288–293, 317–322. См.: Кутаков Л.Н. Указ. соч. С. 401.

¹¹⁹ АВП РФ. Ф.06. Д.031. Л.17.

¹²⁰ Кутаков Л.Н. Указ. соч. С. 400.

¹²¹ Lensen G. The Strange Neutrality. P.89–91, 279–281.

¹²² Ibid. P.79.

¹²³ Хаяси С. Японская армия в военных действиях на Тихом океане, М., 1964. С. 90–92.

¹²⁴ Хаттори Т. Указ. соч. С. 344.

¹²⁵ Lensen G. The Strange Neutrality. P.101–102.

¹²⁶ Moscow News. 1944, April. 1.

¹²⁷ АМ РФ. Ф.0146. Оп.28. П.254. Д.3. Л.258–264. Приводится по: Б.Н. Славинский. СССР и Япония на пути к войне: дипломатическая история. 1937–1945. М., 1999. С. 335.

¹²⁸ См. Суравински Б.Н. (Славинский Б.Н.) Ниссо торгоцу дзёяку (Пакт о нейтралитете между Японией и СССР). 1941–1945. Токио, 1996. С. 237–239; Его же: СССР и Япония на пути к войне. С. 335–337.

¹²⁹ Юхаси С. Указ. соч. С. 85–98, 120.

¹³⁰ АВП РФ. Ф.0146. Оп.242. П.265. Д.2. Л.1–15.

¹³¹ Г. Кибардин. Плата за страх? Морской конфликт между СССР и Японией в 1941–1945 гг. — Диесна, 1992, 30 июля.

¹³² История внешней политики СССР. 1917–1945 (под редакцией Б.Н. Пономарева и др.). Т.1. М., 1966. С. 495; Смирнов Л.Н., Зайцев Е.В. Суд в Токио. М., 1978. С. 269; Международный военный трибунал по Дальнему Востоку. ГАРФ. Ф.3970. Оп.1. Д.196. Л.6306–6307.

¹³³ Марков А.П. Россия — Япония. М., 1996. С. 11–12.

¹³⁴ Рагинский М.Ю. и Розенблит С.Я. Указ. соч. С. 257.

¹³⁵ Материалы по этому вопросу и по ущербу японским судам от советских мин приводятся по: АВП РФ. Ф.0146. Оп. 24. П.224. Д. 11. Л.1–50.

¹³⁶ Мажоров С.Т. Указ. соч. С. 54.

¹³⁷ Басов А.В. Флот в Великой Отечественной войне. 1941–1945. М., 1980. С. 133.

¹³⁸ Дзесна. 1992, 30 июля.

¹³⁹ Lensen G. The Strange Neutrality. P.240–246. К вопросу о советских минах в водах Дальнего Востока в период действия советско-японского пакта о нейтралитете относятся также сведения о постановке советскими судами «Астрахань» и «Зарница» начиная с 8 августа 1945 г., еще до начала войны СССР с Японией, мин к северу от о. Аскольд в Японском море.

¹⁴⁰ Lensen G. The Strange Neutrality. P.246–247.

¹⁴¹ Rohover V., Hummelen G. Chronology of the War at Sea. 1939–1945. L., 1992. P.361.

¹⁴² Юхаси С. Указ. соч. С. 42–43.

¹⁴³ Lensen G. The Strange Neutrality. P.76.

¹⁴⁴ АВП РФ. Ф.06. Оп.4. П.27. Д.300. Раздел 3 (Запись беседы посла СССР Сметанина с зам. министра иностранных дел Японии Ниси). Ф.0146. Оп.24а. П.265. Д.4. Л.1–32; Приводится по: Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией... 1941–1945. С. 174.

¹⁴⁵ АВП РФ. Ф.06. Оп.4. П.27. Д.303. Л.1–54; Юхаси С. Указ. соч. С.42–47, 61–62.

¹⁴⁶ Lensen G. The Strange Neutrality. P.248.

¹⁴⁷ Стрельбицкий К.Б. Тайны подводной войны. Малоизвестные страницы Второй мировой войны на море. 1939–1945 гг. Львов, 1996. С. 88.

¹⁴⁸ Роско Т. Боевые действия подводных лодок США во Второй мировой войне / Пер. с англ. М., 1967. С. 95.

¹⁴⁹ Клавинг В.В. Япония в войне 1931–1945. СПб., 2000. С. 3.

¹⁵⁰ Стрельбицкий К.Б. Указ. соч. С. 89.

¹⁵¹ Гольдберг Д.И. Указ. соч. С. 77.

¹⁵² Локвуд Чарльз. Топи их всех. Воениздат. М., 1960. С. 95–96.

¹⁵³ Советско-американские отношения. Т.1. С. 354. Переписка Председателя Совета Министров СССР... С. 76, 283.

¹⁵⁴ Локвуд Ч. Указ. соч. С. 345–346.

¹⁵⁵ Юкаси С. Указ. соч. С. 61.

¹⁵⁶ Кошкин А.А. Указ. соч. С. 156.

¹⁵⁷ АВП РФ. Ф.0146. Оп.24. П.265. Л.2, 15; Ф.06. Оп.5. П.36. Л.437, 1–91.

¹⁵⁸ Stephan J. Kuril Islands: Russo-Japanese Frontier in the Pacific. Oxford, 1974. P.145.

¹⁵⁹ Stephan J. Kuril Islands... P.145; Захаров С.Е. и др. Тихоокеанский флот. М., 1966. С. 143–144; Т. Роско. Указ. соч. С. 252.

¹⁶⁰ Проблемы Дальнего Востока, 1995, № 6. С. 78.

¹⁶¹ The Entry of the Soviet Union into the War against Japan. P.19.

¹⁶² Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т.1. М., 1994. С. 358.

¹⁶³ Шервуд Роберт. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т.2. М., 1953. С. 431–432.

¹⁶⁴ The Entry of the Soviet Union into the War against Japan. P.20.

¹⁶⁵ FRUS. The Conferences at Cairo and Tegeran, 1943. Wash., 1961. P.157.

¹⁶⁶ Кузнец Ю.Л. От Перл-Харбора до Потсдама. М., 1969. С. 135.

¹⁶⁷ Dean J.R. The Strange Alliance. N.Y., 1947. P.25.

¹⁶⁸ АВП РФ. Ф.003. Оп.63. Д.237. Л.2–3. Цит. по: Вестник Архива Президента РФ // Источник. 1995, № 5. С. 114–115.

Комиссия по послевоенным проектам государственного устройства стран Европы, Азии и других частей мира была создана решением Политбюро ЦК ВКП (б) 28 января 1942 г., а 4 сентября 1943 г. она была преобразована им в Комиссию по вопросам мирных переговоров и послевоенного устройства.

¹⁶⁹ Кириченко А. Хаккуцу КТБ химицу бунсё: Сутарин-но сюнэн-но тайниги сансэн, сорэ ва си-но тэцудо-кара хадзиматта (секретный документ из архива КТБ о стратегии в отношении Японии в последние годы жизни Сталина, начатой со строительства железной дороги – «дороги смерти») – «This is Yomiuri». 1992, №11. С. 236.

¹⁷⁰ Юкаси С. Указ. соч. С. 138.

¹⁷¹ Юкаси С. Указ. соч. С. 139.

¹⁷² Хаттори С. Указ. соч. С. 329.

¹⁷³ Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании... С. 104–105.

¹⁷⁴ Кузнец Ю.Л. Указ. соч. С. 146.

¹⁷⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т.2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). М., 1978. С. 95.

¹⁷⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т.2. М., 1957. С. 109–110.

¹⁷⁷ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Тегеранская конференция. Т.2. Об. документов. М., 1984. С. 105.

¹⁷⁸ Известия. 1943, 3 декабря.

¹⁷⁹ FRUS. The Conferences at Cairo and Tegeran, 1943. P.869.

¹⁸⁰ Ibid. P. 532.

¹⁸¹ Вестник Архива Президента РФ. – Источник. 1995, №4. С. 138.

¹⁸² Советский Союз на международных конференциях... Т.2. С. 127.

¹⁸³ NHK Ниссо пуру дзэкуто (Проект NHK по японо-советским отношениям). Токио, 1995. С. 23–24.

¹⁸⁴ National Archive (US). F.1221, CAC 302, 1943, October 5.

¹⁸⁵ Beyond the Cold War to Trilateral Cooperativ in the Asia-Pacific Region. Appendix G. Cambridge, 1992. P.2. Это предложение Сталина, очевидно, объясняется его стремлением в тот период получить Курилы без военных операций там советских войск против Японии.

¹⁸⁶ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т.1. М., 1954. С. 471–472.

¹⁸⁷ Батлер Дж. Большая стратегия, август 1943 – сентябрь 1944 гг. М., 1958. С. 426.

¹⁸⁸ В ее состав Токио включил не только Курилы, но и Южный Сахалин.

¹⁸⁹ JCS, 778. Withdrawal from the War of Hungary, Rumania and Bulgaria. 1944. March 27; JCS, 779/1. Proposed Procedure for Surrender of Rumanian Forces. 1944, March 28 etc. Приводится по: Новая и новейшая история, 1994, № 6. С. 57–58.

¹⁹⁰ The Entry of the Soviet Union into the War against Japan. P. 34–35.

¹⁹¹ FRUS. The Conference at Quebec, 1944. Wash., 1972. P. 266.

¹⁹² Ibid. P. 317.

¹⁹³ The Entry of the Soviet Union into the War against Japan. P. 36.

¹⁹⁴ Foreign Office, 371/41827 (F. Japan, 2110). Здесь и ниже приводимые английские архивные источники выявлены Фионой Хилл. (См. Journal of Northeast Asian Studies 14, 3 (Fall 1995). P. 3–49).

¹⁹⁵ US Joint Intelligence Committee Weekly, Summary, 1944, № 91; Foreign Office, 371/4187 (F. Japan 4182).

¹⁹⁶ Советско-американские отношения... Т.2. С. 272.

¹⁹⁷ FRUS. The Conference at Malta and Yalta, 1945. Wash., 1955. P. 378.

¹⁹⁸ Советско-американские отношения... Т.2. С. 271–272.

¹⁹⁹ Harriman A., Abel E. Peace with Russia. N.Y., 1960. P.380.

²⁰⁰ Stettinius E.F. Rusvelt and Russians. N.Y., 1946. P. 211.

²⁰¹ АВП РФ. Ф.06. Оп.6. П.59. Д.813. Л.1–45; Юхаси С. Указ. соч. С. 161–167.

²⁰² Жуков А. Советско-японские отношения в период Великой Отечественной войны советского народа. – СССР – Япония. Пл.6. М., 1987. С. 229.

²⁰³ Кошкин А.А. Указ. соч. С. 165.

²⁰⁴ Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Указ. соч. С. 273–274.

²⁰⁵ Там же. С. 274.

²⁰⁶ АВП РФ. Ф.06. Оп.6. П.60. Д.818. Л.1–10; Юхаси С. Указ. соч. С. 173–176.

²⁰⁷ Isskaeljan V. Anti-Hitler Coalition. M., 1951. P. 309.

²⁰⁸ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т.2. С. 160–161; Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1968. С. 404.

²⁰⁹ Волков Ф.Д. За кулисами Второй мировой войны. М., 1985. С. 211.

²¹⁰ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн.3. М., 1991. С. 508.

²¹¹ Штеменко С.М. Указ. соч. С. 406.

²¹² The Entry of the Soviet Union into the War against Japan. P. 39–41.

²¹³ FRUS. The Conference at Malta and Yalta, 1945. Wash., 1955. P. 389–400.

²¹⁴ Севостьянов Г.Н. Япония в 1945 г. в оценке советских дипломатов. Новые архивные материалы // Новая и новейшая история. 1995, №6. С. 35–36; Славинский Б.Н. Ялтинская конференция и проблема северных территорий. М., 1996. С. 75–87.

²¹⁵ Архив Президента РФ. Ф.03. Оп.66. Д.1067. Л.1–15; АВП РФ. Ф.06. Оп.7. П.64. Д.68. Л.1–15.

²¹⁶ АВП РФ. Ф.06. Оп.6. П.53. Д.803а. Л.258; Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история. 1941–1945. М., 1995. С. 242.

²¹⁷ АВП РФ. Ф.06. Оп.7. П.54. Д.68. Л.1–15. Цит. по: Славинский Б.Н. Ялтинская конференция... С. 87.

²¹⁸ Севостьянов Г.Н. Указ. соч. С. 36.

²¹⁹ Там же. С. 36.

²²⁰ FRUS. The Conference at Malta and Yalta. P. 830.

²²¹ Willmot Ch. Stalin's Great Victory. N.Y., 1950. P. 830.

²²² Громько А.А. Памятное. М., 1988. С. 89.

²²³ Stephan J. The Kuril Islands... P. 153.

²²⁴ Советский Союз на международных конференциях... Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сб. документов. М., 1979. С. 139–142.

²²⁵ Черчилль У. Указ. соч. Кн. III. М., 1991. С. 536–537; Harriman A., Abel E. Op. cit. P. 339; Feis H. The China Tangle. Princeton, 1972. P. 246–247.

²²⁶ Churchill W. Triumph and Tragedy. L., 1954. P. 340–342.

²²⁷ Крымская конференция... С. 273–274.

²²⁸ В отношении Курил – в записи этой беседы американской стороной «о возвращении», в записи советской стороной – «о переходе во владение».

²²⁹ Hasegawa Ts. Op. cit. P. 44–45.

²³⁰ Hill F. Op. cit. P. 8 (manuscript).

²³¹ Василевский А. Дело всей жизни. М., 1978. С. 506–517.

²³² Hasegawa Ts. Op. cit. P. 45.

²³³ Справка Постоянного представительства СССР при ООН о международных соглашениях, заключенных президентами США, от 28 января 1971 г. (исх. в МИД СССР № 114). С.1.

²³⁴ Pan S. Legal Aspect of the Yalta Agreement // USA Congressional Record. Vol. 33, part 2. P. 2456–2461.

²³⁵ Талалаев А.Н. Юридическая природа международного договора. М., 1969. С. 233.

²³⁶ Талалаев А.Н. Указ. соч. С. 233.

²³⁷ Эта точка зрения Громыко, одобренная Политбюро ЦК КПСС, накануне его выступления в Сан-Франциско, свидетельствует в пользу того, что Сталин придерживался ее и в Ялте.

²³⁸ Советский Союз на международных конференциях. Т. IV. С. 271.

Глава 6

Советско-японские отношения после Ялтинской конференции до вступления СССР в войну против Японии (февраль – начало августа 1945 г.)

¹ Славинский Б.Н. Указ. соч. С. 259.

² Сафронов В.П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1941–1945. М., 2001. С. 303.

³ Того Сигэнори. Воспоминания дипломата (Вступительная статья, оформление и редактирование – Б.Н. Славинский). М., 1996. С. 421, 432.

⁴ Hasegawa Ts. The Northern Territories Dispute and Russo-Japanese Relations. Vol. 1. Berkley, 1998. P. 51.

⁵ Юхаси С. Указ. соч. Т.189–190.

⁶ АВП РФ. Ф.06. Оп.7. П.2. Д.29. Л.109–113; Славинский Б.Н. Указ. соч. С. 257–259.

⁷ Известия. 1945, 6 апреля.

⁸ Например, Славинский Б.Н. Указ. соч. С. 275.

⁹ Там же. С. 275.

- ¹⁰ Того С. Указ. соч. С. 421.
- ¹¹ Сафронов В.П. Указ. соч. С. 309.
- ¹² АВП РФ. Ф.013. Оп.7. П.7. Д.71. Л.19–23.
- ¹³ Кошкин А.А. Указ. соч. С. 168.
- ¹⁴ Кудо Митихиро. Ниссо тюрицу дзэяку-но кэнкю (Изучение японо-советского пакта о нейтралитете). Токио, 1985. С. 220.
- ¹⁵ Кошкин А.А. Указ. соч. С. 167–168.
- ¹⁶ Того С. Указ. соч. С. 441.
- ¹⁷ Вада Харуки. Хоппо рёдо мондай. Рэкиси то мирай (Проблема северных территорий. История и будущее). Токио, 1999. С. 155; Самбо хомбу (Генеральный штаб Японии). Хайсэн-но кироку (Записи о поражении в войне). Токио. 1989. С. 279; Ниси Харукико. Ниссо кокко мондай (Проблемы японо-советских межгосударственных отношений). 1917–1945. Токио. 1960. С. 266–267.
- ¹⁸ Того С. Указ. соч. С.441.
- ¹⁹ Там же. С. 435.
- ²⁰ Славинский Б.Н. Указ. соч. С.281.
- ²¹ Того С. Указ. соч. С. 440.
- ²² Hasegawa Ts. Op. cit. P. 53; Lensen G. Op. cit. P. 134.
- ²³ За кулисами тихоокеанской битвы (японо-советские контакты в 1945 г.). – Вестник МИД СССР, 1990, №19 (77). С. 48–49.
- ²⁴ АВП РФ. Ф.06. Оп.7. Д.891. Л.393–407; Вада Х. Указ. соч. С. 156.
- ²⁵ Вада Х. Указ. соч. С. 156.
- ²⁶ АВП РФ. Ф.06. Оп.7. Д.889. Л.20.
- ²⁷ Сюсэн сироку (Исторические документы об окончании войны). МИД Японии. Токио. 1952. С. 504.
- ²⁸ Вада Х. Указ. соч. С. 157.
- ²⁹ Славинский Б.Н. СССР и Япония на пути к войне: дипломатическая история. 1937–1945. М., 1999. С. 435.
- ³⁰ МИД СССР. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. Т.6. Сб. документов. М., 1984. С. 40.
- ³¹ FRUS. Diplomatio Papers. The Conference of Berlin Uthe Potsdam Conference), 1945. Vol. 2. Wash., 1961. P. 1585–1586.
- ³² Бережков В.М. Путь к Потсдаму. М., 1979. С. 238.

³³ Бережков В.М. Указ. соч. С. 238; Славинский Б.Н. Япония на пути к войне... С. 435.

³⁴ Alprovitz G. The Decision to use Atomic Bomb and Architecture of American Myth. N.Y., 1995. P. 142–143.

³⁵ Truman H.S. Off the Record. N.Y., 1980. P. 53.

³⁶ Военно-исторический журнал. 1967, № 5. С. 54.

³⁷ Truman M. Bess W. Truman. N.Y., 1980. P. 26.

³⁸ Truman M. Op. cit. P. 267.

³⁹ Сборник действующих договоров, конвенций и соглашений СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М., 1958. С. 137–139.

⁴⁰ Burns J. All in one Time. N.Y., 1958. P. 296.

⁴¹ Ibid. P. 296–297.

⁴² Сафронов В.П. СССР, США и японская агрессия... С. 331–332.

⁴³ АВП РФ. Ф.0639. Оп.1. Д.77. Л.9. Заголовок этого документа, любезно сообщенный В.П. Сафроновым, вводится здесь в оборот впервые.

⁴⁴ АВП РФ. Ф.06. Оп.4. П.2. Д.31. Л.96.

⁴⁵ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1957. С. 256.

⁴⁶ Сафронов В.П. СССР, США и японская агрессия... С.332. Такую же ошибку делает и Б.Н. Славинский. СССР и Япония на пути к войне... С. 450.

⁴⁷ Там же. С. 331.

⁴⁸ A Decade of American Foreign Policy. Basic Documents. 1941–1949. Wash., 1950. P. 625.

⁴⁹ Хоппо редо мондай сирёсю (Сб. документов по проблеме северных территорий). Токио. 1968. С.41.

⁵⁰ Того С. Указ. соч. С. 461–462.

⁵¹ Вада Х. Хоппо редо-о кангаэру (Размышления о северных территориях). Токио. 1990. С. 364–365.

⁵² Вада Х. Хоппо редо мондай (Проблема северных территорий). Токио. 1999. С. 160.

⁵³ Вада Х. Хоппо редо... С. 161.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Kawai K. «Mokusatsu»: Japan's Response to the Potsdam Declaration. Pacific Historical Review. 1950, № 4. P. 409.

⁵⁶ Суравински Б. Ниссо тюрису дзэёку (Пакт о нейтралитете между Японией и СССР). Токио, 1996. С. 348.

⁵⁷ FRUS. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin. Vol. 2. P. 345–352.

⁵⁸ ЦАМО РФ. Ф.40. Оп.11549. Д.313. Л.80–83; Dean J. The Strange Alliance. N.Y., 1947. P. 268.

⁵⁹ АВП РФ. Ф.06. Оп.3. П.28. Д.383. Л.16–18; Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете... С. 81–82.

⁶⁰ АВИ РФ. Ф.06. Оп.2. Д.378. Л.1–3.

⁶¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР... С. 263, 264, 266.

Глава 7

Советско-японская война (9 августа – 2 сентября 1945 г.)

¹ Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1989. С. 501.

² Подсчитано по: РГВА. Ф.451/п. Оп.20. Д.3. Л.34–37; РГАС-ПИ. Ф.644. Оп.1. Д.389. Л.6–9; Д.397. Л.146–167, Д.397. Л.146–167. Д.434. Л.5–10. Д.414. Л.1; ЦАМО РФ. Ф.13-А. Оп.396. Д.8. Л.16; Д.25. Л.66, 114, 133; Д.26. Л.11, 59, 66, 77, 78, 295; Д.28. Л.44, 122; Оп.503. Д.94. Л.193; Д.99. Л.315; Д.100. Л.35, 53, 303; Оп.504. Д.156. Л.6; Д.155. Л.7; Д.157. Л.8; Д.165. Л.62; Д.167. Л.13, 137, 55, 100; Д.168. Л.77; Д.169. Л.64, 87, 105, 147; Оп.505. Д.133. Л.5, 159, 240; Д.145. Л.8, 122: 194, 233, 259, 314; Ф.15А. Оп.152. Д.2. Л.31; Оп.1845. Д.17. Л.71–72; Д.24. Л.245–249. Приводится по статье А.А. Кириченко «Нюансы» маньчжурского блицкрига // Знакомьтесь – Япония, 2000, № 30. С. 70–71.

³ История Второй мировой войны, 1939–1945. Т.11. М., 1980. С. 193.

⁴ Василевский А.М. Указ. соч. С. 563.

⁵ Севостьянов Г.Н. Япония в 1945 г. в оценке советских дипломатов // Новая и новейшая история. 1995, № 4. С. 50.

- ⁶ Военно-исторический журнал. 1967, № 5. С. 54–56, 66; 1985, № 12. С. 84.
- ⁷ Сафронов В.П. СССР, США и японская агрессия... С. 324, 437, 440.
- ⁸ Юхаси С. Указ. соч. С. 217–219.
- ⁹ Хаттори Т. Указ. соч. С. 558.
- ¹⁰ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1989. С. 399.
- ¹¹ Славинский Б.Н. СССР и Япония на пути к войне. С. 361.
- ¹² АВП РФ. Ф.06. Оп.7. П.55. Д.898. Л.13; П.54. Д.68. Л.1–15.
- ¹³ Того С. Указ. соч. С. 465–466.
- ¹⁴ Хаяси С. Указ. соч. С. 262, 266 и 269.
- ¹⁵ ЦАМО РФ. Ф.06. Оп.178499. Д.8. Л.231–233.
- ¹⁶ Хаяси С. Указ. соч. С. 260. Этот историк ошибочно утверждает, что заявление об объявлении войны СССР Японии Молотовым было зачитано японскому послу Сато не до начала советского наступления, а одновременно с ним (ровно в полночь 00 часов 9 августа 1945 г.).
- ¹⁷ Разгром милитаристской Японии и освободительная миссия в Азии. М., 1985. С. 11.
- ¹⁸ Кошкин А.А. Указ. соч. С. 187.
- ¹⁹ Дубинский А.М. Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке. М., 1966. С. 539.
- ²⁰ История войны на Тихом океане. Т.IV. М., 1958. С. 207–208.
- ²¹ Знакомьтесь – Япония, 2001, №31. С. 55.
- ²² Внотченко Л.Н. Победа на Дальнем Востоке. М., 1971. С. 187.
- ²³ ЦАМО РФ. Ф.360. Оп.6134. Д.34. Л.25.
- ²⁴ Внотченко Л.Н. Указ. соч. С. 228.
- ²⁵ История войны на Тихом океане. Т.V. С. 208.
- ²⁶ Того С. Указ. соч. С. 467.
- ²⁷ Там же. С. 484.
- ²⁸ Там же, С. 487.
- ²⁹ Война на Тихом океане. Т.IV. С. 208.
- ³⁰ Хаяси С. Указ. соч. С. 277.
- ³¹ Славинский Б.Н. СССР и Япония на пути к войне. 1937–1945. С. 489.

- ³² Правда. 1945, 17 августа.
- ³³ Всемирная история. Т.Х. М., 1965. С. 544–545.
- ³⁴ В этом разделе наряду с другими использованы данные из книги В. Карпова «Пленники Сталина». Киев-Львов. 1997.
- ³⁵ Славинский Б.Н. СССР и Япония на пути к войне: 1937–1945. С. 490.
- ³⁶ ЦАМО РФ. Ф.66. Оп.3191. Д.23. Л.12.
- ³⁷ ЦАМО РФ. Ф.32. Оп.11542. Д.6304. Л.153–154.
- ³⁸ Хаттори Т. Указ. соч. М., 1973. С. 579.
- ³⁹ Брукс Л. За кулисами японской капитуляции. М., 1971. С. 579.
- ⁴⁰ Карпов В. Указ. соч. С. 21.
- ⁴¹ ЦАМО РФ. Ф.67. Оп.12028. Д.31. Л.311.
- ⁴² ЦАМи РФ. Ф.234. Оп.3213. Д.413. Карта без №листа.
- ⁴³ ЦАМО РФ. Ф.142. Оп.106765сс. Д.24. Л.300; Ф.234. Оп.3214. Д.3. Л.1; Ф.67. Оп.12011. д.48. Л.24.
- ⁴⁴ Карпов В. Указ. соч. С. 34.
- ⁴⁵ Карпов В. Указ. соч. С. 36.
- ⁴⁶ Там же. С. 38–39, 42.
- ⁴⁷ Stephan J. Sakhalin: A History. L., 1971. P.149; Б.Н. Славинский же в своей монографии «СССР и Япония на пути к войне...» (М., 1999) пишет, что военные действия начались здесь только 11 августа 1945 г.
- ⁴⁸ Русский архив 18/7 (2). Великая Отечественная... М., 2000. С. 7–11.
- ⁴⁹ Хаяси С. Указ. соч. С. 279.
- ⁵⁰ Там же. С. 281–282.
- ⁵¹ FRUS. Diplomatic Papers, 1945. Vol. 6. P. 643–644; Hasegawa Ts. Op. cit. P. 62.
- ⁵² При одновременном отсутствии какого-либо подтверждения союзниками о том, что по Ялтинскому соглашению после выполнения СССР своих обязательств по разгрому японского милитаризма ему будут отданы Ю. Сахалин и Курилы.
- ⁵³ Военно-исторический журнал, 1967, № 8. С. 86.
- ⁵⁴ Русский архив. 18/7 (2)... С. 35–40; Hasegawa Ts. Op. cit. P. 63, 192–193.

⁵⁵ Вада Х. Ниссо сэнсо (Японо–советская война). Т.199. С. 123.

⁵⁶ Курилы – острова в океане проблем Сост., исслед. тексты, комментарии Ю.В. Георгиева. М., 1998. С. 180–181.

⁵⁷ Вада Х. Указ. соч. С. 123.

⁵⁸ Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т.2. С. 286–287.

⁵⁹ Hasegawa Ts. Op. cit. P. 64, 193.

⁶⁰ Вада Х. Указ. соч. С.126–127; Сибѳриа ёкурю ва коснтэ око новарэта (Так осуществлялось сибѳрское интернирование) // Специальный выпуск японской радиотелевизионной корпорации «NHK». Токио, 1994, 14 августа.

⁶¹ Hasegawa Ts. Op. cit. P. 62–63.

⁶² Русский архив. 18/7(2)... С. 24–35.

⁶³ Карпов В. Указ. соч. С. 29.

⁶⁴ Русский архив. 18/7(2)... С. 40–41, 47, 49; Хаяси С. Указ. соч. С. 284.

⁶⁵ Русский архив. 18/7(2). С. 43, 46, 48; Hasegawa Ts. Op. cit. P. 62.

⁶⁶ Русский архив. 18/7(2)... С. 32/33.

⁶⁷ НК Ниссо продзэкуто. Указ. соч. С. 78–81.

⁶⁸ Центральный военно–морской архив. Ф.129. Д.17777. Л.29–30. Цит. по: Русский архив. 18/7(2)... С. 33, где сказано, что о. Зеленый заняла первая группа, а вторая – кроме того о. Анучина.

⁶⁹ В соответствии с решением по спору о принадлежности Гренландии между Данией и Норвегией Постоянная палата международного правосудия Лиги Наций (PCIJ 1933/ Series A/B. № 55. P. 49), закрепившим норму обычного права, географические термины должны употребляться в обычном значении слова. В 1969 г. эта норма была кодифицирована в Венской конвенции о праве международных договоров, признанной СССР 4 апреля 1986 г. и Японией в отношениях с СССР в документе от 3 апреля 1987 г. (Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий. М., 1997. С. 226).

⁷⁰ Hasegawa Ts. Op. cit. P. 68.

⁷¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. С. 480–481.

⁷² История Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Т.2. С. 436.

⁷³ Ранее в советской историографии со ссылкой на «Официальную историю войны в Великой Восточной Азии» (Дайтоа сэнсэ сэнси). (Т.73. Токио, 1974. С. 388–397); указывалось, что войска Маньчжоу-го составляли 250 тыс. человек и их дополняли кавалерийские соединения монгольского князя Давана (см., например, статью В. Зимонина «Советско-японская война 1945 г.» – Проблемы Дальнего Востока. 1995. №4. С. 72).

⁷⁴ РГВА. Ф.451/а. Оп.20. Д.6. Л.1–65. Приводится по: Кириченко А.А. Указ. соч. // Знакомьтесь – Япония. 2001, № 31. С. 56–57.

⁷⁵ РГВА. Ф.451/п. Оп.20. Д.6. Л.1–65. Приводится по: Кириченко А.А. Указ. соч. // Знакомьтесь – Япония. 2001, № 31. С. 57.

⁷⁶ История Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Т.2. с. 436 и др.

⁷⁷ ЦАМО. Ф.16-А. Оп.1022. Д.46. Л.72; Д.47. Л.62; Д.58. Л.126. Такусиро Хаттори. Указ. соч. С. 592; ЦАМО РФ. Ф.32. Оп.11289. Д.2371. Л.213–215.

⁷⁸ ЦАМО РФ. Ф.32. Оп.11289. Д.2371. Л.213–215.

⁷⁹ Колесников Г.А., Рожков А.М. Ордена и медали. М., 1978. С. 175.

⁸⁰ Хаяси С. Указ. соч. С. 288–289.

⁸¹ История Второй мировой войны. 1939–1945. Т.3, 4, 8, 11. М., 1974.

⁸² Гриф секретности снят. С. 222–223.

⁸³ ГАРФ. Ф.9526. Оп.4а. Д.7. Л.135–139.

Заключение

¹ Славинский Б.Н. Советская оккупация Курильских островов. С. 126. Причем в состав Малой Курильской гряды этот автор включает только острова Хабомаи, т.е. исключает остров Шикотан, также являющийся частью этой гряды.

² История войны на Тихом океане. Т.V. С. 220–221.

³ Ледовский А.М. Предисловие // Разгром милитаристской Японии. С. 13.

⁴ Савин А.С. Указ. соч. С. 209.

⁵ Кошкин А.А. Указ. соч. С. 187.

⁶ Зимонин В.Г. Указ. соч. С. 82.

⁷ Славинский Б.Н. СССР и Япония – на пути к войне. С. 501.

⁸ См., например, данные из его статьи, приводимые нами выше, в журнале «Знакомьтесь – Япония», 2001, №№ 30–31.

⁹ Hasegawa Ts. Op. cit. P. 73.

¹⁰ Правда, СССР не был ее участником.

¹¹ Hasegawa Ts. Op. cit. P. 72.

¹² Hasegawa Ts. Op. cit. P. 69; Разгром милитаристской Японии... С. 49.

¹³ Зимонин В.П. Указ. соч. С. 67–82 и 82–93.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1	
ВОССТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1925–1931)	7
ГЛАВА 2	
ПЕРВЫЙ ОЧАГ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В МАНЬЧЖУРИИ И ПОЗИЦИЯ СССР	39
ГЛАВА 3	
СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЕ ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 30-х гг.)	70
ГЛАВА 4	
ПОДХОД СССР, ГЕРМАНИИ И ЯПОНИИ К ПРОБЛЕМЕ СОВЕТСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КАНУН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1940 г. – июнь 1941 г.)	103
ГЛАВА 5	
СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.	136

ГЛАВА 6	
СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ЯЛТИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ДО ВСТУПЛЕНИЯ СССР В ВОЙНУ ПРОТИВ ЯПОНИИ (ФЕВРАЛЬ – НАЧАЛО АВГУСТА 1945 г.)	265
ГЛАВА 7	
СОВЕТСКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА (9 АВГУСТА–2 СЕНТЯБРЯ 1945 г.)	289
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	334
ПРИМЕЧАНИЕ	343

Черевко К.Е.

Ч 46 Серп и молот против самурайского меча. — М.: Вече, 2003. — 384 с., илл. (16 с.) (Военные тайны XX века)

ISBN5-94538-328-7

Книга известного япониста К.Е.Черевко — первое комплексное исследование военно-политической истории взаимоотношений СССР и Японии с середины 1920-х до середины 1940-х гг. Многие выводы и положения сформулированы впервые в отечественной историографии. Так, автор оценивает “Меморандум Танака” как фальшивку, подготовленную милитаристскими кругами Японии. Впервые сделана попытка выявить провокационную роль просоветских группировок в МНР в возникновении пограничных конфликтов. В Тройственном пакте автор видит угрозу прежде всего для США и Великобритании, а не для СССР, подчеркивая его антизападный характер. Разграничиваются понятия “советско-японская война” и “участие СССР в войне на Тихом океане”, дается оценка психологического аспекта поражения Японии в войне в связи с утратой Сахалина и Курильских островов.

Черевко Кирилл Евгеньевич

СЕРП И МОЛОТ ПРОТИВ САМУРАЙСКОГО МЕЧА

Генеральный директор *Л. Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В. П. Еленский*

Главный редактор *С. Н. Дмитриев*

Редактор *Н. М. Смирнов*

Корректор *С. И. Смирнова*

Бильдиредатор *Н. Т. Руднева*

Верстка *Т. А. Борисовой*

Разработка и подготовка к печати
художественного оформления — *Д. В. Грушин*

Гигиенический сертификат № 77.99.02.953.П.002268.12.02
от 09.12.2002 г.

129348 Москва, ул. Красной Сосны, 24.

ООО «Издательство «Вече 2000»

ЗАО «Издательство «Вече»

ЗАО «Вече»

e-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

www.100top.ru

Подписано в печать 22.07.2003. Формат 84×108^{1/32}.
Гарнитура «Опус». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 12. Тираж 5000 экз. Заказ